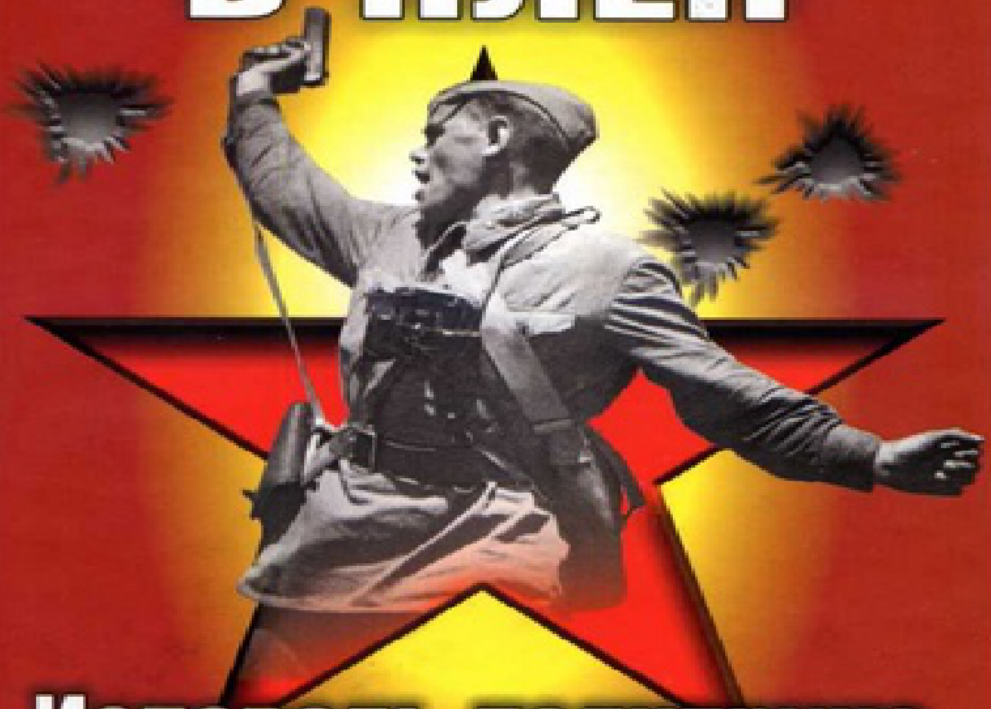
АНАТОЛИЙ ПРЕМИЛОВ

НАС НЕ БРАЛИ В ПЛЕН



Исповедь политрука

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гитлеровцы не брали их в плен, расстреливая на месте. На поле боя они были первоочередной целью для вражеских снайперов. Их потери сопоставимы с потерями строевых командиров. Вопреки антисоветской пропаганде, не жалевшей сил, чтобы опорочить и «демонизировать» комиссаров Красной Армии, слова «Коммунисты, вперед!» не были на фронте пустым звуком — иначе нацисты не испытывали бы к политрукам столь лютой ненависти.

Автор этой книги прошел всю войну «от звонка до звонка» — от страшных поражений 1941 года, когда ему пришлось выходить из «котла» на Украине, до победного мая 45-го, который он встретил в Вене, командуя дивизионом тяжелых гвардейских минометов.

- Анатолий Премилов
  - Край мой родной
  - Первые уроки армейской жизни
  - Кадровый состав
  - Инструктор пропаганды 18-го артполка
  - Начальник ДПШ
  - В Москве и на Дальнем Востоке
  - В освободительном походе в западную Украину
  - В Вольском авиационно-техническом училище
  - Самое тяжкое время
  - В поисках 21-й армии
  - В госпиталях на лечении
  - Под Москвой
  - В 24-й кавалерийской дивизии в боях под Москвой
  - В тылу немецких войск
  - В трудное военное лето 1942 года
  - ВО фронтовом резерве политсостава
  - В 93-й стрелковой дивизии
  - Второй раз во фронтовом резерве
  - В 30-й отдельной минометной бригаде
  - Овладевая профессией артиллериста
  - В резерве артиллеристов фронта
  - В отделе учета и укомплектования
  - командуя дивизионом тяжелых гвардейских минометов
  - Первые дни после войны
  - Прощай, Австрия!

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

Анатолий Премилов
Нас не брали в плен. Исповедь политрука

Край мой родной

Я родился, провел свое детство и юность в г. Середа быв. Костромской губернии,[1] расположенном между Костромой и Ивановом. Мой отец Игнатий Арсентьевич Премилов родился в крестьянской семье в д. Реньково, его мать, моя бабка Ефросинья, родилась еще при крепостном праве. В 19 лет отец женился и, переехав из деревни в Середу, начал работать на прядильной фабрике чесальщиком. В 1903—1904 годах он начал участвовать в революционной деятельности, и в 1907 году его арестовали. После тюрьмы и ссылки отец стал работать смазчиком на железной дороге, а затем стал машинистом дизеля электростанции, где и работал до конца своей жизни. Мама же была из д. Белькашево. У них с отцом было 8 детей (пятеро умерли младенцами, а мой брат Николай, родившийся 31 декабря 1905 года, погиб в тайге в 1948 году). Прожив многие годы в нужде, она заболела туберкулезом и умерла осенью 1917 года.

Весной 1918 года отец связался с партией эсеров. Я помню, что у него был билет этой партии с лозунгом «В борьбе обретешь ты право свое». Вечерами отец уходил на собрания эсеров. Это дорого ему обошлось: в дни мятежа эсеров в 1919 году к отцу пришли четыре сотрудника ЧК и сделали обыск — искали оружие. Не нашли, но отца забрали и выпустили к утру. Немного погодя на митинге публично отец и еще кто-то отреклись от своей принадлежности к партии эсеров. Только незадолго до своей смерти отец вступил в партию большевиков, как выходец из другой партии он имел кандидатскую карточку белого цвета.

Время было тяжелое, и отец пошел на темное дело: вместе с еще одним человеком он ходил в отдаленные от города поля и приносил в корзине несколько килограммов зерна, выбитого из снопов сжатой ржи. Однажды крестьяне-мужики поймали его на месте преступления и избили. Отец попал в милицию; при обыске у нас нашли спрятанную рожь, отца судили и дали ему около девяти месяцев тюрьмы. Потом он долго не мог найти работу... Вообще все те годы — это были годы тяжелейшей нужды. Только зимой 1921/22 года стали оживать фабрики: после долгой разрухи жизнь начала налаживаться. Тогда же, в 1922 году вернулся из Сибири мой брат Коля (он уехал работать по фальшивому свидетельству о рождении). Отец был восстановлен на прежнем месте работы — в дизеле, подрабатывал сапожным и переплетным делом. Теперь мы жили вчетвером: с отцом, сестрой Марусей и братом Колей. К этому времени я уже начал учиться в школе вместе со старшей сестрой, причем учился плохо.

Окончить успешно четвертый класс я не смог и был оставлен на второй год. Впрочем, особенно меня не ругали: большинство нас, мальчишек, в пятый класс не перешло.

Как дань революционному духу того времени на комсомольских собраниях в торжественной обстановке проводились «комсомольские крестины». Под гром аплодисментов взамен настоящих своих имен комсомольцам давались новые, революционные: Революция, Октябрина, Ким (первые буквы от Коммунистического интернационала молодежи) и др. На комсомольских значках до самой Отечественной войны были три буквы: КИМ. Вот и Коле, как руководящему комсомольскому работнику, определили новое революционное имя «Ким», и знакомые начали звать его Тимкой. Женился он в 19 лет и сначала жил с женой у ее матери, а потом они получили в поселке для рабочих хорошую двухкомнатную квартиру.

Весной 1924 года я окончил школу 1-й ступени и продолжать обучение осенью должен был уже в школе 2-й ступени, где были классы с 5-го по 9-й включительно. Она была одна на весь город, и ее часто называли «гимназией», так как раньше в городе дающих среднее образование школ не было — только две начальные. Мое хулиганство привело к тому, что учиться мне было трудно: из двоек я не вылезал и был вновь оставлен на второй год. Отец никогда не интересовался моей учебой, в школу не ходил, да и родительских собраний тогда не проводили — трудно, даже невозможно было собрать родителей, работающих в разных сменах.

На всю жизнь я запомнил наш с отцом и еще одним человеком, его знакомым, поход в Иваново. Отец был великолепный ходок: он мог целый день и ночь идти без отдыха. Поездом было ехать неудобно, а отец не располагал лишним временем, и мы пошли пешком. Мне было интересно увидеть новые места, посмотреть город, в котором я еще не бывал. Вышли мы до восхода солнца и уже около восьми утра были в Иванове на базаре. Там у отца из нагрудного кармана вытащили часы, которые он носил на короткой золоченой цепочке с брелоком, выпущенным из кармана (такая цепочка называлась «шантель»). Отец купил ситцу в подарок нашей мачехе (после смерти матери отец еще раз женился, и в нашем доме жила умершая потом девочка Галя, которую мы все любили). Мы сходили в чайную, отец показал мне город, и после обеда в нарпите (первой в СССР фабрике-кухне) мы направились домой. В пути я сильно устал, ноги распухли в лодыжках — а отец идет и идет, размеренным шагом без отдыха. Я же иду и плачу от сильной боли в ногах: отдохнуть нельзя, потом не разойдешься. Все же я дошел до дома,

где сразу повалился спать. Наш путь с учетом хождений по Иванову составил более 70 километров: это мне была закалка на всю жизнь. Потом, в войну, мне приходилось по бездорожью проходить по 30—40 километров, но такой усталости я больше никогда не испытывал. Я думал, что мои ноги будут долго болеть, но к утру боль прошла, опухоль пропала, и днем я играл в футбол, не чувствуя усталости...

Осенью 1924 года я записался на биржу труда, но пошел снова в шестой класс. Так не хотелось учить то же самое! В ФЗУ меня взять не могли: к 1 сентября мне не было 15 лет. Но в школу я проходил чуть больше месяца. Как-то пришел Коля и сказал мне: «Вот тебе записка, иди к директору школы ФЗУ Богачеву, он примет тебя». Я был очень рад, сразу пришел к директору, и он меня направил в группу, в которой готовили ткачей. Так я стал учиться на ткача. Школа фабрично-заводского обучения была нашим идеалом! Мне так хотелось поступить в нее, — и вот я ученик этой школы. Радость, что я становлюсь рабочим человеком, окрыляла меня, и я приложил все старание к учебе и работе. Четыре часа в день (с 9 до часу дня) мы учились и четыре работали: неделю в первой смене с 5 часов утра до 9, а потом в сменах с часу дня и до пяти; из нас готовили ткачей высокой квалификации с семилетней общеобразовательной подготовкой. Интересно, что в нашей группе была всего одна девочка.

На первом году обучения нам платили 10 рублей 50 копеек ежемесячно, а на втором году — 16 рублей 50 копеек. Всю свою зарплату я отдавал отцу, а он давал мне понемногу на кино и другие расходы. Отец тогда строил дом, который был закончен к лету 1927 года. Мой брат Коля с осени 1926 года служил в армии, в райвоенкомате делопроизводителем, — я помню, что часто ходил к нему в военкомат. По воскресеньям брат приносил с собой учебный револьвер «Наган» и учил меня стрелять дробинкой по мишени. Стреляли мы дробинкой и в ФЗУ, где по вечерам действовал стрелковый кружок: мишенью служил спичечный коробок, в который мало кому удавалось попасть. Отец, кстати, в армии не служил (от солдатской службы он был освобожден как опекун одинокой старенькой бабушки), оружие не любил и не поощрял, чтобы кто из сыновей купил ружье! А вот мой друг Коля Скворцов купил ружье системы «Бердан», вступил в Союз охотников и некоторое время ходил с ружьем на охоту. Брат же еще в 1927 году выписал из Москвы из магазина фирмы «Мюр-Мерилиз» пистолет системы Монте-Кристо под мелкокалиберный патрон бокового огня. Патроны свободно продавались в охотничьем магазине. Потом мы сами выписывали из Москвы такие пистолеты (они стоили 6 рублей 50 копеек),

делали мишени и стреляли, соревнуясь, кто больше выбьет очков. На приобретение такого оружия разрешения не требовалось.

В новом доме с нами жила сестра, жених которой служил тогда в армии в Крыму, в артиллерийских частях. Она посылала ему письма, а писать адрес всегда просила меня. Мария работала ленточницей на прядильной Верхней фабрике. Весной 1928 года я сдал выпускные экзамены в школе (на экзамене по ткачеству мне выпало изобразить на доске механизм от автоматического ткацкого станка «Нортроп»; такой станок на фабрике был всего один), получил квалификацию ткача и удостоверение об окончании школы ФЗУ, подписанное членами комиссии. После выпуска из школы нам никакого отпуска не дали, а распределили по фабрикам. Нам еще не было и 16 лет, и по закону мы работали по 6 часов в день. Вместе с Колей Скворцовым я был направлен на Нижнюю ткацкую фабрику, где начал работать на паре «разбежных» станков, ткавших миткаль.

Времена для страны были тревожные: в 1929 году начался конфликт на КВЖД, и мы по тревоге собирали комсомольцев города в летний сад. Дело было ночью, и мы с Колей ходили по домам и поднимали спящих комсомольцев по тревоге на срочное комсомольское собрание. В те годы уголовники и хулиганы мешали людям нормально жить, и нам нередко приходилось участвовать в серьезных драках. Мы с Колей и другими друзьями были сильны, высоки ростом, крепки физически и драк не боялись — опасались ножа в спину. Нас с Колей приглашали в военкомат и предлагали поступить в военное училище, но мы оба отказались, думая об учебе по гражданской линии, через рабфак. Осенью 1929 года у меня было уже три, а у Коли четыре года производственного стажа, и мы имели право подавать заявления на поступление на рабфак в Иванове. Но Коля неожиданно для всех нас сказал, что уже послезавтра уезжает в пехотную школу в Орел. Это известие меня здорово опечалило: я был уверен, что мы вместе поступим на рабфак. Теперь все надежды рухнули: я остался без самого верного своего друга...

С товарищами мы не просто занимались спортом, но непрерывно искали себе приключений, устраивая занимательные путешествия по окрестным местам. В частности, мы много бродили по лесам и непроходимым болотам, которых было много в нашей местности (эти болота позже осушили). Среди моих приятелей были брат и сестра Борисовы: Клавдя и Витя; много лет спустя Клавдя стала моей женой. Такие походы очень помогли мне во время войны, когда мне, раненному, пришлось вести из окружения группу солдат и офицеров, безошибочно оценивая возможность совершения перехода. Как много теряют

современные юноши, вырастая в большинстве «в тепличных условиях», не зная походов пешком без приготовленных мест ночлега, купания в речках до самых холодов, собирания ягод и грибов, долгого пути на своих ногах! Нам повезло, мы сполна получили такую возможность.

После отъезда Коли в военное училище я сменил на фабрике несколько видов работ: был запасным ткачом и подменял тех, кто не вышел на смену, возил сработанный товар от станков к браковщикам, работал обметальщиком станков в ночную смену и под конец попал в молодежную комсомольскую бригаду, работая на четырех станках. У меня в душе было желание уехать куда-то — но комсомольских строек в то время еще не существовало. Только в конце зимы 1929 года меня сагитировали уехать на работу по заготовке дров в Вязниковский район нашей же области, но это путешествие окончилось неудачей: мы ничего не заработали и сумели вернуться назад, только продав часть одежды.

В марте 1930 года по совету брата я подал заявление о приеме кандидатом в члены ВКП(б) и был принят по 1-й категории как рабочий от станка с шестимесячным кандидатским стажем. Мне была выдана кандидатская карточка — красная, длинная, больше партбилета. Секретарем нашей партячейки был демобилизованный из армии парень, он очень умело руководил нами, направлял, учил работать с народом, посылал на различные задания, поддерживал нас. Членом партии я стал с ноября 1930 года: пришел в райком партии и там делопроизводитель без всяких церемоний и поздравлений выдал мне партбилет, в котором было написано: *«Премилов Анат. Игнат.»* С таким партбилетом я прожил до обмена партдокументов в 1935 году. К этому времени я стал опытным ткачом: мои станки работали безупречно, план выработки я перевыполнял на 10—15% и не давал брака. Работали мы тогда на двух сортах суровья: делали миткаль на ситец и казенную бязь для нужд армии. Миткаль отправляли на узкие станки, и он получался шириной в 70 сантиметров, а казенная бязь вырабатывалась на широких станках и была более метра шириной. Бязь не всем доверяли ткать, но и платили за нее больше.

В конце лета, ожидая вызова на рабфак, я получил печатную открыточку: меня известили, что на рабфак я не зачислен — нет мест, наши места отдали кандидатам из национальных окраин страны. Потерян год! Я думал поступать в сельскохозяйственный техникум, но не решился, — не мое это было. Меня вызывали в дирекцию и вели беседу о том, чтобы я учился за счет дирекции

на инженера-текстильщика, но и это направление мне не нравилось: текстильщиком я быть не хотел. Осенью пошел учиться в Совпартшколу, но скоро отказался от этой учебы — не нравились мне общественные науки. А вот когда примерно через месяц открылись курсы по подготовке в Ярославский пединститут, я с большой охотой пошел на них и учился с большим старанием. Срок обучения — 6 месяцев, за это время мы должны были пройти программу девятилетки по математике, русскому языку и обществоведению. Занимались ежедневно по четыре часа, а по воскресеньям — по шесть.

Осенью 1930 года на каникулы приезжал Коля Скворцов с товарищем, он теперь учился на танкиста и был очень этому рад. А зимой со мной произошел тяжелый случай, повлиявший на мою жизнь и особенно на жизнь моего зятя. Он с семьей жил тогда в нашем доме и предложил мне продать кому-нибудь револьвер «Наган» рублей за 30—35. Ему очень нужны были деньги: жили они с сестрой небогато, одежды не было, зарабатывали немного, помогать им никто не мог. Случайно я разговорился с обучающимся вместе со мной на курсах парнем по фамилии Зайко. Он сказал, что у него есть револьвер системы «Смит-Вессон», никелированный, дамский, в замшевом чехле, и к нему есть гильзы, которые можно приспособить под патрон малокалиберной винтовки. Мы договорились, что он отдаст мне свой револьвер, а я уступлю ему наган, и он доплатит еще 35 рублей. Это зятя устроило, и сделка состоялась. А спустя два месяца в нашем городе произошло ограбление инкассатора. Ударом болванки по голове его оглушили и забрали чемодан с деньгами в сумме до 10 тысяч. Преступление тогда не было раскрыто, но позднее выяснилось, что это сделал Зайко — оружие ему требовалось для бандитских дел. На суде он заявил, что наган ему продал я. Это было весной 1933 года, я уже был студентом. Меня вызвали в РКИ,[2] где я рассказал, как было дело. Зятя уволили из органов НКВД, у моего брата отобрали «Смит-Вессон», переданный мной, а мне сделали хорошее внушение. Так кончилось увлечение оружием, так что мне остались футбол, велосипед брата, а зимой — лыжи, да потом еще фотография.

В конце марта 1931 года мне пришел вызов явиться в институт к 1 апреля. За два дня я получил расчет и выехал в Ярославль с плетеной корзиной, в которую были уложены купленные по талону фабкома полуботинки, белье и тетради. Приехавших с наших курсов сразу распределили по желанию на факультеты, и большинство (включая меня) пошли на агрономический. Я хотел поступить на биологический факультет,

но сюда приема не было: необходимость подготовки требуемых специалистов диктовалось обстановкой. Институт носил название индустриально-педагогического и готовил преподавателей для ФЗС (фабрично-заводских семилеток). На нашем агрономическом факультете были профили животноводов и растениеводов, и меня уговорили пойти в животноводческую группу: из наших ребят в нее записался я один. Мы изучали многие предметы — от педагогики и химии до полевого кормодобывания и немецкого языка. Метод обучения был особый — бригадный: если кто в бригаде не сдавал зачета, то и остальным сдавшим зачет не ставился. Тогда не было современной пятибалльной оценки знаний, каждый преподаватель по-своему определял оценки, и высшая у всех была различная: «вполне удовлетворительно», «хорошо», «очень хорошо», а вот «отлично» никто не ставил.

Изучали мы и военное дело, которое преподавали командиры из гарнизона и военрук. Изучали оружие (винтовку, наган), рода войск и их вооружение, сдавали зачеты по уставам, несли караульную службу. Военное дело изучали все студенты, даже негодные к строевой службе в армии. Я не любил этот предмет, но долг обязывал учить, и я учился, добросовестно нес караульную службу, сдавал зачеты. По четыре часа мы охраняли военный кабинет, в котором стоял станковый пулемет, хранились винтовки. В программу военной подготовки входили и военные игры. Нас строили по четыре в ряд и водили за город, где различными маневрами мы изображали сражающиеся стороны: походы проходили с песнями.

Начиная со второго курса я начал на полставки работать лаборантом на кафедре зоологии, но потом увлекся ботаникой и решил перейти в группу растениеводов. Декан дал согласие, обязав меня ликвидировать задолженность в пройденном этой группой материале, что не составило для меня труда: в свое время я догонял в ФЗУ. Напряженная учеба чередовалась с разнообразной практикой в колхозах. Отработав очередную практику, я получил стипендию и собирался домой на каникулы, когда получил от отца письмо с сообщением, что друг моей юности Коля Скворцов погиб под Минском, попав под машину. Я долго не мог в это поверить, и только в 1934 году в Москве на курсах политсостава встретил сослуживца Скворцова, который был свидетелем того, как Колю сбил грузовик. Не сомневаюсь, что из Николая получился бы отличный офицер-танкист. Он был храбрым человеком, и если бы он дожил до Отечественной войны, то стал бы или героем, или сложил бы свою отчаянную голову в первых боях...

Я продолжал учиться. Стипендии в институте установили

большие: можно было получать и по 130 рублей в месяц, но так как наш факультет не считался основным в институте, то потолок для нас установили в 110 рублей. Эту высокую стипендию я сохранил до конца учебы. В группе я был академуполномоченным и вместе с парторгом и комсоргом входил в руководящий треугольник группы. На окраине Ярославля возводился огромный комплекс Резиноасбестового комбината — целая система самостоятельных заводов: сажевый, кордный, шинный, механический, синтетического каучука и другие заводы. Завод синтетического каучука (СК-1) был первенцем в СССР, и студенты всех вузов города часто работали на стройке. В июле 1932 года он вступил в строй. Синтетический каучук вырабатывали из картофельного спирта, и у причалов Волги стояли огромные баржи с картофелем. Мы ходили сюда на заработки по выгрузке мешков с картошкой: нам платили 25 копеек за каждый вынесенный из баржи и высыпанный мешок картошки. Пустые мешки сдавали учетчику и тут же получали деньги. Мешки были тяжелые, картошка мокрая, у Волги грязно, и воздух пропитан влагой. Спецовок у нас не было; мы надевали углом на голову наиболее сухой мешок и на него уже клали мешки с картошкой. Голова и шея были хорошо закрыты, но спина все же была мокрой. Работая всю ночь, мы зарабатывали по сто с лишним рублей и довольные шли в общежитие.

Но третий курс мне закончить не удалось: меня с другими коммунистами-студентами забрали на военные сборы. Мы выехали в Гороховецкие лагеря — стоящие среди сосновых лесов летние лагеря 18-й стрелковой дивизии, штаб которой находился в Ярославле. Из биологов-студентов туда попал я один, и мне было очень за это обидно, особенно потому, что недели за три до отъезда в лагеря судьба свела меня со студенткой-выпускницей нашего факультета Валей Кузнецовой, которая жила в нашем общежитии.

Первые уроки армейской жизни

В лагерях нас, троих прибывших студентов, направили в 52-й стрелковый полк, комплектовавшийся за счет ярославских запасников. Комиссар полка Осипов поручил нам проводить занятия по партийному просвещению. Занятия мы проводили раз в неделю и больше нас ничем не обременяли, поэтому время тянулось очень медленно. Здесь, в лагерях, располагались все части дивизии. Стрелковые полки были расположены в ряд за главной линейкой лагерей, мелкие части располагались там, где им было удобнее обучать людей. Все части имели определенные места для купания в Инженерном озере — заполненном водой глубоком провале. Глубина озера составляла до 80 метров, и купаться разрешалось только в определенных местах. Переплывать озеро строго запрещалось, хотя ширина его не превышала 100 метров; в озере почти ежемесячно кто-то тонул.

Через месяц комиссар полка назначил меня заведующим кабинетом массовой политический агитации. Кабинет находился в деревянном домике с широкими окнами и входом в середине, по сторонам которого были веранды. Вся территория вокруг кабинета была обставлена щитами с наглядной агитацией: ленинские указания о чистке партии, закон об охране социалистической собственности, текст торжественного обещания красноармейцев. В кабинете были брошюры, газеты, журналы. Никто в кабинет не заходил. Здесь я проводил занятия с коммунистами. После, размышляя об этом, я понял, почему выбор в назначении завкабинетом пал на меня. Начальник политотдела 18-й СД Сергеев, очень культурный и образованный человек, пользующийся большим авторитетом в дивизии, сам отбирал нас на работу в армии и проверял нас на практической работе в лагерях. Сергеев отобрал наиболее успевающих в учебе студентов, зная, что они не отстанут в учебе, побыв июнь—июль в лагерях. Он следил за нашей работой и опекал нас. Мое старание в работе, очевидно, было ему известно, что и послужило поводом рекомендовать меня к назначению заведующим кабинетом массовой политической агитации.

Лагерные сборы красноармейцев продолжались 5—6 месяцев, но нам было объявлено, что нас взяли в лагеря только на два месяца, и мы с нетерпением ждали срока окончания сборов. Как-то перед отбоем мы втроем пошли в купальню полка. Здесь никого не было, лишь один человек одевался после купания. Мы начали раздеваться и вдруг слышим: «Я запрещаю вам купаться». Один из нас спросил: «А кто вы будете?» — «Я комбат Пилсток!»

— «А откуда нам это известно? К тому же мы не подчинены вам». Как разошелся Пилсток! Оделся, видим — в петлице шпала, значит, комбат. Мы все же выкупались, не обращая внимания на крики Пилстока, тот рассердился и ушел. До нашего отъезда оставалась неделя, но в воскресенье старшина роты, в которой мы жили, подошел ко мне и сказал: «Премилов, собирайся на гауптвахту под арест». Я спрашиваю: «За что?» — «За пререкания с командиром полка». — «Да я его и не видел близко и не разговаривал с ним». Старшина был пожилым человеком, каких в дивизии было много из оставшихся в армии после Гражданской войны. Он поверил мне и разрешил сходить к комиссару полка. Комиссара я не нашел и пошел в политотдел дивизии и здесь попал прямо в кабинет начальника политотдела Сергеева. Он внимательно выслушал меня, написал записку комиссару полка Осипову и велел сейчас же передать ее. Комиссара Осипова я нашел в столовой, обратился к нему и подал записку. Не знаю, что там было написано, но Осипов прочитал и сказал мне: «Идите отдыхайте». Я пришел и все рассказал старшине. Примерно через час он сказал мне, что гауптвахта мне отменена.

По субботам в лагерях в полковых клубах на открытых сценах устраивались выступления самодеятельности. Тогда этому виду культурной работы в дивизии уделялось очень большое внимание. Клубы всех трех стрелковых полков были расположены на одной линии, и можно было переходить от одного клуба к другому. Для посетителей были сделаны деревянные скамейки, расположенные полукольцами с постепенным повышением к задним рядам. Мы ходили на такие концерты. В субботу и воскресенье там показывали кино. Как-то после окончания кино, когда опустилась темная ночь, а территория лагерей освещалась бедно, я пошел к своей палатке и не мог ее найти, так как видел очень плохо — куриная слепота. С трудом дошел до домика, в котором горел слабый свет, — это был штаб полка. Я попросил посыльного отвести меня в палатку. Больше в одиночку в кино я не ходил...

Питались мы сытно: перловая каша, мясной борщ или супы, большая порция хлеба. После скудного студенческого питания мы здесь немного поправились.

Настал долгожданный день отъезда. Я сдал свой кабинет массовой политической агитации, получил от старшины свое одеяние, нам выдали литер на проезд до Ярославля, и мы все уехали. По узкоколейке доехали до станции Ильино, а здесь сели в поезд Горький— Ленинград и утром были в Ярославле. В институте я никого уже не застал, получил стипендию за два месяца и уехал на отдых. Сначала я съездил к сестре в Иваново, а

потом отправился в маленький волжский городок Мологу, где провел месяц с Валей.

Темой гˆоей дипломной работы стала «Сорная растительность Ярославского края», я был увлечен ею и не замечал ничего вокруг. В то же время назревали события, круто изменившие мою жизнь. В течение зимы меня несколько раз вызывали в военкомат для направления в военные училища. Сначала — для направления в военно-морское училище в Ленинград. По мандатным данным я был подходящей кандидатурой, но по здоровью меня забраковали. Потом я проходил медицинское освидетельствование в школу погранвойск и не подошел по зрению. Я был доволен, что меня не оторвали от учебы, и считал, что больше беспокоить по такому поводу не будут. Но в начале 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о мобилизации коммунистов на политическую работу в армию. Вот под это решение я и попал...

К этому времени партячейки стали именоваться партийными организациями, а меня избрали парторгом группы. В конце апреля среди нас началось распределение мест нашей будущей работы. Все места были в пределах Ивановской области, и мне достался сельскохозяйственный техникум в Пошехонь-Володарске, куда требовались заведующий учебной частью и преподаватель ботаники. Но утром меня вызвали в военкомат, где медкомиссия проверила состояние моего здоровья и нашла, что я годен к службе в армии на политической работе. Я не верил, что меня возьмут в армию, не дав закончить институт. Но вот майские праздники — и мне никуда не разрешили уезжать! Дни были удивительно теплые, и мы купались в Которосли, ныряя с плотов.

3 мая нас, группу бывших студентов, инструктор политотдела 18-й СД Янутан повез в Иваново, в штаб 11-го стрелкового корпуса, в состав которого входила дивизия. Командиром корпуса был Кулик, а начальником политотдела — Говорухин. Нас привели в штаб корпуса задолго до начала работы. Мы ехали ночь и почти не спали, поэтому в коридоре штаба расселись на скамейках и дремали. Первым в штабе появился его командир — Кулик. Увидев в штабе большую группу гражданских лиц, он накричал на нас и на дежурного по штабу. Скоро появился и начальник политотдела Говорухин, а с ним члены комиссии для проверки нас на предмет определения на работу по категории политсостава.

Профессор задавал нам вопросы по истории партии, и нам без обдумывания надо было отвечать. Мне он задал вопрос о «профсоюзной дискуссии» 1920 года. При ответе я перепутал

взгляды «рабочей оппозиции» с «децистами». Профессор усмехнулся и сказал: «Ничего, обе оппозиции были враждебны линии Ленина. Сущность их понимаете правильно, а тонкости этой борьбы разберете, когда будете поглубже изучать историю ВКП(б)». На этом мой экзамен закончился. Вечером мы все уехали обратно в Ярославль, а на другой день нас снова вызвали в военкомат и объявили, что мы зачислены в кадры РККА на политработу, а с институтом надо рассчитаться и явиться в политотдел дивизии.

В институт я пришел сильно опечаленный таким поворотом в жизни. Пришел на кафедру ботаники и сказал: «До свидания! Меня взяли в армию». Вся учеба, мечты, надежды, связанные с изучением ботаники, рухнули. А ведь меня ждало место в аспирантуре Института ботаники Академии наук! Я тяжело переживал этот крутой поворот в жизни и в тот год начал седеть. Из числа студентов тогда в армию взяли всего несколько человек: вместе со мной в распоряжение политотдела дивизии был отправлен однокурсник с физико-математического факультета. Мы явились в политотдел, и мне дали направление в 18-й отдельный батальон связи. Тогда все отдельные части, кроме стрелковых полков, носили нумерацию дивизии, и по ним можно было определить номер дивизии. В батальон я прибыл вместе с двумя другими мобилизованными в армию коммунистами: инструктором горкома партии Крайновым и Колотушкиным.

Нам выдали новое летнее обмундирование, ремни, сапоги, и комиссар батальона объявил нам наши должности: Крайнов — помполитом в школе младших командиров, а мы с Колотушкиным помполитами рот. Знаки различия определялись занимаемой должностью, поэтому Крайнов надел петлицы с тремя кубиками, а мы с двумя. Части дивизии собирались к выезду в лагеря, но пока еще находились в Ярославле. В военной форме я пришел в институт попрощаться со студентами. Кое-кто завидовал мне, а я не радовался своему новому положению. Никогда я не мечтал стать военным человеком. Моя студенческая жизнь была лучшей порой в моей жизни. Она многое дала мне, и мне было очень жаль тех затрат на мое обучение, что остались не оплаченными моим трудом.

В середине мая дивизия была полностью укомплектована призванными из запаса на летние сборы красноармейцами. В то время служба в армии проводилась по системе летних вызовов на сборы и продолжалась в течение нескольких лет, после чего отслужившие свой срок увольнялись в запас. Сейчас дивизия готовилась к выезду в Гороховецкие лагеря. Вот в этих условиях мне и пришлось начать свою службу в должности помощника

командира роты связи по политической части, «помполита», — в практике их называли политруками. В работе мне пришлось трудно: никто не помогал, не учил, как и с чего начинать работу, как изучать личный состав и предупреждать возможные происшествия. Времени на то, чтобы присмотреться к работе других, не было, сразу навалились заботы: изучение личного состава, обеспечение политической подготовки и крепкого политико-морального состояния личного состава, проведение политзанятий, политинформаций, бесед, обучение чтению и письму.

Наш батальон размещался в казармах бывшего кадетского корпуса недалеко от вокзала. Прибывшие на сборы «переменники» (как их называли тогда) после мытья в бане получали красноармейское обмундирование — уже ношеное, но чистое. Комиссар батальона приказал подготовить полные данные о личном составе роты (в ней было почти 200 человек) и одновременно предупредил меня об одном красноармейце, что он обязательно напьется. Роту строем привели в баню в центре города; мы ходили туда, будучи студентами. Призывник бросил мне ехидно: «Все равно напьюсь, не углядите». Из раздевалки он ушел трезвым, а из бани навеселе. Идти в строю он не мог, и я сопровождал своего «подшефного» через весь город, до самых казарм...

До отъезда в лагеря надо было ознакомиться с каждым бойцом: кто откуда, кем работал, какова грамотность, — и доложить об этом комиссару. А времени было мало, начались занятия. Я с трудом находил время для бесед, стараясь никого не отрывать от боевой подготовки. Моим докладом комиссар остался доволен, но советов в работе не давал никаких — он и сам был выдвиженцем из состава работников политотдела.

Дивизией командовал участник Гражданской войны, дважды награжденный орденом Красного Знамени Клыков, но он был больным человеком, и всю работу по обучению частей дивизии вел Михаил Семенович Хозин. Еще молодой — моложе командиров полков дивизии, он был очень требовательным к подчиненным, не прощал малейших недостатков и промахов. Каждый его обход частей в то время кончался грозным приказом с взысканиями. Командиры полков были ростом под стать Хозину — рослые, крепкие и требовательные. Командиром батальона связи был Кожетев, тоже высокий, худощавый, с суровым взглядом человек.[3] Начальником штаба был Рыбин — человек очень деятельный и работящий. В 1939 году я его встретил уже в Хабаровске, в штабе 2-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии под командованием Конева.

Нашей ротой командовал Овсяников, а из командиров взводов я помню одногодичника Андреева: старательного, трудолюбивого командира. Старшиной в роте был Егоров, участник Гражданской войны и самый старший по возрасту среди нас. Заботливый, внимательный, везде поспевающий старшина очень хорошо помогал мне в работе.

Особое внимание тогда уделялось выработке физической выносливости личного состава — говорили, что это делается «по японской системе». Частые марши с полной выкладкой, последние пять километров — бросок в противогазе, а потом стрельба. Это было очень тяжело. Так нас тренировал командир стрелковой роты: молодых неопытных помполитов рот собрали на несколько дней, и он водил нас через песчаные перелески в жару, без отдыха. Втянуться в такую суровую жизнь стоило всем больших усилий: мы тяжело переносили эти марши и броски, выматывались так, что, почистив винтовку, едва ноги таскали. Только сознание, что мы политработники, заставляло нас преодолевать эту тяжелую физическую нагрузку. После таких маршей обмундирование пропитывалось солью. Нас тренировали на брусьях, турнике, на преодолении стенки, заставляли ходить «гусиным шагом» (для подготовки к парадам). Физически я не мог выполнять все нормативы подготовки, стрелял плохо. Через вспотевшие стекла противогаза при пониженном зрении я и мишени-то толком не видел! После такой «выучки» я вернулся в роту и с головой ушел в работу. С подъема и до отбоя я был в роте, а после — подготовка к политинформациям, политзанятиям. Засыпал я как убитый, а утром вставал до подъема.

Начальником школы младших командиров был Барышников, высокий, худой, довольно крикливый, а старшиной школы был Кандыбин (ему уже было лет за пятьдесят). Он был очень строг с курсантами и внимательно следил за чистотой портянок. Это тогда была особая статья заботы: натрет ноги курсант — значит, выходит из строя, а грязные портянки были первой причиной натирания мозолей. Дважды в день старшины делали осмотр портянок, а вечерами, в часы свободного времени, проводили стирку портянок. В озере и вблизи стирать запрещалось, тут стояли специальные предупредительные щиты с надписями. Каждая рота в своем тылу имела деревянные корыта с затычками для стирки портянок. Насколько это было важно, свидетельствовало появление начподива Сергеева в момент стирки портянок. Если он замечал серьезные недостатки, то вызывал политработников и давал им хороший нагоняй. Но я вместе со старшиной всегда контролировал стирку портянок.

Я постоянно не высыпался, вставал усталый, но вместе с ротой занимался физзарядкой, а немного погодя проводил политинформацию. В течение десяти минут надо было сжато и понятно, чтобы поняли неграмотные и малограмотные бойцы роты, рассказать о главных событиях. Все делалось по сигналу горниста: занятия, перерывы, обед, отдых, отбой, подъем. На мою первую политинформацию пришел комиссар батальона, я подал команду «смирно» и доложил; он послушал информацию и остался доволен. Политические занятия проводились в утренние часы, через день. Их проводили командиры взводов, и одна группа была моя. После политзанятий занимались общеобразовательной подготовкой. К этому делу я привлекал командиров взводов и всех грамотных младших командиров. Мы учили писать, читать, считать. Из двух сотен бойцов в роте неграмотных было 140 человек. Это были люди из глухих мест области, лесных районов. Были призывники, которые еще не видывали железной дороги, — одного призывника из Пошехоньско-Володарского района затаскивали в вагон силой.

Однажды ночью объявили боевую тревогу. Рота выстроилась с винтовками, противогазами и телефонным имуществом. С командиром роты мы проверяем строй, и вот стоит крепкий парень в трусах, без обмундирования и снаряжения, а у его ног стоит обитый железом сундучок с замком. «Я думал пожар, схватил свое имущество и выбежал». Заставили его открыть сундук — а в нем уложены пачки махорки. Бойцам (и курящим, и некурящим) каждый день давалось по пачке махорки — и он копил махорку для деда. Вот с такими красноармейцами и приходилось заниматься.

Все питались в столовой, причем в 11 часов был дополнительный завтрак — маленькая булочка со сливочным маслом и чай. Питание было хорошим, но в весе за лето никто не прибавлял. После обеда был отдых, а потом опять учеба и перед ужином — свободное время, но и оно тратилось на стирку портямок и лишь иногда — на просмотр кинокартин и чтение газет. Все время лагерного периода было очень напряженным, особенно для начальствующего состава. В дни, когда не было политзанятий, рота с утра уходила на полевые занятия: мы совершали марши на 10—15 километров и после пятикилометрового броска в противогазах прокладывали телефонную линию. Пехота совершала марши с броском, и всё, — а нам, связистам, требовалось не только проложить линию связи на 7—10 километров, но и снять ее. В лагеря мы возвращались самыми последними. Мое место было в конце колонны, чтобы не дать отстающим отдыхать сколько вздумается.

Ежедневно в каждой части проводилась вечерняя поверка. Батальон выстраивался на своем плацу под руководством дежурного по батальону. Скоро и меня назначили дежурным по батальону на сутки. Приняв дежурство, я в полной боевой форме, с противогазом и заряженным револьвером пришел на плац и начал выстраивать роты, принимая от них рапорты о численности личного состава. Когда появились командир и комиссар, я подал команду «смирно», отдал рапорт командиру и подал команду развести роты. Все тонкости армейской службы давались мне с большим трудом, и я сильно волновался. Всю ночь я просидел в штабе батальона, выходил на осмотр тыла и палаток, отвечал по телефону, отправлял в штаб дивизии посыльного за получением приказов. Ночью я не решился уснуть ни на минуту: в любой момент могло что-то случиться. Наступил рассвет и с ним новый хлопотливый день: контроль за питанием, уборкой, ходом занятий, доклады комиссару и командиру. Нервное напряжение спало, лишь когда я сдал дежурство.

На вооружении связистов тогда было два вида телефонных аппаратов: УНФ (фонический) и УНИ (индукторный). В одном для вызова надо было включать зуммер, а в другом — крутить ручку. Устройство этих аппаратов я тогда еще не изучил, но знал, как включать их в сеть и делать вызов. В радиовзводе имелись переносные радиостанции 6-ПК: радист носил ее за спиной, а обслуживали станцию два человека. Про эту радиостанцию говорили: «6-ПК, жмет бока, молчит пока». Была еще станция на двуколке, но ее индекс я не помню. Однажды на учениях двуколка сорвалась в овраг, лошадь удержалась, но оглобли выскочили из упряжки, и радиостанция загромыхала по обрыву. Бойцы втащили двуколку, проверили радиостанцию — исправна!

Мы часто ходили на стрельбище, где учили бойцов стрелять — прицеливаться и плавно спускать курок. Тщательно готовились к контрольной стрельбе: бойцу давалась обойма патронов, но он не знал, какой из них боевой. Таким приемом бойцов приучали правильно прицеливаться и спускать плавно курок.

Раз в неделю целый день проводилась командирская учеба. Политсостав не выделяли в отдельную группу, и хотя в топографии я разбирался хорошо и свободно читал карту, на «специальной подготовке» (прием радиограмм) мне было трудно. Приему на слух радиограмм нас учил лучший радист дивизии, принимающий и передающий в минуту до 23 групп знаков. Через два занятия я научился принимать 7 групп, а в конце лагерной учебы — 10.

Выходные дни проходили в спортивных соревнованиях. Каждая часть имела хорошие спортивные площадки, а полки —

стадионы. Части соревновались в футболе, сдаче норм ГТО, беге, метании гранаты, проводились спортивные игры: бег в мешках, перетягивание каната, рубка лозы у конников кавэскадрона и артиллеристов, подтягивание на турнике, кольцах, лазание по канату, прыжки через коня, плавание на дистанции. На стадионах гремела музыка духовых оркестров полков. Вечером выступала художественная самодеятельность, показывали кинокартины. Большое внимание уделялось красноармейской песне. Нам поручали находить в ротах запевал, способных бойцов для участия в самодеятельности, хороших спортсменов. В выходные дни политработники не отдыхали — надо было организовывать, обеспечивать массовые мероприятия. Лишь после обеда мы получали передышку.

Традиции в дивизии блюлись свято, и спрашивали с нас строго. Запомнился эпизод проверки заместителем командующего войсками округа командно-политического состава по сдаче норм ГТО. Он приказал выстроить всех, кто сдал нормы ГТО, и заставил побежать стометровку и 1000 метров в сапогах и гимнастерках. Никто из проверяющихся не уложился во времени, и он отобрал у всех бежавших удостоверения о сдаче на ГТО и порвал. Когда ему сказали, что нормы по бегу мы сдавали в тапочках и майках, а не в сапогах и гимнастерках, он ответил: «Вы что, с японцами в тапочках и трусах собираетесь воевать?» Вот такие были проверки!

В августе умер мой тяжело болевший отец, и мне пришлось просить отпуск, чтобы уехать на похороны. Когда я вернулся в часть, то комиссар потребовал справку о том, что я действительно хоронил отца. Я показал ему вырезку из нашей газеты о смерти отца, но он и этому не верил, все сомневался. Это очень обидело меня. Работа валилась из рук, ночами я не спал, потерял аппетит, вся обстановка давила меня. Я не выдержал и пошел к начальнику политотдела Сергееву, которому сказал, что больше работать не могу, ничего у меня не получается, и попросил уволить меня из армии. Требовательный, но душевный человек, Сергеев выслушал меня и сказал, что уволить из армии меня он не может, это не в его власти: «Вас из армии не уволят, надо служить. А со службой у вас получается, вы будете хорошим политработником. Осенью пошлем вас на учебу в Москву и должность подберем другую». Я попросил разрешения идти, вышел и никогда никому об этом не рассказывал.

Постепенно жизнь вошла в норму: лагерная жизнь продолжалась. В конце лагерного сбора проводились заключительные учения между двумя дивизиями: нашей и горьковской (14-й). Наша рота давала нейтральную связь для

посредников учений. После учений дивизия в строю проходила через деревни со знаменами и оркестрами. Население очень дружно встречало красноармейцев: люди выносили на столы молоко, яблоки, огурцы — все, чем были богаты; девушки подносили цветы.

В лагерь приезжало руководство корпуса (Кулик и Говорухин), начальство из штаба Московского военного округа, политуправления, представители партийных и советских органов, профсоюзные и комсомольские областные представители, шефы от предприятий Ярославля. В заключение лагерного сбора, как и перед открытием, прошли митинг и парад частей дивизий, а после учений проводился разбор действий всех частей дивизии. Разборы были строгие, и многим попадало по заслугам. Наш же батальон ругали мало: наш командир Кожетев был очень опытным связистом и умело руководил подчиненными.

Закончив лагерный период учебы, части дивизии готовились к отъезду на зимние квартиры. Наш батальон выезжал первым эшелоном. Переменный состав дивизии подлежал увольнению в запас до следующего лагерного сбора. За время сборов переменникам начислялась средняя зарплата. Среди них находились люди, которые пытались тяжелую службу на сборах заменить длительным арестом: умышленно совершали проступки и попадали на гауптвахту. Там их отправляли на работу, которая была легче, чем изнурительные марши и броски. Они надеялись, что выедут домой вместе со всеми, но этот прием обернулся против нарушителей дисциплины. Им продлили пребывание в армии на столько дней, сколько они находились на гауптвахте, — и за этот срок зарплата им не выплачивалась.

Уже в первых числах сентября наш батальон был в Ярославле, а в середине сентября нас с Колотушкиным направили на месячные курсы усовершенствования политсостава РККА им. В.И. Ленина. Перед отъездом я отдал брату большую часть своей гражданской одежды. Теперь я понимал, что в армии я надолго.

Кадровый состав

Занятия на курсах начались на второй день после приезда в Москву. За месяц мы ознакомились с приемами и методами ведения политработы в роте и разъехались по своим частям. Приехав в батальон, я узнал, что меня перевели политруком в учебную стрелковую роту в 53-й стрелковый полк (он стоял в Рыбинске) — по этой должности я имел право носить в петлицах три кубика. Одновременно я узнал, что меня направляют на годичные курсы усовершенствования туда, откуда я только приехал.

Я получил зимнее обмундирование (шинель мне сшили еще в лагерях), перешил буденновку, — и вот я снова в Москве, на тех же курсах усовершенствования, но теперь на год. Здесь были три направления усовершенствования политсостава армии: начальники клубов частей, политруки рот и пропагандисты частей. В группе политруков я пробыл два или три дня, и начальник группы пропагандистов Ширяев перевел меня к себе. После вступительного экзамена по истории партии меня зачислили в группу, и я был очень этому рад: быть инструктором пропаганды — это значительно ближе к труду преподавателя, чем быть политруком.

Учеба начиналась после ноябрьских праздников, и пока нас отпустили во внеплановый краткосрочный отпуск. Я решил навестить Валю в Гаютине и пешком прошел 51 километр, чтобы ее увидеть. Переночевав, я прошел столько же обратно, и дня через два уехал в Москву. На курсах пропагандистов за год учебы нам предстояло изучать историю партии, политическую экономию, ленинизм, географию, русский язык, уставы, военную технику, овладеть нормативами по физической подготовке. Лекции нам читали опытные преподаватели, и я занимался с большим усердием. Большое внимание уделялось нашему культурному развитию. Над курсами были два знаменитых шефа: «Мосфильм» и МХАТ Первый.[4] Много времени уделялось и нашему физическому развитию; почти ежедневно были уроки физкультуры: упражнения на брусьях, турнике, на коне, игры в футбол, городки, волейбол, бег, а зимой — ходьба на лыжах. Командир взвода занимался с нами ежедневно, он был очень сильным физически, великолепно ходил на лыжах, прекрасно стрелял из всех видов оружия и числился среди лучших пулеметчиков в армии. Каждое утро нас выводили на утреннюю прогулку, мы делали физические упражнения, бегали. До 15 градусов мороза нас выводили в гимнастерках, а если было

холоднее — в шинелях. Питание было организовано отлично. В буфете всегда можно было купить сливочное масло, белый хлеб по коммерческим ценам (пока еще существовала карточная система снабжения населения).

Интересно, что белье в стирку мы отдавали в прачечную, обслуживаемую китайцами. Они приходили к нам на курсы и забирали белье в стирку, выдавая квитанции на китайском языке; отдашь 7–10 вещей, а приемщик ставит на бумажке два-три иероглифа. Я как-то спросил, правильно ли записаны вещи, так он взял расписку, что дал мне и прочитал названия всех вещей, сданных мною. За весь период нашего обучения ни у кого в прачечной ничего из белья не пропало.

С 1 января 1935 года наша страна зажила по-новому: не стало карточек на продукты, в магазинах полно продуктов высокого качества, никаких очередей. Впервые после многих лет мы узнали вкус настоящего свежего белого хлеба. В этом же году были установлены воинские звания для всего командного состава — от лейтенанта (потом было добавлено звание младшего лейтенанта) до Маршала Советского Союза. Для политсостава — от политрука (позже было добавлено звание мл. политрука) до армейского комиссара 1 -го ранга. Скоро мы стали получать звания: на курсах они присваивались скупо. Если раньше по должности командир полка носил три шпалы, то теперь большинство получало звание майор и две шпалы в петлицы. Новые звания подчеркивали и выслугу лет, и степень подготовки командного состава.

В партии продолжалась чистка ее рядов. Председателем комиссии по чистке у нас был член партии с 1905 года, и с ним два члена комиссии. Каждый день чистку проходило 4–5 членов партии. Фамилии подлежащих чистке объявлялись заранее, вход в комнату, где проводилась чистка, был свободным для всех желающих. Прибывший на чистку к назначенному времени отдавал свой партийный билет председателю комиссии, а затем ему задавали вопросы члены комиссии. После ответов председатель обращался к присутствующим на чистке: «У кого есть вопросы или что сказать?» Если от присутствующих не было вопросов и высказываний, то председатель объявлял, что чистку прошел без замечаний, что и отмечалось в протоколе, а в партбилет вклеивалась марка с надписью «Чистку партии 1933 года прошел без замечаний». После этого партбилет возвращался члену партии. Если были замечания, то в протоколе комиссии отмечалось это, и марка в партбилет вклеивалась иная. На марке расписывался председатель, и ставилась печать.

Наступила и моя очередь, и вечером после занятий я пришел в комнату, где проходила чистка. Председатель задал мне

теоретический вопрос: «По какому вопросу Ленин вел борьбу с Бухариным на VIII съезде партии при обсуждении проекта Программы партии?» Я дал правильный ответ и рассказал о том, кто рекомендовал меня в партию. Тогда председатель комиссии вернул мне партбилет с маркой «Чистку партии 1933 года прошел без замечаний».

Зимой проводились большие учения: Московская пролетарская стрелковая дивизия, Школа ВЦИК и наши курсы. Несколько дней и ночей в сильные морозы мы маневрировали по дорогам, полям и лесам, ночуя в поле. У меня был ручной пулемет, и он тянул меня в сторону, когда я шел на лыжах. Двигаясь рядом с колонной ар^ллеристов, я сделал неловкий поворот и упал, а по моей ноге проехала лыжа, на которой стояло колесо пушки. Все испугались, что мне поломало ногу, но снег был очень глубокий, ногу вдавило в снег, и все обошлось. Теперь взводный командир вел нас в стороне от дороги, чтобы не попасть на одну дорогу с артиллерией и обозами. Расположились на отдых в деревеньке, чуть отдохнули, начали чистить оружие, а тут тревога — конница ворвалась в деревню. Взводный приказал быстро собрать винтовки и выскочить на улицу для отражения атаки кавалерии. Конницы мы не видели, но по команде щелкали затворами, изображая стрельбу. После отбоя тревоги мы вернулись в дома: вычистили оружие, закусили сухим пайком — и опять в поход. Когда учения закончились, мы вернулись к учебе.

С начала апреля нас начали готовить для участия в первомайском параде на Красной площади. Нас ежедневно тренировали, причем в субботу по 4–6 часов, а в воскресенье даже по 8 часов. За эти тренировки я научился на всю жизнь ходить в строю. За неделю до парада наши курсы проверил командир корпуса военных учебных заведений. Он дал неудовлетворительную оценку, после этого началась усиленная подготовка и курсы допустили к параду. Нам выдали одинаковые фуражки, подровняли шинели и отгладили их, а в рядах нас ставили так, чтобы шинели были одного цвета.

Нарком обороны СССР Ворошилов принял рапорт командующего парадом Корка и начал объезжать войска: на груди боевые ордена, сбоку шашка, на воротнике шинели синие кавалерийские петлицы без знаков различия. На трибуне Мавзолея стояли руководители партии и государства: Калинин, Сталин, Орджоникидзе и другие. Ворошилов произнес речь, и я запомнил его слова: «Если господа империалисты развяжут против нас войну, то они увидят не только цветочки, но и ягодки». При этих словах он повернулся и сделал жест в сторону военных атташе, стоящих слева у Мавзолея. После речи

Ворошилов обратился к молодым воинам Красной Армии: «Повторяйте за мной слова торжественного обещания», — и все войска, расположенные на Красной площади, повторяли: «Я, сын трудового народа...» Так тогда принималась присяга на верность Родине. Я был горд тем, что принял присягу на Красной площади перед Мавзолеем Ленина в первомайский праздник 1935 года!

За участие в параде мы получили благодарность от Ворошилова, и сразу после парада нас отпустили на каникулы на 15 дней. После каникул учеба пошла иначе: некоторые второстепенные предметы заканчивались, и мы сдавали по ним экзамены. Приходилось ходить в караул, нести службу дневального. Учебу мы закончили в октябре 1935 года, сдав все экзамены с хорошими и отличными оценками. В здании филиала МХАТа для нас было устроено торжественное собрание, и на вопрос курсовой многотиражки о том, что мне дала учеба, я ответил коротко: «Хорошие политические знания, опыт партийно-политической работы и хорошую физическую закалку».

Нам выдали проездные документы, и мы разъезжались по своим частям, с правом получения отпуска за истекший год. Теперь мне надо было ехать в Карелию — туда для укрепления границы с Финляндией перевели нашу 18-ю стрелковую дивизию. Дивизия располагалась вблизи государственной границы, сразу за погранвойсками. Штаб дивизии, 53-й стрелковый полк, батальон связи и другие мелкие части, а также 18-й артполк располагались в Петрозаводске, 52-й СП в районе Олонца и 54-й СП в Медвежьегорске. По окончании курсов, я, как самый молодой из слушателей, был аттестован на инструктора пропаганды отдельного батальона, но пока ехал как политрук учебной роты 53-го СП. Когда я прибыл в полк, меня направили в пулеметный батальон к его командиру Пилстоку, с которым у меня была неприятность еще в 1933 году. Я доложил командиру батальона, что вернулся для прохождения службы как политрук пулеметной роты. Он спросил, знаю ли я пулемет, я ответил: «Нет, учился на пропагандиста». Тогда он сказал мне, что я сюда не подхожу. С разрешения командира полка я ушел в отпуск. Побывав в Москве, я приехал в Петрозаводск, где на берегу Лососинки находился штаб нашей дивизии. Приехав, я устроился в расположении 53-го СП, и на второй день меня вызвали в политотдел дивизии. Начальником политотдела был бригадный комиссар Коробов. Он побеседовал со мной и сказал, что направляет меня на должность инструктора пропаганды 18-го артполка; в стрелковых полках пока такой должности еще не было. Я был доволен таким поворотом в своей армейской службе, и с радостью явился в артполк. Здесь командование было своеобразное: если командир

дивизии был одновременно и комиссаром, то в артполку командир такой власти не имел. Комиссаром полка в звании полкового комиссара был Виноградов, участник Гражданской войны, опытный и решительный политработник. Ему я и доложил о своем прибытии.

Инструктор пропаганды 18-го артполка

Комиссар полка предоставил мне широкую инициативу в работе, указав ее главные направления в условиях полка: непосредственное руководство и контроль над политзанятиями, подготовка руководителей этих занятий («групповодовка», как их называли тогда), планирование и организация марксистско-ленинской подготовки командного и начальствующего состава, политподготовка сверхсрочников. Этой работе я отдался с большим желанием и целиком.

Командовал полком орденоносец Карп Николаевич Степанов, участник Гражданской войны (под Царицыном у Ворошилова командовал батареей). Он был прекрасный конник, смелый, очень старательный, хороший организатор, но с некоторыми причудами. Партийный стаж у него был небольшим, и единоначалие ему не доверили — в полку был комиссар. Звания Степанов еще не имел и очень переживал, комиссар имел звание и носил три шпалы, а командир побаивался: а вдруг дадут звание майора? Мечтал он о звании полковника. Я же в те дни носил красные петлицы и три кубика.

Представившись комиссару, я не представился командиру полка, — комиссар сказал, что это не требуется. И вот однажды на политзанятиях в казарму вошел Степанов. Я встал и доложил ему: «Инструктор пропаганды вверенного вам 18-го артполка Премилов». Он поздоровался со мной, сказав: «Я буду звать тебя «пропаганда», а то слишком длинно, ясно?» Я ответил «хорошо». Так всю совместную службу он и называл меня — «пропаганда». В моей памяти остались в памяти командиры' этого полка: капитан Лукьянов — командир 1 -го дивизиона, бывший прапорщик старой армии, отличный командир-служака; майор Калабухов — командир 2-го дивизиона, участник Гражданской войны, опытный, старательный командир. Позже его арестовали как врага народа, и его судьба осталась для нас неизвестной, — но он был единственным, кого арестовали в полку. Командиром 3-го дивизиона был капитан Теодорович — человек богатырского роста и здоровья.

Вскоре мне удалось наладить постоянный инструктаж групповодов. Групповоды были довольны моими инструктажами и старательно проводили политзанятия, а я постоянно контролировал их проведение. В полку было 50 групп политзанятий красноармейцев 1-го и 2-го годов службы, и я чаще контролировал те из них, где были наиболее слабые по образованию бойцы (хуже всего дело было в хозвзводе). С

командным составом организовали 4 группы: комиссар взял себе одну, а три остались за мной, в том числе две по истории партии и одна по изучению истории Гражданской войны. Свободного времени было мало. Каждый день я по нескольку часов готовился к проведению занятий, обеспечивая своевременное проведение инструктажей и занятий с комсоставом полка, ежедневно с утра бывал на политзанятиях (в дни, когда их не проводили — на политинформациях), а после обеда готовился к занятиям.

Вместе с другими, не имеющими жилья, я жил в одной из комнат клуба полка: строился дом, и мы ждали получения комнаты. Получал я около 500 рублей, причем с прибытия в Петрозаводск — сразу тройной оклад: тогда Карелия считалась отдаленной местностью. Нам выдавался хороший дополнительный («полярный») паек: свежее сливочное масло, мясо, сгущенное молоко, сухие грибы и клюквенный экстракт. Жизнь была обеспеченной: снабжение в Петрозаводске тогда было отличное — все гастрономические товары были в магазинах в достатке, и промтоваров было больше, чем в Ленинграде. В столовой комсостава питание также было отличное. Хуже было с обмундированием; купить хорошую шерстяную гимнастерку я не мог, их распределяли среди высших начальников. Тогда появились новые ремни со звездой в пряжке. Командир полка съездил в Ленинград, привез несколько таких ремней, и один дал мне: «На, пропаганда, а то комиссар скоро таких ремней не получит». В мастерской вещевого снабжения полка мне по приказу командира из полученного мной кроя сшили яловые сапоги, а на рынке я купил себе и валенки. Их я надевал на службу, когда морозы доходили до 40 градусов. Позже я решил купить патефон, в 11 часов субботнего вечера с курьерским поездом «Полярная Звезда» (Мурманск—Ленинград) выехал в Ленинград — и в воскресенье в 8 утра был уже на Невском. В Пассаже я купил хороший патефон завода «Тизприбор» (точно-измерительных приборов), оклеенный голубой клеенкой, чехол к нему и около 50 пластинок. За все это я заплатил около 1000 рублей, оставил покупки у продавщицы и пошел погулять по Ленинграду. Перед закрытием магазина я забрал патефон, вечером уехал обратно и в 8 утра был в Петрозаводске.

Служба в Карелии была тяжелой: частые боевые тревоги, учения независимо от погодных условий, стрельбы. Ходили мы постоянно с оружием. Каждому командиру и политработнику выдали сапоги-пьексы с загнутым носом для лыжных ремней. Часто проводились занятия по физической и стрелковой подготовке.

Младшие командиры часто ездили по городу за конем: один

сидел на коне, а второй ехал на лыжах, держась за прикрепленные к седлу вожжи. Коня пускали рысью, мчится лыжник, а на него из-под копыт коня летят плотные комки снега. В полку был помкомвзвода — карел, который постоянно ходил на лыжах, не считаясь с расстоянием — даже от дома к уборной. Коренные жители республики, карелы и финны, с малых лет приобщаются к лыжам. Из отдаленных деревень в воскресные дни они приезжали за продуктами в Петрозаводск, у входа в магазин втыкали свои лыжи в снег, — и никто никогда не брал чужих лыж. Молодые пары приезжали на финских санках. Это очень удобные саночки для передвижения по пересеченной местности вдвоем — таких я больше нигде не видел.

Как отстроили дом, нам с начальником артмастерских воентехником Васильевым дали комнатку и мебель. Всего в квартире было пять комнат: две занимал с семьей капитан Лукьянов, одну начальник боепитания капитан Петров с молодой женой и за кухней маленькую комнатку занимал вольнонаемный полковой учитель — молодой грузин. Среди командного и начальствующего состава большинство имели образование ниже семилетки, и по приказу наркома обороны они сдавали экзамены до седьмого класса включительно. В помощь этим ученикам в рабочее время в частях проводилась общеобразовательная подготовка. Организаторами этого обучения были учителя частей; ими были преподаватели местных школ. Изучали математику, физику, химию, русский и немецкий языки, историю. За каждый год обучения сдавались экзамены. С обучающихся строго спрашивали, наказывали за пропуски занятий, а лучших ставили в пример. Наш старательный полковой учитель очень зяб после проживания в теплой Грузии и одевался тепло. В сильные морозы наружная стена с окном покрывалась за ночь довольно толстым слоем льда. Ложась спать, я надевал на голову шлем, и он за ночь примерзал к стене. Но мы жили, преодолевая бытовые трудности, и не жаловались.

Наш артполк был на конной тяге. Чистка конского состава была одной из важнейших обязанностей командиров. Каждый день рано утром из конюшен выводили лошадей и чистили их. В одной руке скребница, в другой щетка; проведет чистильщик по шерсти коня и тут же очищает щетку о скребницу. После чистки конского состава — завтрак, а потом занятия до обеда. Обед, отдых и еще несколько часов занятий, уборка конюшен, а уже после этого свободное личное время. Артиллеристы вставали раньше, чем в пехоте: там не было чистки коней.

Как командир Степанов был требователен, замечал самую незначительную оплошность и наказывал виновных, но умел и

понимать правдивость фактов, способствующих делу обучения бойца специальностям. Однажды полк выстроился по тревоге, и он дал команду двигаться. Командир головного отряда капитан Теодорович подал команду «Конные, залезай!» вместо «садись». Степанов услышал и кричит: «Что это за команда?» Теодорович ответил: «Товарищ командир полка,[5] они не садятся, а залезают!» Садиться на коня надо было ловко и быстро, а тут одетые в ватники и шинели конные не могли проявлять лихость. Степанов сам видел, как они забирались в седла коней, — и махнул рукой.

В нашем военном городке размещался не только артполк, но и другие мелкие части дивизии: танковый батальон, разведывательный дивизион и другие. Личный состав размещался в трехэтажной каменной казарме, построенной год назад и еще не совсем просохшей. В холодные дни, сменявшиеся оттепелями, бывали вспышки гриппа: бойцы лежали в казарме целыми взводами. Врачи много хлопотали, чтобы не потерять боеспособность полка.

Служба шла своим чередом. Нас часто тренировали по стрельбе из пистолета ТТ. Мы щелкали спуском, учились прицеливанию и произведению выстрела, но стреляли очень редко. Однажды Степанов увидал меня идущим из тира и спросил: «Как стреляешь, пропаганда?» — «Плохо, — признался я. — Патронов нет». Он сказал «идем», привел меня к комнате начальника боепитания, открыл дверь и, крикнув «Выдать!», быстро ушел. Петров не успел встать из-за стола, а командира полка уже нет. Мой сосед обиделся было, что я «жалуюсь командиру полка», но я рассказал, как все произошло, и он, успокоившись, выписал мне десятка три патронов.

В строевых подразделениях была введена должность замполитруков. Они носили в петлицах четыре треугольничка, как старшины. На эти должности подбирали самых подготовленных младших командиров, комсомольцев, активистов. Этот институт существовал и на первом этапе Великой Отечественной войны. К половине 1936 года воинские звания в полку получили все, без них остались лишь Степанов и я. Мне пришлось лишь сменить малиновые петлицы на черные артиллерийские, и я спокойно ждал присвоения звания.

Меня начали привлекать к конной подготовке — езде в седле. Я этого очень боялся (уж больно злы были строевые кони!), не зная, что конь по штату мне не положен и этого можно было избежать. С политсоставом конным делом занимался Теодорович. Он гонял нас на конях по кругу, командуя «бросить стремя», и мы тряслись в седле, хлопая задами. Старшина батареи Мамаков дал

мне для обучения довольно ретивого коня, но два занятия я выдержал. Кстати, летом в полку устраивались состязания конников («конкур-иппик»). На эти состязания всегда собиралось много интересующихся, а командный состав приглашал своих жен.

Дивизией командовал комдив Хозин; по возрасту он был моложе командиров полков, ему не было еще сорока лет. Он был очень требовательным, не прощал малейших недостатков и обучал дивизию умению вести бой в любых условиях. Каждый его приезд из штаба округа обязательно сопровождался тревогой и выездом на учения. Один из трех дивизионов нашего полка постоянно был на учениях с пехотой, но довольно часто выезжал весь полк. Климат Карелии был очень суровым и капризным. Зимой лютые сорокаградусные морозы сменялись оттепелями. На учения командный состав брал к валенкам еще кожаные сапоги. Из-за своей неосторожности скоропостижно скончался командир батареи: он не взял кожаную обувь, в оттепель промочил ноги, а потом сразу ударил сильный мороз. С высокой температурой его привезли в город, но спасти врачи его уже не могли.

В большой напряженной учебе прошла долгая холодная зима, с короткими днями и длинными ночами, наступила бурная северная весна. Теплая погода установилась еще до майских праздников, и мы получили летнее обмундирование и пилотки. Зимняя форма подлежала окантовке, да и летнюю можно было окантовывать. Фуражки стали носить с цветным околышем по роду войск. Полк готовился к параду в честь 1 Мая: капитану Теодоровичу было приказано подготовить и вывести на парад тачанки, а полк выводил гаубицы. Парадом всегда командовал наш командир, обладавший хорошим голосом и умением управлять частями на параде. Парад привел всех жителей города в восхищение!

В начале мая я уехал в Ленинград на сборы заочников в Военно-политической академии имени Толмачева.[6] Приехав в Ленинград, я долго разыскивал академию: даже на вокзале в комендатуре мне не сказали ее адреса, проявляя совершенно ненужную в этом бдительность. Академию я нашел на Васильевском острове, и мне объявили, что пропагандисты зачислены на заочное отделение общевойскового факультета. На первом сборе нам надлежало прослушать лекции и сдать экзамен по диалектическому материализму и части курса истории партии. Жили мы в общежитии при комендатуре в центре города, на углу Невского и Садовой. Здесь был буфет, где мы завтракали, — а обедали в Академии, там питание было организовано отлично.

Свою учебу на сборах я старался сочетать с изучением

богатства сокровищ Ленинграда и его окрестностей. Неделю я провел в Москве, где 15 мая открылся Центральный музей В.И.Ленина. Вернувшись со сборов в свой полк, я активно включился в общий поток работы по разъяснению содержания новой Конституции: проинструктировал групповодов политзанятий, проводил занятия с комсоставом и по поручению комиссара подготовил доклад для личного состава полка.

Еще перед сборами как-то у столовой военторга я увидел заграничный новенький велосипед, стою с Кочетковым и рассматриваю его — иметь велосипед было тогда моей мечтой. К нам подошла высокая финка, хорошо одетая и довольно красивая, и завела с нами разговор: «Это папа купил мне, хотите попробовать прокатиться?» — «Если можно, то дайте, прокачусь». Она взяла велосипед и передала мне, я прокатился около столовой и отдал его хозяйке. На этом мое знакомство с финкой закончилось, и этому я не придавал никакого значения. Велико было мое удивление, когда после сборов в Ленинграде, возвращаясь со службы ближайшей дорогой через плотину, я увидел финку. Она ждала меня и, когда я поравнялся с ней, вежливо сказала: «Здравствуйте, я жду вас и приглашаю купаться. Если будете дружить со мной, то у вас будет мой велосипед». На такое предложение я сразу ответил: «Купаться не могу, спешу по делу», — но она шла за мной до самой столовой. Потом узнал, что ее папа большой начальник в военторге, а мама заведовала нашей комсоставской столовой. На другой день меня пригласил к себе секретарь партбюро полка Добровольский и предупредил, чтобы я никаких близких отношений с финкой не завязывал: кто-то ему уже рассказал о нашей встрече. Я ответил, что встреч не назначал и встречаться, разговаривать с ней не буду. Финка еще раз пробовала заговорить со мной, но я не ответил, и она поняла, что тут делать ей больше нечего. А впоследствии, уже в 1937 году, всю ее семью арестовали: они оказались самыми настоящими шпионами. Дело было так: летом из сейфа начальника штаба полка исчез мобилизационный план 53-го полка. Материалы лежали в папке, и каждый ответственный за свой участок разрабатывал расчеты и вкладывал туда, — а начальник штаба давал исполнителям папку, веря на слово, что все цело. Но весь мобплан исчез! По тревоге подняли всю дивизию, немедленно доложили наркому обороны Ворошилову, и весь личный состав в строю проверяли по спискам — каждого человека. Все были на местах, но позже при попытке перехода границы пограничниками был задержан агент, выяснилось, что мобплан ему передал капитан Васильев, начхим полка. На преступление Васильева толкнула та самая финка, что охотилась

за командным составом, — Васильеву она обещала выйти за него замуж...

Летом 1936 года состоялись артиллерийские стрельбы полка. Стреляли все строевые команды, включая Степанова. С высокой вышки за стрельбами наблюдал командир дивизии Хозин. Сначала стреляли командиры взводов. Если кто запускал снаряд слишком далеко в сторону от цели, Степанов кричал: «Куда запустил пару хромовых сапог?» Выстрел из гаубицы стоил 80 рублей — как пара хромовых сапог, что выдавалась командному составу на 8 месяцев носки. В заключение стрелял командир полка. Имея образование в объеме начальной школы, он не боялся стрелять: ему помогало вычислительное отделение штабной батареи, которым командовал Доркин. Это был очень подготовленный человек, от природы у него была голова очень большого размера — не подходила ни одна пилотка. Степанов держал Доркина около себя и, получив цель отХозина, командовал: «Доркин! Данные!» Тот моментально готовил данные и передавал Степанову, который передавал их на батарею. Выстрел, и Степанов опять: «Доркин!» Наблюдая разрыв, тот докладывал Степанову величину отклонения и новые данные, а Степанов передавал команды. Цель они поразили, получив оценку «отлично».

В санчасти дивизии я купил себе путевку на месяц сентябрь в Крым, в Алупку, в дом отдыха санаторного типа, принадлежащий ЛВО. Нам полагался отпуск 45 суток плюс время на дорогу. Сначала я заехал в Фурманов, где побыл несколько дней с Клавдей Борисовой, а потом в вагоне военнослужащих через Москву поехал в Крым. Ехал на юг я впервые, и меня интересовало все. Южной природой я был очарован: голубое море, виды Крыма, комфорт санатория, фрукты и экскурсии... Однако мои планы на отдых были разрушены телеграммой от командира полка. Я сразу стал оформлять свое возвращение, причем мне вернули деньги за почти 20 дней неиспользованного отдыха. С первым поездом я выехал в Москву, но в вагоне выпил бутылку несвежего ситро, и это дорого мне обошлось: у меня начался кровавый понос, и я три недели пролежал в городской инфекционной больнице (боялись, что это тиф). За это время в полку прошла строгая окружная инспекторская проверка, ради которой меня и вызвали. Из больницы я выписался очень ослабевшим и с большим трудом добрался до квартиры, но итоги инспекторской проверки меня обрадовали: среди артиллерийских частей округа полк занял первое место по стрельбе и политподготовке и по ней же второе место в РККА. Дивизия получила очень высокую оценку, командир дивизии был

награжден за это орденом. Командир батареи Бова и другие были награждены именными часами наркома обороны, но он почему-то их не получил. Над ним подшучивали товарищи: «А ну, Бова, взгляни сколько времени на наркомовских?»

От болезни я постепенно оправился, и во второй половине октября написал Клавде письмо с предложением выйти за меня замуж. Она ответила согласием, и я выпросил у комиссара разрешение уехать в неиспользованный отпуск. Я съездил к ней в Фурманов, и в Петрозаводск мы вернулись уже вместе. Наш медовый месяц был испорчен тем, что комиссар уехал в санаторий и оставил меня за себя почти на два месяца. С раннего утра до позднего вечера я находился в полку. От своих обязанностей пропагандиста я не освобождался и тянул две солидные нагрузки. Командир полка еще не получил звания и очень это переживал. Он звонил мне каждый день, спрашивая: «Пропаганда, ничего нет?» Я отвечал, что пока нет, и он вешал трубку.

В один из холодных зимних дней штаб полка получил телеграмму «полковнику Степанову лично от Наркома обороны Ворошилова» — поздравлением с присвоением звания «полковник». Я прочитал и звоню Степанову: «Товарищ полковник, это вы?» В ответ: «Какой полковник?» Отвечаю: «Вы теперь полковник, есть телеграмма от Ворошилова!» Он не стал больше сомневаться и коротко сказал: «Построить полк по тревоге, а за мной немедленно машину». — «Машины нет». Его «газик» был на ремонте, но в полку было еще три или четыре грузовые машины. «Любую, хоть из-под говна!» Говорю, что есть машина из-под известки, и в ответ: «Давай!» Дело было за полдень. Я вышел на крыльцо штаба и дал горнисту команду: «Играй тревогу!» Машина ушла за полковником, а полк начал строиться по тревоге на дороге перед штабом полка. Я остался на высоком крыльце штаба, отсюда хорошо был виден въезд в городок. Скоро в воротах показался «Яз» — подарок Ярославского автомобильного завода, пятитонный, с грязными от извести бортами. Грузовик въехал в городок и остановился перед штабом. Степанов вышел в форме полковника с тремя шпалами в петлицах и нашивками на рукавах — золотыми широкими треугольниками. Начальник штаба доложил: «Товарищ полковник, полк по тревоге построен!» Я, как комиссар, находился немного сзади Степанова. Он повернулся к шеренгам построенного полка и коротко, громко объявил: «Я, полковник Степанов, командую 18-м артполком. Вольно. Отбой тревоге, продолжать занятия по расписанию».

Теперь мне предстояло работать с боевым, полным сил и энергии человеком. С 1 декабря начался новый учебный год,

работы и забот было много. Но зато мы с женой получили комнату в новом доме и скоро в нее переехали. В январе 1937 года я сдал полк Виноградову, хорошо отдохнувшему в Сочи, — а на второй день в полку ЧП. За два месяца работы моей за комиссара не было ни одного чрезвычайного происшествия, а тут как по заказу — коллективная пьянка младших командиров, да еще в Ленинской комнате. Комиссар сильно осерчал, крепко ругал политрука батареи и строго наказал виновных. Вскоре новое ЧП — в полку повесился одногодичник. Эт5 были люди с высшим образованием, которые проходили службу в течение года и аттестовались на командиров взводов. Одногодичник покончил с собой на чердаке казармы из-за трудностей в семье...

Хозин по-прежнему всесторонне тренировал личный состав дивизии, много внимания уделял физической подготовке всего личного состава. Зимой устраивались лыжные соревнования, прыжки с трамплина. Помню состязание в одно из воскресений: прыгнул первый и сломал ногу, за ним второй — руку, но Хозин не отменил состязаний, хотя руководители физчастей посматривали на него. Он сказал: «Продолжайте» — и следующие прыжки прошли без всяких происшествий. Запомнились мне и летние тренировки личного состава. Хозин поднял по тревоге одну роту и приказал вплавь, в обмундировании переправиться через водохранилище у плотины электростанции. Один боец утонул, и ротному командиру попало за плохую выучку личного состава. Утонувшего достали, открыв шлюз и быстро спустив воду, а к вечеру водохранилище уже наполнилось. Ночью в грозу Хозин поднял по тревоге роту танкового батальона «амфибий» Т-37 и поставил командиру задачу переплыть через губу Онежского озера. Была сильная гроза с дождем, в радиопередачах появились помехи. Командир батальона спросил Хозина: «Разрешите переждать грозу», — а в ответ: «На войне тоже будете пережидать? Я приказов не повторяю!» Амфибии поплыли по озеру, и все благополучно добрались до другого берега. А Хозин все время стоял под дождем, пока не получил подтверждения, что переправа закончена. Тогда он поблагодарил личный состав за отличную службу и уехал. В нашем артполку он появлялся очень часто, да и начальник штаба дивизии полковник Гордов не забывал полк.

В начале 1937-го я уехал в Ленинград на недельные сборы заочников: каждый день нам читали лекции по 8–10 часов по истории партии, истории СССР и историческому материализму. Когда я вернулся, наш комиссар полка Виноградов был переведен на повышение, и с ним мне встретиться больше не пришлось. Вместо него комиссаром стал батальонный комиссар Израецкий

из 53-го стрелкового полка. Для него это не было повышением, но среди политработников считалось, что работать в артполку легче. В середине марта начподив Коробов перевел меня в политотдел на вакантную, только что введенную должность начальника дивизионной партийной школы (ДПШ), и я навсегда расстался с артполком.

Начальник ДПШ

По штату в Школах партийно-комсомольского актива в соединениях был только начальник; все преподаватели (как гражданские, так и военные) были привлеченные. Там, где части дивизии были далеко от политотдела, руководство филиалами ДПШ возлагалось на инструкторов пропаганды. Мне пришлось опять осваивать новую работу, не имея никакого опыта. Да его и негде было взять: это была совершенно новая для армии должность. Я потратил много сил, чтобы обеспечить бесперебойную работу школы. Занятия проводились по субботам днем и для комсомольцев — в послеобеденное время: на дневном по 6 часов, а на вечернем отделении — по 4 часа. Мне иногда приходилось заниматься с людьми все десять часов. Изучались история партии, история СССР, международные отношения. Срок обучения для партийного актива составлял два года. Вне плана производилось изучение важнейших решений партии и правительства.

Школу я принял, когда было проведено два или три занятия. Расписания не было, что будет на следующем занятии — неизвестно. Надо было установить и обеспечить занятия по расписанию на длительный период. Историю партии читали секретарь партбюро батальона связи, инструктор Дома Красной Армии и я, а историю СССР — преподаватели Государственного карельского университета. Я установил хороший контакт с преподавателями университета, с лекторами обкома партии и знал всех, кого можно было привлекать к проведению занятий в школе.

Весной 1937 года мне присвоили воинское звание «старший политрук». Я терпеливо ждал этого звания с 1933 года: в дивизии уже все политработники имели звание, но мне его почему-то не присваивали. Бывая в Ленинграде на сборах, я заходил в отдел кадров, и мне говорили, что материал в Москве. Так я и ждал, а потом написал письмо на имя начальника ГлавПУРа и скоро получил телеграмму серии «К»[7] за подписью Мехлиса: «ВАМ ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ СТАРШЕГО ПОЛИТРУКА ЖЕЛАЮ УСПЕХОВ МЕХЛИС». Это придало мне энергии. Старших политруков в дивизии тогда было менее десяти, в том числе четверо в политотделе.

В те дни то и дело появлялись сообщения об арестах видных партийных и советских работников, как врагов народа. Пост командующего ЛВО занимал прославленный герой Октябрьской революции — бывший моряк Балтийского флота,

непосредственный участник боев в Испании. Помню, как он приезжал к нам в Петрозаводск, ездил по частям дивизии в открытой легковой машине и на ходу из машины метко стрелял дичь. Но вот он был арестован, и на его место был назначен командир нашей дивизии Хозин. Был арестован начальник политотдела Коробов, его сменил батальонный комиссар Щукин, призванный из запаса. Работать с ним оказалось легко, это был очень внимательный к людям человек. А Хозина заменил комбриг Болдин, тоже участник Гражданской войны, очень тактичный и внимательный к людям человек.

10 мая в армии был снова введен институт комиссаров. Начальником Главного Политического управления (ГлавПУРа) был назначен Мехлис, а занимавший этот пост Гамарник был арестован как враг народа. В «Красной звезде» появилась статья «Против беззубого помполита, за комиссара — воинствующего большевика». В ней были изложены требования к работе комиссаров частей. До этого в Москве было проведено совещание назначенных на должности комиссаров корпусов и дивизий. Прибыв к местам назначения, комиссары начали «наводить порядок», учили бдительности, ополчились с крутыми мерами против недостатков...

В конце мая я проводил очередное занятие в ДПШ, когда резким толчком отворилась дверь в лекционный зал ДКА и вошел черноволосый человек со знаками различия полкового комиссара. После моего доклада вошедший сказал, что назначен в дивизию комиссаром и спросил: сколько должно быть слушателей на занятиях? Я доложил по каждой части гарнизона, сколько должно быть слушателей и сколько присутствует. Он приказал мне вызвать сюда всех комиссаров частей, а пока они собираются — беседовал со слушателями, среди которых были командиры рот и взводов. Комиссары частей собрались быстро. Комиссар дивизии Шустин не предложил им сесть, а отчитал их стоя: «Если не будет полной явки на занятия в ДПШ, то прикажу вам лично водить их сюда строем — идите и обеспечьте полную явку слушателей на занятия». Я продолжал занятия, а Шустин сидел и слушал. Ко мне он никаких претензий не предъявил, — но в моей дальнейшей службе этот политработник сыграл особую роль.

Летом Шустин дал мне ответственное поручение — прочитать несколько лекций для руководителей компартии Финляндии о воспитательной работе в финской армии. Я заявил комиссару, что это очень трудное дело, материалов по этому вопросу мало, старался отказаться. Но комиссар заявил, что больше кандидатур для этих лекций у него нет, доверить это другому он не может. Пришлось бросить все дела и заняться

подготовкой. По рекомендации Шустина я отправился в Кар-ЦИК, в секретный отдел, начальник отдела дал мне материалы по этому вопросу, но предупредил, что записывать ничего нельзя, читать тут в его присутствии.

Мой рассказ велся в лесу за городом, на полянке, через переводчика. Слушателей было 4 или 5 человек, все уже в годах, слушали они внимательно, записей не вели. Я излагал материал не спеша, а переводчик долго разъяснял сказанное мной. Я спросил его: «Может, что лишнее говорите?» Он ответил, что лишнего не говорит, а растолковывает им. Таких занятий я провел два или три.

Наша семейная жизнь, преодолевая возникающие трудности, налаживалась: постепенно мы с Клавдей приобрели самое необходимое для жизни. Раньше мы спали на маленькой солдатской койке, но последовал приказ сдать ее немедленно в полк. Я подчинился, но мы купили «отоманку» (или «атаманку») — диван, который потом почти 40 лет возили с собой при переездах. За проведение занятий в ДПШ я, как и все преподаватели, получал за каждый час по 10 рублей, и часто бывали дни, когда я зарабатывал по 100 рублей в день. Обзаводиться хозяйством было необходимо: Клавдя ждала ребенка. Отпуск мы провели вместе, но она осталась жить у родителей, а я провел август на месячных сборах заочников академии. Нам целыми днями по 8–10 часов читали лекции, по истории партии и истории СССР (экзамен был только по истории партии). Трех наших преподавателей арестовали прямо на лекциях: постучат в дверь, вызовут лектора, и нет его. На второй день является новый, солидный по званию преподаватель, а через два-три дня происходит то же, что и с первым, а потом за вторым уводят и третьего. Тревожное было время, многих тогда арестовали.

2 сентября я получил от тестя телеграмму: «У вас родился сын». С женой мы не были расписаны в ЗАГСе, и, чтобы усыновить ребенка, записать его на свою фамилию, потребовалось предоставить документ, заверенный юристом. Я написал заявление в ЗАГС г. Середы с просьбой зарегистрировать ребенка, рожденного гражданкой Борисовой Клавдией Павловной на мою фамилию, как его отца. Это заявление заверил нотариус и послал его Клавде. Так сын стал Премиловым Евгением Анатольевичем, а мать осталась Борисовой. Брак мы оформили только после войны, в 1945 году, в Одессе: мы жили, уважая друг друга, и не испытывали необходимости обставлять это документами от государства. Мой сын родился 1 сентября, в те довоенные годы этот день был Международным юношеским днем. После сдачи

экзамена я забрал жену с сыном, и мы приехали в Петрозаводск. Наш дом подвергался ремонту, но в окнах нашей комнаты были разбиты стекла. Я обратился за помощью к знакомому мне комиссару строительного военного управления, и все окна были полностью застеклены в тот же день.

Был уже октябрь, в Карелии начинались заморозки, и ночами стало холодно. Заканчивался 1937 год — очень трудный год для нашей страны. Было репрессировано много невинных людей, погибло немало видных, партийных и советских работников, значительный урон был нанесен и кадрам армии. Репрессиям подвергались все звенья партии — от членов ЦК до секретарей партбюро и рядовых коммунистов. Погибли трое из пяти Маршалов Советского Союза (Егоров, Тухачевский и Блюхер), часть командующих военными округами, членов Военных советов округов, даже некоторые из наших преподавателей в Военно-политической академии. После войны часть из них реабилитировали и вернули на прежние должности. Но надо отметить, что мы были свидетелями того, что разоблачались и подлинные враги народа. В нашей дивизии было разоблачено несколько настоящих врагов: начальник химслужбы 53-го СП, выкравший мобплан полка; начальник штаба 52-й СП, пытавшийся переправить в Финляндию паспорта призванных из запаса красноармейцев. Он был еще молодым человеком и имитировал старательное несение службы, но уполномоченный особого отдела оказался зорким человеком: он проследил, куда и кому сдавались паспорта запасников и по свежим следам сумел задержать вражеского агента. Задержанный в момент бегства из полка, тот сам признался во всем... Самыми настоящими врагами были и политрук Вебер, сотрудник ДКА в Петрозаводске (он всю ночь до самого ареста жег бумаги), начальник шифровального отделения в штабе дивизии и другие. Комиссар дивизии постоянно информировал об этом нас, работников политотдела. Он много сделал для искоренения вражеской агентуры в дивизии, вскрыл факты вредительства по линии мобилизационных резервов. При мне он заставил вскрыть ящики НЗ (неприкосновенного запаса) с медикаментами, и мы увидели, что таилось в этих ящиках: вместо полного комплекта хирургических инструментов — набор из одних только ножниц или шприцев, в бутылях вместо спирта — дистиллированная вода. А НЗ продсклада? В гречневой крупе оказалось много толченого стекла! Все пришлось пересмотреть и заново укомплектовать, — а ведь эти материалы были получены с государственных складов из центра.

Летом следующего года по пути в 52-й СП комиссар дивизии

Шустин поручил мне проверить находящийся в том районе склад готового обмундирования и нижнего белья. Многие тысячи гимнастерок и брюк пришли в полную негодность. Возьмешь гимнастерку, чуть потянешь, и она расползается. Помещение было сырое, вентиляция плохая. Я проверил состояние нескольких упаковок, и все они оказались уже испорченными. Спрашиваю старшину завсклада: «Давно ли хранится обмундирование?» — «Давно». Об этом я доложил комиссару дивизии. Эти полуистлевшие гимнастерки выдали бойцам, и на спинах гимнастерок скоро появились большие заплаты; за летний период бойцы износили по 3–4 комплекта обмундирования.

После посещения 52-го СП, находившегося в Нурмалице, мы поехали в Олонец в саперный батальон, потом лесом поехали в Петрозаводск. Нас предупредили, что иногда военные машины обстреливают, но мы все же поехали, — и в глухом безлюдном лесу по машине издалека было сделано два выстрела: пули пропели около машины и застучали по деревьям. Нас было человек десять, все с оружием, — но оставить машину и пойти ловить стрелявшего мы не рискнули.

Из близких мне работников в дивизии память сохранила имя политрука Тюрина. Он был выдвинут с батареи комиссаром батальона связи. В финскую войну, спасая знамя дивизии, он разорвал его на две части и навернул на ноги в валенки. Он был убит, а финские солдаты, снимая валенки с убитых, обнаружили боевое знамя. Потерявшая боевое знамя часть подлежала расформированию. В Приволжском военном округе была сформирована новая 18-я стрелковая дивизия, и уцелевшие на войне командиры и политработники влились в ее состав.

К осени в полк прибыл командир майор Овчинников, окончивший Военную академию имени М.В.Фрунзе. К тому времени во всех частях была введена новая нумерация и 53-й полк стал именоваться «войсковой частью 4600». Когда Овчинников явился в полк, дежурный подал команду «Смирно!» и поспешил навстречу новому командиру с рапортом: «Товарищ майор! Войсковая часть сорок шесть и два нуля...» Овчинников скомандовал «Отставить!» и отчитал дежурного чуть не матерно: «Пошел ты со своими нулями к чертовой матери! Я приехал командовать 53-м стрелковым полком, а не нулями, вот о нем и докладывай». Пришлось дежурному докладывать по-старому...

В ночь на 7 ноября комиссар дивизии выделил меня для проверки несения караульной службы в гарнизоне. Здесь же был и командир дивизии Болдин, который потребовал обратить внимание на состояние НЗ боеприпасов в караулах. У нас было специальное разрешение на всестороннюю проверку караульной

службы, и за ночь мы объехали все шесть караулов гарнизона, побывали на постах, вскрыли НЗ боеприпасов «на случай боя» — и только в одном обнаружили патроны, покрытые зеленью. Мы заставили при нас вычистить патроны и закрыли их снова в ящик. Караульную службу бойцы несли бдительно. На одном посту на окраине города по постовому часто из леса вели прицельную стрельбу, и для защиты его была построена специальная бетонная защитная стенка. Закончив к утру проверку, мы доложили о ее результатах коменданту города.

Полковника Степанова сменил майор Нестерук, тоже окончивший академию, а Степанов стал начальником артиллерии дивизии[8]. Дивизия продолжала усиленно заниматься боевой подготовкой. Мне часто приходилось дежурить по штабу дивизии, и всегда в такие дни было что-то особенное. Не раз я был свидетелем завершения таких учений. Я по телефону получал сведения о движении частей дивизии, их направлении к своим местам. Обычно такие сведения передавал помощник начальника оперативного отдела майора Нечушкина капитан Бердников: «Хвостом прохожу Матросы» (был недалеко от города такой населенный пункт) или «Головой прохожу Сулаж-Гору». Полковник Степанов всегда был с колонной, сопровождая ее. Он ехал на «газике» впереди стрелкового полка, делал остановки, пропуская пехоту. Так было всегда. Но однажды это правило Степанов нарушил. Его шофер рассказал нам: «Подъехал к нему после окончания учений на машине, а он кричит мне «Прочь!», развернулся и уехал вперед и жду колонну, а Степанов увидал меня и кричит: «Катись домой и не возвращайся!» Километров сорок Степанов шагал во главе колонны к Петрозаводску. Потом он сам рассказал нам, что был у наркома Ворошилова, тот ткнул ему пальцем в живот и сказал: «Жиреешь, Карп Николаевич!» — «Вот и выполняю приказ наркома».

В начале января 1938 года меня с политруком Исаевым вызвали в Политуправление округа и в отделе кадров завели разговор о переводе на преподавательскую работу в 3-е Ленинградское артиллерийское училище. Я дал согласие, но заявил, что комиссар дивизии не отпустит. Мне выписали предписание о новом назначении и обязали сдать дела в ДПШ, передать комиссару привет и уехать. Получив такой документ я зашел в буфет при штабе округа и, к своему удивлению, увидел здесь комиссара дивизии Шустина. Он подозвал меня к себе и спросил, по какому делу я тут. Я ответил, что получил новое назначение в Ленинград, и сказал, что отдел кадров просил передать ему привет. Шустин начал часто моргать (как это было с ним всегда, когда он был возбужден или нервничал): «А ну-ка

покажи предписание!» Я отдал его комиссару, который, прочитав его, подошел к находившемуся здесь члену Военного совета бригадному комиссару Лайоку и сказал: «Округ хочет забрать старшего политрука Премилова, а он очень нужен в дивизии. Прошу отменить это решение». Член Военного совета ответил: «Порвите предписание, и пусть он едет в дивизию». Шустин порвал мое предписание и сказал: «Без моего согласия из дивизии не уйдешь». Так пропала моя возможность стать преподавателем истории партии в военном училище. Я уехал в Петрозаводск и продолжал службу в должности начальника ДПШ.

В ознаменование XX лет РККА была учреждена медаль «XX лет РККА» которой награждались те, кто к 23 февраля 1938 года имел выслугу не менее 20 календарных лет. В нашей дивизии таких было довольно много, но наш комиссар не получил медаль, — ему не хватило всего нескольких дней. Я же к XX годовщине РККА был награжден КарЦИКом ценным подарком — мне вручили фотоаппарат «Фотокор». Я давно мечтал о таком аппарате, но купить его было невозможно, их в продаже не было. Такое внимание командования дивизии было мне очень дорого! На торжественном заседании в ДКА доклад о 20-летии РККА сделал комиссар дивизии Шустин. Он опять был нездоров и приказал мне сидеть в кабинете начальника ДКА и в случае необходимости подменить его как докладчика. Захожу в кабинет и вижу — стоит полковник Степанов без гимнастерки и что-то делает внутри ее (я думал — орден поправляет). Обращаюсь к нему: «Здравствуйте, товарищ полковник». Ответа нет, молчание. Снова обращаюсь — то же самое. Степанов даже внимания не обращает на меня! Тогда я приблизился к нему и увидел в одной петлице ромб — нарком присвоил ему звание комбрига. Я вытянулся и сказал: «Здравствуйте, товарищ комбриг!» Степанова словно подменили: он опустил руки по швам и ответил: «Вот это другое дело, пропаганда, здравствуй. А это тебе, пропаганда, за то, что ты первым назвал меня комбригом — мои шпалы, они счастливые, носи их». Я долго носил его шпалы в петлицах гимнастерки, носил я их и в самые тяжелые дни войны, до присвоения мне звания «майор». Степанов остался в памяти как честнейший командир, безукоризненный в службе, глубоко верящий в дело партии...

Весной из дивизии перевели сначала комиссара Шустина (на должность члена Военного совета Приволжского военного округа), а потом на Украину уехал и Болдин — командовать стрелковым корпусом. Как раз в это время в дивизии распространился слух, что ее переводят на Украину. Многие жены комсостава стали усиленно готовиться к переезду, даже упаковку

для вещей готовили. Нас никто в политотделе об этом не информировал, и мы вели себя спокойно. Потом слухи утихли.

Мне частенько приходилось дежурить по штабу дивизии. Это было очень ответственное дело. Дежурному подчинялась служба ПВО почти от самого Ленинграда до зоны Мурманска. Всякое нарушение самолетами режима полетов немедленно докладывалось дежурному постами ВНОС (внутреннее наблюдение, оповещение, связь), а он должен немедленно докладывать командующему ВВС в Ленинград, перед этим принимая решение о нарушителях полетов. Зимой служба ВНОС доложила, что над запретной зоной (над каналом) летит четырехмоторный самолет. Что делать? Спрашивают: «Сбить?» — «Какие опознавательные знаки?» — «Красные звезды на крыльях». Отвечаю: «Пусть летит» — и спешно запрашиваю по паролю прямой провод к командующему ВВС. У телефона командующий, я докладываю ему: «Товарищ майор!» А мне в ответ: «Не майор, а полковник». — «Виноват», — говорю и докладываю о самолете. Скоро посты ВНОС связались по радио с командиром самолета Журавлевым и доложили, что он решил сделать посадку на озеро, запросил, какова толщина льда. Журавлеву сообщили, что лед ниже нормы, доступной для посадки тяжелого самолета, в ответ получили: «Сяду, нет горючего». Снова связался с командующим ВВС, а капитан Журавлев уже вел самолет на посадку. Журавлев был Героем Советского Союза, опытным военным летчиком, с опытом боев в Испании[9]. Учитывая недостаточную прочность льда, он повел самолет на посадку к берегу и вытянул его на берег. Скоро Журавлев позвонил в штаб дивизии и попросил меня соединить его с командующим ВВС. Я отказал ему в этом, не имея на это права. А через некоторое время он сам пришел в штаб дивизии и сказал: «Вот вы не дали мне поговорить с командующим, а я позвонил ему из ДКА без пароля». Тогда заканчивался дрейф папанинцев на льдине, и мне во время дежурства по штабу дивизии пришлось следить по линии службы ВНОС за полетом дирижабля, который должен был снять папанинцев с дрейфующей льдины. Дирижабль улетел, дежурство я сдал, а утром узнали, что он разбился, налетев на гору в районе Кандалакши. Потом выяснилось, что капитан Журавлев летал на Север и именно после гибели дирижабля возвращался обратно. Папанинцев сняли со льдины с помощью ледокола.

В памяти осталось и дежурство по штабу дивизии, когда над нашей зоной пролетал тяжелый самолет Леваневского, направляясь через Северный полюс в Америку. Мне передавали сведения, пока он летел в нашей зоне. Утром мы узнали, что самолет Леваневского начал терять скорость, с ним прекратилась

связь, и он пропал без вести. Долго его искали в полярном краю, но ничего не обнаружили, и его судьба до сих пор неизвестна.

В 1938 году в армии в связи с репрессиями и ростом численного состава проходило выдвижение командного и политического состава. В нашей дивизии были выдвинуты на более высокие должности многие политработники. В дивизию прибыли новый комиссар Серюков, но пробыл он у нас недолго — к осени его перевели, а комиссаром дивизии Мехлис назначил помощника начальника политотдела по комсомолу политрука Разумова, с которым мы встречались еще в 1933 году. Командиром дивизии назначили Черепанова, бывшего командира 54-го СП. Судьба его оборвалась трагически. В период войны с Финляндией его, с трудом справлявшегося с выполнением боевой задачи дивизией, назначили командиром корпуса. Отказывался от этой должности, заявив, что назначение ему не по плечу, но это не помогло. Получив назначение командиром корпуса, он вышел из дома командующего армией Кулика и застрелился...

В октябре меня вызвали в Ленинград в Политуправление округа и повели беседу о направлении меня на годичные курсы для подготовки преподавателей для военных академий. Я согласился и выехал в Москву в Военно-политическую академию имени В.И.Ленина (тогда она переехала из Ленинграда, на ее место переместили Военно-транспортную академию). Всех кандидатов на этих курсах подвергли серьезным экзаменам по истории партии, философии и истории СССР. Времени для подготовки было мало, но за исход экзаменов я совершенно не беспокоился.

Первый экзамен я сдавал по истории партии. К этому времени уже вышел учебник по истории ВКП(б) — «Краткий курс», как его назвали. С этим учебником я успел хорошо ознакомиться и на экзамене получил отличную оценку (в числе всего 2 человек из более 800 кандидатов). Несмотря на то что учебников не было и все приходилось повторять по памяти, остальные экзамены я сдал на «хорошо» и был зачислен в группу историков СССР.

Начало занятий на курсах намечалось на 1. ноября, но у меня 5-го кончалась выслуга трех лет в отдаленной местности, и мне причиталось получить тройной оклад. Я написал рапорт на имя начкурсов и просил дать мне отсрочку в явке на курсы до 10 ноября, заверяя, что отставания в учебе не допущу. Получив отсрочку, я вернулся в гарнизон, сдал ДПШ инструктору пропаганды из одного стрелкового полка, и вскоре настало время отъезда из Петрозаводска. Комбриг Степанов, узнав о моем отъезде, попрощался со мной и сказал: «Пропаганда, бери мою

машину». Больше я его уже не видел.

В Москве и на Дальнем Востоке

На курсах уже начались занятия по трем направлениям: история партии, история СССР и политэкономия. Для всех обязательным был курс истории партии, а после этих лекций все слушали лекции по своим группам. Слушателям создали отличные условия для учебы, разместив в комнатах по два-три человека. Учебную нагрузку определили в объеме двух лекционных дней в неделю, а остальное время отвели для самостоятельной работы по специальности. К преподаванию были привлечены высококвалифицированные преподаватели Военно-политической академии. Читался нам, в частности, курс историографии — науки об исторических источниках и развитии исторического знания. Я много занимался в Библиотеке имени В.И.Ленина (нам выдали пропуска в читальный зал научных работников). Несколько раз в год я ездил к семье: через нашу станцию Середа в сутки проходило два поезда на Москву: один через Иваново, а другой через Ярославль, и времени на езду уходило полсуток.

В 1939 году РККА перешла на систему кадровой армии, ее личный состав увеличился, возросло и количество командно-начальствующего состава. Было принято решение о повышении окладов, и теперь я стал получать до 1000 рублей, из которых больше половины отсылал Клавде с сыном. Помню, что для Кпавди купил отрез на платье японского крепдешина, а для патефона — японских пластинок: Япония оплачивала товарами купленную у Советского Союза КВЖД. В феврале вся армия и Военно-морской флот приняли Военную присягу. Раньше она принималась коллективно и документально для каждого военнослужащего не оформлялась, а теперь каждый перед строем принимал присягу и расписывался в этом. Мы, слушатели курсов, принимали Военную присягу в здании академии; все было обставлено торжественно.

Репрессии продолжались и в 1939 году. Все руководство академии было обновлено: начальником академии стал дивизионный комиссар Боков, а начальником политотдела Мехлис назначил выпускника академии старшего политрука Орлова. В утренние часы новый начальник академии стоял у входа и со многими слушателями здоровался за руку, подчеркивая близость к личному составу. Предыдущих начальников академии мы, заочники, знали только по фамилиям, а в лицо никогда не видели. Мне надлежало заменить партбилет, подписанный Коробовым, попавшим в разряд врагов народа. Я

прошел процедуру заполнения предварительных документов и был направлен на беседу к начальнику политотдела Орлову, которому доложил по-уставному. Беседа была короткой, подчеркивая разность в занимаемых должностях, он даже не предложил мне сесть. Через день я прибыл для получения партбилета, вошел в кабинет и докладываю: «Товарищ старший политрук...» — а в ответ грубоватое, резкое: «Смотреть надо!» Я посмотрел на его петлицы и доложил ему как полковому комиссару. Этот партбилет был со мной всю войну и до 1954 года, до обмена на новый. В подтверждение чистоты своей прежней жизни и работы в партии от коммунистов требовались тогда товарищей, знавших об их прошлой работе. Личные дела оформлялись заново, с подтверждениями и характеристиками. Мне пришлось порыться в памяти, чтобы дать фамилии и адреса товарищей, знавших меня в прошлом. Очевидно, от кого-то из товарищей пришло на меня подтверждение, но позже я узнал, что эти личные дела куда-то пропали; говорили, что в Политуправлении Приволжского военного округа рухнули стеллажи, и все материалы личных дел перепутались. Так или не так, но мое личное дело исчезло, и его завели заново, но там многих материалов уже не было.

Еще осенью в академии проходил набор в адъюнктуру, но я от предложения отказался: условия для жизни были хуже, чем мы имели на курсах, и надо было жить три года без семьи. Не согласился я и на предложение пойти на педфак академии начальником учебной части. Я еще продолжал состоять в комсомоле: посещал комсомольские собрания, находясь на учете в административно-хозяйственной части академии. На курсах я был почти единственным комсомольцем: возраст слушателей в большинстве был далеко не комсомольский. Согласно новому Уставу партии, я, как комсомолец, не занимающий в организации руководящей должности, выбывал из рядов ВЛКСМ.

В мае начались бои с японской армией, пытавшейся захватить МНР. В общих чертах нас информировали об этом: мол, идут бои на границе. А в самом начале июля из нас отобрали группу кадровых политработников и по распоряжению начальника Главполитуправления отправили на Дальний Восток — в район поближе к МНР. 3 июля мы выехали с Ярославского вокзала — вагон был заполнен нами целиком. Поезд ежедневно увозил нас все дальше и дальше — на 800 километров за сутки. После долгого пути за большим мостом через широкий Амур показался Хабаровск — наш конечный пункт назначения, и мы сошли с поезда.

В то время Хабаровск был грязным городом. Всего три-четыре

улицы с асфальтом, а в стороны от них улицы с лужами грязной воды, в которых резвились утки и гуси. Вечерами город затемнялся. В магазинах не было продовольственных товаров — сахара не купишь. Трудно жили тогда дальневосточники.

Нас разместили в здании мединститута, и мы с трудом начали привыкать к шестичасовой разнице во времени. Питаться нашу группу прикрепили к столовой штаба 2-й Отдельной Краснознаменной армии (ОКДза), которой командовал Иван Степанович Конев. Мы находились в личном распоряжении Мехлиса, и нас пока никуда не направляли. Ежедневно начальник Политуправления информировал нас о ходе боев в районе Халхин-Гола, накал боевых действий не ослабевал.

Так прожили мы дня четыре, потом нас всех распределили по частям. Я попал в группу, отправленную в Еврейскую автономную область, в расположенные в ней войсковые части. Доехали до Биробиджана поездом. Здесь был штаб стрелкового корпуса, и мы задержались в городе на два дня, пока группу распределяли по частям и решали вопрос с транспортом. На третий день утром выехали автобусом в Бабстово, где располагался штаб дивизии. Путь занимал около 200 километров, и ехали мы долго.

В политотделе дивизии нас принял ее комиссар, недавний выпускник академии. Он занимался всякими вопросами (даже мелочными) и был на службе с утра до позднего вечера. Нас он встретил хорошо и, узнав, что мы сегодня ничего не ели, отдал распоряжение, чтобы нас покормили. Проблема питания здесь была очень острой — армия здесь жила на привозных продуктах: сушеных овощах, картошке, солонине (особенно рыбной); свежих продуктов не поступало. Но мы не обижались и никаких претензий не предъявляли.

В 1938 году 2-й Отдельной Краснознаменной армией командовал прославленный герой Гражданской войны Василий Константинович Блюхер. Под его руководством был дан отпор японским захватчикам у озера Хасан, но после этих событий он был оклеветан, арестован и расстрелян как враг народа. Говорили, что в разоблачении Блюхера особую роль играл Мехлис, находившийся в районе боев у озера Хасан. Нам красноармейцы рассказывали, что при Блюхере питание было налажено лучше.

Работы было много: я готовил и читал лекции о событиях двух лет национально-освободительной войны в Китае, о Русско-японской войне 1904–1905 годов, — эти темы вызывали большой интерес у бойцов и командиров и даже у их жен. После выступлений в частях дивизии мы переехали в Ленинское на берег Амура, что в километрах 20 от Бабстова. Здесь был отдел

политпропаганды Укрепленного района (УР). Эта моя поездка была намечена сюда еще в Москве, и сделан запрос на право посещения мною укреплений на самой границе. Мне сказали, что от Генштаба прибыл пропуск туда на мое имя, и показали красную плотную картоночку. В УРе мы с товарищем выступали перед личным составом частей по 2–3 раза в день, а в промежутки между докладами ходили купаться на Амур. Место для купания было ограничено бревнами-поплавками, а на углах плавали на якорях огромные пустые бочки: нередки были случаи гибели при купании. В августе с верховий реки поступала вода очень холодная от тающих льдов. Внезапно на купающихся могла попасть полоса ледяной воды, люди не успевали выбраться на берег, коченели и тонули. Течение в Амуре было сильное! Красноармейцев водили купаться строем, ну а мы ходили вдвоем. В вечернее время после купания на нас нападали какие-то особые крупные комары и сильно кусали: отпугнуть их было нельзя, и мы, не одевшись, бежали в ближайшую палатку. Летом многие подразделения УРа жили не в казармах, а в полевых палатках, находясь всегда в полной боевой готовности. Комары набивались всюду, и в помещении спать было невозможно, а в палатках перед сном бойцы зажигали на полу дымный костер, закрыв все щели, дым выходил только через вход. Комары погибали, и можно было спокойно спать.

Однажды меня известили, что я могу отправиться непосредственно на берег Амура, в расположение укрепленной линии. За мной из батальона прибыл красноармеец с конем и винтовкой в руке. Он сошел с коня и по всем правилам доложил, что прибыл для моего сопровождения в расположение части на берегу Амура. Ехал я шагом: не умел еще ездить рысью, да и нельзя было, конь-то был один. Впереди боец с винтовкой, а я ехал за ним по узкой тропке, заросшей буйной лебедой, вымахавшей выше человеческого роста. Приехали мы к коменданту участка, который жил здесь с семьей (жена и сын лет шести) безвыездно несколько лет. Его жена была единственной женщиной на всем участке границы. Он очень обрадовался моему приезду (человек из Москвы!) и рассказал мне то, что считал необходимым.

Бойцы и командиры жили здесь в полуземлянках — зданиях, наполовину врытых в землю: в помещении было чисто, винтовки стояли в пирамиде напротив коек. Службу охраны границы несли круглосуточно. Амур тут был широким, многоводным, с низкими берегами. На нашем берегу буйная растительность скрывала расположение укреплений и бойцов, а напротив на берегу стояла трехэтажная казарма, недалеко от нее в Амур впадала река

Сунгари. Берег Амура на этом участке плотно зарос тростником, он скрывал подход к берегу с нашей стороны, но и давал возможность японцам скрытно подобраться к нашему берегу. На ночь и даже днем ставились секреты.

Напротив за Амуром был город Лахасусу с большим японским гарнизоном. Берега Амура на маньчжурской стороне были открытыми и хорошо просматривались с нашей стороны. В свободное от докладов время я в сопровождении опытного бойца или младшего командира ходил по территории участка, забирался на густую иву и в стереотрубу наблюдал за японским берегом. Там все шло по заведенному правилу, и сержант, наблюдающий за берегом, рассказывал мне, упреждая ход событий: «Вот через пять минут влево от впадения Сунгари на песчаном берегу появятся трое, и с ними женщина. Они разденутся догола и начнут непристойные забавы. Это они нарочно делают для отвлечения нашего внимания, так как из устья Сунгари выйдет шаланда под парусом и бойко пойдет вверх по Амуру. Нам она знакома, у нее сильный мотор, а парус так, для маскировки...»

Потом, в перерыве между докладами, мне удалось побывать у артиллеристов в капонирах. Артиллерийские орудия были заряжены, наведены на шаланду и сопровождали ее движение до возможного наблюдения своего сектора обстрела. Капонир был в образцовом состоянии: чистые, аккуратно убранные постели, тумбочки с вышитыми салфеточками. Лейтенант-артиллерист и сам был одет очень аккуратно, и бойцы его выглядели такими же. Здесь же, среди бойцов, несущих службу в укрепленном участке, находилась застава пограничных войск с высокой вышкой для наблюдения за берегом противника. С младшим политруком я поднялся на вышку, во вместительную кабину для наблюдения. Пограничники хорошо знали, что будет происходить за Амуром, посмотрев на часы, младший политрук сказал: «Через пять минут из ворот казармы выбежит солдат и помчится по берегу, а через 20 минут выедет японский офицер на коне». У японских офицеров ординарцы не имели коней, но обязаны на месте прибытия офицера быть первыми. Мне разрешили посмотреть в подзорную трубу с большим увеличением, я навел трубу на казарму, где через открытое окно хорошо просматривались плакаты с изображением японской техники: пулемет, огнемет, винтовка.

Утром мне сообщили новость — поймали перебежчика с японской стороны. Нарушителя задержал боец-повар. Когда рассвело и ночное наблюдение было заменено дневным, не требующим такого количества бойцов, из прибрежных кустов появился нарушитель-китаец, на нем был шикарный шелковый

халат, изящные китайские туфли, шапочка. Все дивились тому, как китаец прошел через тростники, не замочив ноги, в мягких туфельках, в халате! Повар схватился за винтовку и к нему, кричит: «Руки верх!» Он поднял и лопочет: «Мне товарища начальника надо», — сорвал травы и прикладывает к воротнику, указывая на зеленый цвет. Было понятно, что ему нужен начальник заставы. Повар задержал его, и, когда появился начальник заставы, китаец сказал: «Здлавствуй, товалиш начальник!» — «А, ходя!» Ему завязали глаза черной тряпочкой и увезли на заставу. Позже мне сказали, что это был посланец от Китайской Красной Армии, он уже не раз бывал в СССР. Через несколько дней «нарушитель» был переправлен обратно через Амур.

Командиром одной из рот был старший лейтенант Турук, с которым мы исходили все берега. Амур здесь имел несколько рукавов — проток, как их называли, одна из них называлась Гольдинской. Эта протока была судоходной для больших судов, здесь и велись работы. Протока проходила по нашей территории, но по ней ходили и японские суда с пассажирами. Едущим запрещалось смотреть из окон и с палубы, но японские разведчики под видом пассажиров выходили на палубу. В таком положении «пассажиры» находились недолго: появлялся наш монитор, вооруженный артиллерией «речной крейсер», давал гудок, предупреждая о нарушении правил проезда, и палуба моментально пустела. Это мы с Туруком наблюдали своими глазами несколько раз. Монитор шел рядом с японским пароходом, провожая его до главного русла Амура.

После всех поездок в пограничной полосе мы всей группой вернулись в Ленинское, в отдел политпропаганды УРа. Наша работа в основном была уже закончена. Здесь я несколько раз видел капитана-связиста с седой прядкой волос. После моего выступления в батальоне связи, командиром которого был капитан, я остался с ним наедине и спросил капитана, что с ним случилось. Он рассказал: «Меня арестовали работники особого отдела и предъявили обвинение, что я являюсь японским шпионом. Я заявил, что никогда не шпионил и Родине не изменял и не изменю — я ее защищал еще в Гражданскую войну. Ну мне поддали как следует и говорят: «Подпиши обвинение». Я категорически отказался, и мне объявили, что расстреляют. Я приготовился к этому. Рано утром мне приказали раздеться до нижнего белья и один вооруженный красноармеец повел меня в подвал. Я отчетливо слышал, как он вогнал патрон в канал ствола, и тут же громкий крик: «Васька, обожди», — а тот в ответ: «Вот пущу в расход еще одного изменника!» — а ему еще громче:

«Не стреляй, тебе говорят! Нашего начальника арестовали, веди капитана назад!» Я повернулся к ним лицом, и, как они сказали мне, у них на глазах в моих волосах появилась прядь седины... А через несколько часов меня отпустили и сказали: «Иди командуй своим батальоном». Я жалею, что мне не запомнилась фамилия этого капитана...

Вскоре группировка японской армии в районе Халхин-Гола была разгромлена, и наша группа получила возможность возвратиться в Москву. Кадровики Политуправления армии в Хабаровске пытались оставить меня на должности начальника учебного отдела Военно-политического училища, но я отказался от их предложения, а получить разрешение Мехлиса оставить меня они не сумели. В Москве наши курсы уже заканчивали свою работу: писались аттестации, характеристики, новые преподаватели распределялись по стране. С нами, пробывшими в командировке почти два месяца, дело обстояло сложнее — надо было серьезно готовиться к экзаменам. Мы занялись этим, и я сдал оба экзамена благополучно.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу; Англия и Франция объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война. Фашистские войска продвигались по Польше, не встречая серьезного сопротивления. Под фашистское иго могли попасть народы западных областей Украины и Белоруссии, находившиеся в составе Польши. Советское правительство готовилось к защите своих единокровных братьев. В этой обстановке наши курсы оказались активными участниками назревших неожиданных событий.

В освободительном походе в западную Украину

Большую группу (до 200 человек) слушателей академии и части наших курсов собрали, и корпусной комиссар разъяснил нам обстановку, заявив, что, очевидно, частям Красной Армии придется двинуться в Польшу. В этой войне могут быть жертвы, и кто робеет перед этим — могут не ехать. Лишь несколько человек «по состоянию здоровья» отказались от возможного участия в войне. Мне такое и в голову не пришло: я был приучен честно и безотказно выполнять поручения партии. Человек полтораста Кузнецов отобрал и сказал, когда и куда мы должны будем явиться. Это было в конце первой декады сентября.

В стране была проведена частичная мобилизация. Москва, встревоженная этой мерой, пережила лихорадочное время: в магазинах исчезли продукты. Мы выехали в Проскуров, где располагался штаб КВО. Мы находились в распоряжении Политуправления округа, который с 17 сентября именовался Украинским фронтом. События развертывались своим чередом: в округе была проведена мобилизация личного состава всех степеней и транспорта. Накануне выступления наших войск в Польшу из нашей группы отобрали несколько человек и каждому определили задание. Я получил удостоверение представителя Военного совета фронта на станцию снабжения Большие Пузырки и литер на поезд. Это был маленький разъезд километрах в ста от Проскурова, между Староконстантиновом и Шепетовкой на рокадной железнодорожной линии, в 50 км от границы с Польшей. Я нашел начальника станции снабжения и его заместителя по политчасти (оба были призваны из запаса) и представил им свой документ. В штате начальника станции снабжения были специалисты по горючесмазочным материалам, продовольствию, вооружению. Его заместитель имел маленький штат политотдела. Пока все сидели без дела, никаких грузов не поступало. Начали было скучать от безделья — но тут узнали, что наши войска перешли границу Польши. На станцию хлынул поток самых различных грузов, прибыл рабочий батальон, состоящий из мобилизованных жителей Украины (обмундирования им никто не выдал). Прибывающие с грузами эшелоны ставились на запасные пути разъезда и быстро разгружались под открытым небом: были горы муки, круп, сахара, ящиков с макаронами, стояли цистерны с горючим для танков и автомашин.

Часть бензина была привезена в бочках, их сложили в стороне

от разъезда и поставили караул.

С начальником политотдела и его сотрудниками мы вели разъяснительную работу среди личного состава станции снабжения, ночами проверяли состояние охраны грузов. Идем к бочкам с бензином; часовой в изношенной рубашке и брюках сидит на бочке и курит свою самокрутку. Кричу ему: «Прекратите курить!» Он бросил цигарку на землю и затушил ногой. Подошли и разъясняем ему, что курить на посту нельзя, а он отвечает: «Какой же я часовой в такой одежде? Я сторож, а сторожам курить можно». Мы разъяснили ему, что у склада с бензином курить нельзя никому.

Скоро появились представители частей за получением грузов. Но система отпуска грузов не была обеспечена необходимыми документами: представители не имели ни доверенностей, ни аттестатов. Танкисты просят горючего, интенданты — продовольствия. Начальник станции снабжения не берет на себя ответственность на выдачу продовольствия и горючего без документов, на заявки и доверенностей на их получение. Что делать? Танкисты ругаются: «Наши танки границу перешли, а вы не даете горючего, срываете выполнение боевой задачи». Медлить было опасно. Я предложил начальнику станции снабжения отпускать продовольствие и бензин всем под их расписку. Это будет меньшим злом, чем срывать выполнение боевой задачи. Начальник согласился, и скоро танкисты получили бензин, а интенданты — продовольствие. Сам я решил немедленно ехать в штаб фронта за разрешением на такие выдачи, и мне выдали мобилизованную на ближайшей МТС [10] машину с пожилым шофером. Комиссар штаба (в звании полкового комиссара) выслушал меня и инициативу одобрил: расписки он потребовал сдать в штаб фронта после окончания работы станции снабжения.

Работа станции шла полным ходом, но эшелоны стали приходить реже. От приехавших за бензином танкистов мы узнали, что уже перешита железнодорожная колея и поезда идут туда. Успех наших войск чувствовался. Раз днем прибыл эшелон с продуктами, его быстро выгрузили, и тут приказ: погрузить и отправить обратно. Рабочие красноармейцы устали, а грузить надо. Мы пошли к ним с начальником политотдела и разъясняем, что этот эшелон последний и выгружать больше не придется, но выгруженное надо немедленно погрузить обратно, — и попросили их сделать это побыстрее. Все вагоны были погружены за несколько минут, и эшелон отправился в обратный путь. На этом станция снабжения заканчивала свою работу: меньше стало поступать заявок, прекратилась подача горючего. Осталось несколько бочек с бензином и маслом. Вскоре я вернулся в группу

резерва политсостава (ее возглавлял инструктор управления кадров ГлавУПП[11] РККА).

В эти дни произошел интересный случай. Поздним вечером мы пришли в столовую военторга, так как весь день ничего не ели. Столовая была закрыта. Стучимся, а из закрытой двери отвечают: «Ужин давно закончился, обслужить не можем». Мы стоим в темноте и думаем: а где же все-таки нам покушать? К нам подошел рослый летчик в кожаном реглане и поинтересовался, что мы тут делаем. Мы объяснили, что хотели поужинать, а столовая не хочет нас накормить. «Как не желает? А ну, посмотрим». Он своими большими кулаками сильно застучал в дверь и, услышав, что кто-то подошел к двери, громко сказал: «Я летчик Кравченко, откройте!» Столовую открыли. Кравченко, дважды Герой Советского Союза, прославившийся в боях на Халхин-Голе,[12] потребовал: «Накормите командиров», — сел в сторонке и просидел все время, пока мы ели. Встал он вместе с нами, сказал: «Надо добиваться своего, не отступать перед трудностями», — распрощался и исчез в ночной темноте.

Штаб фронта переводился в Тернополь, и туда мы все отправились. Из нас создали несколько групп по 2–3 человека и направили на предприятия выбирать представителей временного управления — «тымчасовых». Скоро наши войска вступили во Львов, остановилось и продвижение немецких войск на восток. Операция фронта была закончена. Интересно, что за все время похода мы не видели убитых, лишь встретился один красноармеец с перевязанной рукой. Теперь приказом Мехлиса мы, все 150 человек, были отправлены в Москву. По прибытии всех нас назначили на новые должности: в большинстве преподавателями военных училищ. Я получил назначение на должность преподавателя истории партии в Вольское авиационно-техническое училище.

В Вольском авиационно-техническом училище

По тем временам этот волжский город был довольно крупным. Улицы в нем были широкие и длинные. Здесь имелось четыре цементных завода и два военных училища, причем оба авиатехнические. В училище я представился командованию и начальнику СЭЦ[13] в ранге.батальонного комиссара. Училище возглавлял военный инженер 1-го ранга Хадеев, отличный организатор. Благодаря его деятельности училище занимало ведущее место среди таких учебных заведений. Готовило училище военехников по обслуживанию самолетов. В нем было шесть батальонов по 600 курсантов. Учили тогда их год; каждые два месяца — выпуск. Зимних каникул не было, и нагрузка на курсантов была большой.

Меня направили в 3-й батальон, который начал занятия с ноября. Я должен был читать весь курс истории партии, под моим руководством курсанты вели самостоятельную работу в часы самоподготовки; кроме того, я участвовал в приеме экзаменов. Годовая учебная нагрузка определялась в 1000 часов. Командовал батальоном полковник Затевахин, участник Гражданской войны. А из курсовых командиров взводов мне запомнился капитан Опарин. Обычно курсовые командиры имели звание не выше старшего лейтенанта, и я заинтересовался, почему взводом командует капитан. Комиссар батальона старший политрук Лебедев (я знал его еще по учебе на курсах пропагандистов в Москве) объяснил: Опарин служил у белых в Гражданскую войну, а потом в Красной Армии, — вот и опасаются, не дают ему другую должность, а звание дали за большую выслугу лет.

Мы не только учили, но и учились: нас, преподавателей, обязали изучать военную технику. Начали мы это с изучения авиационного мотора Микулина для бомбардировщика, причем сдавали зачеты. У меня были некоторые знания о моторах: еще в пединституте мы изучали двигатель трактора, и мне было немного легче других. Кроме общих видов подготовки (физической, стрелковой, тактической, огневой), нас обучали и штурманскому делу. Уже первые занятия показали, что этим делом овладеть вполне возможно, и учились мы старательно.

В училище была отличная дисциплина, все шло по строгому ежемесячному графику. На всей территории училища была образцовая чистота, и несмотря на большое количество обучающихся курсантов, их не было видно. Состав курсантов

подбирался очень тщательно по физическим данным. Распорядок дня был трудным: подъем в 6 утра, а в 7.10 начинались занятия — три пары по 90 минут с коротким перерывам для физической разминки, не выходя из класса, перерыв между парами занятий на 10 минут, потом обед. Обед был всегда из трех блюд, на второе всегда мясное и на третье какао или компот «по потребности». Мне за всю службу в училище только один раз пришлось дежурить в столовой. Когда обед был готов и шеф-повар подал пробу, я не мог одолеть весь курсантский обед, настолько он был сытным; да и вообще в городе было очень хорошо с продуктами! После обеда у курсантов был отдых, самоподготовка три часа, а затем свободное время и отбой.

В те времена авиация имела свою специфическую военную форму: синие шинели и шлемы, синие гимнастерки, парадный френч, рубашка под черный галстук, синие пилотки. Фуражки не выдавались, и их шили за свой счет. Рассказывали что интенданты ВВС показали наркому Ворошилову образец фуражки для авиаторов, он посмотрел и спросил авторов: «Вам нравится?» Те ответили: «Да». — «А мне нет, утверждать не буду». Так мы и ходили в пилотках до наступления холодов, когда переходили на зимнюю форму одежды. Нас усиленно тренировали на лыжах (физруком в нашем батальоне был старший лейтенант, великолепный лыжник, входивший в десятку лучших лыжников РККА), и при спусках с гор наши синие шинели промерзали, становясь голубоватыми от инея... Потом они были отменены, но я этой шинели лишился только на войне, вместе со всеми своими вещами.

Занятия по истории партии с курсантами шли своим чередом. Но в самом начале учебной работы наша спокойная жизнь была нарушена начавшейся войной с белофиннами. 30 ноября 1939 года началась эта трудная для нашей страны война. Моя родная 18-я стрелковая дивизия вступила на территорию врага, но потом была окружена и отрезана от тыла. Много ее славных воинов погибли, в том числе мои бывшие сослуживцы, включая моего товарища Сашу Разумова. Остатки дивизии вывел из окружения командир 18-го артполка майор Нестерук, а его комиссара, батальонного комиссара Израецкого финны живым разорвали на части. В руки к финнам попало боевое знамя дивизии, врученное еще ВЦИКом в Гражданскую войну, и дивизия была расформирована...

Люди, жившие в тот период, хорошо запомнили эту войну. В глубоком тылу сразу наступили трудности в снабжении продовольствием, ряд продуктов исчез из продажи. Нам, военнослужащим в Вольске, снабжение хлебом обеспечивалось

военторгом: хлеб заказывали и продавщицы приносили его на дом; дефицитные продукты по распределению получали через магазин и училище. На войну отправили много лыж, уехал наш физрук, в госпиталях появились раненые и обмороженные… Все же прорыв линии Маннергейма и овладение Выборгом открывало нашим войскам путь в глубь Финляндии, и финские реакционеры пошли на мирные переговоры. Все вздохнули с облегчением.

Уже после войны в приказах наркома обороны Тимошенко появились требования учить войска тому, что требуется на войне. В нашем училище начальствующий состав усилил боевую подготовку, в зимнюю форму одежды ввели шапку-ушанку, заменившую шлем-буденновку, для солдат появились ватники под шинель. К этому времени наше училище стало выпускать не воентехников, а сержантов авиационно-технической службы, а объем материала в изучении не уменьшился. Кто поступал в училище в сержантском звании, выпускался старшим сержантом и был обязан служить в армии короткий срок, не как техники, которые зачислялись в кадры армии.

Учебный год закончился. Наш батальон комплектовался новым составом, а в середине ноября меня вызвали в Военно-политическую академию для сдачи экстерном экзамена по истории партии (подготовке к нему я посвящал все свое свободное время). Экзамен я сдал на «отлично», и было сочтено, что я соответствую своей должности преподавателя. А ведь могло быть иначе: о плохой подготовке преподавателей училищ ставилось в известность Управление кадров.

Когда я возвращался в Вольск, моим попутчиком в плацкартном вагоне оказался паровозный машинист из Энгельса. Он возвращался домой из звенигородского дома отдыха под Москвой и рассказал мне, что целый день добирался из Москвы в дом отдыха: «Сел в пригородный поезд, выпил на дорогу и заснул. Проснулся — подъезжаем к Москве: я проспал Звенигород, поезд шел уже обратно. Снова еду и опять выпил и опять проспал. Только на третий раз попал в Звенигород!» В те дни Молотов был в Берлине и встречался там с Гитлером, газеты опубликовали фото, на котором Гитлер держал Молотова за локоть. Машинист внимательно посмотрел на снимок и сказал: «Вот подлец, обманет ведь, обязательно нападет на нас! Может, зря такую дружбу разыгрываем с Гитлером?» Что я мог ему ответить? Так сложилась обстановка, что надо было идти на договор с Германией. Машинист изрек свое мнение: «Попадись этот Гитлер мне, я бы его молотком по голове! В Гражданскую войну ко мне в будку заскочил на одной станции беляк. Дело было за Волгой, я стукнул его молотком по голове и выбросил в степь, вот так бы и

Гитлера укокошил!» Таково было мнение простого рабочего...

Примерно в феврале 1941 года пришла телеграмма за подписью члена Военного совета Шустина:

«СТ ПОЛИТРУКА ПРЕМИЛОВА ПРИ ЕГО СОГЛАСИИ КОМАНДИРУЙТЕ В ПЕДИНСТИТУТ Г КАЛИНИН».

Виноградов показал мне эту телеграмму, но я отказался. В марте 1941 года я вычитал весь курс лекций, и мои курсанты сдавали экзамен. На экзаменах присутствовал представитель из ПУОкра[14] в ранге батальонного комиссара. Слушая ответ курсанта, он сказал мне: «Неважно отвечают». — «Курсант отвечает правильно». — «Этого нет в «Кратком курсе»». Я взял учебник, содержание которого знал отлично, открыл нужную страницу и ногтем сбоку отметил, что говорил курсант. Батальонный комиссар прочитал, вспыхнул и ушел с экзамена. Позже на его заявление «Как вы меня подвели!» я ответил, что прежде, чем оценивать знания, надо самому хорошо знать этот материал. С этим человеком судьба свела нас в начале Отечественной войны. Мы сидели в столовой в Чернигове, и он заявил, что «недели через две будем в Берлине». Я возразил ему, что этого не может быть: мы отступаем, и в качестве пленного ни один политработник в Берлин не попадет, их немцы расстреливают. Он заявил, что я пессимист, не верю в скорую победу, а я опять ему: «Верю в нашу победу, но не скорую»... Интересно, что в апреле с докладом в училище выступил лектор ЦК ВКП(б), — и в его докладе ясно прослеживалась мысль о неизбежности войны с Германией.

После сдачи экзаменов я оставил преподавательскую работу и перешел на вакантную должность старшего инструктора по оргпартработе в отделе политпропаганды. Здесь я готовил планы политотдела на месяц, анализировал состояние дисциплины и готовил политдонесение в округ о политико-моральном состоянии. За два учебных года я двенадцать раз повторил каждую тему курса истории партии, а теперь усиленно завершал подготовку к сдаче второго экзамена экстерном — уже по истории СССР, он должен был состояться в Куйбышеве. В конце апреля я сдал и его, также на «отлично». В то время Куйбышев был грязным городом: всего четыре улицы были покрыты асфальтом. И вот я иду утром по центральной улице, а навстречу генерал в авиационной форме. Это был первый генерал советской армии, которого я увидел. Я перешел на строевой шаг и приветствовал его, он ответил на мое приветствие и сказал мне: «Молодец, здорово у вас это получилось, можете еще разок так сделать?» Я отошел на несколько шагов назад и еще раз приветствовал генерала, который сказал: «Спасибо, уважил человека!» Генерал

был уже пожилым человеком лет за шестьдесят. Кто он был по должности, я так и не узнал: даже командующий ВВС округа не имел генеральского звания.

Приехал я домой в канун 1 Мая. В этот день прошли военные парады и в воздух были подняты для парада многие сотни самолетов; по каждому такому параду газеты сообщали о количестве участвующих самолетов. Это было грандиозно! Намечались и большие маневры. Через наш аэродром самолеты с востока перегонялись к западу. Обстановка была тревожной. Для усиления обороны на западное направление направлялись войска, которым надлежало быть вторым эшелоном прикрытия, а первый составляли уже постоянно находящиеся здесь войска. И вот в такой момент из ПУОкра в училище пришла телеграмма с указанием немедленно командировать меня в распоряжение округа. Собрался я быстро и вскоре пароходом убыл в Куйбышев. Из отдела кадров меня сразу направили к члену Военного совета (ВС) дивизионному комиссару Шустину. С ним я не встречался с 1930 года, но он помнил меня хорошо. По привычке моргая глазами, он посмотрел на меня и спросил: «Шинель взял?» — «Нет, тепло, у меня плащ». — «Ты забыл, чему тебя учили раньше, как по тревоге собираться?» Я сказал, что дам телеграмму и шинель мне привезут завтра, сержант едет на учебу в военно-политическое училище. Тогда Шустин[15] продолжил: «Переведи аттестат на семью, поедешь на длительные учения на несколько месяцев, и если все будет нормально, то вернешься к осени. У Шефера[16] почитай материалы о последних событиях». Напоследок он сказал мне: «Больше с вами не встречусь, меня переводят в Северо-Кавказский военный округ, желаю вам успеха». Так я навсегда расстался с этим деловым, энергичным, вдумчивым и внимательным к людям политработником. В самом начале войны он погиб в районе Ростова-на-Дону...

На другой день сержант привез мне синюю шинель, а Клавде я перевел аттестат на 650 рублей — на большую сумму не разрешалось. В эти июньские тревожные дни ТАСС опубликовало сообщение о том, что Германия и Советский Союз выполняют договорные обязательства и о нападении друг на друга не помышляют. Вот оно в подлиннике: «*Распространяемое иностранной печатью, особенно английской, заявление о близости войны между СССР и Германией является бессмысленным и не имеет никаких оснований. По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт о ненападении на СССР лишены всякой почвы*» («Правда» за 14 июня 1941 г.). Мы читали и

задумывались над этим сообщением: кого оно могло успокоить? Уж больно было много случаев нарушения границы со стороны Германии, и они не прекращались.

В ПУОкре меня закрепили на должности старшего инструктора по работе среди войск противника. Это было, очевидно, связано с тем, что я изучал немецкий язык и мог читать по-немецки. Начальником этого отделения был батальонный комиссар Толстой. От него я пока никаких поручений не получал, — да и он не знал, чем заниматься его отделению. К вечеру субботы 21 июня нас подвезли к воинскому составу и распределили по вагонам. Каждому было выделено спальное место, нам выдали по чехлу к матрасу, по термосу и ложке с миской. Термосы были на ремешке через плечо, и многие побили их еще в вагоне. В нашем составе ехали член ВС округа дивизионный комиссар Колонии и начальник Политуправления дивизионный комиссар Червов; товарные вагоны занимал личный состав воинской части.

Вечером тронулись в путь. Куда ехали, нам не сказали. Рано утром, еще только рассвело, нас пригласили в вагон к члену Военного совета, и он объявил, что в 4 часа утра Германия напала на нашу Родину. Больше он ничего не сказал и никаких практических указаний не давал. Проезжаем Пензу; железнодорожники носят сумки с противогазами, а с платформ летят спортивные снаряды и принадлежности — они больше не требовались.

В угнетенном состоянии от страшного известия мы ехали, почти не разговаривая — да и говорить-то было не о чем. Мы ехали в суровую неизвестность. Никто не предполагал, что такой жесткой, тяжелой будет для нас эта война.

Самое тяжкое время

Война, известно,
Жертв не выбирает,
Все без разбора руша и губя,
В ее огне и гении сгорают,
Еще не проявившие себя.

Сергей Михалков

С начала этой войны прошло много лет. Из моей памяти навсегда ушло немало имен, выпали отдельные события и даты. Но то, что написано, цепко осталось в памяти на всю жизнь и представляется мне так ясно, как будто это было вчера. Эта частица войны — то, что я видел и пережил сам.

Первый раз мы, едущие к фронту, почувствовали дыхание войны поздним вечером 24 июня 1941 года. В полной темноте, под свистки железнодорожников и далекий грохот орудий наш эшелон выгрузился в Чернигове. Нас, будущих политотдельцев 21-й армии, перевезли в гарнизонный Дом Красной Армии, что располагался на окраине города при въезде со стороны Киева. Было около полуночи, и нам разрешили немного поспать. Мы улеглись на полу, а с рано наступившим рассветом нас собрал начальник отдела политпропаганды дивизионный комиссар Чернов. Высокий, в гимнастерке с двумя орденами Красного Знамени, красивый — таким он остался в моей памяти. Он очень толково поставил нам задачу: нам предстояло выяснить боеспособность частей, состояние выучки бойцов, вооружение, материальное обеспечение и политико-моральное состояние, быть в гуще красноармейской массы, самим все видеть. В части нас отправили на машинах: я ехал от Чернигова к Гомелю, потом мне надлежало свернуть и найти свою стрелковую дивизию. Прибыв точно к месту сосредоточения дивизии, я представился командованию и направился в один из стрелковых полков. Дивизия была пополнена до боевого расчета призванными из запаса бойцами из западных областей Белоруссии. Весь личный состав дивизии был настроен на решительные бои, воины старательно овладевали умением метать гранаты РГ и Ф-1. Все были вооружены винтовками, обмундированы, обуты в ботинки с обмотками, но шинели имели не все, а плащ-палатки еще не получили. Продовольствия, боеприпасов в дивизии было достаточно. В личных беседах и разговорах красноармейцев

чувствовалась ненависть к врагу.

С частями дивизии мы прошли многие километры. Дни стояли теплые, сухие, и ночами все спали на голой земле. Немецкие самолеты еще не беспокоили части, подходящие к фронту, только появлялся немецкий разведчик «Хеншель», которого скоро прозвали «костыль», «кривая нога»[17]. У одного красноармейца, призванного в армию из Свислочи Гродненской области, ночью исчезли ботинки, и он остался пока босиком. На ночь он разулся, чтобы ноги отдохнули, и вот в строю стоит босым. Замполит полка спросил его: «А как будешь теперь воевать? Ведь твоя родина уже захвачена немцами?» А он ответил: «Так и буду воевать, еще злее». С кем и за что мы воюем, личный состав дивизии понимал хорошо.

Пробыв в дивизии около трех дней, мы с товарищем выехали обратно. Едем по дорогам без оружия (личного оружия мы не имели), и в голову приходят мысли: вот выскочат из лесу диверсанты и отбиться нечем, живыми могут захватить. Впрочем, кругом были наши части. Ранним утром мы возвратились в Чернигов. В политотделе никого из руководящих работников не было, и мы с одним товарищем решили сходить в баню. Там никто не мылся; мы нашли банщика, и он сказал, что вода горячая есть, можно мыться, а из жителей никто не идет — не до бани им. Он рассказал нам: «Сегодня утром шпиона поймали. Идет по городу побельщик с кистью и ведром, а на нем чистенький комбинезон. Да у нас такие рабочие спецовок не носят! Его схватили — и тут все открылось».

Только поздно вечером меня вызвал член ВС Колонии и сказал: «Идите в обком партии к первому секретарю товарищу Федорову, получите в свое распоряжение автомашины и с колонной поезжайте на юг до Краснянских лагерей. Там стоит дивизия, и ее надо перебросить к Днепру севернее Чернигова, там немцы прорвались за Днепр». В мое распоряжение было выделено еще несколько человек строевых командиров, и из обкома партии мы отправились в автопарк. Когда собралось около 50 первых машин, я сказал, что сам поведу эту колонну, а остальным приказал следовать в лагеря, как только наберется не менее чем по 50 машин.

Мы добрались до лагерей, и, как только въехали в расположение лагерей, артиллеристы завернули первую машину к себе. Я еще не успел доложить командованию, как противотанковая пушка была уже в кузове грузовика, а бойцы грузились в машины. Один из старших командиров артполка сказал, что задача им ясна, сел в головную машину, и колонна тронулась к Чернигову. Шоферы, мобилизованные для нужд

фронта, так и остались в своем домашнем обмундировании — потом я часто встречал их на дорогах войны в этом районе. Мы ехали, а навстречу к лагерям шли колонны машин. Брешь, пробитая немцами у Днепра, была ликвидирована, но странным было то, что неделю уже шла война, а кадровая дивизия еще не имела боевой задачи.

Наша армия оказалась на направлении главного удара немецких войск на Западном фронте, и из Чернигова штаб армии перевели в Гомель. Утром мы выехали в Гомель на грузовике; путь в 110 километров занял целый день. Сразу за Черниговом девушки из придорожных деревень и сел клали на обочину шоссе букеты полевых цветов и кричали проезжающим бойцам: «Возвращайтесь с победой!» На половине пути у машины сломался гук (шарнир карданного вала). У шофера оказался запасной, и мы занялись ремонтом, во время которого все время наблюдали за воздухом. По этой рокадной дороге беспрерывно шли машины, и «мессершмитты» с осиным жужжанием проносились над ней, постреливая из пулеметов. Именно поэтому на головах мы носили каски, надевая их прямо на пилотки, а от налетавших истребителей мы прятались за деревья у дороги. Часа через три ремонт был закончен, и к вечеру мы были в Гомеле, где часть политотдела разместили в здании НИИ лесного хозяйства.

Утром следующего дня нам выдали подъемное пособие по месячному окладу. Эти деньги я тут же отослал переводом к семье, но, как потом выяснилось, их Клавдя не получила: кто-то их ловко прикарманил. Мне выдали удостоверение старшего инструктора политотдела 21-й армии, а к вечеру на складе выдали наган (изготовленный еще в прошлом веке) и 14 патронов к нему. Теперь, с оружием, я чувствовал себя надежнее.

Поручения от руководства армии я получал беспрерывно и старался выполнить их точно и в самый короткий срок. На правом фланге армии немцы усиленно рвались вперед по старой Смоленской дороге, по которой наступал Наполеон. Они форсировали Днепр в районе Жлобина и Рогачева, но наши части контрударами отбрасывали их за Днепр. В одной из контратак был захвачен исправный средний немецкий танк. Мне было поручено проследить за отправкой его в Москву. Получив машину, я немедленно выехал на станцию Буда-Кошелево на линии Жлобин—Гомель и быстро нашел танк на опушке леса вблизи станции. Около танка были наши танкисты. Танк был исправен: немецкие танкисты бросили его, оставив внутри него застреленную овчарку и два тюка шерстяных тканей. Платформа была готова, наши танкисты по настилу загнали танк на платформу, и вскоре небольшой состав тронулся в путь.

На обратном пути в Гомель мы ехали мимо горящих домов, подожженных немецкими самолетами. Мы остановили машину, соскочили и побежали к горящим домам — помочь чем-то людям. Из одного дома выбежала девочка лет трех, а от дома не отходит. Немецкие летчики продолжают обстрел деревни. Я помню, как схватил девочку в охапку и побежал с ней на огородное поле с картошкой, положил ее между рядов и сам лег, поглядывая на небо...

Политотдел разместился в здании графа Паскевича в парке в центре города. В коридорах здания сидели бородатые, одетые в рваные штаны и рубахи вышедшие из окружения политработники, оружия у них не было. Все они были с большими воинскими званиями. Один из них окликнул меня: «Эй, старший политрук, принеси воды». Я оглянулся и вижу: сидит заросший мужик в синей рубашке, лапотках и домотканых штанах. Спрашиваю: «А кто вы?» — и слышу ответ: «Я бригадный комиссар» (фамилию я не запомнил, что-то вроде «Руденко»). — «Хорош, — говорю ему, — бригадный комиссар, преобразился в нищего человека!» — «Вот попадешь в окружение, так же поступишь». Я ответил ему, что с формой политработника не расстанусь и в окружении. На этом разговор кончился.

Когда мы выехали из Куйбышева, то войсками округа командовал генерал-лейтенант Герасименко, но в боевых условиях его скоро заменили. Одно время нашей армией командовал С.М.Буденный, и мне в Гомеле удалось его видеть в штабе армии. Глубоко уверенный в победе нашей армии, он своим спокойствием давал нам пример стойкости.

С батальонным комиссаром, призванным из запаса, нам дали задание отправиться в части, ведущие наступление в районе Жлобина, на правом фланге армии. Нашей задачей было вести разъяснительную работу среди бойцов, собирать немецкие листовки для сдачи в политотдел. В районе Жлобина на шоссейной дороге мы увидели наши танкетки-амфибии, подбитые в контратаке, рядом валялись трупы немецких солдат, лежали убитые бойцы-пензяки. У некоторых убитых бойцов в руках были наши гранаты. Пытаясь понять, почему они не взорвались, мы осторожно осмотрели их, и оказалось, что были они без запалов. Немецкие солдаты лежали в грязно-зеленоватых мундирах с четырьмя большими карманами, у некоторых при осмотре нашлись флаконы со спиртом и надписью «Жлобинское аптекоуправление». Около старой березы валялись остатки немецкой рации, а радистов захватили в плен. Оказалось, что радисты с березы давали целеуказание своим минометчикам, а наши артиллеристы из «сорокапятки» сбили их с дерева. Наши

танкетки были подбиты из противотанковых ружей. У нас тогда в действующей армии еще не было таких ружей, впервые я увидел их только в боях под Москвой.

В сосновом лесу, близко к берегу Днепра, были огромные воронки от немецких бомб: немецкие летчики бомбили тылы наших наступающих частей (это были части 117-й Куйбышевской дивизии). Воронки были так велики, что повар с походной кухней на машине заезжал в них для набора воды. Интересно, что у повара на груди была медаль «За отвагу», которую он получил в финскую. Севернее железнодорожного моста через Днепр у Жлобина, на песчаном холме, стояла зенитная пулеметная установка. Расчетом командовал сержант Внучков, участник финской войны, также награжденный медалью «За отвагу», уроженец Рыбинска. Настроение у расчета было боевое: стрелять они умеют, окопчики есть, питанием обеспечены, боеприпасов много... На моих глазах над лесом появилась тройка немецких бомбардировщиков. Внучков метко бил по самолетам трассирующими пулями: было хорошо видно, как пули ударяются в дно фюзеляжа, но неповрежденные самолеты пролетели дальше. Мы с батальонным комиссаром пошли в другое подразделение полка, но не прошли и двести метров, как с того же направления опять появилась тройка бомбардировщиков, и мы услышали свист падающих бомб. Я крикнул своему товарищу: «Ложись!» — и мы еле успели лечь, как перед нами среди сосен поднялись разрывы. Воздушной волной нас отбросило с места, а над головой о деревья застучали осколки. Следующая серия бомб легла в районе зенитной установки. Бомбы (воронки от них были небольшими) рвались немного выше дороги, по которой мы шли, и их осколки прошли выше нас. Если бы бомбы упали ниже, то нам бы не быть в живых — осколки изрешетили бы нас. Около зенитной установки не было видно никого, и когда мы прибежали к ней, увидели страшную картину: сержант лежал мертвый, сожженный фосфорной бомбой — целыми остались сапоги да опаленная огнем медаль на почерневшей груди. Появился шофер машины, он прятался за деревья и лежал на земле, когда сержант вел стрельбу по самолетам. Третьего человека не было видно, окопчики, что были около установки, сровняло с землей, но шофер закричал: «Его засыпало песком!» — и начал руками разгребать песок. Скоро показалась спина бойца, и мы вытащили его. Пулеметчик был жив. Он сел на землю, прочихался и пришел в норму. Его засыпало в полусогнутом положении лицом вниз — это и спасло его от удушья. Увидев обгорелого сержанта, он сказал: «Ну, гады, я вам отомщу за своего сержанта. Смерти я не боюсь, уже побывал на том свете».

Мы перешли в другой полк. Здесь было несколько пленных немецких солдат, которых надо было допросить. Появился фотокорреспондент и решил сфотографировать их. Пленных выводили из дома, охраняемого бойцами, и строили во дворе дома: фотограф был без оружия, а боец-часовой один, поэтому я для безопасности вынул наган и рукой с наганом показываю немцам, как надо стать. Они очень перепугались: им казалось, что русский командир хочет их перестрелять, а фотограф будет делать снимки! Переводчиком мы попросили быть врача полка, еврейку из Энгельса. Я сказал ей, чтобы она перевела, что их будут фотографировать, а они подняли шум и начали кричать: *«Найн, найн, нихт нацист»*, — и все показывали на одного рослого немца — мол, он нацист. Фотограф сделал несколько снимков, и пленных увели, оставив нациста для допроса. Из ответов выяснилось, что он артист из оперного театра в Дортмунде, на фронт пошел добровольно, надеясь скоро получить поместье в России, и очень огорчен тем, что попал в плен. Плен он считает временным, так как война кончится скоро и его освободят из плена, — но раз он попадет в концлагерь, имения его семья уже никогда не получит. Я объяснил этому одурманенному Гитлером немцу, что война не кончится через два месяца и он не вернется в Германию, пусть считает себя счастливым, что остался жив. Он скептически отнесся к этому и заявил: «Фюрер сказал, значит, так и будет». Это был образец немецкого солдата, одураченного Гитлером обещаниями нажиться за счет разграбления имущества советских людей и уверенного в легкой победе над Россией.

Все эти первые дни войны нас, фронтовиков, волновала мысль о том, что делается в стране: ведь должен же Сталин сказать об этом открыто! Утром 3 июля уже в другом месте связисты у радиостанции крикнули нам: «Идите, Сталин выступает!» На опушке леса мы по полевой радиостанции слушали речь И.В.Сталина. Спокойным, глуховатым голосом он сказал на весь мир страшную правду о войне: «Над Родиной нависла смертельная опасность, речь идет о жизни и смерти Советского государства...» Его речь перевернула наше сознание и понятие о войне, рассеяла иллюзии тех, кто помышлял через два-три месяца быть в Берлине, кто надеялся, что в Германии разразится революция и фашизм будет уничтожен, что война против СССР революционизирует сознание немецких рабочих и крестьян. Обстановка была совершенно иной: многомиллионная немецкая армия верила в Гитлера, надеялась на легкую победу, лезла в глубь нашей страны. Немцы жгли, убивали всех, кто попадался на пути, грабили население, насиловали. Особую ненависть они проявляли к евреям. Здесь, в Белоруссии,

проживало много евреев в селах: они были колхозниками, работали, пахали и сеяли хлеб. В первые дни войны немецкие летчики зверски уничтожали еврейские поселения: сожгли Свержонь, Гадиловичи и другие деревни.

Возвращаясь в политотдел, мы видели, как немецкие летчики подожгли наш бомбардировщик ДБ-3Ф. Пилот сумел посадить горящий самолет около дороги Могилев—Гомель, среди поля с мелким кустарником. Мы выскочили из машины и побежали к самолету. Увидев меня, пилот подумал, что сел на занятую противником территорию, и вытащил пистолет, он не ожидал встречи с человеком в авиационной форме и принял меня за переодетого немца, — откуда тут человек в летной форме? Но его стрелок-радист в желтом меховом жилете закричал летчику: «Товарищ капитан! Не стреляйте, это наш старший политрук, я ему экзамен по истории партии сдавал!» Капитан убрал свой пистолет и подошел к нам. Он рассказал, что с аэродрома Иванова они летали бомбить Кенигсберг, но на обратном пути у линии фронта их догнали «мессершмитты» и подожгли самолет. В экипаже было только два человека: сержант авиационно-технической службы, наш выпускник, летал вместо стрелка-радиста. На машине мы привезли летчиков в Гомель.

Там я получил срочное новое задание: найти танковый корпус и дать командованию прочитать под расписку совершенно секретную Директиву ЦК ВКП(б) и СНК[18] СССР от 29 июня 1941 года.[19] Мне дали полуторку, двух пулеметчиков с ручным пулеметом, и с рассветом мы выехали из Гомеля. У меня была карта, топографию я знал отлично и хорошо ориентировался на местности. На проселочной дороге за Довском мы ехали по редкому кустарнику; впереди был жидкий лес, а перед ним болото. И вдруг на нашу дорогу из кустов выскочил танк темно-зеленого цвета. Приземистый, он быстро шел нам навстречу. Деваться было некуда: машина остановилась, все вышли на обочину, а танк под прямым углом свернул в болотце и, не сбавляя скорости, покатил в лесок. Это был наш знаменитый Т-34, до этого времени я таких танков не видел. Мы пошли по следу танка и на опушке лесочка увидели еще с десяток таких. Генерал в общевойсковой форме стоял среди командиров в кителе нараспашку. Я представился генералу, он взял Директиву и молча начал читать. Затем ее прочитали комиссар и начальник штаба, и все расписались. Генерал с обидой сказал мне, что у него всего десять танков, а задачу им ставят как танковому корпусу. Из десяти танков три занимает командование и только шесть могут воевать. «Вот так и воюем», — сказал он. Я распрощался с танкистами и поехал обратно. Как только выехали на дорогу к

Довеку, где в помещении почты в центре перекрестка дорог был армейский узел связи, на нас напали немецкие истребители: в паре они поочередно пикировали и обстреливали машину. Наш ручной пулемет встретил немцев огнем. На «газике» нас догнал капитан с повязкой на голове: «мессершмитт» обстрелял машину и легко ранил его в голову. Капитан тоже начал стрелять из своего ручного пулемета, и тогда истребители изменили тактику: один заходил спереди, а другой сзади. Мы оставили машины, а сами скрылись в бетонной трубе под дорогой. Имея превосходство в воздухе, немцы охотились на дорогах за каждым человеком. Капитан сказал, что шоссе на Рославль перерезано немцами в районе Пропойска[20]. Но не нам было думать, как немцы обходят нашу 21-ю армию с правого фланга, и мы не придавали этому особого значения. Немецкие истребители улетели, и мы благополучно приехали в Гомель, где я получил новое задание: проверить один госпиталь и вместе с врачами выявить людей, которые сами покалечили себе руку. Госпиталь размещался в школе, и целый этаж в нем был заполнен ранеными в руку. С врачом-хирургом мы установили явных самострелов, которым отменили эвакуацию в тыл, а дела передали в военный трибунал для привлечения к суду. Да и сами бойцы знали членовредителей и помогали их выявлению. От горькой правды уйти было невозможно, а трусы среди коммунистов, побросавших или уничтоживших свои партбилеты, были...

Отчитавшись за проверку госпиталя, я получил новое задание. Меня вызвал начальник особого отдела армии Хондожко, носивший два ромба в петлицах. Он спросил меня, знаком ли я с устройством укрепрайона. Я ответил, что на Дальнем Востоке был в таком районе.

«Вам срочное задание, и очень важное. Нам известно, что линия укрепленных районов по старой границе не имеет личного состава и не вооружена. Поедете в район Мозыря и там на месте проверите укрепрайон под Припятью. В вашем распоряжении два специалиста — общевойсковой полковник и капитан-артиллерист. Машину возьмете на площади», — и назвал номер машины.

Мы немедленно выехали в Мозырь. Полковника, как старшего по званию, посадили в кабину, а мы с капитаном забрались в кузов полуторки. Навстречу нам гнали стада скота, но до Рочицы мы не встретили ни одной машины, и несколько раз останавливались, выбегая от машины на откос в сторону от налетавших немецких самолетов. Углубиться в лес было невозможно — места были болотистые, и вдоль шли глубокие

канавы. В Мозырь мы приехали в темноте: в городе никакой маскировки, горит свет, в парке танцы, не соблюдаются требования прифронтового города. Комендантом укрепрайона был неунывающий подполковник, не осознающий опасности для нашей Родины. Когда я предъявил свое удостоверение и сообщил о цели нашего приезда, он стушевался, не ожидая, что кто-то его проверит. Все мои требования были немедленно выполнены, танцы прекратились, и город погрузился в темноту. Комендант подтвердил, что вооружения в УР нет, а личный состав только начинает прибывать. Связь по городу у него была устойчивая, но с высшим руководством связи он не имел, и никаких указаний ни от кого не получал. Интересуемся: что будет делать в случае наступления немцев? «Будем обороняться, боеприпасов много». Пришел командир речной флотилии Припяти; его флотилия заперта — выход в Днепр захвачен немцами. Он заявил, что будет сражаться до последней возможности, а потом затопит катера и уйдет в партизаны.

В дотах укрепрайона пристреливали пулеметы, заполняя карточки огня. Все здесь оказалось явно недостаточным для боя: агрегат освещения не имеет горючего, боеприпасов и продовольствия мало, личный состав ранее службу в дотах не проходил, да и люди все довольно немолодого возраста. Настроение у личного состава было пессимистическое…

Моим следующим поручением стали поиски начальника политотдела армии Червова, который пропал без вести в районе Жлобина. Мы отправились с политруком из комсомольского отделения и на машине доехали до первых частей, державших оборону по Днепру. Сначала мы попали в полк, которым командовал грузин по фамилии Кипиани. Его командный пункт разместился под сбитым немецким самолетом-разведчиком «Хеншель». Он тут уже несколько дней, и в газете «Известия» было фото с надписью: «Командир части Кипиани у сбитого им немецкого самолета»; автором снимка и очерка был корреспондент Евгений Кригер. Когда мы приближались к самолету, майор Кипиани закричал нам: «Если вы газетчики, не подходите, я изобью вас!» — а был Кипиани довольно рослым и крепким человеком. Мы сказали, что мы не газетчики, а политработники, подошли и видим — Кипиани держит газету с фото и очерком о нем: «Я больше никогда не буду разговаривать с газетчиками, брехуны! Я не сбивал этого самолета, и чужую славу мне не надо приписывать. Прочитают бойцы и что подумают о своем командире? Ой, нехорошо поступил Кригер!» Он еще долго выражал свое негодование.

Кипиани о судьбе комиссара Червова ничего не знал, мы

попрощались и двинулись дальше к Жлобину.

Навстречу попадались местные жители из Жлобина, раненые бойцы. Со всеми встречными мы вели разговор о Червове, и нам удалось выяснить, что Червов был за Днепром в передовых частях, сдерживающих натиск немцев. Он возглавил контратаку небольшой группы бойцов и был убит; контратака не удалась, и его тело вынести не смогли. Найдя нескольких свидетелей, я записал их имена и место их жительства. Тогда оборона на Днепре была подвижной: днем немцы теснили наши части, а ночами наши их выбивали.

После небольшой передышки я занялся проверкой факта проявления трусости командиром дивизии полковником Гудзь. За трусость, проявленную в бою, он был отстранен от командования дивизией; велось следствие для придания его суду военного трибунала. На следствии Гудзь сочинил легенду, что он был за Днепром и его обстрелял немецкий самолет, — мол, он не трус. На самом деле за Днепром он не был, а свою машину сам прострелил в нескольких местах. Мне уже приходилось видеть пробоины от обстрелов самолетами: здесь ничего похожего не было, стреляли с земли. Подтвердил это и шофер «эмки». Доложив все следователю, я тут же получил новое задание — проводить в лес за Гомель группу партизан во главе с партийным работником Ершовым. На машине я отвез его группу в лес севернее Речицы, а там их переправили за Днепр.

Новое поручение я выполнял вдвоем со старшим политруком, призванным из запаса. Мы должны были найти корпус генерала Петровского и на месте установить потери в политсоставе, проводить беседы с бойцами по разъяснению речи Сталина, собирать немецкие листовки. 63-й стрелковый корпус Петровского овладел Рогачевом и Жлобином и продолжал развивать наступление на Бобруйск. На подходе к расположению частей корпуса мы увидели странную картину: всюду лежали солдатские мешки и даже шинели. Чем ближе мы подходили к штабу корпуса, тем больше встречалось выброшенных красноармейцами вещей: книги, тетради, белье, запасы мыла — все, что отягощало бойцов в бою. Приказ Петровского требовал выбросить все из мешков, кроме НЗ и патронов, — и воины форсированным маршем поспешили к Днепру. Теперь это имущество собирали тыловики полков. Пробираясь сквозь мелкий лес, мы нашли штаб корпуса. Здесь нам удалось встретиться и побеседовать с Петровским. До взятия Жлобина и Рогачева он имел звание комкора и вот теперь первым в военное время получил звание генерал-лейтенанта, а командиры дивизий (Прищепа, Фоканов и Раковский) — генерал-майоров. Генерал

Петровский был сыном Г.И.Петровского, соратника Ленина, профессионального революционера. В тридцатых годах генерал командовал Московской пролетарской дивизией, потом был арестован. Он рассказал нам об этом: «Арестовали, предъявили обвинение в измене Родине, заставляли силой подписать этот документ, не подписал. Отец добился встречи со Сталиным, объяснил ему правду, и меня выпустили. Вызвал меня Сталин и сказал: «Товарищ Петровский, в таком большом деле, какое идет в нашей стране, бывают ошибки, вот и с вами такое случилось. Вы снова будете в армии, но прежнюю должность вам не дадим — это неудобно и генерала присвоить пока не можем. Свободна должность командира 63-го стрелкового корпуса в Саратове». Я согласился, и вот воюем».

Генерал Петровский высоко ценил советского воина, был заботливым и строгим командиром. Но нам, представителям политотдела армии, он высказал свое мнение о начальнике политотдела корпуса: «Настроен пессимистически, спутался с женщиной, работой в частях не интересуется, где он сейчас, не знаю». По его приказу в штаб вызвали старшину, сбившего немецкий самолет. Это был сверхсрочник, крепкий, сильный и явно находчивый. Он шел в свою роту к передовой линии, а немецкий истребитель начал пикировать на него и стрелять из пулемета. Старшина спрятался в рожь, а немец решил расстрелять его, спустился на бреющем полете, открыл колпак в кабине, чтобы лучше разглядеть спрятавшегося, — и старшина ловко забросил гранату в кабину летчика. Граната взорвалась, и самолет рухнул на землю. За этот подвиг старшину представили к ордену Красного Знамени.

Мы долго пробыли в штабе Петровского, и на наших глазах произошли два ЧП. Сержанты обучали бойцов умению пользоваться ручными гранатами, и неожиданно раздался взрыв. Оказалось, что сержант при обучении призванных из запаса бойцов допустил ошибку: показал, как снимается кольцо у взрывателя, снял его, и взрыватель сработал. Граната вот-вот взорвется, а бросить гранату нельзя — кругом люди. Тогда сержант прижал ее руками к животу и лег на землю... Немного погодя опять раздался взрыв, и вскоре его виновника подвели к Петровскому. Кадровый красноармеец положил запал на камень от гранаты РГД на камень и стукнул по нему топором. Запал взорвался, и ему оторвало несколько пальцев. Боец утверждал, что решил сделать себе мундштук для курения, но окружающие бойцы сказали, что покалеченный не курит. По приказу Петровского его передали в трибунал как членовредителя.

После встречи с генералом Петровским мы побывали на

командном пункте командира дивизии генерала Прищепы. Правее, в районе Могилева, немцы продолжали наступать, а здесь, в районе Рогачева и Жлобина, инициатива была в наших руках, и настроение у всех было хорошее. В частях корпуса Петровского мы работали несколько дней, собирая немецкие листовки, что сбрасывались на наши части с немецких самолетов. В листовках были напечатаны самые разнообразные небылицы: в одной красочной листовке была фотография с двумя людьми в немецких мундирах, и крупная надпись сообщала, что это сыновья Сталина и Молотова: оба добровольно перешли на сторону Германии и служат Гитлеру. Нам передавали сообщение, что под Могилевом сын Сталина Яков попал в плен, но никто не верил, что он служит Гитлеру. А у Молотова сына вообще не было, уж это мы знали точно, — поэтому могли разъяснить бойцам всю фальшь немецкой пропаганды.

Для наблюдения за нашими действиями немцы очень близко к переднему краю поднимали аэростат с подвешенной корзиной. Наши летчики пикировали на такие аэростаты, и немцы старались быстро его опустить. Раз наш истребитель расстрелял такой аэростат, корзина упала на землю, и наши бойцы встретили это криком «Ура!».

Одну из ночей мы с товарищем провели на берегу Днепра. Старшина роты получил для бойцов плащ-палатки и дал такие нам. Хорошая это штука: и от дождя спасает и от холода, и легкая, удобная. Эта плащ-палатка была со мной до начала 1942 года, а потом ее заменили на другую, которая до сих пор хранится у меня дома.

16 июля был введен институт военных комиссаров и отделы политпропаганды преобразовали в политотделы. Теперь у политсостава стало больше прав (приказы подписывались командиром и комиссаром части), но возросла и их ответственность.

Спасаясь от охотившихся за машинами и даже отдельными бойцами немецких самолетов, мы проследовали сначала в местечко Городец, а затем в большую деревню Зборово. На окраине нас предупредили, что в деревне прячется снайпер, стреляющий по командному составу. Командир батальона галопом проскакал к своему командному пункту, а мы осторожно прошли пешком, но выстрелов не было. Выяснилось, что наши бойцы прочесали место расположения снайпера и нашли его. Это был финский боец, одетый в рваную одежду местного жителя; под зипуном у него был новенький автомат «суоми». Бойцы принесли его документы, среди них мы обнаружили памятку финскому ефрейтору с картой раздела Советского Союза между союзниками

Германии. На карте были определены границы захвата территории СССР: с востока до Байкала все оставалось за Японией; на юге часть Украины — Румынии; запад, юг, Урал, Кавказ, Средняя Азия — все Германии, а Финляндии («Великой Суоми») — территория от Ленинграда на Вологду, Киров и север. Эту памятку я передал в политотдел армии. Днем мы стали свидетелями поимки диверсанта: после перестрелки в лесу несколько вооруженных мужчин привели милиционера. На нем была новая форма и ременная шорка кавалерийского образца с двумя портупеями. Он выдавал себя за участкового милиционера, — но ведь в селах каждый житель хорошо знал своего участкового! Немецкие разведчики не учли этих деталей — и прогадали. Участь диверсантов во фронтовой полосе одна — расстрел на месте, но этого увели для допроса.

Был и другой случай: в Зборове комбат представил нам лейтенанта, сказав, что тот побывал сегодня в плену. Лейтенант (рослый, сильный человек) тянул связь с телефонистом на передовой пункт батальона. В крайней хате увидел красноармейцев и подошел к ним спросить, где командир батальона. В ответ те молча на него набросились, стараясь взять живым. Немцы подмяли его под себя, но он ловко вывернулся: трех немцев забросил аж за плетень, а двое убежали. Лицо лейтенанта было немного поцарапано, он потерял наган, но зато остался жив. Вот такие случаи были на войне! Для обмана наших воинов немцы с первых дней переодевались в нашу форму, в одежду сельских жителей.

Наша попытка искупаться в Днепре окончилась неудачей: едва мы разделись и бросились в воду, смывая с себя пыль, налетел «мессершмитт» и стал обстреливать нас. Пришлось выскочить из воды, схватить белье в охапку и убежать в ивовые кусты. После такого «купания» мы направились в Гомель на попутной машине. С нами в машине ехал боец с забинтованной головой, говорил он с трудом. Боец шел в атаку и кричал «ура», пуля попала в щеку и вылетела в другую, не задев ничего во рту. У шофера не оказалось винтовки, мы поинтересовались, где она, и он сказал: «У немцев». Оказалось, ночью он заехал в деревню, где должна была находиться его часть, но там уже были немцы. Он постучал в дом, а навстречу вышел немецкий офицер, его было хорошо видно, а вот немец не сразу понял, что перед ним советский боец. Не успел немец вытащить свой пистолет, как шофер с силой вонзил в него штык (да так крепко, что не мог вытащить обратно) и убежал к машине.

Прошел первый месяц войны... Наша печать говорила о срыве немецкого плана молниеносной войны. Появились агитплакаты с

иллюстрациями и стихами, и я помню такое четверостишие: «Бьемся мы здорово, рубим отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева». Особенно большие требования предъявлялись к коммунистам. Среди нас находились трусы, уничтожившие партбилеты, спасая себя, — но при этом оставаясь на политработе. В одной из дивизий мы присутствовали на заседании парткомиссии. Секретарь вел свое заседание, разбирая дела тех, кто утратил партбилеты, их исключали из партии. Но один из исключенных сказал нам: «А вы проверьте партбилет у секретаря парткомиссии, у него тоже нет партбилета!» Мы попросили его предъявить партбилет, а он сразу стушевался, признавшись, что и у него нет партбилета. Члены парткомиссии исключили его из партии и выбрали нового секретаря.

В первые дни войны отдали под суд командира полка под Черниговом. Он вел полк через город и решил забежать домой проститься с семьей; за это боевого командира отдали под суд. Такая суровость диктовалась тяжелыми условиями войны, скидок не делалось никому.

Немцы были уверены, что с Красной Армией скоро будет покончено, — ведь так сказал Гитлер! Попадая в плен, они (особенно офицеры) печалились о том, что не получат свою долю от разграбления земель Советского Союза. Мне пришлось присутствовать при допросе немецкого капитана: его не столько волновало, что он оказался в плену (это он считал временным), а то, что он не доставил приказ одной из частей, в которую ехал. Вместо немцев в месте его назначения оказались советские войска. Теперь он все спрашивал, почему здесь оказались мы, — ведь тут должны быть немецкие солдаты, а их нет. Ему объясняли, что немцев выбили отсюда, а он все твердил, что этого не может быть... На переднем стекле его машины была красная тряпка со свастикой в середине, и немецкие самолеты не стреляли по машине. Этот лоскуток забрал наш шофер и пользовался им при появлении немецких самолетов.

Немного отдохнув в Гомеле, мы вместе с политруком Крутовым из комсомольского отдела получили новое задание: отправиться в части на правом фланге армии и вести там работу, помогая командованию готовить контрнаступление. Нас заверили, что наша авиация будет поддерживать наступающих. На машине мы добрались до Довска, а дальше добирались пешком, через части, державшие здесь оборону. Здесь мы попали на командный пункт артполка. Напротив его расположения немцы подняли аэростат для наблюдения, и комиссар полка предложил своим артиллеристам обстрелять его шрапнелью, — но что-то не получалось. Пока мы беседовали с личным составом,

немецкий наблюдатель дал своим минометчикам целеуказание, и вокруг командного пункта засвистели мины — целая серия, мы едва успели спрыгнуть в отрытую щель. Крутов не успел убрать руку, и осколком ему повредило палец. После налета мы не отошли и сотни метров, как начался новый обстрел. Услышав крик «Комиссара убило!», мы вернулись назад и увидели комиссара полка, лежавшего на земле: мина разорвалась у его ног. Его положили в пикап, чтобы отправить в госпиталь, и он все просил нас передать машинистке политотдела (он назвал фамилию и имя), что «я умираю, и я ее люблю». Позже мы узнали, что комиссар умер по пути в госпиталь...

К полудню мы были в дивизии, ведущей наступление на Бохань. Наступающие немного продвинулись вперед, но немцы ввели в бой новые силы и усилили артиллерийский обстрел. Неожиданно КП дивизии попал под прицельный огонь прятавшегося где-то автоматчика. Возле нас стали все чаще свистеть пули, и руководивший боем командир дивизии, пожилой полковник, приказал: «Ложитесь». Лежим, оглядываемся, — но чуть поднимешь голову, как по тебе сразу очередь. Пятясь, мы стали отползать, и когда нас перестали обстреливать, встали и пошли правее, к окраине Бохани. Здесь был командный пункт полка, передовые части которого понесли большие потери и теперь отступали. С группой красноармейцев мы через поле ржи начали заходить во фланг немцев, но нас обнаружили и начали обстреливать бризантными снарядами, защищаться от которых нам было нечем. Снаряды разрывались в воздухе, и мы слышали, как осколки шуршали по стеблям ржи. Отойдя к командному пункту полка, мы стали свидетелями разговора комиссара полка с командиром взвода, что расположился в селе в двухэтажном доме. Он сообщил, что дом уже окружен немцами: «Не уйдем и будем биться до последнего патрона... Нас трое, немцы входят в дом... Всё, 10–15 (это его позывные) больше не говорю...» Немцы начали обстреливать КП из минометов, и комиссар с группой командиров начал отходить. Одна мина разорвалась у стены сарая, осколки впились в стену, а от взрыва образовалось облачко желтого газа, запахло хлором. «Неужели мина химическая?» — подумал тогда я. Из тыла пришел посыльный с приказанием от командира дивизии отойти на новый рубеж, метров на 700–800 к востоку. Пришедший боец вынул из кармана парабеллум и показывает его комиссару. «Где взял?» — «Отдал немецкий солдат, одетый в нашу форму. Он говорил хорошо по-русски». — «А почему его не захватили в плен?» — «Да у него ноги перебиты, он еле живой!» Комиссар отругал бойца за беспечность и послал двух человек за немцем, те скоро вернулись, принеся документы

немца и его автомат; немец уже был мертв. Теперь стало ясно, кто стрелял по командиру дивизии и нам, не трогая рядовой состав.

В этот день ведущая наступление дивизия потеряла троих командиров: двоих ранеными и одного убитым; к вечеру дивизией командовал ее комиссар — бригадный комиссар Архангельский. С темнотой наши части оставили свои позиции и перешли к шоссе от Довска к Пропойску. Оборону здесь организовывал генерал-майор Гордов, начальник штаба 21-й армии, бывший в Петрозаводске начальником штаба 18-й СД. Я доложил ему, кто мы, и он приказал нам отправиться в район села Ректа в артполк. Наши части отступали от Журавичей, но дорога от Довска до Пропойска пока была в наших руках. В Ректе мы нашли КП артполка: группа штабных командиров разместилась в щелях, вырытых вблизи крестьянских хат, а при налетах авиации и артобстрелах укрывалась в бетонной трубе под мостовой. Обстановка в полку была тяжелой: мало бойцов, орудий, снарядов, большие потери в командном составе, убит комиссар. На эту должность был назначен секретарь партбюро, старший политрук, призванный из запаса всего несколько дней назад. Командир полка был кадровым, но «чего-то в нем недоставало». Связи с пехотой полк не имел, командир не интересовался своим флангом в сторону Пропойска. В полной темноте полк снялся со своей позиции, но когда колонна с орудиями и машинами вытянулась на шоссе, командир полка указал направление движения совершенно неправильно, в сторону немцев. Мы с Крутовым подошли к нему и стали объяснять, куда надо двигаться, ориентируясь по Полярной звезде, а он в ответ: «Пошел ты со своей звездой...» — и матерно выругался. Я ему говорю: «Остановите полк», — а он не слушает. Мы нашли комиссара, и он своей властью изменил направление движения, и к рассвету командир полка понял свою ошибку. Не зря генерал Гордов приказал нам заехать в этот полк!

Ранним утром я получил приказ направиться в части генерала Галицкого, занимающие оборону на Днепре на самом правом фланге, на стыке с частями 13-й армии. КП полка я нашел в сосновом лесу около деревни Шапницы. Полком командовал подполковник Педоренко, комиссаром у него был старший политрук Плеханов. Педоренко имел высокую боевую награду — орден Красного Знамени, и редкую среди командиров медаль «За отвагу», которые он получил в Испании за бои против итальянских войск. Личный состав его полка воевал храбро. Части полка занимали оборону по высокому в этом месте левому берегу Днепра, прикрытому густым лесом. Это было южнее Нового Быхова, где Днепр резко поворачивал на запад. На правом

берегу лес находился от берега в метрах семистах и был хорошо виден нам. С начала войны немцы по своим правилам днем делали перерыв в боевых действиях, пускали зеленую ракету и пили кофе, а когда наши бойцы в такое время атаковали, то немецкие солдаты, где позволяла обстановка, кричали нашим: «Русь, не по правилам воюешь, мы научим вас правильно воевать!» — а наши бойцы отвечали: «Поганые фрицы, мы научимся воевать и вас от войны отучим, чтобы не бросались больше на нас». Мы также видели немецких солдат, которые кричали нашим бойцам: «Русь, иди на плен, белым хлебом кормить буду!» Наши бойцы за словами не лезли в карман и отвечали немцам крепкими словами. Такие перепалки происходили в сумерках, когда немцы прекращали обстрелы и подходили ближе к Днепру.

Днем они подходить близко не решались: Педоренко, используя богатый опыт сражений в Испании, умело руководил своими разведчиками и постоянно организовывал вылазки на правый берег Днепра. Комиссар полка уделял большую часть своего времени материальному обеспечению личного состава, и получилось так, что функции комиссара полка пришлось выполнять мне. С Педоренко мы очень сдружились. Как правило, он часто менял расположение штаба полка; для командного состава всегда были готовы землянки, и их расположение обносилось колючей проволокой. Это он делал для того, чтобы не быть захваченными немецкими разведчиками. Нам был известен случай, когда по причине плохой охраны в плен к немцам попал штаб полка во главе с командиром. Пять немецких солдат с винтовками повели штабных офицеров в тыл своих войск, но командир полка был великолепным мастером штыкового боя. Когда немецкие солдаты сделали остановку, чтобы один из них мог справить большую нужду, и все стали закуривать, командир полка рискнул освободиться из плена: он выхватил у конвойного винтовку и заколол двух солдат, а двое подняли руки. Третий, со спущенными штанами, так и стоял с поднятыми руками. Командир не только освободил от плена свой штаб, но привел трех пленных. За беспечность его наказали, — а ловкость и смелость отметили. С Педоренко же постоянно ходил сержант с автоматом ППШ. В полку таких автоматов было только три: у командира полка, комиссара и уполномоченного особого отдела. У личного состава были «трехлинейки» и СВТ[21]. СВТ оказалась непригодной для полевых условий: чуть попадет песчинка, и она отказывала в стрельбе, — поэтому больше ее в части не присылали. А вот наша старая винтовка Мосина, «трехлинейка», оказалась безотказной.

Рано утром Педоренко обходил передний край обороны, я был рядом. Из наших окопов с высокого берега хорошо просматривались сосновый лес за Днепром и землянка на его опушке. Бойцы доложили, что из землянки часто выходят немцы с узлами на плечах: очевидно, делят награбленное у жителей имущество. До землянки было до 800 метров. Я спросил бойцов, почему они не стреляют по немцам, и те ответили, что не попадут, далеко. Но Педоренко подхватил эту мысль — немцев надо проучить. Нашли лейтенанта, приехавшего из училища — отличного снайпера, и спросили, может ли он попасть в немца у землянки. Тот ответил, что может, но только из СВТ. Принесли такую винтовку. Солнце взошло и хорошо осветило землянку. Педоренко, обладая отличным зрением, наблюдал. Вот из землянки вышел немецкий офицер — потягивается и смотрит по сторонам. «Давай!» — сказал Педоренко, и лейтенант выстрелил. Офицер рухнул на землю, а из землянки выбежал солдат, лейтенант уложил и его, выскочил третий — и тоже остался у землянки. Ждем, что будет дальше. Видим — из землянки выбросили узел с добычей, который покатился среди высокой травы. Оказалось, что немец толкает его лежа. Лейтенант взгрустнул — нет зажигательного патрона, а трава закрывает немца. Он сделал несколько выстрелов, и в бинокль было видно, как из узла летело тряпье, как он перестал продвигаться. С тех пор немцы к землянке днем не подходили — и награбленного оттуда никто не выносил.

В глубине леса за землянкой ночью раздавался сильный шум работающего мотора: впечатление такое, что там машины работают. Никакого вывода сделать из этого не удалось: звук однородный и исходит из одного места, а к рассвету прекращается. Педоренко послал разведку, и она все выяснила: немцы вешали на сосну мотоцикл и заводили его, создавая впечатление работы машин. Долго еще шумел по ночам этот мотоцикл!

По приглашению Педоренко я пошел с ним осматривать оборону по Днепру напротив села Кистени. За рекой хорошо видна церковь и на ней немецкие наблюдатели. Педоренко решил избавиться от такого наблюдения и приказал батарее «сорокапяток» ударить по колокольне, причем артиллеристы попали в нее со второго снаряда. Здесь оборонялся батальон численностью менее сотни человек, его командиром был лейтенант, взводами же командовали сержанты. Педоренко сказал, что больше некому доверить батальон: там всего два лейтенанта, и одного перед нашим приходом ранило в руку. Лейтенант прижимал к груди раненую руку и сказал: «Жаль, что,

видно, надолго отвоевался, а только понимать начал, как надо воевать!»

В полку Педоренко я находился более 10 дней, много увидел в организации разведки боем, работы разведчиков, устройства инженерных хитростей. На каждом КП для машин отрывали аппарели.[22] У Педоренко была «эмка», и эта машина всегда была на ходу, хотя и сильно изношена. Адъютантом Педоренко был высокий лейтенант, уже послуживший, — он всегда был с командиром. Начальником штаба был капитан, уже побывавший в окружении в районе границы с Польшей. В то время на мне были серый плащ, планшетка с картой и плащ-палатка. Спал я на спине, укрываясь палаткой (был уже август, и ночи стали прохладнее).

Был у Педоренко разведчик Яцута. Этого сержанта Педоренко часто называл японцем: «Ну, наш японец, собирайся в разведку», — и ставил задачу, уводя его в сторонку. В первый день моего пребывания Яцута вернулся из разведки. Он ходил в глубокий тыл немцев и рассказал Педоренко о немецких частях за Днепром. Там он убил немецкого офицера, и его документы принес вместе со старинными часами-«луковкой». Педоренко похвалил его за работу и представил к награде. Яцута одевался в одежду местного селянина: грубая рубаха, широкие заношенные штаны, торба из мешковины через плечо, рваные ботинки, в торбе кусок сала, хлеба — и пистолет в тряпочке. Отдохнув, Яцута отправился в район Нов. Быхово—Тощица выяснить, какие здесь части. Срок дали ему не более 4 дней, но вернулся Яцута утром на пятый, принес очередные трофеи: солдатские книжки, часы, пистолет. Он доложил Педоренко об итогах разведки и рассказал такую новость в маскировке немцев: в Новой Тощице на огороде он увидел, как две тетушки роют землю. Пригляделся и видит, что обуты они в немецкие сапоги! Он сразу понял, что это немцы, подошел к ним и обоих застрелил, потом взял документы, часы, пистолет и ушел. Вокруг никого не было, было раннее утро. Мы дивились его смелости, бодрости, жизнерадостности; он всегда был готов идти в разведку. О том, как он там ходил и добывал данные, как стрелял в немцев, он рассказывал спокойно.

Полк Педоренко занимал оборону по Днепру отдельными участками, не имея сплошной линии. В полк прибыл начальник штаба дивизии комбриг Бессонов, которого я запомнил по Ленинграду, когда он был комендантом города и сделал мне замечание, что на шинели не разрезана спинка. В полку он приказал Педоренко провести разведку боем и взять «языка» — живого немца. К этому времени в полк прибыло 700 человек пополнения из Ростова-на-Дону. Все были обуты, одеты, но никто

не имел оружия. Резерва оружия не имелось: и вот в ночном налете на немцев в ближайшей к Днепру деревне решили добыть и «языка», и оружие. Решили послать группу ростовчан человек в 30–40, вооружив их ручными гранатами. Для этого дела требовались добровольцы. Педоренко решил обратиться к ростовчанам, но потом поручил сделать это мне как политработнику. Мы подошли к строю новобранцев, Педоренко поприветствовал их, а потом сказал: «Вот комиссар с вами поговорит». Я объяснил ростовчанам обстановку, рассказал о задаче ночного налета и призвал добровольцев сделать два шага вперед; к нашему удивлению, весь строй шагнул вперед. Это были кадровые рабочие с «Россельмаша», его бывшие строители и рабочие цехов. Мы отобрали 30 человек, пополнили их опытными бойцами полка и отправили на инструктаж, который проводил командир разведки. В этот день в полк прибыли два окончивших военное училище лейтенанта, и одного из них также включили в состав разведки.

Когда стемнело, Педоренко направил группу захвата через Днепр, а чтобы сбить немцев с толку, организовал ложную переправу, где шумели, плескали воду и счетверенный пулемет вел огонь с машины. Разведка переправилась на плоту тихо и ушла в тыл немцев, — а вот по месту ложной переправы немцы открыли сильный пулеметный огонь. Мы с Педоренко находились там и попали под этот обстрел. Диву даешься, как мы не были убиты: пули, как пчелы стаями, летели и шлепались в песок. Возможно, они были уже на излете и теряли убойную силу? Никто не был ранен, но все отошли от этой «переправы» в сторону и прекратили шум, чтобы показать немцам, что у нас все сорвалось.

Скоро в тылу немцев раздались сильные взрывы — это рвались гранаты ф-1. На случай преследования немцами наших разведчиков Педоренко подтянул к месту их переправы машины с зенитными пулеметами, но преследования не было: немцы боялись идти к Днепру по открытой местности. Разведчики скоро вернулись. Они разгромили группу немцев, находящихся в сарае, несколько человек убили. Из трофеев у них был пулемет, автоматы и здоровенный немец-верзила с кляпом во рту. Немца схватили у пулемета; чтобы не кричал, один боец зажал ему рот, но тот успел сильно укусить его за палец! Тогда укушенный ударил немца по голове и поволок с товарищами к переправе. Разведчики потеряли одного убитым и принесли его с собой. Один наш боец оказался без ремня, на вопрос комдива он ответил: «Подался в деревню, и около одной хаты сзади меня схватили за ремень и потянули в окоп. Я расстегнул ремень, и

немцы упали в окоп, я бросил им на память «лимонку» и дал тягу к своим!» Участники этой операции говорили об этом бое уже как бывалые воины и просили снова послать их в разведку боем. Но раньше разведчиков вернулся лейтенант: он был в одних трусах, все его обмундирование утонуло в Днепре. Он оторвался от группы, и один, без личного оружия, не решился идти вперед. Тогда он разделся, привязал свое обмундирование на голову и поплыл, но сверток сорвался с головы, намок и стал тянуть лейтенанта на дно, поэтому он освободился от него и приплыл в трусах. Озябший, плачущий от горя, лейтенант стоял перед комбригом Бессоновым. Комбриг объявил: «За трусость, потерю обмундирования и оружия — расстрелять». Мы с Педоренко убеждали комбрига не делать этого: мол, есть органы, которые разберутся в этом деле. Не знаю, как дальше сложилась судьба этого лейтенанта, но от немедленного расстрела мы его уберегли.

Педоренко был невысокого роста, худощав, чернявый, очень загорелый. «Меня, — говорил он, — в Испании считали коренным испанцем!» Он немного знал испанский язык и иногда в разговоре употреблял испанские слова. Был он неробок, видал не один бой и спокойно смотрел на окружающую нерадостную обстановку. На вероятных подходах танков он устроил глубокие волчьи ямы — и по его указаниям их так хорошо замаскировали, что ямы были совершенно незаметны. Любил он и шутку. В первые дни моего пребывания в полку Педоренко сказал мне: «Я вам сейчас пленного словака покажу, он расскажет, как русь идет в атаку». На направлении обороны полка наступал словацкий полк, его здорово потрепали и часть солдат взяли в плен. Одного пленного Педоренко еще не отправил в тыл и решил показать мне. «Ну, словак, — говорил он пленному, — расскажи, как русь идет в атаку?» И словак старательно рассказывал, изображая мимикой на лице впечатление от атаки русских. «Сидя в окопах, — говорил он, — слышим крик «уля, уля», терпим, не бежим. Потом «Сталин, уля, бог, мать, мать» — (тут он добавлял нецензурные слова, что кричали в атаке наши бойцы). Тут уже в окопах сидеть опасно: или беги, тебя убьют, или делай *Хондо Хох».* — Он показывал, как словацкие солдаты старательно вытягивали свои руки, сдаваясь в плен и бросая оружие. «Я так и сделал», — сказал пленный веселый словак. Пленом он был очень доволен.

Полку Педоренко предложили принять запасные окопы, необходимые на случай смены позиций, эти окопы готовили саперы корпуса или армии. Педоренко не мог оставить полк и попросил меня съездить посмотреть эти запасные позиции. Сдавать свою работу приехал комиссар саперного батальона, старший политрук. Увидев у меня звезды на рукавах гимнастерки

как знак принадлежности к политсоставу, он порекомендовал их снять, у него такие звезды были спороты. Ремень у меня был с медной пряжкой, в середине которой была звезда, и он порекомендовал заменить его на солдатский. Звезды с рукавов я потом спорол, но ремень не менял и прошел с ним всю войну.

Предчувствуя осложнение обстановки, Педоренко собирал полк в кулак. Отдельные взводы и небольшие группы, расположенные на берегу Днепра, оставляли свои позиции и собирались к деревне Шапчицы. Меня Педоренко попросил съездить на левый фланг обороны полка и снять там группу бойцов с ручным пулеметом. Я приехал туда на машине и по карте нашел позицию: группа бойцов во главе с лейтенантом располагались в блиндаже, накрытом крепкими дубовыми кряжами, а пулемет стоял на бугре среди сосенок, готовый к бою. Пулеметчики лежали около него и всматривались в даль за Днепр. Там никого не было, за все время своего пребывания наши бойцы немцев не обнаружили. Я передал лейтенанту распоряжение командира полка сняться с позиции, и все его отделение очень обрадовалось такому приказу: они совершенно не знали, какова обстановка, никаких новостей они не получали. Лейтенант попросил немного подождать, пока сварится суп, и я сел около пулемета, пока группа начала собирать свое имущество. Лейтенант стал разряжать пулемет, и тут неожиданно за моей спиной раздались выстрелы и мимо моей головы засвистели пули — так близко, что моя пилотка была сбита воздушной волной. Все закричали, а лейтенант побледнел, поняв, что чуть не убил меня. Оказалось, что он стал снимать диск с патронами, но нажал на спуск и дал очередь. В свое оправдание он сказал только: «Если бы я убил вас, то застрелился бы». — «Надо быть осторожным с оружием, — ответил я ему. — Вы отлично знаете пулемет, и такое обращение с ним недопустимо».

В первой половине августа обстановка на Центральном фронте была тяжелой. На правом фланге нашей 21-й армии, южнее Могилева, немцы начали наступление в направлении на Смоленск и 16 июля захватили город. Над нашей армией нависла угроза окружения. Немецкое командование ударом с севера на юг, через Гомель на Чернигов, начало операцию по окружению 21-й армии, которая продолжалась с конца июля до середины сентября. В такой обстановке в середине августа полк Педоренко начал отход. По приказу из дивизии под вечер 14 августа Педоренко разделил полк на две части: одна во главе с комиссаром должна двигаться на восток, а другая с ним — на юг. Немцы теперь наступали со стороны нашего тыла, с востока, и близко подошли к командному пункту. Отстреливаясь, остатки

штаба полка отошли к деревне Шапчицы. Ночью немцы подожгли за Днепром несколько строений на окраинах деревень; горели строения и на правом фланге, и в тылу полка, создавая видимость окружения наших частей у Днепра. Стало светать, и Педоренко приказал занять оборону по речке у еврейского местечка Шапчицы. Мы пошли с группой командиров объявить жителям, что наши части отступают и надо уходить, иначе гитлеровцы перебьют их. Старый еврей-колхозник с бородой, кудрявыми черными волосами, сказал нам: «А куда мы пойдем и зачем? Мы родились тут и выросли, здесь жили наши деды и прадеды, как мы можем уйти от этого?», — и показал свои мозолистые руки. Чуть позже он все же сказал: «Пусть немцам ничего не достанется», — поджег свою хату и ушел в лес. А к вечеру подошли немецкие танки; послышались крики и плач — это немецкие солдаты приступили к своим делам, поволокли девушек к танкам и машинам... Все это видели наши бойцы, но мы ничего не могли сделать: все подразделения полка ушли еще днем, и теперь с позиций снимались последние бойцы прикрытия.

Отступление — очень тяжелая пора в боях. Горе и печаль были рядом с бойцами, до сердечной боли жалко было смотреть на детей и женщин, остававшихся на тяжелое житье при ненавидевших все советское фашистах... При отходе Педоренко с небольшой группой утерял связь с основными силами полка. Ночью мы ехали на машинах среди поля густой несжатой ржи. Как-то странно кричали птицы... В нашей группе было несколько машин: впереди две грузовые, за ними «эмка» Педоренко. Он с шофером на переднем сиденье, на заднем вплотную к двери его адъютант, а рядом, прижавшись к сложенным вещам и продуктам, сидел я. Было ошибкой, что впереди не было нашей разведки. Ночную тишину разорвал шквал пулеметного огня, в небо взметнулась ракета. Первые машины были подбиты. Педоренко выскочил из машины, метнулся влево в рожь. Я толкаю его спавшего адъютанта, тот не сразу понял, что случилось, но выскочил. Пули свистели вокруг, нас снова осветила ракета, я выскакиваю из машины и бегу влево; на мне плащ, планшетка, в кармане граната. Отбежав несколько метров, осматриваюсь и прислушиваюсь. Снова ракета, снова свистят пули. Я прислушался и слышу, как Педоренко зовет шофера, но ответа нет. Иду на голос Педоренко — с ним его адъютант и больше никого. Мы поняли, что нарвались на засаду, которая была в домике за противотанковым рвом. Две машины немцы пропустили и открыли стрельбу, «эмку», очевидно, повредили, а две грузовые, ехавшие за ней, развернулись во ржи и уехали назад. Оставшись втроем, мы отошли с полкилометра назад и

повернули на запад. Стало светать, когда мы встретили отступающий полк из корпуса Петровского, его вел майор Фиксель, немец из Республики немцев Поволжья.

Впереди была деревня, а перед ней в кустах обнаружили двух немецких солдат; они без сопротивления сдались в плен, Фиксель сам допросил их и выяснил, что все дороги, ведущие на восток, перекрыты немецкими частями и впереди таких колец окружения три и что узел дорог Довск уже занят немцами. Старше Фикселя тут никого не было, и он дал команду двигаться вперед. Когда колонна втянулась в деревню, то из хат справа и слева немцы открыли огонь. Пули летели выше, убитых и раненых не было, но колонна потеряла управляемость: паника, ездовые нахлестывают своих лошадей и уезжают дальше, пехотные подразделения бегут вперед, рассыпавшись по сторонам дороги. Мы с группой шли в общей массе. Становилось ясно, что на пути к югу нашим частям устроены засады.

Миновав деревню, отступающие части прошли небольшой лес и оказались на широкой безлесной поляне среди картофельных полей. Над нами сначала появился немецкий «костыль», а минут через двадцать появились бомбардировщики и начали бомбить и расстреливать движущуюся колонну. Укрыться было негде: впереди деревня, из нее немцы ведут огонь из пулеметов, вдалеке слева за полем тоже деревня, а направо лес. Идущая колонна, никем не управляемая, распалась на отдельные группы. Началась паника. Педоренко с адъютантом и группой бойцов побежал к лесу, а я бежать не могу — задыхаюсь, не поспеваю за ними и больше иду шагом. Справа обгоняет бегущих людей «эмка», в ней полковой комиссар. На картофельном поле «эмка» остановилась; комиссар с шофером выскочили из машины и побежали вперед. Педоренко был уже на окраине небольшого леса, а я, задыхаясь, еще шел по открытой местности. Многие бойцы сворачивали к лесу, как к спасительному укрытию, но часть побежала дальше, оставляя его справа. Добрался и я до опушки леса и встретил здесь Педоренко: он пытался создать боевую группу из разрозненных бойцов разных частей. Мы немного продвинулись по окраине леса к западной его части и встретили здесь зенитную пулеметную установку на машине. Ее командир, лейтенант, ругал нас за то, что мы демаскируем его группу, он сказал, что с этой стороны, пока он жив, немцев в лес не пустит — патронов достаточно. Наш лес был небольшой и имел округлую форму — и теперь он был окружен немцами со всех сторон. Когда мы подошли к западной окраине леса, то увидели, как два наших недавних пленных немца ведут в плен наших двух бойцов! Надо их выручить — надо стрелять, но винтовки нет. Нашли бойца с

винтовкой, и он выстрелил два раза, немцы оставили конвоируемых и бросились в деревню.

Обойдя лес кругом по опушкам, мы углубились в его середину. Здесь были старые мощные деревья: дубы, березы с подлеском. Лес хорошо закрывал всех, кто здесь был, даже артиллеристов с лошадьми, но без орудий. Педоренко организует круговую оборону, мы ходим с ним и ставим задачу бойцам: рыть щели, наблюдать за немцами, открывать огонь, когда немцы будут близко, без разрешения подполковника не отступать. После нескольких перестрелок немцы поняли, что в лесу много советских бойцов, и начали с западной стороны, из деревни, обстреливать лес из минометов. Мы с Педоренко пошли посмотреть, что делают бойцы на опушках нашего леса, и многих не обнаружили: они снялись со своих позиций и ушли на юг, где еще можно было проскочить в следующий большой лесной массив. Наша оборона расстроилась. Обстановка резко осложнилась, опушка леса к северо-западу оказалась оголенной. Минометный обстрел заставлял нас менять свое расположение, а обстрел усилился. Был полдень 16 августа, теплый солнечный день. Мины с воем пролетали над нами, рвались в кронах деревьев, попадая на крегткие ветки, их осколки разлетались над нами. В окопчиках лежали убитые бойцы. Вот тогда мне стало страшно... Прижимаясь к стволам больших деревьев, прислушиваясь, мы двигались к западной опушке — а мины одна за одной летели и летели к нам. Разрыва очередной мины я не услышал, только почувствовал, как по левой ноге ниже колена сильно ударил осколок. Я стоял на полусогнутых ногах, и кровь выше сапога фонтаном брызнула на траву. Рана была на мягкой части голени, кровь текла в сапог. Я сказал только: «Товарищ Педоренко, я ранен», — и он ничего не ответил — все было понятно. Подошел санинструктор, стянул с ноги сапог, разорвал брючину и крепко забинтовал мне ногу (индивидуальный пакет я носил в кармане). Я посмотрел на правую ногу, снял сапог и забросил его в кусты, оставшись босиком. Осколок мины утянул в рану ткани пробитой брючины и кальсон, и санинструктор сказал, что может возникнуть гангрена, на что я ответил крепким словом. Немного погодя ранило в левую руку начальника штаба полка. Он предложил мне идти на поле, где в снопах стояла сжатая рожь, и спрятаться, а в темноте идти на юг. Я отказался: он в случае появления немцев мог убежать, а я не мог даже ходить — настолько сильной стала боль в ноге.

И вот я лежу у старого дуба и обдумываю, что делать дальше. Педоренко сказал, что нам надо продержаться здесь до темноты, а потом они уйдут и меня вынесут на палатке. Я сказал, что это

невозможно сделать: воевать и нести раненого через немецкие засады не удастся. В голове возникают одна мысль за другой: если придется умереть, то немцы не должны знать, кто я по должности. Я разорвал свое удостоверение личности старшего инструктора политотдела 21-й армии и закопал в землю так, что его никто не мог обнаружить. Об уничтожении партбилета у меня и мысли не было: если придется застрелиться, то я прострелю себе и партбилет, и до конца жизни партбилет будет со мной. Так я тогда решил. Свой медальончик, «паспорт о смерти» с записью данных о себе, я выкинул еще раньше, рассуждая так: убьют все равно на территории, занятой врагом, никто не будет искать и хранить мой медальон, а если это будет на глазах наших воинов на нашей территории, тогда по моим документам узнают, кто я! Еще раньше я сбросил свой плащ, а теперь, оставив кусочек карты данной местности, я выбросил и планшетку. У меня остались только плащ-палатка, пилотка, граната и наган.

После продолжительного обстрела немцы группами заняли опушку леса с запада, севера и юга. Оставался выход из леса на восток, но там слева была деревня, полная немецких солдат. Местность была сырая, и около леса росли густые ивовые кусты. Кто-то сходил на восточную опушку и сказал, что можно проскочить мимо деревни, но что за местность была дальше, никто не знал. Немцы все настойчивее наступали на наш лесок с севера и запада, стремясь выгнать нас на восточную или южную опушки и там расстрелять пулеметным огнем. Ох, как не хотелось умирать или попасть немцам в руки полуживым! До темноты было еще часа 3–4, когда немцы перешли в наступление на нашу поредевшую группу. Педоренко и другие командиры встретили немцев огнем и гранатами: от врагов нас отделяло не более 50 метров. Немного помедлив, немцы снова пошли в наступление, сжимая кольцо окружения: свистят пули, хорошо слышно гоготание немцев. К нам подошли несколько бойцов с распряженными артиллерийскими лошадьми: они решили верхом на конях вырваться через кусты мимо деревни на восток. Кто-то предложил и мне ехать с ними. Это был единственный шанс вырваться из кольца, и я согласился. Меня посадили на вороного коня без седла, и я поскакал среди других. Почему-то мне тогда верилось, что мы проскочим мимо деревни, а там увидим, что делать. Это был критический момент. Мы скакали рысью и только миновали кусты, как из деревни слева по нам ударил пулеметный огонь. Перед нами была дорожка, за ней яблоневый запущенный сад, и только я проскакал дорожку, как мой конь упал, и я перелетел через его голову. Я встал, чтобы осмотреться, и даже не стал звать на помощь: остальные успешно проскакали через сад и

скрылись в поле несжатой ржи.

Дорожка была сзади меня метрах в десяти. Бегу, превозмогая сильную боль в ноге, дальше в яблоневый сад, там местность идет на понижение. Когда я оглянулся, дорожка осталась за бугром: слева метрах в трехстах деревня за редкими яблоневыми деревьями. Очень сильная боль, я не могу встать и ползу по уклону дальше, чтобы быть невидимым с дорожки. Сел спиной к стволу у яблоневого дерева, а лицом к западу в ту сторону, откуда выехал. Стрельба кончилась, стало тихо. Я чувствую смертельную опасность: немцы могут появиться в поисках наших раненых и убитых бойцов, — но, очевидно, они побаивались очередной вылазки и не рискнули выйти из деревни. Это я понял позже, а тогда я ждал появления немецких солдат и приготовил наган. Перезарядить его я уже не успел бы, но думал так: «Подойдут немцы, буду стрелять, и если не ранят в руки, то прострелю свой партийный билет и последний патрон оставлю для себя, чтобы застрелиться». Заходило солнце. Как и многие попавшие в окружение, я думал тогда, что достаточно ночи, чтобы добраться до своих частей, — тогда я останусь жив. Мы не знали, что немцы ударили от Могилева на юг, отрезав Гомель и захватив Чернигов, и что в это окружение попало много частей 21-й армии.

Мои размышления были прерваны стрельбой, потом шумом идущих по дороге немецких солдат, были слышны их гортанные выкрики *«Шнель, шнель"*. Я решил, что это немецкие солдаты ведут наших в плен. Держа револьвер в руке, я ждал, что меня обнаружат, но постепенно шум удалился, окрики затихли, группа прошла в деревню. Осматриваюсь, кругом тихо. С медленным сгущением сумерек усиливалась моя надежда на то, что немцы меня не обнаружат. Чтобы не выделяться в темноте белым бинтом, я натер бинт землей, и он стал серым. Когда наступила полная темнота и на небе заблестели звезды, я пополз в том направлении, куда ускакали бойцы, — на восток. Полз, волоча раненую ногу. Сад имел уклон к небольшому ручью, а за ним через небольшую зеленую лужайку виднелся массив ржаного поля. Но только я подполз к ручью, как на меня напал кашель; я закрывал рот пилоткой, ложился и плотно прижимал лицо к земле, старался кашлять потише, но не мог сдержаться и все кашлял. О голоде я и не думал, а ведь не ел уже третий день! Перебравшись через ручей, я пополз по узкой тропинке, ведущей на юго-восток (сориентировался я по Полярной звезде). Сколько времени полз, я не замечал. Это была третья или четвертая ночь без сна. От усталости я забылся коротким тревожным сном, а проснулся от шума приближающихся шагов. Ко мне подошли два

бойца, и один наставил на меня винтовку со штыком, думая, что перед ним немец. Они посмотрели на меня и предложили идти с ними, но я ответил, что ранен, идти не могу, указал, какого направления надо придерживаться, и они скрылись во ржи. Я же пополз дальше. К рассвету тропинка вывела меня на широкую наезженную дорогу, проложенную через болотистую низину.

Приют на день я нашел на бугорке среди плотных кустов ивняка и высокой осоки, причем тянущийся за мной через болото след на осоке от сбитой росы и помятой травы, я выправлял найденной палкой. Долог был этот августовский день. Я лежал и ощущал счастье, что вырвался из опасного положения, хотя не представлял себе, что ожидает меня впереди. В кармане вместе с партбилетом у меня хранился литер на проезд пароходом от Куйбышева до Вольска; я понял, что он мне больше не потребуется, и порвал его на мелкие кусочки. Были у меня и деньги, бумажные и монеты, их я сохранил. Вода вокруг была, я напился, и голод стал давать о себе знать, но это как-то не пугало. Надежда догнать свои войска не покидала меня. Несколько раз я осторожно выглядывал через кусты и осматривался. Кругом не было никакого движения, не было слышно шума боя. Очевидно, наши части отошли уже далеко.

Постепенно сгустились сумерки, за ними наступила темнота. Тогда болотные кусты ожили: было слышно, как люди выводили из кустов коней и шли к югу. На востоке вдалеке была деревня. Когда стихли шаги уходящих, тронулся в путь и я — навстречу большому лесу, куда ушли все. Из леса в небо часто взмывали ракеты, освещая подступы к нему; при каждом взлете ракет я ложился на землю, а потом продолжал путь. Шел я с уверенностью, что в лесу немцев немного и оставаться до утра они там не будут. Нога болела терпимо. На опушке леса при свете ракеты я увидел, что на земле лежит лента бинта, изображающая стрелу, направленную в сторону леса: очевидно, кто-то позаботился о своих этим сигналом. Лесом я решил ночью не идти, переночевал в нем, а с рассветом пошел к востоку и вскоре обнаружил проходящую через болото наезженную дорогу, по которой, судя по следам, недавно отходили наши части. Иду по ней, шлепая по воде, и вдруг слышу, что кто-то сзади меня тоже идет по воде. Я сразу сошел с дороги влево, встал за плотный ивовый куст, взял наган в руку и жду. Вижу, идет красноармеец с шинелью в руках, без оружия. Я тихонько окликнул его из-за куста, он подошел и рассказал о себе. Он повар, приготовил обед, а тут немцы нагрянули, он не успел винтовку схватить и убежал в лес, захватив с повозки в кустах шинель помкомполка по хозчасти и две банки консервов. Утром сегодня он вышел на опушку леса к

одинокому дому с садом и решил нарвать яблок. «Рву и вижу: идет немец и кричит мне: «Русь! На плен!» Я ему: «Пошел ты...» — и убежал, пока немец бегал в дом за оружием. Плутал в лесу и вот вышел на эту дорогу. Пойду дальше». Я сказал: «Тебя немцы схватить могут, безоружного». — «Не дамся!» Он дал мне банку мясных консервов и пошел дальше по широкой болотистой дороге, — а я подался в сторону от дороги, к более сухому участку леса. Вышел в полосу редких деревьев и кустов, перешел малонаезженную лесную дорогу, раздвинул густые ветки березы и замер: на полянке — три немца. Я начал пятиться назад и осторожно ушел в кусты. Отойдя от этого опасного места, я решил вырезать себе хороший посошок (у меня был маленький ножик-складник с подпилочком), нагнул прямое деревцо и слышу шум. Вижу: лесом от болотца идут два немца с автоматами. Я спрятался за плотный куст, и они, гогоча, прошли мимо. Вот так дважды за короткое утро я мог быть убитым по своей неосторожности! Мне стало понятно, что надо спрятаться до ночи, а не ходить по лесу, подвергая себя опасности. Уйдя за болотистую дорогу в участок леса, плотно заросший кустами, я забирался в густые кусты, иду, раздвигая ветки, — и вижу нескольких вооруженных наших бойцов с командирами. Среди них один узнал меня, а немного погодя и бойцы: я был у них на огневых позициях в районе Жлобина. Группа была небольшая: капитан Бокфельд, командир батареи, старший лейтенант его батареи Божко, старший лейтенант командир взвода разведки, два бойца из его взвода, лейтенант командир стрелкового взвода Настюха, связист Шуваев и шофер. Они охотно приняли меня в свою группу, и нас стало 9 человек. Все имели оружие. Они, как и я, уже давно ничего не ели, я достал из кармана банку консервов, попросил бойца вскрыть ее, разделил содержимое на девять порций и каждому дал на листочке от куста смородины. Это хоть немного подкрепило нас.

Шепотом мы рассказываем друг другу о своих приключениях. Бокфельд вел огонь до последней возможности, и когда немцы подошли к огневым позициям, то стреляющие сняли замки с орудий панорамы и, отстреливаясь, ушли в лес. Здесь они зарыли замки орудий, оптические приборы и встретились со своим комбатом. Настюха был из полка Педоренко — это он узнал меня первым. После бомбежки он остался один, шел лесом вслед ушедшим частям. На опушке леса неожиданно встретился с легковой открытой машиной с офицерами и успел швырнуть в машину гранату. От взрыва машина заглохла, поднялись крики, а он бросился в лес...

Наша группа была одного мнения — идти вперед, догонять

наши войска, а пока сидеть тихо и ожидать темноты. Кусты нас укрывали хорошо, но всем хотелось пить. Штык-кинжалом от СВТ роем ямку и, когда в ней медленно накапливается вода, черпаем банкой и пьем. Ближе к полудню слышим шум едущей машины, громкий разговор немцев, их гоготание, громыхание чем-то железным. По всей вероятности, немцы ездили в деревню за добычей и везли к себе награбленное имущество и продукты.

У меня была топографическая карта этой местности, и мы с капитаном внимательно изучали ее, намечая направление нашего движения. Когда я назвал капитана по фамилии, он мне сказал: «Не зовите меня Бокфельд, я за свою фамилию отсидел два года. Я русский пензяк, зовите меня Ивановым!» Стемнело, и мы осторожно тронулись в путь. Все, кроме меня, были обуты в сапоги, а я босиком. Бойцы дали мне две портянки, я обернул ими ноги, но обертки не держались на ногах, и я их снял. Капитан впереди, я за ним, остальные шли гуськом друг за другом. Вышли из леса, шагаем по сжатому жнивью, перешли небольшой ручеек, потом долго шли низменным болотистом лугом и вышли к маленькой деревеньке. За деревней, на берегу речки, попали на грядки с огурцами. Пошарили по ботве и нашли несколько маленьких огурчиков — всем по одному досталось. Подкрепились огурчиками — и опять шагаем. Всю ночь мы шли по безлесному пространству и к рассвету 19 августа оказались около Буды-Кошелевой.

Перед нами к северу вытянулась деревня. Рассматриваем ее в бинокль: около дома посреди деревни немцы ремонтируют машину. Мы расположились в канаве, прикрытой плотным кустарником. Вправо от нас болотистая заросшая мелкими деревьями низина, тропок к ней нет, значит, она плохо проходима. Дальше за ней виден большой густой лиственный лес, над ним в разных местах поднимается дымок — это окруженцы что-то пекут на кострах. Слева было поле, а сзади открытая местность, откуда мы пришли. В деревне тихо, даже куры спокойно гуляют около хат: видно, немцам пока еще не до кур. Хочется есть. С разрешения командира старший лейтенант-разведчик снял гимнастерку и остался в одной голубой майке, сунул в карман наган капитана и пошел в деревню. Тогда еще немцы не гонялись за каждым окруженцем, считали, что война скоро кончится и они по населенным пунктам учтут всех жителей. Лейтенант оставил мне бинокль, и я из-под куста наблюдал за его движениями. Вот он пришел в деревню, свернул в первую хату и долго не выходил из нее. Смотрим, в хату собираются мужики-колхозники. Потом они вышли, и с ними наш разведчик, а минут через 30 он был уже среди нас. Все обошлось

нормально, немцам никто не докладывал — предателей здесь не было. По рассказу лейтенанта, немцев в деревне осталось мало — одни тыловики с машинами.

Мы поели вареной картошки, которую нам принесла безымянная колхозница, а к вечеру трое разведчиков ушли на хутор неподалеку, чтобы попробовать раздобыть там съестного. Лейтенант условился встретиться с нами на окраине болотистого леса не позже 11 часов вечера и ушел со своей группой, оставив мне бинокль. Этот бинокль и теперь цел... Через полчаса вышли и мы, подождали их до условленного времени, не дождались и пошли дальше. Так мы потеряли трех человек из группы. Пройдя болотистый лесок, мы попали в лес около большой деревни и провели там день, варя картошку в каске капитана. Расположились мы метрах в ста от дороги, по которой двигались немецкие войска, — и даже охранения никакого не выставляли: немцы в лес не заходили. С трудом ориентируясь по надетой на иголку стрелке компаса, что нашлась у капитана (хороший компас остался у разведчика), мы шли всю последующую ночь, надеясь обойти крупный населенный пункт Борхов с восточной стороны. Увидели висящий на деревьях телефонный провод — перерубили. Несколько раз мы встречались с мужиками, а один раз наткнулись на двоих мальчиков. Один из них, увидев на моей ноге бинт, сказал мне: «Дядя, идите в село, немцы вас в госпиталь положат». Я ответил ему: «Нет, мальчик, если я попаду к немцам, то они меня немедленно расстреляют». Спросил, много ли немцев в селе, и они ответили: «Много, тут госпиталь и много машин, есть пленные красноармейцы». — «А куда их отправляют?» — «Никуда, мы этого не видели». — «А выстрелы за селом по вечерам бывают?» — «Бывают». — «А кто стреляет?» — «Немцы». — «Что, нападают на них, что ли?» — «Нет». Мы попросили мальчиков, чтобы они о нас немцам не говорили, а в ответ: «Немцы каждый день по лесу ходят, пленных приводят, ловят красноармейцев. Вчера утром пришли в село все мокрые и привели трех красноармейцев».

Мальчики ушли, а мы на всякий случай сменили свое расположение и выставили наблюдение, а остальные спали или дремали. Появления небольшой группы немцев мы не боялись: у нас было три винтовки, два нагана и несколько гранат, и мы дали бы им отпор. Но до вечера все было спокойно, а как стало темнеть, мы осторожно тронулись в путь. Мы были в километре от Борхова, когда услышали автоматную стрельбу короткими очередями, — и снова тишина. Возможно, немцы кого-то расстреливали в лесу? Ночь была такая темная, что мы не могли различить концы нашей магнитной стрелки и определить

направление; пришлось накрыть капитана палаткой и чиркнуть спичкой. Идти был очень тяжело, а ориентироваться невозможно, поэтому мы решили продолжить путь утром. Вскоре мы вышли на просеку, по которой, очевидно, шли наши отступающие от Речицы части: на пеньке мы нашли несколько пачек гречневого концентрата, две шинели и записку: «Мы вас долго ждали, не дождались и ушли туда, куда ушли все». Подписи не было, никто не хотел рассекречивать себя. Шинели мы отдали нашим бойцам — они были в одних гимнастерках.

Догоняя свои войска, мы, по возможности, создавали немцам помехи: меняли направление указок на перекрестках дорог, а раз под вечер на шоссе Гомель— Мозырь натянули над дорогой оборванный бомбежкой телефонный провод. Один конец закрепили за столб, а другой за дерево и подняли провод на уровень человека, едущего на мотоцикле. Мы еще не отошли далеко, когда услышали треск мотоцикла, а потом крик — и затем мотор мотоцикла еще долго работал на одном месте. Наверняка немецкий мотоциклист налетел на проволоку, но мы не возвратились для осмотра. От Борхова мы шли на восток, и если бы у нас была карта, то точно вышли бы к Гомелю, — но моя карта уже кончилась. Шли мы по следам недавних боев: окопы, гильзы, брошенные противогазы, следы перевязок раненых, но убитых наших бойцов мы не видели.

В деревне, недалеко от Новобелицы, нам рассказали, что перебраться через Сож и шоссе невозможно, там немцев полно. Посоветовавшись с капитаном, мы решили идти пока на юг, а уже потом повернуть на восток к Сожу, найти местечко, где немцев меньше, и переправиться через него. Стали углубляться в лес и нашли немецкие листовки: они призывали наших бойцов сдаваться в плен, в лес не ходить, лес сожгут немецкие войска. Попалась нам и листовка, в которой было написано, что Маршалы Советского Союза Тимошенко, Кулик и другие перешли на службу Гитлеру и воюют в его армии. Разумеется, мы не поверили этой брехне!

Когда шли лесом, увидели в небе три немецких истребителя: два шли сзади, а один впереди, его догнали и расстреляли, самолет рухнул в лес. Чем это было вызвано — мы не поняли. Постепенно мы потеряли счет числам. То ночами идем, то днями. Ищем себе пропитание и надежный ночлег, когда нельзя идти. Часто попадали в трудное положение, подвергая себя большой опасности. Однажды в лесу мы нашли хороший военный рюкзак из плотной ткани, как ткань плащ-палатки; спинка стеганая из двойной ткани, наружу два кармана, а сверху он закрывался плотным клапаном с ременной застежкой. Один заплечный

ремень был пришит, а другой имел крючок и зацеплялся уголком внизу за колечко на углу спинки. Раньше я никогда такого ранца не видел. Как он оказался в глухом лесу, кто его бросил и почему, мы не знали, но он сослужил хорошую службу: запасая картошку или продукты, мы клали их в ранец, — а до этого нести их приходилось в каске капитана. Кроме того, в ранце нашлась пачка чая. В другой раз в одном из болот я нашел разношенный ботинок на правую ногу, теперь одна нога была у меня обута. Но зато я потерял свою гранату Ф-1, выпавшую у меня из кармана во время одной из ночевок.

Мы настойчиво шли и шли на восток и, наконец, вышли к Сожу. Эта река была довольно широкой, между тем среди нас не было хороших пловцов, а капитан вовсе не умел плавать. Настюха изъявил желание поискать лодку в тростнике и, если потребуется, переплыть Сож и искать на той стороне, но не успел Настюха раздеться, как справа от нас из леса к реке побежал парень в одних трусах. Сильными рывками («саженками», как говорили у нас пловцы) он переплыл Сож и скоро возвратился в лодке. Когда он причалил к берегу, мы подошли к нему и попросили перевезти нас, а он сказал, что надо доложить комиссару, и пригласил нас в глубь леса. Мы с капитаном пошли за ним и скоро увидели большую группу бойцов и командиров, среди которых полкового комиссара из корпуса Петровского. Я спросил, где Петровский, и он сказал, что генерал погиб под Жлобином. Среди этой группы были люди, которые узнали меня.

Комиссар спросил нас, что мы думаем делать. Я сказал, что мы догоняем свои войска. «А мы еще побудем здесь, разведаем обстановку, а может, начнем партизанить. Не хотите с нами?» Если бы я не был ранен, то, вероятнее всего, остался бы партизанить, но так мне пришлось отказаться. Комиссар разрешил нам воспользоваться лодкой, и в два рейса мы добрались на левый берег Сожа. Это была уже Черниговская область Украины, но вскоре наш путь снова пролег через землю Белоруссии. Старший лейтенант Божко заявил: «Вы уходите в Россию, а я пойду на Украину; я украинец и не хочу идти с вами» — и ушел. Теперь нас осталось пять человек: два командира, два бойца и я, политработник. Получая информацию от случайно встреченных людей, мы избегали столкновений с немцами. Зато несколько раз мы сталкивались с небольшими группами советских бойцов и даже одиночками, как и мы, пробирающимися к своим. Нам рассказали, что фронт теперь по Десне, но у нас не было карты, никто из нас в этих местах не бывал, и мы не могли себе представить, где находимся, как далеко до Десны и какая перед ней местность. Временно объединившись с небольшой

группой танкистов, а затем вновь расставшись, мы шли теперь уже по Брянской области. На восток...

Ботинок с правой ноги я давно бросил — он износился, но в одном из сел, где нас накормили, хозяин дома подарил мне две пары лаптей и онучи. Теперь ногам стало теплее, и, двигаясь последним, я своими следами от лаптей искажал следы группы в армейских сапогах. Лес на нашем пути стал гуще и плотнее. Опять попались немецкие листовки, в которых, агитируя на сдачу в плен, немецкие пропагандисты писали, что ими взяты Ленинград и Москва. Мы не верили немецкой брехне и при встречах разъясняли населению, что это ложь. В одной из деревень, где немцев жители еще не видели, нас пригласили подкрепиться перед дорогой, и дочка кормившей нас хозяйки (за угощение я отдал нашу пачку чая) сказала мне: «Дедушка, оставайся у нас в колхозе, проживешь, пока наши не вернутся». Я ответил: «Нет, пойдем к своим и будем воевать. И к тому же я не дедушка, мне только тридцать лет». Моя борода с проседью делала меня стариком...

Через много дней с начала нашего пути я впервые разбинтовал свою ногу до самой раны. Вроде все идет нормально, рана чистая, небольшая, слепая, — осколок от постоянной ходьбы сместился в низ икры и остался в мышце. Я пробовал шильцем от складника проколоть кожу и вытащить осколок, но ничего не получилось. Рану хорошо предохраняла от сырости плотная прорезиненная оболочка, в которую был упакован пакет. Хорошо тогда санинструктор забинтовал мне ногу! Прогрев ногу на солнце, я снова забинтовал ее и больше не тревожил.

Мы сутками ничего не ели, очень хотелось есть, но у нас не было никаких запасов — приходилось терпеть голод. Плохо было и курящим Настюхе и шоферу: чтобы добыть у кого-нибудь курева, им приходилось идти на риск. С выходом в Брянскую область и наступавшими пасмурными днями мы шли зигзагами — то к северу, то в востоку, а иногда и к югу. Петляя, мы все же приближались к Десне. Ночевки в лесу, осторожное приближение к деревням, встречи с местными жителями, следы боев, безымянные могилы и следы стоянок немцев... Последующие дни и ночи до подхода в район Десны остались в моей памяти отдельными эпизодами. Раз ночью вышли к водяной мельнице. Постучали, вышел мельник, дал нам хлеба и, покачивая головой, сказал: «Куда идете и зачем, куда каждую ночь сколько вас проходит?» Мы ответили ему, что идем к своим войскам для продолжения борьбы против немцев.

В одной из деревень, где не было немцев, я попал в дом к старикам, и они охотно угостили меня вареной картошкой с

хлебом. Пока я ел, дед вышел, и больше я его не видел. У меня возникло подозрение, и, побыстрее закончив еду и поблагодарив хозяйку, я вышел на улицу, где встретил двух мальчишек, старшему из которых было лет тринадцать. К нам подошел капитан с винтовкой, и паренек постарше обратился к нему: «Дайте нам винтовку, мы кокнем одного деда-предателя». — «Какого?» — «А того, у которого вы ели. Он выдал немцам двух красноармейцев и вот теперь побежал в соседнюю деревню сообщить немцам о вашем приходе, а вас уговорили бы на ночь остаться». Винтовку мы ребятам не дали, но посоветовали им караулить деревню и сообщать заходящим сюда красноармейцам об этом предателе. Мы пошли навстречу деду, но он был очень шустрый, как сказали мальчики, — бегал бегом и обратно возвращался лесом, а не по дороге.

Заканчивалась первая половина сентября, и ночи были такие холодные, что меня пробирала дрожь. В одном из брошенных хуторов мы нашли на чердаке дома рваное мужское пальто. Я надел его и теперь чувствовал себя вполне готовым к возможным холодам осени. На деревьях висели прикрепленные распоряжения немецкого коменданта: за малейшее нарушение немецкого порядка — расстрел, в том числе и за хождение ночью. Мы не обращали внимания на эти угрозы и шли. Натолкнулись на перекресток дороги, где на деревьях висели немецкие указатели направлений. Я читал по-немецки и понял, о чем написано. Мы переменили местами указки, может, это внесет путаницу в движение машин.

Запомнились последние дни нашего перехода. Мы вышли на открытую местность; вдали за Десной синел сосновый лес. Мы сидим среди мелких кустов. Дождь, пасмурно. Недалеко Погар, через него проходят дороги на запад на Стародуб, на восток в Трубчевск, на север в Почеп. Сидим голодные, кругом никаких деревень, к Десне открытая местность. Переправиться тут через нее невозможно. Над нами бреющим полетом пролетали немецкие самолеты: так низко, что в кабинах видны были летчики. Настроение тягостное. Где найти место для переправы через Десну? Подумав над этим с капитаном, мы решили податься к югу, где виднелся лес. Вышли к неизвестной деревне. Чтобы сориентироваться, нам требовалась карта, хотя бы из школьного учебника истории. Мы узнали, что здесь живет учительница, и пошли к ее дому. Уже полночь, очень темно. Стучимся — никакого ответа, но когда мы сказали, что будем ломать двери, женщина открыла нам дверь. Карты у учительницы не было, а когда мы спросили, почему не открывала, кого прячет, она призналась, что с ней живет бывший военный фельдшер. Это

был здоровый детина; мы пригласили его идти с нами к Десне, но он ответил, что два раза ходил, пытался подойти к реке, но кругом немцы на машинах, и пройти не смог, — и мы не пройдем. Мы пристыдили этого молодого воина, оставшегося «в зятьях», ему, видно, неплохо жилось у этой учительши, — а нам здесь даже картошки не предложили! Снова больше суток мы не ели ничего, — лишь уйдя из деревни и взяв направление на восток мы, с разрешения не открывшего нам дверь хозяина отдельно стоящего дома, нарвали в его фруктовом саду хорошей антоновки. Выйдя к окраине большого населенного пункта (потом мы узнали, что это г. Гремяч Черниговской области), мы наткнулись на немецкие машины. Как нас немцы не обнаружили — уму непостижимо! Это можно объяснить только тем, что по опыту войны в Европе немцы верили в покорность и безропотность жителей и воинов побежденной страны, сразу объявив свои устрашающие меры за нарушение немецких правил поведения.

Темной ночью мы ушли из Г ремяча и вышли в большую сухую балку, поднялись в самый верх и провели здесь без сна остаток ночи. Мы сидим у самого города, у немцев под носом! Вот над нами появился наш четырехмоторный тяжелый бомбардировщик — летит с задания после бомбежки. Скорость у него небольшая, скоро его нагнали два «мессершмитта» и открыли огонь: бомбардировщик задымил, один член экипажа выпрыгнул на парашюте перед городом и попал к немцам в плен, а самолет, объятый пламенем, с огромным хвостом дыма спикировал на окраину Гремячего и рухнул на немцев. Это было тяжелое и печальное зрелище.

Мы сидим молча. Как хочется попасть за Десну! Мы твердо решили, что обратно уходить от Десны не будем: все надежды на ночь. И тут мы услыхали шаги идущих среди кустарника людей. Мы окликнули идущую мимо женщину, которая рассказала нам, что она жена работника райземотдела, ее муж ушел в партизаны. Женщина предложила нам принести поесть и ушла, но к вечеру вернулась с мальчиком лет тринадцати, а через плечо у нее висела торба: она принесла нам хлеба и картошки. Ее сын Коля, боевой и смелый мальчик, рассказал нам, что через Десну уже переправилось много наших бойцов, и указал, где это делается. За шоссейной дорогой к Десне есть болотистый луг, колхозники зовут его «Мокрый кол», — вот тут и переправляются. Коля сказал, что самолет, который подбили немецкие летчики, упал на скопление машин и там возник пожар. Может быть, по этой причине немцы не выставляли охрану и не патрулировали шоссе в эту ночь.

Это было 14 сентября. Когда стемнело, мы смело пошли к «Мокрому колу», прислушиваясь к движению автомашин. Машины ходили по шоссе очень редко, а к полуночи совсем перестали ездить. В полной тишине мы спокойно перешли шоссе и зашагали по болотистому мокрому лугу с кустами ивняка и осокой. Ночь была очень темная, безлунная. Мы шли и неожиданно вышли к воде. Берег низкий, а противоположного не видать. Проверяя направление течения, мы бросили маленькую палочку в воду и смотрим: она медленно движется к северу, а Десна течет на юг. У меня возникло подозрение, что это не Десна, я тихо сказал об этом капитану, и он согласился со мной. Что же делать? Мы решили ждать рассвета, нашли плотный куст на сухом месте и улеглись спать. Только начало светать, а мы все были уже на ногах. Капитан, имеющий очень острое зрение, рассмотрел в середине реки кусты и в них лодку. Теперь мы не сомневались, что находимся на берегу Десны, а вода у берега крутит в обратную сторону потому, что русло резко меняет здесь направление.

Настюха обещал нам еще на Соже сплавать за лодкой, и вот теперь мы обратились к нему — выручай. Он разделся, окунулся и сказал, что вода очень холодна, он не доплывет. Мы с капитаном осматриваемся вокруг: справа по течению на берегу на высоком холме деревня Муравей, в ней нет еще движения, немцы пока спят; налево от нас в Десну впадала Судость, а дальше был виден железнодорожный мост на дороге к хутору Михайловскому из Унечи. На противоположном берегу были стога сена, очень большие и плотные ивовые кусты, а дальше за ними сосновый лес; сзади нас паслись на лугу лошади. Я предложил капитану поймать лошадей и с их помощью переправиться, но вода холодна и у берега большая глубина — лошадь не пойдет в воду. Другим моим предложением было наложить сена в плащ-палатку и плыть, но капитан сказал, что он не умеет плавать и утонет вместе с палаткой. Но нельзя же сидеть сложа руки и чего-то ждать! Назад нам пути уже нет, немцы непременно обнаружат нас! Я решил идти с Шуваевым по берегу, вниз по течению. Вверх идти не было возможности; кусты подступали к самой воде и впереди было впадение Судости. Пригибаясь, чтобы нас не так было видно, мы пошли краем берега. Подошли к разрушенной лодке, осмотрели ее: увы, она разломана и наполовину засыпана песком. Идем дальше, и на наше счастье у берега стоят два толстых дубовых бревна, а на них поперек два еще более толстых кряжа. Говорю Шуваеву: «Садись на одно, а я на другое и поплывем к другому берегу. Может, не рассыплется наш плот». Сели, я оттолкнулся своей палкой, и мы поплыли: я гребу палкой,

а он прикладом винтовки. Мы еще не доплыли до половины реки, как нас понесло опять к берегу: река делала крутой поворот влево, а течение средины реки — стрежневое, более мощное, чем у берега, относило нас. Мы заволновались, гребем сильнее и чаще. На наше счастье, река снова изгибалась вправо, и нам легче было преодолеть стрежень. Теперь течение относило нас в нужную сторону, и мы радовались, что скоро будем за Десной.

На берегу напротив нас лежало толстое дубовое бревно, около метра толщиной. Я говорю Шуваеву: «Посмотри, там никого нет?» Не успел он посмотреть, как из-за дуба поднимается человек с нашей винтовкой, в черных ботинках с желтыми обмотками и говорит, услышав наш разговор: «Как же нет никого? А ну, давай к берегу». А я ему говорю: «Где ты родился?» — «На Волге», — «А где на Волге?» — «В Вольске», — «А Пугачевскую улицу знаешь?» — «Знаю!» — «Так вот, я живу на Пугачевской, 37, земляк». Так, с разговорами, мы причалили к берегу. Красноармеец был не один: второй находился в секрете. «Земляк, — сказал он мне. — Мы вас давно засекли, а вы нас видели?» — «Нет». Я рассказал, что на правом берегу еще остались трое наших товарищей, встретивший нас боец сам отправился за ними и перевез их всех сразу. Теперь мы были у своих, но встретившие нас отобрали для порядка наши винтовки. Наган мой они не видели под гимнастеркой (а я отдать его им не предложил), да еще у нас были гранаты, о которых они не знали. Скоро нас привели к стогу сена, внутри которого очень хорошо был сделан наблюдательный и командный пункт. К нам вышел старший лейтенант — летчик и удивился, увидев у меня такие же петлицы. Мы разговорились, и он скоро поверил, что мы не немецкие шпионы, а советские командиры. Оказалось, он командует стрелковой ротой, потому что после ранения летать ему не разрешили. Старший лейтенант возвратил нам винтовки, и мы направились в тыл.

Какая это была великая радость! Мы напились воды из Десны, забыли про голод. Сил как-то сразу прибавилось, настроение отличное. Я сказал старшему лейтенанту — летчику: «Теперь если и убьют, то не будет обидно — на своей свободной земле находимся, среди своих людей».

Так закончился наш месячный поход по немецким тылам. Многому нас научило это время. Вышли мы в расположение войск 13-й армии, а наша 21-я находилась южнее. Теперь мы решили найти свою армию и свои части.

В поисках 21-й армии

Когда мы вышли к своим войскам, я выглядел довольно своеобразно: на голове пилотка, на шее бинокль, гимнастерка с голубыми петлицами и знаками различия старшего политрука, поверх гимнастерки старое рваное пальто, а сверху плащ-палатка, брюки сильно изношены и очень грязные, на левой ноге от колена грязный бинт, на ногах лапти с дырами на подошвах (я донашивал уже вторую пару), онучи грязно-серого цвета, на гимнастерке командирский ремень с медной пряжкой-звездой, на нем наган в кобуре, лицо сильно заросшее, с бородой и усами. Выглядел я теперь намного старше своих 30 лет. Капитан тоже оброс. На голове у него была наша каска, черная от огня костров — в ней мы варили картошку, за плечами — винтовка. Лейтенант Настюха выглядел лучше в своем сером командирском плаще и наганом у пояса. Наши бойцы тоже выглядели лучше — оба были в шинелях и с оружием.

В моей памяти осталась первая ночь на свободной от врага территории. Мы спали в хате на глиняном полу и считали это великой благодатью. По тылам немецких войск мы шагали ровно месяц и вышли 16 сентября, как раз в мой день рождения. До войны я отмечал его по новому стилю — 29 сентября, а потом стал отмечать 16-го.

Выспавшись в спокойной обстановке, мы пошли, как нам приказали, в резервный полк, где собирались бывшие окруженцы. Мы шли великолепным сосновым брянским лесом и остановились у деревни около походной красноармейской кухни. Там хорошо пахло борщом, и мы решили попросить поесть. Сели под дерево, а тут как раз появился лейтенант из особого отдела и начал нас расспрашивать — кто, откуда и куда держим путь. Это его требование было вполне законно. Я объяснил, кто мы и куда идем, он проверил мой партбилет, личные документы моих спутников и разрешил нам поесть. Давно мы не ели такой пищи!

Сборный пункт мы нашли около Середины-Буды, в лесу. Здесь наша группа закончила свое существование. Наших рядовых (Шуваева и шофера) направили в группу рядового состава, Настюху — в группу лейтенантов, а нас с капитаном — в группу старшего начальствующего состава. Комиссар нашей группы политсостава, узнав, что я вышел из окружения с партбилетом, в форме и с группой других военных, вывел меня перед окруженцами и сказал: «Вот товарищ старший политрук, раненный, вышел в форме, сохранил партбилет и оружие — вот так надо было делать и вам». Комиссар сказал нам, что у него до

800 человек командного и политического состава, утративших партбилеты, спасая себя.

Здесь мне выдали ботинки с черными обмотками (наконец-то мои ноги были в тепле и обуты по форме), поставили нас на довольствие, выдали продаттестат. Я получил хлеб, консервы и дополнительный паек: масло, печенье, папиросы. Тогда же я решил избавиться от бороды и усов. Безопасная бритва была со мной, я попросил соседа посмотреть за моим рюкзаком и полученными продуктами, и пошел на кухню за горячей водой. Здесь работала женщина лет сорока, которая предложила: «Давайте я вас обрею, я работала парикмахером в минском Доме Красной Армии». Я согласился, сел на табуретку, она достала свой бритвенный прибор и за два приема омолодила меня. Поблагодарив ее, я вышел из кухни и пришел в комнату, где лежали мои вещи. Но когда я стал открывать свой рюкзак, сосед, не узнав меня, сказал: «Не трогай, это «бороды», он сейчас придет!» Мне пришлось убеждать его, что это моё, и он удивился: «Да ты совсем молодой, а был таким старичком».

Из 21-й армии нас здесь было несколько человек, и нам разрешили отправиться в свои части. А вот где они находились, нам не сказали — не знали сами, и наша группа из семи человек начала поиски. Предполагая, что из Гомеля наша армия отходила на восток, мы решили искать ее севернее Середины-Буды. На станции Зерново мы сели в поезд с ранеными и утром приехали в Навлю, где узнали у коменданта станции, что частей 21 -й армии здесь не было и нет: она на Юго-Западном фронте. На станции стояла сильная вонь: при бомбежке немецкий летчик угодил в уборную бомбой, разнес ее до основания и разбрызгал все содержимое по станции.

Со своей группой мы долго мотались по фронту в товарных вагонах и на попутных машинах: побывали во Льгове, Рыльске, в Курске и в Сумах. Во Льгове я нашел медпункт и попросил сделать мне перевязку. Медсестра, увидев грязный бинт, разрезала его ножницами и выбросила: она удивилась, что этот бинт на ноге уже более месяца, осмотрела рану и сказала, что надо ложиться в госпиталь, а то рана не заживет, да и осколок надо обязательно удалить. Из Сум мы доехали до ближайшей станции Басы. Станция была полностью разрушена. Начался налет немецких самолетов, и мы ушли в открытое поле, в подсолнухи. Налет был недолгим, но одна крупная бомба упала недалеко от поля подсолнухов, и взрывной волной выбило все семечки: их было так много, что мы собирали их с земли. В составы не попала ни одна бомба, мы сели в пустой вагон и утром оказались в Белгороде. Потом мы были в Ахтырке (в комендатуре

нам сказали, что там находится штаб Буденного, командующего Юго-Западным фронтом, и там 21-я армия), долго добирались до нее, но армия была южнее. На станцию несколько раз налетали немецкие самолеты, но ненадолго, их отгоняли наши истребители. Часть нашей группы потерялась, и нас осталось четверо. С Кириковки мы поехали к Харькову, где наконец-то нашли тылы 21-й армии. Тут мы расстались с капитаном, и я явился в политотдел тыла нашей армии. Начальником политотдела был полковой комиссар Быков, мой старый знакомый по учебе в академии в 1935 году. Он был рад встрече и помог мне привести себя в надлежащий вид: За полтора месяца беспрерывных походов и бессонных ночей я очень исхудал и устал. Быков сказал, что в политотделе армии меня считали без вести пропавшим, но семье об этом пока не сообщали.

Около политотдела были машины с имуществом, вывезенным при отступлении: белье, гимнастерки и брюки, куртки и обувь. По распоряжению Быкова я получил гимнастерку и брюки, сапоги и теплую куртку с длинными полами, какие носили до войны красноармейцы-строители. Моя гимнастерка настолько износилась, что вся разорвалась, когда я потянул ее за воротник. Сапоги пришлось подобрать разные: на исправную ногу — яловый 40-го размера, а на раненую — кирзовый 41-го, это было лучше обмоток с ботинками. В те дни я встретился с сотрудниками нашей армейской газеты. Они попали в окружение в районе Лохвицы и вышли, вынеся с собой типографское имущество: фотокамеры, набор шрифта, оттиски статей, бумагу. Я спросил их, где машина с личными вещами политотдельцев, и они сказали, что в районе Чечерска при отступлении из Гомеля на переправе через Сож машина попала в руки немцев. Таким образом, немцам достался мой чемодан с комплектом белья, сапогами и шинелью.

Здесь же я встретился с Сашей Никитиным, бывшим сослуживцем по 18-му артполку в Петрозаводске. За финскую и за месяцы этой войны Никитин стал совсем другим: смелым и деловым человеком. Теперь он был в должности помощника начальника политотдела по работе среди комсомольцев. Он и рассказал мне о трагедии с 18-м артполком во время войны 1939–1940 годов.

Недолго мне пришлось быть среди хороших друзей и товарищей. Дня через четыре я уехал в госпиталь на лечение.

В госпиталях на лечении

Госпиталь располагался на окраине города, в здании больницы. Прибыв уже в темноте, я вымылся под душем, надел чистое белье, все сдал на хранение, и меня проводили в палату. Все койки были свободны. Я лег на койку, моментально заснул и крепко спал до утра. Проснулся, а на тумбочке стоит тарелка с остывшим борщом — это был мой ужин: его принесли, но будить меня не стали. Я съел борщ, лежу и жду, что кто-то ко мне придет в палату, — но никто не идет. Вышел в коридор — и там тихо. Огромное старинное здание было пусто. Подумалось: может, госпиталь переехал и забыли обо мне? Я подошел к окну (палата была на первом этаже), смотрю во двор: никто не идет. Наконец вижу — идет по двору военный, я объяснил ему свое положение, и вскоре бегом прибежала медсестра: «Ой, мы забыли про вас, тут у нас никто не лежит».

Вскоре старый опытный хирург осмотрел мою раненую ногу и сказал, что осколок сейчас удалит. Меня положили на кушетку, и врач попросил двух сестер держать мою ногу, чтобы я не дергался от боли. Я сказал врачу, чтобы он не беспокоился, я стерплю эту боль и ногой дергать не буду. Врач зондом нащупал осколок, а потом тонким пинцетом стал удалять осколок, но первый раз его не захватил, а дернул за мышцу и причинил сильную боль, которую я стерпел. «Ну, теперь наверняка вытащим», — сказал хирург и действительно рывком вытащил небольшой осколок: побольше сантиметра в длину и миллиметров восемь в ширину. Осколок вымыли и отдали мне на память. Я носил его в кармане гимнастерки, а потом выбросил. «А рана скоро затянется, — сказал хирург, — и вы снова вернетесь в строй». Врач поинтересовался, где и когда я был ранен, и очень удивился тому, что я прошел с осколком более 500 километров, не меняя бинта, и не получил гангрены. В детстве и юношестве мы прошли хорошую закалку: организм был крепок и закален.

Меня перевели в другую палату в одноэтажном здании, где лечились лейтенанты. По штату мне не положено быть здесь, но я сам попросился сюда. Старшего начальствующего состава среди раненых не было; я был единственным из этой категории лиц.

Стояли теплые осенние дни конца сентября. Сводки с фронтов были нерадостные — наши войска отходили. В блокаде оказался Ленинград, в осаде — Одесса, отрезан от страны Крым, оставлен Киев. Вражеские войска развили наступление на всем участке Юга и стремительно продвигались к Харькову, Донбассу, Ростову. А в госпиталях жизнь шла своим чередом, питание было

трехразовое и хорошее, рана заживала. Читать ничего не было, и я только слушал радио. Но дней через 6–8 нас подняли еще затемно, выдали нашу одежду и объявили, что госпиталь эвакуируется. Нас перевезли на вокзал к санитарному поезду и распределили по вагонам. С рассветом наш поезд отправился сначала на север, а потом на юг, и выгрузили нас в Валуйках, 150 км восточнее Харькова. Здесь нас принял эвакоприемник, и всех мыли и переодевали. Мыть раненых помогали молоденькие девушки-сандружинницы, раздетые до нижнего белья. Не обращая внимания на свою наготу, они заботливо делали свое дело: мыли, одевали, укладывали на носилки тех, кто не мог ходить.

Валуйский госпиталь размещался на окраине города. В нем с моей заживающей раны скоро сняли бинты и начали лечить меня заливанием в нее перекиси водорода. В верхней части ступни не было чувствительности, я сказал об этом врачу и был направлен на консультацию к профессору. Он проверил границы потери чувствительности острой иголочкой и сказал, что все восстановится. Увы, прошло более сорока лет, но все осталось без изменения. В то время за полученные в боях ранения был введен знак: красная ленточка на левой половине груди за легкое ранение и золотистая — за тяжелое. Красную ленточку я носил до конца 1941 года.

Из Валуек, как и из Белгорода, я писал домой жене письма, но ответа не получал в связи с частой сменой местонахождения. Там же, в Валуйках, мне выдали жалованье за август и сентябрь. Тогда в армии не было расчетных книжек, содержание платили по ведомости и верили нам, за какой срок надо оплатить, надеясь, что лишних сумм никто не будет требовать. Из полученных денег большую часть я отправил переводом семье в Вольск, но дома их опять не получили. Кто-то снова прибрал деньги к рукам!

Здесь, в госпитале, лежал с многочисленными осколочными ранениями в руки и голову старший лейтенант, хорошо играющий на пианино: он услаждал нас своей игрой. А в нашей палате лежал старший лейтенант — летчик. Он обгорел, покидая сбитый бомбардировщик. Все его лицо было забинтовано, открытым оставался лишь один глаз и рот. Питаться сам он не мог — руки были обожжены. Я скоро подружился с ним, и мы подолгу беседовали. Врачи сказали, что дело у него идет на поправку, но медленно (а лежал он уже больше месяца). Узнав, что у меня есть наган, он просил меня при выписке дать ему его, чтобы застрелиться, — зачем такие муки? Об этом я никому не сказал, и старался его убедить бороться за жизнь, чтобы поправиться и вернуться в строй. Когда все уходили гулять или играть в бильярд и мы оставались в палате вдвоем, к нам после

своей ночной работы ежедневно заходил уже немолодой гармонист, одинокий человек, и предлагал сыграть, что желаем. Мы заказывали ему народные песни, и он их великолепно играл для нас... Постепенно летчик стал верить в свои силы. Когда сняли бинты с рук, он повеселел, хотя еще не ходил. Потом сняли бинты с его лица, и летчик стал смотреть обоими глазами, но часть лица оставалась малиново-багрового цвета.

Скоро госпиталь начал эвакуацию раненых в тыл, и мы поехали в эшелоне в Сибирь. Часть из нас не видела в этом никакой необходимости — раны заживали, и скоро можно было выписываться. В поезде раненых осматривала специальная комиссия, и тех, у кого раны уже заживали, высадили в Воронеже, направив в госпиталь. Летчик тоже не захотел ехать в Сибирь и попросился оставить его с нашей группой в Воронеже. Под вечер осенним пасмурным днем мы остановились в Старом Осколе. Станция была забита эшелонами, наш поезд остановился на крайнем пути, а с другой стороны стоял состоящий из товарных вагонов эшелон с пополнением для фронта. Вдруг из низких облаков вынырнули три немецких бомбардировщика и начали бомбить эшелоны. Кто мог, выпрыгивал из вагонов и, спасаясь, убегал в сторону от эшелонов: раненные в ноги скакали на костылях, а то и на одной ноге. Мы с летчиком укрылись в канаве близ нашего вагона. С первого захода немцы в эшелоны не попали, но одна бомба разорвалась близко от нас; услышав свист падающей бомбы, мы легли на землю. Около нас лежали несколько молодых бойцов, и, когда самолеты ушли на разворот, один новобранец взглянул на летчика, ужаснулся и спросил: «Это что, вас сейчас так опалило?» Летчик в шутку ответил: «Да», — и тогда боец выскочил из канавы и побежал в поле к лесной посадке. Но в следующих заходах немцы угодили в эшелон с пополнением, и там было много убитых и раненых. Наш же эшелон не пострадал. Машинист дал сигнал к отправлению, и раненые возвращались в свои вагоны. Далеко от вагонов в лесной посадке кричал один раненый с загипсованной ногой. Из вагона он ускакал, а вот обратно вернуться не мог... Летчик сказал, что в такую погоду так точно выйти на цель самолеты могли только по радиосигналам — их навели на цель.

Ночью мы приехали в Воронеж, где в здании совпартшколы размещался госпиталь. Это было старинное здание с высокими потолками и широкими коридорами. Рана моя затянулась почти, я готовился к выписке. В госпитале был хороший зубной врач, и мне подлечили зубы. Пробыв в этом госпитале шесть дней, 18 октября я был выписан с направлением в Москву в распоряжение Управления кадров ГлавПУ РККА.[23] Мне выдали литер на

проезд до Москвы и справку такого содержания:

«Дана ст. политруку П.0.21 армии тов. Премилову Анатолию Игнатьевичу в том, что означенный товарищ Премилов А. И. находился на излечении в 398 эв. госп. с 12.X по 18.X 1941 г. по поводу осколочного ранения левой голени без нарушения целости кости. Ранение получил 16. VIII. 41 г. на фронте. Лечился в ряде госпиталей. Лечение консервативное. Раны полностью закрылись, функция ноги не нарушена. Выписывается в часть в хорошем состоянии.

Помначгоспиталя по медчасти врач ll-го ранга Броук.

Скреплено гербовой печатью: Сортировочный госпиталь № 398».

Так закончился еще один этап в моей фронтовой жизни. На прощание оставшийся долечиваться в госпитале летчик подарил мне свою майку сиреневого цвета, потом я носил ее всю войну.

В эти дни обстановка в стране была тяжелая: на фронтах шли тяжелые бои, немцы прорвались к Москве. 19 октября в Москве было введено осадное положение — и вот в такой тяжелый момент я должен был туда попасть.

Под Москвой

В безлюдном темном незнакомом Воронеже я с трудом нашел вокзал. Нигде ни огонька, нет прохожих, трамваев, машин. Но на вокзале было полно народу — все ожидали поездов на восток, на Москву. Поезда ходили без расписания, и прямое движение на Москву через Елец было закрыто. У воинской кассы полно ожидающих. Я не мог включиться в такое пассивное ожидание, пошел к коменданту станции, и тот посоветовал мне попроситься в идущий на Москву эшелон к пограничникам. Начальником поезда и командиром полка пограничников был старший лейтенант. Он рассказал, что его полк едет на защиту Москвы из Баку. Три месяца полк обучался вести уличные бои — все в полку хорошие «пластуны», ребята на подбор! Он расспросил меня, где я был на фронте, как получил ранение и приказал своим бойцам найти мне место на нижней полке и накормить меня. В наше купе набралось много бойцов, которые задавали мне различные вопросы о боях, о героизме и отваге красноармейцев, о повадках немцев, о немецком оружии. Всю ночь я рассказывал о войне, отвечая на многочисленные вопросы. Эти бойцы были особого склада: очень грамотные, культурные, хорошо политически подготовленные и отлично обученные воевать.

Рано утром поезд прибыл в Мичуринск. Я вышел на перрон с раздумьем: не махнуть ли мне попутным поездом в Вольск к семье? Езды туда около суток, побыть там денек-два — и обратно. Но я понимал: нас, старший политсостав, не случайно собирали в Москву, мы там были нужны в эти тревожные дни. Я снова сел в поезд, и он вез нас целый день. На каждой станции стояли эшелоны с эвакуированным имуществом, людьми, а вблизи станций стояли воинские части всех родов войск. Чувствовалось, что это все для защиты Москвы. Особенно много воинских частей было за Рязанью.

Темной октябрьской ночью 21 октября эшелон с пограничниками прибыл в Москву на Казанский вокзал. Распрощавшись, я вышел и у коменданта вокзала узнал место сбора старшего политсостава. Это место мне было хорошо знакомо: в 5-м Донском переулке, где были курсы политсостава в 1935 году. В метро было очень много москвичей: они приходили сюда на ночь, чтобы спокойно отдохнуть перед напряженной работой. Большинство составляли женщины с детьми. Больно было смотреть на детей, спящих на руках матерей, на чемоданах, матрасиках, раскладушках или просто на полу на одежках. Одна женщина попросила меня посмотреть за спящим трехгодовалым

ребенком, а сама пошла узнать обстановку с транспортом. Потом она рассказала мне, что является женой подполковника из Генштаба, направленного на фронт, — но не имеет от него никаких вестей, он не пишет. Я спросил фамилию и вспомнил, что такой подполковник был в штабе 21-й армии. Я видел его несколько раз в оперативном отделе, а однажды он знакомил нас, политотдельцев, с положением на фронте. Запомнить его было легко: генштабисты носили лампасы на брюках, как современные генералы. Я сказал женщине, что ее муж находился в Гомеле, а теперь эта армия на Украине. Потом я помог донести ее чемоданы до квартиры и, прежде чем идти к месту сбора, зашел пообедать в ресторан на площади Пушкина — как после возвращения с Дальнего Востока в 1939 году. Официант сказал, что из меню подаст любое блюдо, но нет столовых приборов. Оказывается, бежавшие в панике из Москвы прихватили с собой дорогие столовые приборы. Но у солдата всегда была ложка за голенищем сапога!

В постановлении ГКО[24] о введении в Москве осадного положения о нарушителях порядка было указано: *«Немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте».* Это постановление было 19 октября, но я приехал в Москву утром 21 — и все было спокойно. Людей на улицах было очень мало, да и без дела слоняться было некому. Многие здания были закамуфлированы, как и Мавзолей Ленина. Имелись следы от налетов немецких бомбардировщиков: сгорел кинотеатр на Арбате, повреждено правое крыло здания МГУ на Моховой. Было больно за Москву, но все верили, что город врагу не отдадут. Вот в таком состоянии я, отобедав в ресторане, поехал на Шаболовку: здесь после курсов было организовало Военно-политическое училище. Теперь курсантов здесь не было, а располагался резерв старшего политсостава, подготовленный к эвакуации в глубокий тыл — в Шадринск Курганской области. Эвакуации я не подлежал и оставался в резерве для назначения на должность в самое ближайшее время.

Я прошелся по зданию, где учился в 1934–1935 годах: никого из персонала уже не было, в библиотеке часть книг валялась на полу, столовая не работала. Нам выдали продовольственные карточки на несколько дней. Уходить никуда не разрешили. В прикроватных тумбочках убывших в эвакуацию оставались личные вещи и даже исправная обувь: никому это не было нужно. Через день, глубокой ночью, меня вызвали на комиссию ГлавПУРа для назначения на должность. Укомплектовывался политсостав

новой армии. Захожу, докладываю и удивляюсь — комиссию возглавляет бригадный комиссар, мой хороший знакомый и сослуживец по Петрозаводску, Саша Вишневский из 18-й СД (я сделал вид, что не знаком с ним, но он сам поздоровался со мной). Мне предложили должность редактора армейской газеты, но я отказался и в составе группы в пять человек был направлен начальником резерва в распоряжение политотдела 30-й армии, которой командовал генерал-майор Хоменко.

В группе все были старшими политруками: Левин, участник финской войны, Груздев из Фурманова, хорошо знавший моего брата и жену, и еще двое. Нам надо было проехать до Мытищ на электричке, разыскать артиллерийский склад и с машинами, везущими снаряды, ехать в район Калязина и Кашина, где располагался штаб армии. Старшего в группе не было, но все мы действовали дружно и слаженно. Когда подошли машины, мы помогли погрузить ящики со снарядами и доехали по бездорожью до Загорска, а дальше добрались на попутной полуторке. Несколько раз мы вытаскивали машину из липкой грязи, перепачкались в ней, заночевали в доме ветеринарного врача и утром переправились на пароме через Волгу. Расстояние до Кашина было менее 30 км, но мы преодолели его только к вечеру и снова остановились на ночлег. В итоге, когда мы добрались до места, оказалось, что 30-й армии здесь нет. Мы решили возвратиться в Москву — и на этот раз потратили на дорогу два дня, а не неделю. Мы снова явились в резерв, и старший батальонный комиссар, что направлял нас сюда, начал упрекать нас в трусости: мол, мы боимся отправиться на фронт. Лишь теперь он узнал точное расположение 30-й армии, и мы вновь уехали, сказав, что это он мог сделать и раньше.

Теперь наш путь лежал в г. Клин. По Ленинградскому шоссе было большое движение машин; за Москвой были построены противотанковые заграждения и перед ними вырыты глубокие рвы. КПП тщательно проверял проходящий транспорт и едущих людей. Проверили и наши документы, — и мы покатили дальше. За Клином мы встретились с членом ВС армии бригадным комиссаром Абрамовым, который дал нам поручение оказать помощь местным органам в эвакуации предприятий и материальных ценностей из угрожаемых районов. Мы помогали вывозить ковровую фабрику, зверей из заказника наркома Ворошилова с берега Волжского водохранилища, имущество колхозов и самих колхозников. Этим мы занимались и днем и ночью, а жили в деревне, в пустом доме эвакуированного колхозника.

Вторым поручением была проверка госпиталей для

выявления вылечившихся раненых и задерживавшихся в госпиталях лиц рядового и сержантского состава и политработников ротного звена. В армии ощущался недостаток личного состава, и командование искало резервы. С мандатом от ВС 30-й армии я побывал в нескольких госпиталях и проверил команды выздоравливающих: многих направили на сборные пункты как годных к службе в частях. Как политработник я занимался не только этим поручением. Раненые хорошо чувствовали недостатки и при посещении палат рассказывали мне о случаях несвоевременной перевязки раненых, плохом обеспечении бельем, теплыми одеялами, о том, что плохо убирались палаты, несвоевременно кормили тяжелораненых. От начальников и комиссаров госпиталей я требовал немедленного устранения недостатков. В Рогачеве у врачей имелся радиоприемник, и мы прослушали волнующий и вдохновляющий доклад И.В.Сталина, — а через день, 7 ноября, Сталин произнес речь на параде Красной Армии на Красной площади. Это вдохновило и подбодрило всех фронтовиков, укрепило у них веру в дело победы.

Когда я отчитался за выполнение этого поручения, то получил новое — заняться эвакуацией населения из деревень западнее Волжского водохранилища. Мы уговаривали жителей эвакуироваться — машины уже стояли в деревне. Нам удалось вывезти немало жителей, но привычка жить в собственном доме, незнание того, что принесут с собой немцы, не давали многим решимости для отъезда. В одной из маленьких деревень я долго, до темноты, держал машину около дома и ждал, когда соберется молодая женщина с ребенком, — и тут на другом конце деревни появились немецкие автоматчики. Только тогда женщина решилась уехать. Запомнилось мне и то, как при въезде в деревню с линии фронта у дороги я увидел колхозника, который пытался остановить проходящие машины, идущие к Ленинградскому шоссе. Он стоял и плакал, а около него находился ящик, закрытый теплым ватным одеялом. Я расспросил его и узнал, что он пчеловод и пытается спасти пчелиную матку, имевшую золотую медаль от ВСХВ[25]: «Пусть дом мой пропадет, но матку спасите!»

Нам удалось посадить его с ульем на проходящую машину, и домой он так и не забежал... Немецких мотоциклистов под Москвой я увидел и еще раз, в солнечный морозный день. Местность перед очередной деревней была ровная, никаких заграждений здесь не было. В редко разбросанных землянках размещались зенитчики, и других войск не было, хотя считалось, что пехота была впереди. Мотоциклистов обстреляли, и они

быстро повернули назад. Здесь же, на танкоопасном направлении, я увидел пограничников с овчарками для истребления танков: на спине каждой собаки был прикреплен груз тола со взрывателем. У собак был выработан условный рефлекс: их кормили у танковых гусениц, но теперь не кормили до появления немецких танков, поэтому они выглядели усталыми. Бойцы временно снимали взрывчатку и носили на себе, держа овчарок на поводке...

К вечеру я возвратился в штаб армии и получил новое задание: идти в подразделения, обороняющие восточный берег Волжского водохранилища, связаться с районным руководством и узнать, как оно готовится к партизанским действиям. Районный комитет партии находился в Завидове, здесь я и нашел группу будущих партизан района. Жили они на казарменном положении, были вооружены винтовками и могли в любое время перебазироваться в район Козловского торфяного болота для партизанских действий. Я провел два дня, беседуя с партизанами, интересовался, как они вооружены и как владеют оружием. В самый канун ухода на партизанскую базу секретарь райкома угощал партизан на своей квартире в небольшом одноэтажном домике. Что можно было отдать из запасов продуктов, он отдал, а остатками угощал. Все поели, секретарь запер свою квартиру и дал команду отряду двигаться. Отряд повел на болото заведующий военным отделом райкома. Распрощавшись с будущими партизанами, я ушел в части, расположенные у кромки водохранилища (оно уже покрылось довольно крепким льдом). В сделанных наспех укрытиях на тяжелых треногах стояли незнакомые мне пулеметы — это были «Гочкисы». Патроны подавались не на ленте, как у «Максима», а на металлической пластинке. На противоположном берегу были позиции немцев и финнов. Слева от наших позиций был шоссейный мост, взорванный нашими саперами, к мосту с обеих сторон шла высокая насыпь. Я обошел все огневые точки стрелкового батальона. Это было 15 ноября, а утром 16 ноября появились немецкие бомбардировщики, волнами летевшие к Москве. Мы поняли, что началось новое немецкое наступление, о котором нас предупредили в армии, — второе генеральное наступление.

На этом участке обороны день прошел без изменений. Через водохранилище по льду никто не наступал, но левее шел бой. Еще ночью наша разведка сходила на западный берег водохранилища и принесла офицерский ремень (на пряжке была надпись: «С нами Бог») и кинжал. Офицер был ранен нашими пулеметчиками, и его увезли на броневике еще днем. Но к сумеркам положение резко изменилось: немецкие автоматчики появились в тылу батальона. Среди разбросанных домиков на берегу водохранилища они

перебегали в глубь обороны батальона. Позиции батальона с тыла были открыты, их отделял от домов высокий берег, и немцы не видели наших бойцов. Стало темнеть, и командир батальона отдал приказ на отступление. Закрытые высоким берегом, бойцы начали отход. Вытянувшись цепочкой, мы пошли по краю замерзшего водохранилища. Немцы начали обстрел побережья с противоположного берега. Мины со свистом летели в нашу сторону и падали на лед. Удивительно, но они не взрывались от удара, а пробивали лед и рвались в глубине, поэтому потерь не было. Когда крутой берег кончился, мы вышли на лед и зашагали на северо-восток вдоль водохранилища. Обстрел кончился, нас никто не преследовал. Шли мы часа два, вышли к деревне, и местный житель вывел нас на дорогу к Конакову, где располагались тылы 30-й армии.

Моим попутчиком оказался политрук, возвращавшийся из госпиталя в свою часть, и нас пригласили в дом, в котором размещался штаб батальона, отступившего с берега водохранилища. Мы были голодны, и старший лейтенант, уполномоченный особого отдела, сказал нам, что накормит нас, если мы подпишем акт о потере пулеметов «Гочкис» в бою на берегу водохранилища. Я просмотрел акт и сказал, что такую бумагу не подпишу: «Боя мы не вели, а пулеметы бросили, — как нам сказал один из бойцов, — тяжелы были очень». Тогда уполномоченный решил взять нас на испуг, показал нам свое удостоверение и потребовал наши документы. У меня, кроме справки из госпиталя и партийного билета, ничего не было, а у политрука был только партбилет с отклеившейся карточкой. Особист прицепился к политруку и сказал, что если он не подпишет акт, то его арестует, — да и мне стал угрожать арестом. Мы стояли ближе к двери, а уполномоченный отошел к столу, — тогда я взял у политрука гранату, и мы пошли к двери. Уполномоченный закричал часовому не выпускать нас, но я вынул пистолет и сказал часовому: «Прочь с дороги!» — а всем собравшимся в доме погрозил гранатой. Препятствовать нам охотников больше не было, и мы вышли на улицу. Мы пошли деревенской улицей и видим, как у одного красивого домика, обитого тесом, хозяйка моет ступени крыльца, скоблит их косарем, несмотря на мороз. «Для кого так стараетесь? — спросил я хозяйку. — Для гостей или праздник какой приближается?» Разогнув спину, она ответила: «Гостей жду. Вы уйдете, а придут наши новые хозяева!»

Мы нашли попутную машину и к вечеру попали в Конаково, где нашли часть сотрудников политотдела армии. Они направили нас на склад вещевого имущества, чтобы получать зимнее

обмундирование. Я получил шапку и ватные брюки, а ватник я не стал брать — куртка у меня была на вате; валенки же еще не выдавали. Политрук ушел в свою группу резерва, а я был направлен в группу старшего политсостава при политотделе армии. В резерве я пробыл недолго. Как-то под вечер неожиданно послышался резкий шум, как будто загорелся мощный примус, потом последовал сильный скрежет по металлу, и с беспрерывным воющим свистом из-за кустов полетели снаряды с огненными хвостами. Все легли на мороженую землю, не понимая, что происходит. Разрывов мы не слышали, но подняли головы и увидели удаляющиеся машины, накрытые зелеными брезентами, под ними под углом стояли металлические конструкции. После ухода машин осталась опаленная огнем земля. Так впервые я увидел знаменитые «Катюши» — и не мог представить себе, что сам буду командовать таким грозным оружием!

Это было в ночь на 19 ноября 1941 года. Той же ночью я был вызван к начальнику политотдела армии полковому комиссару Шилову. Он пригласил старшего политрука Левина и меня в сани, и мы поехали. Я спросил, куда мы едем и зачем, Шилов сказал: «Приедем, тогда скажу». Так начался новый этап в моей службе в армии и участия в Великой Отечественной войне.

В 24-й кавалерийской дивизии в боях под Москвой

Подъезжая к деревне, Шилов сказал нам: «Около Клина разбежалась кавалерийская дивизия. Ее командование пойдет под суд военного трибунала. Одного из вас назначим комиссаром дивизии, а другого начальником политотдела». Эта весть буквально огорошила меня — я никогда не служил в кавалерии, опыта работы в этом роде войск не имел. Я сказал Шилову: «Товарищ полковой комиссар, вы мне лучше теперь дайте строгое партийное взыскание, чем потом отдавать под суд. Я согласен на любую работу, но только не в кавалерию». Но Шилов строго сказал мне: «За отказ от работы исключим из партии, оставьте ваше мнение при себе». Нерадостно было на сердце от такого разговора...

Въехали в деревню, нашли дом, где размещался штаб 24-й кавалерийской дивизии имени С.К.Тимошенко. Командиру дивизии Шилов объявил решение Военного совета 30-й армии: полковник Малюков и комиссар дивизии отстраняются от должностей и предаются суду военного трибунала. Собрали командиров полков, и по их предложению командиром дивизии назначили старшего из них, полковника Чудесова. Должности комиссара и начальника политотдела Шилов предложил нам с Левиным поделить. Я сказал Шилову, что Левин участник финской войны, имеет опыт работы как комиссар полка, пусть он и будет комиссаром дивизии. Я надеялся, что после этого начальником политотдела назначат кого-нибудь из работников политотдела дивизии, но этого не произошло. Шилов согласился с назначением Левина — а меня назначил начальником политотдела. Затем он строго предупредил нас: «Надо собрать дивизию, не соберете — будете отвечать очень строго», — пожелал нам успеха в работе и уехал. Вся эта процедура с назначениями не заняла и двух часов. Так я стал начальником политотдела дивизии. Об этой должности никогда не мечтал, — а тут еще в кавалерийской дивизии! Мне было тяжело морально, так велика была ответственность, так тяжело было это время, — но надо было действовать.

Ночью мы вышли на перекресток дороги с Ленинградским шоссе и объявляли выходящим из окружения кавалеристам: «24-я дивизия направо, в ту деревню, где был ее штаб». К утру основная часть личного состава полков собралась. Бойцов кормили вкусным рисовым пловом с изюмом, а нам было не до еды —

слишком велико было нервное напряжение. Утром мне представились сотрудники политотдела: старший политрук Элентух (секретарь парткомиссии) и политрук Терещенков — инструктор политотдела по партийному учету; помощником по комсомольской работе был младший политрук или сержант Стояновский, очень энергичный и храбрый человек. Политрука Луца, инструктора по оргпартработе, я не видел, он находился в части. Вот и весь состав политотдела. Мой предшественник был ранен и суду не подвергался. Познакомился я и с комиссарами частей: все они были выдвинуты только теперь, кадровые комиссары все были ранены и выбыли.

В одном из домов деревни я встретил бывшего комиссара дивизии и удивился. За столом, обставленным бутылками водки и буханками хлеба, сидел старший батальонный комиссар Саша Сальников, с ним мы вместе учились в Москве на курсах пропагандистов. Он очень обрадовался встрече и сказал: «Вот пью с горя. Дивизия не выполнила приказа командарма, и мы пойдем с Малюковым под суд ревтрибунала. Если не расстреляют, то докажу, что я не враг советской власти и кровью смою свою вину!» Он рассказал мне, как все было: до прибытия под Москву дивизия была в Иране, где занималась несением караульной службы и частыми конными состязаниями. Командир дивизии Малюков показывал там свое мастерство лихого рубаки: с тремя клинками (два в руках и третий в зубах) рубил на скаку лозу обеими руками сразу. Сразу после выгрузки в Подмосковье дивизия получила боевую задачу. Подчинялась она сначала 16-й армии, а потом 30-й, — и получила два приказа почти одновременно. Один командарм ставил задачу на одном направлении, а другой на другом. Последний приказ был получен одновременно с переходом в подчинение 30-й армии. Не решаясь выполнять тот или иной приказы, они оставили дивизию на месте, и так ее части попали в окружение, вырываясь теперь небольшими группами. Сальников обрадовался, что я назначен начальником политотдела дивизии, — и на этом мы расстались. Ему и командиру дали по 10 лет тюремного заключения, но разрешили находиться в действующей армии, чтобы искупить свою вину. Позже судимость была с них снята: Малюков получил новую дивизию, а Сальников стал строевым работником в оперативном отделе корпуса.

В состав дивизии входили три кавалерийских полка (18-й, 56-й и 70-й), бронедивизион, артбатарея и комендантский взвод. Штатный численный состав составлял около 3500 человек, коммунистов из них было около 900. При выходе из окружения дивизия потеряла часть орудий, пулеметов и личного состава,

несколько бронемашин. По предложению комиссара при политотделе создали группу из сержантского состава (в ней были кавалеристы и водители машин из бронедивизиона), и сержант Лаптев из этой группы вынес из окружения боевое знамя полка. Мы представили его к награде, и он получил орден Красного Знамени.

Моим ординарцем стал кубанский казак Афанасий Семенович Крылов, на год старше меня, отслуживший кадровую службу во флоте. Он подвел мне оседланного коня и сказал: «Вот ваш конь, товарищ начподив». Я посмотрел на коня: гнедой, сильный, с пеной на удилах. Чтобы не конфузиться перед лихими наездниками, я на коня не сел, а сказал, чтобы запрягли его в санки. «Что вы, товарищ начподив, это строевой конь, а не обозный», — взмолился Крылов. «Ничего, пусть привыкает», — ответил я. Все же Ишку запрягли в санки, и он стал очень хорошо возить нас с Крыловым. По штатам в политотделе имелась легковая машина («эмка»), но она где-то запропастилась, и я не искал ее. Такая же машина была у прокурора дивизии, и мы иногда ездили на ней, а когда при бомбежке выбило переднее стекло, то мы приладили раму от окна разбитого дома. Впрочем, немного погодя я окончательно пересел в санки, да и остальные позапрягали своих строевых коней в санки или в розвальни.

Бои шли напряженные. Каждый вечер командир дивизии с комиссаром лично от командующего 30-й армии получали боевую задачу. Дивизия не имела боевого опыта и приобретала его в трудных условиях, с большими потерями среди командного и политического состава. Из кадровых командиров полков был лишь Курчашов (командир 70-го полка), и он недолго оставался в строю, а все остальные были вновь назначенные. Комиссар дивизии все время находился в разъездах, и мы встречались с ним редко, но новый командир дивизии полковник Чудесов был опытным человеком и много помогал мне в организации политработы в дивизии. Для получения боевых задач мне несколько раз пришлось ездить с Чудесовым в штаб армии. Нас часто переподчиняли от 30-й армии 16-й и наоборот; а были и дни, когда боевую задачу мы получали непосредственно от командующего Калининским фронтом генерала Конева. Немцы продолжали упорное наступление на Москву, бои шли в районе Клина. Части дивизии вели бои в пешем строю, а коней охраняли в тылу коноводы (по 10–12 коней на одного бойца). Личный рядовой состав был вооружен СВТ и клинками; их носили весь командный состав и часть политсостава. Клинки в ход не пускали, а винтовки часто отказывали в стрельбе: надежнее были кавалерийские карабины, имеющиеся у отдельных

подразделений. Постепенно бойцы заменили СВТ на винтовки пехотинцев, уходящих в госпитали. Автоматов ППШ и ППД в дивизии было очень мало, лишь разведчики имели наши и трофейные автоматы.

К концу ноября морозы усилились. Личный состав получил зимнее обмундирование, ватные брюки и ватники под шинель, валенки. Получил и я валенки — одним из последних в дивизии, так как мои ноги в просторных сапогах не зябли. Моим секретарем и ездовым был замполитрука Дмитренко, который умел грамотно писать и печатать на машинке. Ежедневные политдонесения я диктовал Дмитренко прямо в санках, и он в перчатках с вырезанными для пальцев дырками стучал на машинке, периодически дуя на озябшие руки. С одним из порученцев политдонесение отправлялось прямо адресату. К концу ноября я уже хорошо знал политсостав всех частей дивизии. Комиссаром 18-го кавполка был политрук Макуха, смелый, настойчивый, храбрый и очень добросовестный человек, — но скоро он был тяжело ранен в живот, и его отправили в госпиталь. После этого комиссаром этого полка комиссар дивизии назначил политрука Терещенкова. Комиссаром 56-го полка был выдвинут младший политрук Мартышин, энергичный и исполнительный работник, а комиссаром 70-го полка был старший политрук Голубев (с ним я встречался еще в резерве).

Мне запомнились бои под Клином, где дивизия сдерживала наступление немцев. В последние дни обороны Клина мне вместо комиссара пришлось ехать с Чудесовым к командарму 16-й армии генералу Рокоссовскому[26] для уточнения боевой задачи. Штаб Рокоссовского мы нашли на восточной окраине города. Город был частично эвакуирован, но жителей еще оставалось много. Хладнокровный, спокойный в присутствии члена ВС армии, Рокоссовский поставил задачу Чудесову в тот момент, когда части готовились оставить Клин: дивизии надлежало занять оборону восточнее Клина. Мы выехали из города, когда начало темнеть, едем в машине по высокой насыпной дороге — и вдруг справа появился немецкий танк. Очевидно, немцы решили перехватить нашу машину и не стреляли. Но, на наше счастье, насыпь была высокой и крутой, и немецкий танк не мог на нее въехать. Наш шофер прибавил скорость, и мы ушли от погони.

Скоро дивизию опять подчинили 30-й армии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-танкист Лелюшенко. В ходе защиты Клина я находился в 70-м полку. Бой шел на улицах. Около одного дома кто-то из политотдельцев сказал мне: «Смотрите, вон бежит Луц, инструктор политотдела». Мы окликнули его, так как он бежал в сторону немцев, — но он

только обернулся к нам и побежал еще быстрее, скрывшись за углом дома. Позднее стало известно, что Луц перешел на сторону немцев и служил им. Когда я стал выяснять, что это за человек, то оказалось, что он сын кулака, — и выяснить, как он попал в политотдел, было уже невозможно. В боях за Клин без вести пропал также командир полка Курчашов.

Немцы теснили нас на восток, и 23 ноября вместе с другими частями дивизия оставила Клин. От Клина мы отступали к Рогачеву, вели бои на промежуточных рубежах и оказались на окраине Рогачева. Мне город был хорошо знаком, я был в нем в начале ноября. Ночь провели без боя, а утром, чуть свет, немцы начали усиленную бомбежку города. Потом в атаку пошла их пехота. Бой шел целый день, и к вечеру мы получили разрешение на отход. Я шел среди последних отступающих бойцов дивизии, со мной был помощник по комсомолу Стояновский. Город был почти пуст, на площади горел наш легкий танк, и в нем с грохотом рвались снаряды. Мы обошли его стороной, и тут в конце улицы появились немецкие мотоциклисты. Наши бойцы дали по ним несколько выстрелов, немцы слезли с мотоциклов и перебежками начали наступление от дома к дому. За нами шла небольшая группа бойцов, они обстреляли немцев, и те прекратили преследование. Стало темно, стрельба затихла. Части дивизии в разрозненном строю подошли к реке Яхроме. Поверх льда на реке была вода, но жители сказали, что это сделано специально: воду пустили через шлюзы канала Волга—Москва, чтобы задержать переправу немецких войск. За рекой у моста был монастырь, и с его колокольни раздавался звон. Кому он был нужен? Я послал группу бойцов с командиром выяснить причину колокольного звона и прекратить его, и скоро бойцы (с ними был и Стояновский) вернулись и рассказали, что звонил служитель монастыря, извещая немцев, что наши части отошли за Яхрому. Его задержали и передали в особый отдел. Ночью части дивизии перешли канал им. Москвы и заняли оборону по его восточному берегу от станции Темпы до Соревнования. Здесь наши части привели себя в порядок.

Штаб дивизии разместился в деревне на дороге в Талдом. Стояли морозные дни. Канал был занесен глубоким снегом, и на нашей стороне в снегу у самой кромки канала были вырыты окопы. Все политработники находились в эти дни на передовой, разъясняя бойцам содержание Директивы ГлавПУРа о борьбе с пораженческими настроениями. С отступлением наших войск такие настроения была особенно опасны. Но при этом случаев добровольной сдачи в плен не было. Кроме случая с Луцем, я помню только один случай дезертирства, еще под Клином.

Дезертира поймали, судили судом военного трибунала, и трус был расстрелян перед строем дивизии.

Комиссар дивизии съездил в Москву и вернулся от Мехлиса уже в звании старшего батальонного комиссара, получив его лично от начальника ГлавПУ РККА Мехлиса. Теперь Левин стал совсем другим, возомнив себя грозой для всех в дивизии. Я не раз слышал, как он грозил расстрелом начальнику штаба дивизии капитану Москвичеву (хорошо подготовленному, четко ведущему штабную работу командиру) за невыполнение его распоряжений, которые не совпадали с задачей, поставленной перед дивизией. Наши отношения с ним стали еще более натянутыми, когда я написал в политдонесении о том, что часть раненых при отступлении было нечем вывозить с поля боя. Из политотдела армии немедленно приехал представитель, который начал расследование. Комиссар очень перепугался и рассердился на меня, что я сообщил об этом. «Я сказал вам это не для сообщения в армию, можно было об этом и не писать!» — выговаривал он мне. Комиссар дивизии распоряжался политотдельцами, не ставя меня в известность, и когда требовалось направить в часть политотдельца для усиления работы, то послать было некого. Плана работы мы не составляли, так как комиссар считал это излишним. Он метался по частям на своем великолепном арабчике, нигде подолгу не задерживался и в повседневную деятельность дивизии не вникал, считая, что само его постоянное нахождение в частях обеспечивает успех дивизии. Приказы по дивизии приходилось за него подписывать мне.

На второй день отступления за канал я с секретарем Дмитренко был на пристани Темпы, где председатель эвакуируемого в глубь страны колхоза подарил нам коня, запряженного в хорошие санки. Мы с Дмитренко сели в саночки и поехали по лесной дороге в расположение 10-го кавполка. Навстречу нам попался грузовик, и наш конь с перепугу сильно рванул в сторону, санки зацепились за пень и дерево, и с вырванными оглоблями, в хомуте с дугой наш дареный рысак ускакал в лес, таща за собой вожжи. Темнело, кругом никого. Мы пошли пешком к каналу и скоро вышли на линию окопов 10-го кавполка. Здесь мы заметили нечто странное: среди наших бойцов в шинелях были люди в белых полушубках. Это были представители стрелкового полка из дивизии, прибывшей из резерва для защиты Москвы. Потом мы узнали, что это были части 1-й Ударной армии генерала Кузнецова. Пехотинцы перешли за канал, потеснили немецкие части, выбив их из нескольких населенных пунктов, и вынудили немцев перейти к обороне. Это означало, что здесь наступление немецких войск

приостановлено навсегда. Настроение в частях было уверенное и боевое, все понимали,.что скоро мы пойдем в наступление.

Каждую ночь я находился на передовой позиции: проверял, как несут службу охраны, беседовал с бойцами о положении на фронтах, разъяснял им боевую задачу дня. Вот в такое время ночью идем с Дмитренко по окраине деревни вблизи передовой и слышим: «Стой! Пароль?» Я отвечаю: «Патрон», — а он в ответ: «Какой патрон? Патрон Петрозаводский!» Так он сам выдал отзыв пароля, который тогда состоял из двух слов — названия оружия и города. Мне пришлось указать на это командиру часового, и потом стали применять новую систему: часовой окликал идущего и называл цифру, а идущий должен назвать в ответ другую, чтобы в сумме получалась нужная «парольная» цифра.

В первых числах декабря ночи стояли тихие и очень морозные. Глубокой ночью в дом, где размещался политотдел, пришли два танкиста в комбинезонах и улеглись спать среди нас. Один из них, невысокого роста, вытащил из-под моей головы мою полевую сумку и заснул. Я не стал тревожить его, а под утро они, отдохнув, тихо ушли. Скоро в дом вошел командир дивизии Чудесов и спрашивает меня: «Начподив, а где командарм Лелюшенко?» (мы находились в подчинении 30-й армии). Я ответил, что не видел никакого командарма; рядом спали два танкиста, они отдохнули и ушли. А Чудесов в ответ: «Да это был генерал Лелюшенко, Герой Советского Союза, наш командарм. Как же ты его ничем не угостил?» Отвечаю, что мне и угощать-то нечем, сами питаемся как попало. «Давайте ищите генерала, — скомандовал Чудесов, — ему приготовили завтрак». Но было поздно, командарм уже уехал.

В эти дни в дивизию поступило пополнение всех степеней: рядового, сержантского, командного и политического состава, прибыли медицинские сестры. Постепенно части дивизии включились в бои, но решающим днем наступления стало 5 декабря. От командующего 30-й армией дивизия получила приказ взять одну деревню, которую упорно обороняли немцы. На рассвете в сильный мороз дивизия начала наступление. Минометчики дали несколько выстрелов по деревне, и Чудесов послал в атаку эскадрон. У самой деревни конников встретил плотный прицельный огонь, часть из них упала с коней, а другие повернули назад. Внимательный осмотр в бинокль огневых точек не выявил, пулеметов не было видно. Снова минометной налет и вторая атака в конном строю — и опять тот же результат. В третий раз атака захлебнулась так же. Командарм требовал выполнения приказа. Тогда Чудесов послал группу в пешем строю в обход деревни справа, а нам, находившимся на опушке леса

перед деревней, он сказал: «Пошли. Если убьют, то с мертвых спроса не будет. Радист, доложите командарму, что деревня взята». И все штабные работники, политотдельцы, командиры частей вышли широкой шеренгой из леса и пошли к деревне. Расстояние было не более километра. Мы с Чудесовым идем впереди всех, впереди чернеют на снегу тела убитых и раненых. Комиссара здесь не было. Идем в ожидании пулеметных очередей, но странно — тихо, никакой стрельбы. Вот и сараи на задворках деревни. Мы заглядываем в них и обнаруживаем, как стрелял немецкий пулеметчик — в трех или четырех были выдолблены отверстия на уровне лежачего человека для стрельбы из пулемета. Никаких окопов не было. Группа, посланная в обход деревни справа, перерезала провод связи и вступила в деревню раньше нас, немцы поспешно отступили. Никаких трофеев не было.

С ночи командир дивизии ничего не ел. Мы зашли в аккуратненький чистый домик и попросили хозяйку сварить картошки. Хозяйка сказала: «Вон в подполе картошка, берите и варите». Ординарец открыл лаз, спрыгнул в подпол и тут же выскочил с криком: «Там немцы!» Бойцы направили в подпол дула винтовок, скомандовали «Хенде хох!» — и два молодых немецких солдата послушно вылезли из подпола. На них были тонкие шинелишки, пилотки, красноватые, с широкими голенищами кожаные сапоги. На тут же учиненном допросе они все рассказали, и пленных отправили в штаб армии.

Вместе с пехотными частями дивизия продвигалась на запад, очищая деревню за деревней. Части дивизии участвовали в освобождении Рогачева и Клина, и наш 70-й кавполк первым вступил в Клин. Это было 15 декабря. Город горел, на шоссе и на обочинах валялись трупы немецких солдат и разбитая техника. Стояли лютые морозы. Хлеб так замерзал, что его с трудом рубили клинками. В темноте слышим — на окраине деревни стучит топор. Кто рубит, зачем так поздно? Подошли и видим: старушка тяпает по ногам убитого и замороженного немецкого офицера. Спрашиваем: «Зачем это делаешь?» — «А как же, он разграбил весь мой дом, так я к весне хоть с сапогами буду. С немецких солдат сапоги снимаются легко — голенища широкие, а вот офицерам приходится ноги отрубать. Кладем в печь, оттают кости, и их выкинем, — а сапоги хорошие». Мы ничего не сказали ей: не имеющие теплого обмундирования немцы под Москвой отбирали у населения все, что можно было одеть на себя. Солдаты рядились в женские платья и юбки, на голову навьючивали все, вплоть до дамских рейтузов. На ногах немецких солдат появились широкие соломенные боты, в них совали ноги

для тепла. Невзрачный вид имели завоеватели Европы!

В перерыве между боями мы с Терещенковым ездили по частям и уточняли численность и состав партийных организаций в частях, подбирали и укрепляли низовое руководство. В дивизии комиссар произвел новые назначения: моим заместителем он назначил ст. политрука Жандарова, поручив ему всю работу в тылу дивизии, а ст. политрука Голубева назначил комиссаром 70-го кавполка. В первый день их прибытия дивизия вела бой за освобождение деревни, расположенной вблизи старого елового леса. Выбив немцев из деревни, 18-й кавполк углубился в лес, преследуя отступивших немцев, и пехотинец из Западной Украины, приняв наши передовые подразделения за немцев, решил сдаться в плен. Он шел и кричал: «Пан офицер, я не хочу служить москалям, я иду к вам служить». Его задержали, допросили, он признался в своем дезертирстве с поля боя. К нему применили высшую меру наказания — по решению тройки из представителей командования, прокуратуры и особого отдела его увели в глубь леса и расстреляли. Но часа через три командир 18-го кавполка пригласил меня в свою санчасть и показал раненого пехотинца, пришедшего в санчасть. Выяснилось, что это был тот самый дезертир, расстрелянный в лесу! Особистам пришлось вторично приводить приговор в исполнение.

При освобождении следующей деревни захватили немецкого пулеметчика. Этот пленный отказался отвечать на вопросы. Чудесов приказал запереть его в чулан и поставить часового. Потанцевав на морозе (который был более 30!), немец закрича: «Г***итлер капут!»*** и через переводчика сказал, что будет отвечать, только пустите в теплый дом! Так и стало: он раскрыл данные, нужные для ориентировки в наступлении, и его отправили в армию.

В следующем бою в плен взяли трех немцев (среди пленных был один офицер). Их допросили и, учитывая важность данных сведений, решили отправить в штаб армии, о чем и доложили по радио. Доставить пленных комиссар дивизии поручил лично комиссару бронедивизиона (в нем еще оставалось три или четыре броневика). Два броневика повезли пленных, но поднялась сильная метель, броневики двигаться не могли, а конвоировать пленных в пешем строю комиссар не решился — и пленных расстрелял. Вернувшись, он доложил комиссару, и Левин страшно рассердился, стал угрожать расстрелом за невыполнение его приказа. Если бы комиссар согласовал доставку пленных со штабом или с политотделом, этого бы не получилось: их можно было отправить на санях под надежной охраной. Левин часто принимал быстрые и рискованные решения, не обдумав

последствий, но был храбр и часто находился среди наступающих. Когда ему об этом говорили, то он отвечал так: «Вы что думаете, я доживу до конца войны? Нет, этого не будет, меня ранят или убьют». Однажды комиссар утром привел с собой целую роту пехотинцев и сказал, что получил пополнение. На мой вопрос командиру роты о том, что это за люди, он сказал, что они направлялись на пополнение стрелковой дивизии, но ее в этом районе не оказалось, и они сутки не ели. «А воевать нам все равно где. Нас накормили, и вот мы будем воевать!» Так сотня бывалых воинов пополнила нашу дивизию. Командующий ротой лейтенант был очень дерзок. Через несколько дней с маузером в руке он смело повел роту в атаку и был сражен автоматной очередью... В те дни мы узнали и о гибели генерала Доватора, командира 11-го гвардейского кавалерийского корпуса. Мы не раз были соседями в боях.

В ходе наступления много внимания уделялось разведке. Каждую ночь наши разведчики уходили в тыл немцев, и приносили полезные данные. Послали в разведку целый взвод, включив в него сержанта, хорошо владеющего немецким языком (он был сыном учительницы немецкого языка в Азербайджане). Одетые в белые халаты разведчики ушли, но в срок не явились. Дня через три вернулся этот сержант и сказал, что бежал из плена, а остальные погибли. Версия была сомнительной, и его взяли под постоянное наблюдение. Его потянуло в группу наших конников при политотделе, и я поручил двум конникам неотступно следить за ним. Выяснилось, что сержант интересуется делами политотдела и штаба, чего никто до него не делал. Допрошенный, он сознался, что выдал немцам наших разведчиков, был завербован немцами и направлен к нам для сбора данных о дивизии. Дело его передали военной прокураторе.

В конце декабря в наполовину сожженной деревне были захвачены два немецких солдата и офицер, поджигавших дома. Пленных посадили около костра, где обогревались бойцы, они сидели и дрожали в своих летних шинелишках. Раскрыли чемодан офицера, а в нем парадный мундир с Железным крестом за Францию. Мы не обратили внимания на крестьянина, который шел, заложив руки за спину, — в них он держал круглое березовое полено. Мы услышали только звук сильного удара и истошный крик немца — крестьянин ударил офицера по голове так, что тот завалился на бок. Второй удар крестьянину не дали сделать наши бойцы, оттолкнув его в сторону. Крестьянин выругался и сказал, что «эти сволочи сожгли наши дома, смерть им, проклятым!». Теперь как только немцы замечали подходивших к костру с поленьями бойцов, так сразу поднимали

крик: ***«Капут, капут!»*** Этих пленных не отправили в тыл: мы были далеко от штаба армии. За зверства над советскими людьми, за сожженные дома жителей им вынесли смертный приговор и расстреляли на виду жителей деревни. Вечером части дивизии освободили деревню, где сараи были заполнены взрывчаткой, шнурами для взрывателей и взрывателями. Из деревни немцы бежали по глубокому снегу сначала в соломенных ботах на сапогах, а потом, выдернув сапоги, без бот. Бежали зигзагами, спасаясь от пуль, но это им не помогло, их всех уложили на снегу!

Зверства немецких войск мы видели ежедневно: сожженные дома, замученные красноармейцы, попавшие в их руки, повешенные активисты, выданные немцам провокаторами. Весь состав политотдела был в период контрнаступления занят самой разнообразной работой: мы информировали личный состав о положении на фронте, помогали обездоленным жителям устроить свою жизнь, составляли акты о злодеяниях немцев. В одной из деревень мы были свидетелями того, как немцы зверски относились к своим раненым; горел дом и рядом с ним санитарная немецкая машина. Жители сказали, что тут была санитарная часть, и, не успев вывезти раненых, немцы подожгли дом и машину.

В конце декабря 1941 года дивизия вела тяжелые бои за освобождение деревни Калицино. Вместе с пехотой, поддерживаемой взводом танков, наши части отбили в Калицине несколько домов, но немцы потеснили нас: один танк Т-34 провалился на мосту в реку с крутыми берегами, а второй пытался его вытащить и не смог. Исключительный героизм и мужество проявил в тот день лейтенант-артиллерист. Он командовал огнем орудий прямой наводкой. Подняв правую руку вверх, чтобы опустить ее с возгласом «Огонь!» (так дублируются команды в артиллерии), он не успел скомандовать, как ему напрочь перебило правую руку ниже локтя. Тогда лейтенант поднял левую руку и скомандовал «Огонь!». Ему быстро забинтовали культю, но в госпиталь он не пошел, сказав, что может воевать и с одной рукой. Учитывая прошлые заслуги, командование дивизии представило его к званию Героя Советского Союза. Лейтенанта спросили, как он себя чувствует, а он ответил, что ничего, вот только часов ручных жалко, они оказались разбитыми...

Бой за Калицино вели несколько дней, но успеха мы не добились: здесь немцы сумели создать крепкий оборонительный узел. Тяжелые это были бои... Здесь же, под Калицином, мы встретили новый, 1942 год. Теперь дивизия была включена в

состав 11-го кавкорпуса и получила задачу идти в тыл немецких войск.

В тылу немецких войск

В январские дни 1942 года, когда дивизия в составе 11 -го кавкорпуса отправилась в тыл немецкой группировки войск на Западном фронте, в состав корпуса входили три кавалерийские дивизии и гвардейская мотомехдивизия без материальной части, ею командовал генерал Чанчибадзе.[27] 18-я кавдивизия нашего корпуса называлась в простонародье «дивизией Ивановых». В ней трое из руководства (командир, начальник штаба и комиссар) носили фамилии Иванов. Корпусом командовал полковник Соколов. Нам так объяснили задачу корпуса: выйти в район шоссе Москва—Минск, здесь встретиться с частями гвардейского конного корпуса генерала Белова[28] и отрезать немецкие части, наступавшие на Москву. Конечно, теперь ясно, что такими силами замкнуть кольцо огромной немецкой группировки войск нам было не под силу. Но тогда бойцы корпуса об этом не размышляли, а шли по тылам немецкой группировки в район шоссе.

Морозной ночью, укрепившей лед на Волге, мы перешли на ее западный берег, обошли Зубцов, побывали на окраине Ржева, а потом резко повернули на юг. Шли, как правило, ночами, а на день, маскируя свои следы, останавливались в деревнях. Дороги были заметены снегом, и, чтобы не сбиться с заданного направления, мы брали проводников из местных жителей. Почти каждую ночь происходили короткие стычки с немцами. Здесь, к западу от Вязьмы, располагались тылы немецких войск. Немцы жили в деревнях, не выставляя охраны на ночь, и наши бойцы часто заставали немецких солдат врасплох, приводя их в ужас. Немцы принимали наших бойцов за партизан и не сдавались в плен, — тогда в коротких схватках их уничтожали. В одной деревне в ход пошли даже противотанковые пушки. В доме оказались немецкие портные, которые на предложение сдаться ответили пулеметным огнем! Командир 18-го кавполка майор Карпонос приказал артиллеристам подавить пулеметы. Артиллеристы ударили бронебойным снарядом, он пробил обе стены дома и не разорвался. Бой был коротким. Пулеметы замолчали, один из немцев вылез через соломенную крышу двора и пустился бежать. Его уложили навечно в снег, а два наших бойца пробрались через эту дыру в дом и добили остальных, лишь один сдался в плен.

В другой деревне в плен взяли трех солдат. Эти были очень словоохотливые и рассказали все, что знали о расположении тыловых частей: они лепетали фразу, ставшую потом самой

главной фразой при попадании в плен: «Гитлер капут! Рус — гут». Немцы эти очень удивлялись, кто мы и как тут оказались. Им сказали, что мы регулярные войска, а не партизаны. Переводчику я сказал, чтобы тот перевел немцам: мы спустились с самолетов вместе с лошадьми, а пленные в ответ: «О/ Гут, гут!»

Много трудностей было в пути: стояли сильные морозы и почти все обмораживали щеки и носы. Заходя в дома после немцев, мы набрались вшей, и они докучали нам всю зиму. Надо было кормить людей и тысячи лошадей. Верхами ездили мало. Почти все обзавелись розвальнями и ездили в них по 5–6 человек. В политотделе верхом ездил только один Захаров на своем хорошо обученном гнедом. Шли длинными колоннами. Походные кухни двигались среди пеших кавалеристов. На огонек кухонь собирались погреться бойцы, свободные от выполнения боевых задач. Личный состав дивизии в своем большинстве был укомплектован жителями Кубани и Северного Кавказа. В ночной тишине часто неслись мелодичные песни. Очень любили кубанцы песню про Галю:

Ехали казаки от дома до края,
Увидали Галю, забрали особой...

Как правило, я шел в голове колонны за передовым отрядом вместе с полковником Чудесовым, иногда ночью удавалось в санях вздремнуть часок-два. Политотдельцы ехали на нескольких санях, а замыкал колонну огромный воз, груженный сеном. Раз Крылов предложил мне лечь на это сено под брезент, я лег и скоро заснул, а проснулся от холода; не могу шевельнуть руками, они закоченели до локтей, а потом опухли. Больше ложиться на это сено я не стал.

По необходимости приходилось совершать марши и днем. Раз в ясный морозный день нашу колонну обнаружила немецкая авиация и начала бомбить и обстреливать из пулеметов. Личный состав потерь не имел, хотя от обстрела негде было укрыться, и мы лежали на снегу, а вот кони пострадали. Захарову пришлось пристрелить своего коня с перебитыми ногами. А конь у него был отличный: по его команде он опускался на колени передних ног, и Захаров с земли садился в седло. Мясо убитых коней шло в пищу.

В период марша политотдел постоянно направлял своих работников. Они разъясняли бойцам задачу дня или ночи, напоминали о бдительности, помогали организовать марш и поддерживать требуемую дисциплину, находились среди передовых отрядов и в арьергарде, информировали командование

дивизии об итогах маршей, обеспечивали своим влиянием боевые действия разведчиков, проявляли заботу о питании бойцов, снабжении фуражом конского состава, вели разъяснительную работу среди населения, помогали активу сел и деревень выполнять постановления Советской власти, поддерживали связь с партизанами. Здесь, в тылу немецких войск, мы часто встречались с партизанами, помогали им оружием, патронами, а они нам продовольствием. Эти отряды партизан были небольшими. В лесной пересеченной местности с болотными большими урочищами партизаны делали налеты на немцев-тыловиков. Один из отрядов передал нам в политотдел более 40 000 рублей, собранных в Фонд обороны страны. Им выдали расписку, не пересчитывая деньги, и я приказал сержанту Багрию и двум бойцам под его командой доставить деньги в финансовый отдел армии. Но при сдаче, когда стали считать, недосчитались нескольких сот рублей — и тогда бойцы добавили свои до объявленной «круглой суммы».

Настроение личного состава было боевое. Никто не допускал уныния, не было ни дезертиров, ни трусов. Все рвались в бой и на любую схватку с немцами шли охотно и смело. При штабе дивизии был комендантский взвод, которым командовал лейтенант Снегирев. Он несколько раз обращался ко мне с просьбой отправить его в эскадрон воевать с немцами, очень тосковал по настоящей боевой работе. С помощью политотдела ему удалось осуществить желание, и он был направлен в полк. Здесь лейтенант очень скоро проявил себя как смелый, находчивый, храбрый и даже лихой командир. Получив в подчинение эскадрон, он стал для своих бойцов любимым командиром. Снегирев двигался параллельно маршруту дивизии, смело и лихо налетал на немцев в деревнях, причем делал это умело и хитро, ни разу не потеряв ни одного бойца! Был такой случай: под вечер его группа вошла в деревню и обнаружила, что на дверях некоторых домов мелом поставлены кресты, — выяснилось: это означает, что скоро сюда должны прибыть немцы на жительство. Снегирев решил устроить этим будущим квартирантам встречу и разместил своих бойцов в сараях на окраине деревни. Скоро на дороге показалась группа немцев, которых было больше, чем его бойцов. Немцы шли с оружием за спиной, не думая, что их ожидает засада. И когда немцы поравнялись с сараями, из одного ударили очереди. Кто из немцев не был убит, плюхнулись в снег и поползли к другому сараю, а им навстречу снова огонь из автоматов. Снегирев дал возможность уцелевшим хорошо промерзнуть — и перебил их всех, забрал их документы, оружие, боеприпасы и вернулся в

дивизию. Летом его ранило, но он скрыл это и врачам не показывался. Случайно узнав об этом, я заставил его раздеться: на спине оказалась уже заживающая рана. Я спросил, почему он не ходил в санчасть, и Снегирев ответил, что лечить всякую царапину может сам, без врачей. Тем же летом, когда дивизия попала в окружение, его долго не было. Уже стали поговаривать — не ушел ли в партизаны, — но он появился. Он снова не потерял ни одного бойца, и все были одеты в немецкую форму. Он увел свой эскадрон в тыл немцев и там набил немецких солдат столько, сколько ему требовалось для переодевания своих бойцов. Он рассказал, а бойцы подтвердили, что они шли днем через деревни, занятые немцами. Немного зная немецкий язык, он покрикивал на своих солдат и прошел без происшествий. Таков был Снегирев. За свои боевые дела он получил орден Красного Знамени.

У нас в политотделе собирали материалы о геройских подвигах бойцов, начиная с подвига сержанта Лаптева, спасшего боевое знамя полка. Описание подвигов переписывалось тушью в тетрадь из плотной чертежной бумаги, и такой сборник о подвигах называли «Наши герои». Он пользовался большим спросом среди личного состава: его читали в эскадронах, взводах[29]. А части дивизии все шли и шли на юг в заданный район. Глубокой ночью 22 января в сильный мороз, когда я шел в голове колонны вместе с командиром дивизии, наш начальник полевой почты догнал нас и вручил мне письмо из дома от жены. Какая это была великая радость! Более 8 месяцев я не получал вестей из дома, и вот письмо! Теперь мне стало спокойнее.

Незадолго до этого дивизия в редком лесочке в темноте встретила сильное сопротивление, какого мы не ожидали от немцев. Скоро выяснилось, что это были финны. Одетые в белые халаты, они применили особый прием ведения боя: лежа на снегу, кричали «ура», а потом без шума поднимались и атаковали. Пока мы разгадали этот прием, потеряли несколько бойцов ранеными. С командиром дивизии мы находились среди бойцов, ведущих бой. Скоро Чудесова ранили, и он передал командование дивизией командиру 18-го кавполка подполковнику Гагуа. Когда наши части погнали финских солдат, были обнаружены тела двух наших артиллеристов, повешенных на стволах мортир...

Всякое бывало на войне. Продолжая рейд, мы раз ночью заглянули в дом колхозника, а он стоит посреди дома и причитает: «Ведь срам-то какой, срам ай-ай», — и плюется. Спрашиваем, в чем дело, что случилось, а в ответ: «И сказать-то совестно, один срам. Осрамился я, старик, надо было лучше смерть принять, чем такое делать». Немного успокоившись,

старик рассказал, что у него на постое были два немца — офицер с денщиком. Вбегает денщик и кричит: «Партизанен!» — и убежал, а офицер со страха наложил круто в штаны, бежать не может. «Вынул пистолет, спустил штаны и заставил меня выбирать свое г... из штанов. Мне бы ударить чем-нибудь немца, да под рукой ничего не было, вот и пришлось мне срамиться на старости лет...» На подходе к этой деревне бойцы захватили не успевший взлететь немецкий самолет. Двое немцев бежали к нему по глубокому снегу и отстреливались: одного убили, а другой сам застрелился. Скоро выяснилось, что это были убиты офицер, осрамивший деда, и его денщик. Узнав об этом, дед выругался, сплюнул и трижды перекрестился, прося у заступницы Богородицы прощения за свой грех... В первые дни рейда, когда немцы не знали о нашем продвижении в их тыл, нам несколько раз удавалось захватывать немецкие самолеты.

В начале рейда комиссаром корпуса был хорошо знавший меня политработник. Как-то он вызвал меня к себе, а сам пошел мне навстречу. По дороге он пнул металлический шарик, — а это была немецкая бомба. Раздался сильный взрыв, и ему покалечило ногу. На должность комиссара корпуса был назначен Левин, но он недолго побыл в новой должности: на своем арабчике он наскочил на оборванный телефонный провод и разорвал себе рот. На его место прибыл полковой комиссар Дзарагазов, о котором я не знал ничего, кроме фамилии. Начальником же политотдела корпуса был старший батальонный комиссар, который за длительное время нахождения в тылу немецких войск только раз вызвал к себе на совещание. Это было в апреле, в распутицу. Мы находились в селе Самыкино на берегу реки Вязьмы. Чтобы попасть в штаб корпуса, надо было перейти черев реку. Я взял с собой незаменимого Крылова. С автоматами за спиной, перекинув через закраины реки доски, мы перешли реку, залитую талой водой, и по снежной кашице прошли более 15 километров. Мы прибыли без опоздания, но начальник политотдела сказал, что совещание уже проведено, и рассказал, что надо сделать по проведению подписи на заем 1942 года. Это же самое он мне накануне передал по телефону. Я сказал, что для такого не надо было вызывать, я понял это по телефону и все сделаю. О делах в дивизии он разговаривать не стал, и мы с Крыловым через десять минут зашагали обратно.

Из Изъялова мы скоро перебрались в Митино и стояли здесь до наступления весенних дней. Штаб корпуса расположился в деревне Степаньково. Сюда каждую ночь прилетал У-2 и привозил продукты и почту, боеприпасы и вооружение. Немецкий бронепоезде линии железной дороги Семлево—Издежково

доставал своими снарядами до Митина, и днем хождение по деревне было очень ограниченно, а езда на лошадях запрещалась. Снаряды с бронепоезда летели к нам на пределе дальности стрельбы и иногда давали рикошеты. Как-то мы с Захаровым попали под обстрел: снаряды пролетали над нами, ударялись о землю, снова взлетали, не разрываясь, и падали на глубокий снег.

Почти ежедневно я выезжал в части, добираясь до расположения передовых постов — боевого охранения. Ездил с Крыловым и брал с собой инструктора политотдела или кого-либо из группы сержантов. В Митине располагался и наш медсанбат. Периодически я навещал его: беседовал с ранеными, персоналом. Однажды мне передали, что со мной лично желает поговорить один больной. Я пришел и присел около изможденного бойца. Он бежал из лагеря военнопленных из Вязьмы и рассказал, что там бывший политрук Луц ходит по лагерю с нагайкой и издевается над нашими бойцами. Я спросил, а знал ли он Луца, — он ответил, что знает его хорошо. До побега из плена он никому не говорил о Луце и здесь молчал, пока не узнал, что тут есть политотдел. Все эти факты я сообщил в политотдел корпуса.

Примерно в эти же дни с политруком Лукьяненко мы ехали в полк ночью в расположение боевого охранения. Нам оставалось метров 60, когда мы услышали шум схватки. Вскоре мы увидели, как трое вооруженных карабинами бойцов ведут одного. Увидев меня, они доложили, что задержали политрука, который пытался перейти к немцам. Задержанного ввели в штаб полка — это был немолодой, лет под сорок человек, который был политруком эскадрона еще до войны. Он отдал мне партбилет и заявил: «Работаю на немцев несколько лет, советскую власть ненавижу. По национальности я ассир! Можете меня расстрелять, но я ничего не скажу вам». Мы передали его в особый отдел...

В январские дни, когда корпус приближался к автошоссе Москва—Минск, в наш тыл был сброшен авиадесант. Погода не благоприятствовала высадке, и к нам попало мало десантников, часть их опустилась около деревень, занятых немцами, и погибла в боях, а часть соединилась с корпусными подразделениями. К нам из десантников попал политрук Чемоданов. Он был сильно обморожен, и мы оставили его в политотделе. Сомнений, что он наш человек, ни у кого не было. Из беседы с ним выяснил, что он сибиряк, и теперь у нас стало трое сибиряков: Захаров, Высотин и Чемоданов.

Жили мы в политотделе дружно, а вечерами пели песни. В бою под Андреевском бойцы 18-го кавполка захватили у немцев полный аккордеон, и многие гармонисты играли на нем. Из

политотдела корпуса к нам в Митино пришел инструктор политотдела, чтобы забрать его, но комиссар полка Терещенков оформил аккордеон как награду одному из эскадронов, а на самом инструменте сделали дарственную надпись, — и он, обиженный, ушел. Но инструктор высматривал не только музыкальные инструменты, но и пополнение для политотдела. Последовал приказ отправить в распоряжение политотдела нашего секретаря Дмитренко. Против выдвижения его на политработу у меня претензий не было: я готовил его на должность инструктора политотдела по партийному учету. Дмитренко быстро пошел в гору, после расформирования корпуса он попал в отделение партучета ПУ Калининского фронта и весной 1943 был уже его начальником и имел звание майора. Секретарем политотдела вместо него стал сержант Вдовкин.

В зоне действий корпуса было немало окруженцев, осевших кто в зятьях, кто в работниках. Мы пробовали пополняться за счет этих лиц. Терещенков так и называл их «зятьями»; мне пришлось видеть, как он вел их в атаку: «Зятья! За Родину, за Сталина, вперед!» «Зятья» бежали, ложились в снег, снова поднимались, и если бой затягивался до темноты, то «зятья» исчезали. Терещенков докладывал: «Задача выполнена, столько-то раненых, убитых нет, потеряли столько-то «зятьев», исчезнувших из полка». Потом «зятьев» снова искали по домам у молодух и строго предупреждали их, что они будут осуждены как дезертиры, если исчезнут из полков. Вместе с тем лица из «окруженцев» были и среди начальствующего состава дивизии. Мне запомнился военинженер 1-го ранга Ноженко, скромный, трудолюбивый, исполнительный человек. Осенью 1941 года он воевал на Западном фронте. Отстав от своих войск, он укрылся в блиндаже, завалив вход хворостом, и в полной темноте в одиночку жил голодный несколько дней, слыша голоса немецких солдат. Потом, когда все стихло, он выполз из блиндажа и встретил наших бойцов, ищущих пищу. Под копнами сена и неубранного хлеба они ловили мышей и жарили их на шомполе как шашлык, спасаясь от голода. Зимой Ноженко был зачислен в нашу дивизию, в летнем окружении он пропал без вести.

С Терещенковым случилось оригинальное происшествие, в которое трудно поверить. Он учил бойцов, как кидать противотанковую гранату (таких гранат после летних и осенних боев мы находили много). Он взял гранату и не проверил, есть ли в ней запал и в каком он положении, взмахнул рукой — и граната взорвалась у него в руке. Взрыв был сильным, но ему никаких повреждений не причинил, кроме временной глухоты!

Наша дивизия не имела своей радиостанции, и все боевые

донесения передавались через штаб дивизии Чанчибадзе. Наш командир дивизии Гагуа был на него в большой обиде: все, что делала наша дивизия, он выдавал как сделанное своей дивизией. Были случаи, что Чанчибадзе ставил наши части в опасное положение своей ложной информацией: при подходе к шоссе на Минск он передал Гагуа, что деревня Юфаново занята его бойцами, Гагуа послал группу кавалеристов, и те попали в немецкую засаду, понеся большие потери.

В начале 1942 года были оформлены материалы на присвоение воинских званий: секретарю парткомиссии Элентуху и мне были присвоены звания «батальонный комиссар», а Дудко и младшему политруку Мартышину — «ст. политрук». В эти же дни долго пришлось разбираться с персональными делами командира и комиссара одного из полков. Они проявили в окружении трусость, утратили партбилеты и вышли из окружения лишь вдвоем. С должностей их сняли, и вот решалась их судьба по партийной линии. Члены парткомиссии долго слушали их объяснения об обстоятельствах утраты партбилетов. Как начальник политотдела, я имел право высказать свое мнение, — а я не видел в их словах искренности. Поэтому я сказал: «Заслуживаете исключения из партии». Но члены парткомиссии вопреки моему мнению решили оставить их в партии (с самым строгим взысканием) — и оказались правы. Офицеры активно включились в боевую работу и в последующих боях отлично проявили себя.

Посещая части дивизии почти ежедневно, я беседовал с бойцами, политработниками, командирами, комиссарами частей. В меру своего опыта направлял их работу, улаживал конфликтные ситуации. Но постепенно назревал мой конфликт с командиром дивизии и комиссаром. Дело было прежде всего в том, что я откровенно не одобрял их распутства — в это время комдив Гагуа и комиссар Ковырин обзавелись, как их тогда называли, «полевыми женами» и в открытую жили с ними. Подруга комиссара похаживала к одному командиру полка — тот обнаружил измену, и начался скандал, о котором мне сообщили. Я вошел в дом и увидел, что может произойти непоправимое: оба стояли с наганами в руках. Трагедию предотвратило то, что я сумел пристыдить их обоих... Кроме того, Гагуа часто упрекал меня, что я не добиваюсь присвоения нашей дивизии гвардейского звания.

Против нашей корпусной группировки немцы применяли авиацию, но бомб им не хватало, и они бомбили нас всем, что могли загрузить в самолет: бревнами, поленьями, бочками из-под горючего, которые летели, издавая сильный вой. По ошибке или

нет, но немцы сбрасывали на нас даже кипы сена и трупы своих солдат! Всякое на войне было — такое, что в мирное время нельзя и представить. В одном из наших полков опытный пулеметчик, участник Гражданской войны (ему было уже под пятьдесят), объясняя устройство «Максима», нажал на спуск и убил стоявшего у ствола бойца. Виновного в чрезвычайном происшествии могли расстрелять, — он был согласен с таким решением, но попросил оставить его с пулеметом, заявив, что перед смертью сумеет искупить свою вину, отомстить немцам за свою промашку! Он просил отправить его в засаду к деревне, где проживали немцы, и ему предоставили такую возможность. Со своим напарником пулеметчик ушел в засаду у дороги, по которой немцы ходили в деревню, далеко от позиций, занимаемых частями дивизии. Под вечер в деревню направилась группа немецких солдат, человек до 20, — и он, хладнокровно дождавшись, пока немцы окажутся в наиболее выгодном для стрельбы положении, открыл огонь. Все немцы упали как подкошенные, не успев снять с плеча свои автоматы. Наблюдавшие этот короткий бой специально выделенные бойцы собрали с убитых документы, оружие и принесли все в полк как доказательство. Никто пулеметчика под суд не отдал, а за свой бой он был удостоен награды. Позже, в летних тяжелых боях, он сложил свою голову за Родину.

В дивизии были отличные оружейные мастера, и в 18-м кавполку комиссар Терещенков показал мне, как винтовку СВТ переделали на автоматическую: нажмешь на спуск — и все 15 патронов выпускаются беспрерывной очередью. Скоро обнаружились последствия такой модернизации — раздувался ствол, и заниматься модернизацией СВТ было запрещено. В частях были и наши автоматы (их нам доставили в тыл самолетами), но наш автомат обладал каверзным свойством: от сильного удара прикладом затвор взводился и происходил выстрел. Так погиб командир полка майор Чуев: он объяснял бойцам задачу, неловко присел, автомат сорвался с плеча, ударился прикладом об пол, и Чуева сразило насмерть. В результате неосторожного обращения со своим автоматом был ранен политрук Филин. Он стоял на задке санок у меня за спиной на полозьях, его автомат сорвался с плеча, ударился о спинку санок, и пуля ранила его в живот, Политрука отправили в госпиталь, и там врачи сказали: «в безнадежном состоянии». Но весной он, радостный, пришел из госпиталя и доложил, что прибыл для прохождения дальнейшей службы в дивизии. Я спросил, как он себя чувствует после тяжелого ранения, а он ответил, что «хорошо, но легче стал весом — несколько метров кишок вырезали врачи».

В феврале мы получили газеты с приказом наркома обороны И.В.Сталина, — этот приказ произвел на всех нас большое впечатление. В нем, в частности, говорилось, что «Красная Армия уничтожает немецких солдат, как поработителей своей Родины, если они не сдаются в плен. Она берет немцев в плен, если они сдаются, и сохраняет им жизнь». Вскоре после издания этого приказа в Изъялове бойцы дивизии взяли в плен немецкого мародера и насильника. Его карманы были наполнены советскими деньгами и многочисленными порнографическими фотографиями. Он понял, какая кара его ждет, достал из кармана приказ Сталина за № 55 и заговорил: ***«Бефель Сталин, нихт капут!»,*** то есть «Меня нельзя расстреливать, вот приказ Сталина об этом». Но схваченному в момент насилия и разбоя, приговор был один — расстрел.

Зима приближалась к концу. Наш корпус не смог соединиться с частями гвардейского корпуса генерала Белова: немцы оттеснили от автострады его, а потом и нас. В конце марта дивизия оставила Митино и ночами переходила к северо-западу, разместившись в селе Самыкине, юго-восточнее районного центра Смоленской области Холм-Жирковский. В нем немцы устроили концлагерь для военнопленных, и мы видели тела сотен наших замученных бойцов: они были плохо закопаны, и из-под мерзлой земли торчали руки и ноги... Это было для нас наглядным уроком ненависти к немецким оккупантам! Каратели шли и по нашим следам — наши разведчики докладывали о нескольких случаях, когда немцы сгоняли население оставленных нами деревень в сараи и сжигали мирных жителей.

Весна 1942 года была теплая: снег сошел быстро, и дороги начали просыхать. Это было на руку немцам: теперь они могли шире использовать технику. Гвардейцы генерала Чанчибадзе нашли наш тяжелый танк КВ, отремонтировали его и двинулись по деревням, занятым немцами. Танк не имел снарядов и давил немецкую технику гусеницами, а его могучая броня не давала им ничего с ним сделать. В панике немцы разбегались и оставили несколько деревень. В период битвы под Москвой артиллерия дивизии состояла лишь из горных мортир малого калибра. Но, находясь в тылу немецких войск, мы собрали пушек и гаубиц почти на дивизион, — а настоящего артиллериста у нас не было. Был старший лейтенант Юдин — командир взвода, он и командовал нашей артиллерией. Под городом Белым жители показали нам в лесу склад артснарядов. При отступлении осенью 1941 года его пытались взорвать, но не получилось — снаряды лишь разбросало. Теперь наши артиллеристы запаслись снарядами. Когда мы шли весной по грязной дороге, то к

переносу снарядов привлекали местных жителей.

С приходом тепла я уже не мог ездить в санях, надо было учиться ездить в седле. Мой Ишка умер зимой, и мне дали молодую сивую кобылку с кличкой Кобра. Лихим кавалеристам было странно видеть, как я неумел, и они подшучивали надо мной. Но под руководством Крылова я начал учиться и довольно скоро научился ездить рысью. Нашли для меня и командирский клинок, и теперь я по виду стал кавалеристом, хотя рубить не умел.

В трудное военное лето 1942 года

Из Самыкина дивизия перешла в деревню Марфинка восточнее г. Белый. В сторону Белого от деревни местность была несколько открыта, и там в деревнях находились партизаны. В Марфинке я окончательно овладел ездой на коне. К нам прибыло пополнение, включая несколько человек командного и политического состава. Заменили комиссара 70-го кавполка; им стал батальонный комиссар Станкевич, с которым прибыла его жена, тоже военнослужащая. По моей просьбе заменили и комиссара штаба дивизии Бронева, направив его в резерв фронта. Бронев часто в разговорах со мной высказывал мысль, что его непременно убьют, это он считал неизбежным. Вот и решил я убрать его с передовой на другую должность. В армии ему дали должность комиссара мотоциклетного батальона (он очень любил мотоциклы), и там он был случайно убит одним из своих бойцов, опробовавшим автомат. Так Бронев не избежал своей судьбы... Я все надеялся, что заменят и меня, и просил об этом комиссара дивизии. Но этого не произошло, и мне пришлось продолжать работу.

Дивизия хорошо пополнилась конским составом. Мне подобрали коня по кличке Пальмира, серой масти. В мирное время полки формировались по мастям коней: вороные, гнедые, серые и сивые (белые), а теперь все масти перемешались. Крылов уже не мог быть моим коноводом, на его попечении теперь находилась повозка с имуществом политотдела. Он раздобыл повозку-можару — телегу с высокими бортами, а моим коноводом стал боец Долгополов из 56-го кавполка. Этот молодой паренек был родом с Кубани и до службы в армии работал на конном заводе. Он очень любил коней, до блеска начищал стремена у седла и даже раздобыл для меня шпоры.

С пополнением дивизии прибыло много бойцов из Татарии и Башкирии, и кони были из этих краев. В те дни было голодновато, и бывалые люди использовали в пищу все, что могла дать весенняя пора, — собирали и сладкие беленькие корешки «матрешек» (как мы называли их в детстве). Комиссар штаба увидел у бойцов такие корешки, взял один и принес мне, сказав, что бойцы могут отравиться. Я взял у него корешок, почистил и съел. «Это матрешки, пусть бойцы их едят», — сказал я расстроенному комиссару, и тот ушел недовольный. Комиссар отдельного химического дивизиона (такой был теперь в дивизии) ехал по деревянному настилу, его конь наступил на конец жерди, она поднялась и проткнула коню живот. Достреленного коня

закопали на опушке леса, а через день на этом месте оказались лишь голова и ноги с подковами. Ночью бойцы-татары выкопали тушу и унесли для питания. Виновников искать не стали, бесполезно.

Как только дороги стали более пригодными для движения, командир дивизии перевел наши тыловые подразделения в расположение дивизии. Из района Нелидово, что на шоссе Ржев—Торопец, тылы были передислоцированы в деревни Никольщина, Павлово, Кузютино. В клубной машине имелся фильм «Разгром немцев под Москвой», и его ежедневно показывали в частях, а чуть позднее мы получили фильм «Пархоменко». В начале июня вся дивизия переместилась еще северо-западнее Белого. Этот город, узел четырех шоссейных дорог, был превращен немцами в сильно укрепленный пункт. Немцы узнали о нашем расположении и иногда бомбили нас (впрочем, потерь от бомбежек не было). Но как просохли дороги, они начали беспрерывные атаки на расположенные в деревнях гарнизоны. На одну из деревень, где находились бойцы пополнения, ночью напали немцы. Застигнутые врасплох бойцы в нижнем белье сели на коней и помчались на немцев. Стрельбы было много, но эскадрон не потерял ни одного человека! Деревня переходила из рук в руки, и в итоге наши оставили ее. А днем немецкая авиация начала усиленно эту деревню бомбить! Немцы в деревне пускали сигнальные ракеты, но летчики не обращали внимания на сигналы и не улетели, пока не отбомбились.

В конце июня дороги просохли окончательно, и немцы начали наступление против частей корпуса. Его части находились в тылу немецких войск, и связь с тылами осуществлялась через пересечение дороги из г. Белый в сторону Ржева. Немцам достаточно было захватить эту дорогу, и части корпуса оказались бы отрезанными от тыла. И именно тут немецкое командование нанесло удар: с двух направлений от Белого к северу и от Ржевской группировки к югу немецкие войска перешли в наступление. Командование корпуса утратило управление дивизиями: наша дивизия вышла на это шоссе севернее Нестерова, а потом почему-то повернула назад. При отходе от шоссе я узнал — немцы заняли Сосновку, где долго размещался политотдел. Меня очень встревожила эта весть. Что с политотдельцами? Где документы? Я сказал командиру и комиссару дивизии, что поеду искать документы и людей, — я не верил, что они попали к немцам. Командир и комиссар дивизии сказали, что будут пробиваться из мешка через дорогу от Солодилова на Пушкари и ночью будут в Солодилове.

Вдвоем с Долгополовым мы скачем рысью к Ерохину, тут

никого уже нет, и мы едем дальше. У деревни Брагино обнаружили повозку политотдела, в ней Крылова и сержанта Чернова. В политотделе я оставил за себя Элентуха, и теперь спросил, где он. Крылов ответил, что он, как узнал, что немцы показались перед Сосновкой, ускакал один, оставив людей и имущество политотдела. Мы проехали в лес за деревню Акулино и здесь, свернув налево в густой молодой лесок, остановились. Выбраться с повозкой мы не могли, и я начал сортировать всю документацию политотдела. Партбилеты хранились в небольшом металлическом сейфе, а ключа у меня не было. Крылов топором взломал крышку, и все самое необходимое я переложил в мешок: политдонесения, материалы по выдаче партбилетов, бланки невыданных партдокументов, секретные материалы. Остальное взять невозможно, а сжигать нельзя — немцы увидят огонь, они были недалеко от нас. Все, что не взял, я сложил в железный ящик и закопал в болотинку, а пишущую машинку и патефон мы зарыли в сухую землю и хорошо замаскировали. Телегу отвезли в сторону от тайника, Крылов приспособил из веревок стремена, оседлал Игруна, и мы вчетвером двинулись в сторону Солодилова. Было темно, но я хорошо знал местность, и мы добрались до цели без карты. Здесь расположились пехотные части. У командира я узнал, что никаких кавалеристов тут не было и нет. Пехотный командир сказал, что с рассветом они начнут бой за Пушкари, чтобы пробить выход обозам. Послали разведку в сторону Сосновки, она скоро вернулась и доложила, что через лес идут подводы, но каких частей — не выясняли.

Мы дождались начала рассвета и поехали в сторону Пушкарей. На подступах к Пушкарям пехота вела бой. Я веду свою группу севернее Пушкарей, редким болотистым леском. Кони вязнут, рысью ехать нельзя.

Из Пушкарей немцы нас заметили и, видно, приняли за группу, обходящую их с севера. Деревня стояла на горке, и нас немцам было видно хорошо. Со свистом в нашу сторону полетели мины. Мы свернули еще правее, в более густой лес, и вышли из-под минометного обстрела. Здесь в лесной глуши, за болотистым лугом с мелким лесом, мы встретили колхозника из Пушкарей, который сказал, что Пушкари немцы заняли еще вчера и хорошо укрепились, а по дороге от Белого к Ржеву уже ездят немцы. Сюда, через болотистую местность, немцы не пошли — на это и надеялся колхозник, перевезший в добротную землянку все свое хозяйство. Спешившись, мы гуськом пошли по лесу, выбирая наиболее проходимые места для коней, — и скоро вышли в расположение наших войск, встретив цепь пограничников. За ними никаких войск уже не было.

Выбравшись на шоссе Белый—Нелидово, мы направились на север, где в деревнях были наши тылы и прибывший на усиление дивизии артдивизион. В районе деревни Нестерово был слышен сильный бой: рвались мины, строчили пулеметы, — здесь дралась курсантская бригада. Мы ехали по окраине леса, в стороне от разбитой дороги, когда налетели немецкие бомбардировщики. Обнаружив нас, они обстреляли нас из пулеметов и сбросили несколько бомб. При появлении самолетов мы спешились; я и Долгополов наблюдали за самолетами и предупреждали всех о маневрах летчиков. Коней держали Крылов и Чернов, и вот Чернов не удержал испугавшегося самолета коня, и тот ускакал с мешком, в котором были политдонесения! Я приказал всей группой начать поиски коня, и вскоре мы нашли группу танкистов с нашим конем. Они уже успели развязать мешок с документами, но возвратили и их, и коня. Я крепко отругал Чернова за его беспечность, но он так переживал, что на ругань не обиделся.

Мы приехали в расположение нового артдивизиона дивизии. Здесь все спокойно, командир дивизиона ждал распоряжений из штаба дивизии. Для выяснения положения я выехал в 41-ю армию, штаб которой стоял среди обширного болота на высотке. Найти его было непросто, но в штабе я узнал, что командующий 41-й армией генерал-майор Тарасов находится в ближайшей деревне. Мы с Долгополовым поскакали туда и нашли его; в ватнике, с двумя звездочками в петлицах генерал внимательно выслушал меня и сказал, что надо собрать всех выходящих из окружения, а место для сбора узнать у начальника штаба армии генерала Кацнельсона[30]. Снова едем в штаб на болото к генералу Кацнельсону («без кальсон», как шутили по поводу его фамилии). Он назвал деревню, но не сказал, в каком месте ее искать. Мы с Долгополовым объездили много деревень, расспрашивая о выделенной для дивизии деревне, но никто о ней не знал. Деревню с таким названием мы нашли под городом Белый, но здесь была передовая линия обороны. Командир взвода, пехотинец, накричал на нас: «Уезжайте немедленно, если не хотите быть похороненными здесь», — и указал на свежую могилу. Целый день мы ездили, и ничего не получилось — нет такой деревни. Приехав обратно в штаб армии, мы узнали, что начальник штаба ошибся в названии. Нужную деревню для сбора дивизии мы быстро нашли километрах в 15 западнее Белого, а на пути в нее встретили большую группу наших бойцов, вырвавшихся из мешка. Навстречу, выходящим из окружения по вероятным направлениям движения мы направили группы конников, и уже к вечеру в деревне собралось более 200 человек.

Пока мы питались двухдневным сухим пайком — его выдавали всем вышедшим из окружения. Но таких становилось все больше и больше, и мне пришлось заняться организацией питания людей. Только на четвертый или пятый день в расположении собравшихся бойцов дивизии появились командир с комиссаром со своими дамами. Многие, в том числе и я, думали, что после такого дела руководство дивизии будет обновлено, но пока все осталось по-старому. Корпус же был расформирован. Из окружения не вышел начальник штаба капитан Москвичев, оказалась в плену врач Рахиль, с которой он жил (это потом подтвердили жители деревни Акулино, видевшие ее в плену у немцев). Были убиты комиссар 70-го кавполка Станкевич и его жена, пропал без вести инженер дивизии Ноженко. Потери личного состава были небольшими, но бомбежками были разгромлены тылы дивизии. Погибла наша клубная машина, начальник клуба, политрук, был убит — мне передали его полевую сумку. Позднее всех политработников в дивизии появился Элентух. После проявленной им трусости, которая тяжело обернулась для политотдела, он не имел права оставаться на посту секретаря парткомиссии дивизии, я отстранил его от должности, а парткомиссия исключила Элентуха из партии. На заседании секретарем избрали старшего политрука Дудко. Это был кристально чистый коммунист, храбрейший из всех нас, политработников, скромный, честный и преданный партии человек.

Скоро дивизия получила боевую задачу: занять оборону в лесу западнее дороги на участке от Нестерова до Пушкарей. Было начало июля, дни стояли теплые, дождей почти не было. В лесу окопов не рыли, да и не было сплошной линии обороны в болотистых, с водой, участках леса. Конники устраивали засады на вероятных направлениях наступления немцев, постоянно патрулировали перед передним краем расположения частей дивизии, постоянно несли свою службу разведчики. Все действовали в пешем строю, коней охраняли в тылу несколько человек.

В дивизию приехал лектор из Политуправления фронта и так рассказал о перспективах открытия второго фронта, что бойцы потом всех политработников донимали одним вопросом: «Где второй фронт?» Но бои шли под Керчью, в Севастополе, Донбассе, Воронеже, Сталинграде, на Северном Кавказе — второго фронта, обещанного союзниками, не было.

Наша дивизия продолжала воевать в лесу. Почти ежедневно вспыхивали перестрелки, и на линии соприкосновения с противником каждый эскадрон имел определенный участок

обороны. В одном эскадроне личного состава не было — только политрук с двумя бойцами. У политрука на груди наш автомат, а на ремнях на плечах от шеи к поясному ремню — 7 дисков с патронами, и в каждом по 70 патронов. Политрук с бойцами всегда был готов к бою, патрулируя свой участок обороны. Ночами боевые действия почти не велись: немцы не решались идти в глубь леса, уходили с позиций, минируя отдельные места, да и наше командование не рисковало атаковать ночью. Однажды под утро разгорелась сильная перестрелка, и с обеих сторон раздались крики «ура». А когда совсем рассвело, наши бойцы увидели перед, собой людей, тоже одетых в красноармейскую форму, — власовцев. С криками «Бей изменников!» кавалеристы бросились на врага...

Чтобы не быть связанным с хранением партбилетов, я передал своему заместителю Жандарову бланки невыданных партдокументов. И тогда обнаружилось, что одного комплекта партдокументов нет, значит, он остался с закопанными бумагами. Потом выяснилось, что невыданный комплект комиссар оставил в папке вместе со второстепенными бумагами, а я, не просмотрев эту папку, оставил ее зарытой в железном сейфике. Закопанными остались и 220 бланков комсомольских билетов. Я понимал, что за это мне придется держать довольно строгий ответ. Так и случилось: из политотдела армии приехал инспектор, выяснять последствия окружения дивизии. Ни с кем, кроме комиссара, он не беседовал, никого из политотдела не вызывал. Скоро меня вызвали на заседание партийном комиссии 41-й армии и вынесли строгий выговор «за непринятие действенных мер при выходе из окружения и оставление на территории врага комплекта партбилетов и 220 бланков комсомольских билетов». Я спросил председателя парткомиссии: «А комиссар и командир понесут какую-нибудь ответственность?» Он ответил, что нет, а после заседания один ответственный работник политотдела, член парткомиссии, сказал мне: «Вы подошли как раз под действие приказа № 227, вот вас и наказали». Я пошел к начальнику политотдела и сказал, чтобы меня убрали из этой дивизии, так как работать с комиссаром и командиром дивизии нет никакого желания. На эту просьбу он ничего мне не ответил.

Еще до вынесенного мне взыскания мы с комиссаром вместе ехали в политотдел армии, когда нам навстречу попался старший лейтенант, начальник разведки одного из наших полков. За трусость он был исключен из партии и вот теперь возвращался в свой полк. У меня возникло подозрение в том, как бы он не завершил свою трусость открытым предательством. Вслед ему из штаба армии возвращались и другие командиры, и одному из них

я поручил проследить за поведением труса. Но эта мера оказалась недостаточной: в полк он не прибыл. Я предложил командиру дивизии сменить место расположения КП, но Гагуа не согласился. На другой день в полдень на расположение штаба дивизии обрушился сильный плотный минометный огонь, чего раньше не случалось. Я находился в шалаше и готовил политдонесение, когда услышал свист мин, а за ним и грохот разрывов, крикнул: «Ложись», — и все легли на землю. Минут десять бушевал над нами минометный обстрел: окопов не было, оставалось только лежать на земле, кое-кто убежал от шалашей в сторону. Осколки шуршали по веткам, летели сучья, комья земли, все боялись прямого попадания... Когда налет кончился, оказалось, что несколько бойцов ранено и убит начальник связи майор Колодежнов. Потом выяснилось, что убит и старший политрук Дудко: он ехал из полка, попал под обстрел и, не успев слезть с коня, был ранен в спину большим осколком мины. Ни конь, ни его ординарец даже царапин не получили. Вот так обернулась нам измена старшего лейтенанта, указавшего немцам точное расположение штаба нашей дивизии.

Положение дивизии было нелегкое: обнаружились заболевания ног у лошадей — «мокрец». Часть лошадей отправили в тыл, но начали болеть и те кони, что оставались в лесу. Командование армии учло это положение и вывело дивизию из болотистых мест. Дивизия сдала стрелковым частям свой участок обороны и передислоцировалась в тыл армии. Теплым августовским днем дивизия шла в конном строю походным порядком. Немецкая авиация, занятая поддержкой наступления на Сталинград, не беспокоила нас своими налетами. Дня через два после выхода из боя дивизия расположилась для переформирования. Бойцы жили в деревнях, а кони паслись на лугах, набираясь сил. Ходили слухи, что изменится командование дивизии, так как часть дивизий 11-й кавкорпуса была расформирована. Наша дивизия носила имя Маршала Советского Союза С.К.Тимошенко, — может, это и спасло ее в тот момент от расформирования.

Как-то я с Долгополовым ехал из политотдела армии, и по дороге мы попали под бомбежку. Немецкий «Юнкере» начал пикировать на единственную машину, что ехала по шоссе, и сбросил бомбу килограммов под 250, — черная туша отделилась от фюзеляжа и со свистом полетела к цели. Мы слезли с коней и легли. Взрыв был сильным, на нас полетели комья сухой земли. Но когда немец улетел и мы поднялись, то увидели странное явление — листья ивовых кустов из зеленых превратились в желтоватые. Смотрим, машина стоит, но кузов пуст, все из кузова

разметано воздушной волной. Шофер, опустив голову, плакал. Мы подошли к машине, и, увидев нас, водитель крепко выругался в адрес немецкого летчика: «Черт паршивый, чем я буду кормить полк? Два дня сидим без продуктов, вез я двухсуточную дачу горохового концентрата, а поганый фриц разметал весь концентрат по воздуху и собрать ничего нельзя. Что я скажу в полку?» Такое бывало на фронте не раз!

В один из августовских дней, во второй половине месяца в политотдел пришел комиссар дивизии и вручил мне предписание за своей подписью — явиться в распоряжение отдела кадров ПУ Калининского фронта. За два дня я сдал все дела батальонному комиссару Пономареву из расформированной дивизии нашего кавкорпуса, собрал свои вещи и подготовился к отъезду в штаб фронта в район Кувшинова, за 300 километров от нашего расположения. Делопроизводитель дивизии вез в штаб наградные материалы, и с этой машиной мне и надлежало ехать. При отъезде комиссар дивизии сказал мне, что я представлен к ордену Красной Звезды. Так закончилась моя тяжелая служба в 24-й Кавалерийской дивизии.

ВО фронтовом резерве политсостава

Мы тряслись по разбитым фронтовым дорогам. В современных условиях путь до Кувшинова занял бы несколько часов, а тогда мы ехали полтора дня — непрерывно наблюдая за воздухом. Наезженная дорога вела через болотистые места, и мы двигались по настилам из бревен с карманами для разъезда со встречными машинами. Проехали небольшой городок Андреаполь, который недолго был в руках немцев — его освободили зимой 1942 года. Но немцы оставили в большой заводской трубе своего радиста, и он передавал им все, что мог видеть и узнать: ему помогала одна женщина, снабжая его продуктами. Немца обнаружили только к весне. Проехали Соблаго, Пено. Здесь узел железных дорог парами патрулировали наши истребители. В Осташкове на окраине города мы попали под бомбежку: немецкие самолеты налетели на железнодорожную станцию, где стояли эшелоны. Они подожгли одну цистерну с бензином, и она пылала, черные клубы дыма высоко поднимались в безветренное небо. Мы вышли из машины и подались в торфяное болото. Здесь стояли огромные бурты просохшего торфа. Немцы сделали разворот и сбросили несколько бомб на торфяник. Бомбы были небольшие, они глубоко уходили в торфяную массу и рвались там, выбрасывая фонтаны черной земли. Одна бомба угодила в бурт сложенного торфа и разметала его, превратив кирпичики в мелкую крошку. На нас посыпались, как дождь из тучи, крупинки торфяной массы — и так набились в нашу одежду, что потом пришлось мыться. Переночевав, мы к полудню приехали в Кувшиново. Здесь были все отделы полевого управления фронта; оперативная часть с командующим фронтом была расположена в районе Торопца.

Я разыскал отдел кадров ПУ фронта, и меня направили в деревню, где располагался резерв старшего политсостава. Один из инструкторов по кадрам упрекнул меня, что я плохо работал: вот, даже для кадровиков не привез с собой лошадь с телегой и даже клинка не захватил. Я ответил, что лошадь и клинок военное имущество, а не мое личное. Дня через два в нашу группу резерва прибыл известный поэт Алексей Сурков[31], награжденный тремя орденами Красной Звезды. Он только что вернулся из Сталинграда и сказал нам, что «там главная битва нашего огромного фронта» и что «там выстоят».

Среди резервистов был и полковой комиссар Пащенко, бывший комиссар расформированной дивизии нашего 11-го кавкорпуса. Время даром мы в резерве не теряли: учились

военному делу и технике, в частности, изучали немецкое оружие. Военный инженер рассказал нам о термитной бронепрожигающей гранате, показал действие тола при подрывных работах. Занимались мы на лужайке около деревни, где жили, — а над нами отрабатывали тактику боя пилоты 3-й воздушной армии генерала Громова.[32] Нам также постоянно давали различные поручения. В частях на передовой недоставало людей, а пополнения фронт получал мало. Для пополнения частей мы искали бойцов в тыловых подразделениях. Годные к строевой службе направлялись на сборный пункт фронта. Каждому из нас выдали документ за подписью члена ВС, через оперативный отдел мы получили данные о месте расположения проверяемых подразделений, нам выдали карты данного района, и мы двинулись в путь. Теплыми сентябрьскими днями я шагал через поля и лесными дорогами, разыскивая указанные мне деревни. Командиры и комиссары проверяемых подразделений встречали нас по-разному: одни пытались воспрепятствовать изъятию бойцов, а другие старалась задобрить чем могли. Я же делал свое дело, как требовалось: брал книгу личного состава и тщательно проверял каждого сержанта и рядового по документам о состоянии здоровья. Годных к строевой службе немедленно отправлял на сборный пункт, с указанием в предписании времени явки туда, а себе для отчета оставлял копии предписаний. Помню, как в одной части я направил на сборный пункт высокого бравого парня. Красивый и ладный, он занимал должность писаря части: работа легкая и ответственности мало, поэтому днями он слонялся по деревне, накинув на плечи отлично сшитую командирскую шинель. Он так прижился в деревне среди девиц, что пустил слезу, получив направление на сборный пункт! А вот из обслуги хлебозавода я не забрал ни единого человека: команда хлебозавода была небольшая, из физически сильных бойцов, — но здесь гуляющих не было. Они беспрерывно, день и ночь, готовили и выпекали хлеб — это была тяжелая и очень нужная для фронта работа. Из начальствующего состава здесь были только начальник завода и политрук (комиссар), — и они сами с оружием в руках ночами несли караульную службу, все остальные были заняты. Прощаясь с начальником хлебозавода, я не взял от него ни куска предложенного мне свежего хлеба, сказав, что мне вполне хватает пайка.

Несколько человек включили в оперативную группу, которую под началом полкового комиссара — начальника оргинструкторского отдела ПУ фронта на полуторке отправили в район Торопца, в центр оперативного резерва политсостава. В Торопце нам сказали, что корпус сибиряков выгрузился с

эшелонов в районе Селижарова и походным порядком двигается в район западнее г. Белый. Поставленной нам задачей было включиться в его части и выявить политико-моральное состояние, вооружение, обученность личного состава. После нескольких дней в дороге мы добрались до частей корпуса сибиряков-добровольцев. Его комиссаром оказался хорошо знакомый мне полковой комиссар — он был в нашей 18-й СД комиссаром после Шустина. Мы рассказали ему о нашей задаче, а он информировал нас о положении в корпусе. Более недели личный состав после выгрузки шел походным порядком по бездорожью, под осенними дождями в район сосредоточения. Были смертные случаи, трудно было с питанием, но задачу они выполнили. Среди личного состава до 80% коммунистов и комсомольцев, но участвовавших в боях мало. От рабочих Новосибирска каждый получил в подарок финский нож в чехле — по этой детали в амуниции сразу можно было узнать принадлежность бойца к корпусу сибиряков! Позже мы стали свидетелями поимки шпиона: группа бойцов в тылу корпуса встретила майора, назвавшегося заместителем командира одного из полков. Сержанту показалось подозрительным, что у майора не было на ремне финки, недолго думая, он скомандовал: «Хватайте майора, он не наш!» — и первым набросился на шпиона. Тот отбивался, но схватка была короткой. Задержанного передали особистам из ближайшей части. Немецкая разведка не учла маленькой детали — финки, но и при ее наличии шпиона все равно разоблачили бы быстро: бдительность у сибиряков была на высоте, а район расположения каждой части хорошо охранялся. Шпион был рослым, здоровым мужчиной, лет 30–35, русским, — к немцам он перебежал еще в 1941 году.

Мы распределились по частям корпуса, чтобы на месте посмотреть выучку личного состава, настроение бойцов, вооружение. Перед выходом в части мы пошли к полевой кухне. Повар раздавал обед, когда над расположением бойцов появился «Хеншель»: с большой высоты он обстрелял бойцов и сбросил две маленькие бомбы. Не искушенные в боях бойцы оставили свои котелки с супом и разбежались, а мы спокойно продолжали обедать на берегу реки. Самолет не причинил никакого вреда, уже не то было время — не 41-й год, спуститься до высоты бреющего полета немецкий летчик не решился.

В корпусе мы пробыли несколько дней, присутствуя в частях на учениях пехоты, артиллерии, зенитчиков. Сибиряки учились старательно! От комиссара корпуса мы узнали о том, что 9 октября Указом Президиума Верховного Совета СССР установлено полное единоначалие и упразднение института военных

комиссаров в Красной Армии. В армии вводился институт заместителей командиров по политической части. Были установлены единые воинские звания для командного и политического состава. Среди политсостава было много толкований по поводу этих постановлений, особенно о единых воинских званиях. Наша армия теперь навсегда распрощалась с комиссарами и политруками. Многие из них приобрели хороший боевой опыт и могли успешно выполнять роль командиров; это было принято во внимание.

Выяснив картину политико-морального состояния частей, в последние дни октября мы направились обратно в расположение оперативной группы ПУ фронта. Теперь наш путь был коротким, и на попутных машинах мы быстро добрались до места расположения группы резерва. Больше никаких поручений нам не давали, и я предчувствовал, что мое положение скоро должно измениться. 1 ноября меня направили в распоряжение 22-й армии. Ее политотдел находился в деревне Фильченки, северо-западнее г. Белый, и я в одиночку зашагал туда по фронтовым дорогам. С собой я взял только солдатский ранец, который постоянно был со мной с той поры, как я подобрал его в белорусском лесу осенью 1941 года. Остальные вещи я уложил в вещевой мешок еще под Кувшиновом, направляясь в оперативную группу. Я убрал его на чердак дома и сказал хозяйке, что их можно выдать по моей записке, а в мешок сунул записочку со своими данными.

В одной деревне на пути в 22-ю армию (в ней стояли отделы штаба армии) я попал под сильную бомбежку. Зениток близко не было, и одиночный самолет на бреющем полете бомбил деревню и обстреливал ее из пулеметов. Я прислонился к стенке сарая и наблюдал за действиями летчика. Когда самолет шел над одним порядком деревни, я стоял на противоположном порядке, а когда он разворачивался на следующий, я успевал перебегать туда, где немец уже бомбил. Тут я встретил своего одноклассника, он имел звание лейтенанта и находился в резерве армии. Мне он рассказал о вчерашней трагедии. В этой деревне на задворках были вырыты землянки с накатом из бревен, покрытые толстым слоем земли. Во время бомбежки в одну из землянок спрятался полковник с группой бойцов. Сильной взрывной волной их всех засыпало, и откопали их поздно — все были мертвы. Я считал более правильным при бомбежке не прятаться в блиндажи и землянки, а находиться около их, наблюдая за действиями самолетов.

Утром 2 ноября я прибыл в отдел кадров 22-й армии и узнал, что меня направляют на должность начальника политотдела 93-й

стрелковой дивизии, которая занимает оборону северо-западнее г. Белый. Дивизия была сформирована в Средней Азии, людей с боевым опытом в ней мало — особенно среди политсостава. В первом бою дивизия уступила немцам часть своих позиций, отдельные командиры и политработники проявили трусость. Среди рядового состава очень много чрезвычайных происшествий: бегство с поля боя, дезертирство, переход к немцам, трусость. За последний месяц было до 400 ЧП на 13 тысяч личного состава! Начальник политотдела Гришкин снят с должности, политотдел временно возглавляет инспектор политотдела армии Белов.

Я не стал вызывать кого-либо из дивизии для сопровождения, а хорошо зная эти места (я летом много раз проезжал здесь на коне), зашагал к месту новой службы. Мне надо было пройти не более 20 километров, и я бодро их прошел. Стоял морозный день, но без снега, и идти было нетрудно. В темноте я вышел к тыловым частям дивизии, пошел на огонек и услышал разговор двух бойцов, которые что-то варили в котелке. Захожу в землянку, у бойцов (оба казахи, молоденькие ребята) никакого волнения и страха: карабины стоят в углу, на двух камешках что-то кипит в котелке. Оказалось, что они несут службу охраны своей части — саперного батальона. Варили они лоскуток поясного ремня: ремень у одного бойца был слишком длинен, вот его он и укоротил для варева: «Он еще не такой старый, незатасканный». Никаких продуктов у них не было, бойцы жили голодно. Горькое впечатление осталось у меня от первого знакомства с дивизией.

В 93-й стрелковой дивизии

Моим домом в дивизии стала маленькая землянка. Сразу за дверью маленькая печка и настил из досок для сна ординарца заместителя командира дивизии. Тоненькая перегородка с дверцей отделяла нашу комнату, в ней два топчана и между ними столик, а напротив него окно, входящее в земляное углубление. Наверху настил из бревен. Освещалась землянка фронтовыми лампами, их в шутку называли «катюшами» — сплюснутая медная гильза от 45-мм пушки, заправленная бензином с солью, и фитилек.

В дивизии было три стрелковых полка, артиллерийский полк, батальоны: лыжный, саперный, пулеметный, медицинский, связи; имелся хлебозавод. Мелкими подразделениями были штабная рота, клуб, редакция газеты, особый отдел, прокуратура, трибунал, полевая почта, а за ними еще севернее медсанбат и тыл со складами и мастерскими. Личный состав политотдела в основном был из политработников, призванных в армию. Заместитель начальника политотдела батальонный комиссар Бурлаков, как выяснилось, в части ходить не любил и просил доверить ему работу с кадрами: учет, укомплектование, перемещения, присвоение воинских званий, поощрение отличившихся. Секретарем партийной комиссии был старший политрук Ягнетинский, бывший до войны секретарем одного из районов Харькова. В боевых делах дивизии он участия не принимал, никогда на ночь в частях не оставался, а если часть, где он находился, вступала в бой, то он немедленно спешил в политотдел. Уже через месяц он стал выпрашивать у меня представление к награде: «Товарищ начподив, меня из дома поздравляют с наградой, а у меня ее нет». Я отвечал ему, что в настоящем положении в дивизии о награде говорить не приходится, рано еще, не заслужили.

Главной своей задачей я видел борьбу с трусостью и дезертирством, — и основная работа должна была развернуться в передовых подразделениях полков, в окопах и землянках. В комендантском взводе для начальника политотдела имелись конь и коновод. После «школы» езды в кавдивизии я, к удивлению политотдельцев, стал ездить верхом. Ординарцем у меня стал Андрей Васичков, охотник с Алтая, по профессии золотодобытчик. Ему было уже под пятьдесят, и он охотно рассказывал о своей жизни: он воевал еще в Гражданскую войну, и одно время недолго был у Махно, но после взятия Крыма ушел в Красную Армию. Инструктором по работе среди немцев был

старший политрук, инженер по образованию, москвич, рослый и очень физически сильный человек. При этом он был горький пьяница и регулярно напивался до потери сознания. Об этом мне доложили сразу, но избавиться от инструктора пока я не мог — через два дня он снова был в строю и энергично работал. Обычно я сам составлял текст для передачи немецким солдатам, а он переводил его на немецкий язык и ночью с переднего края в рупор громко читал текст для немцев (местами окопы переднего края находились на расстоянии до 50 метров). До начала окружения немецких войск под Сталинградом немцы не слушали наших передач и открывали огонь, чтобы их заглушить, но в разгар ликвидации армии Паулюса внимательно слушали наши передачи и не стреляли. Этими передачами работа с немецкими солдатами не ограничивалась. К нам приезжала из армии специальная машина с громкоговорителем. Ее ставили в укрытом месте, выносили динамики на передовую и начинали передачу. Немцы обстреливали нас, но успеха не достигали. Вели мы и наглядную агитацию: с появлением наста перед передним краем немецкой обороны ночами выставляли на полозьях рамы с написанными на холстах сообщениями и карикатурами. Один раз поставили карикатуру на Гитлера и привязали провод, чтоб немцы не могли ее утащить (что случалось), — тогда их офицеры приказали стрелять в нее. Немецкие солдаты не жалели патронов, паля в Гитлера из автоматов и пулеметов, а наши бойцы уморились от смеха. Через два дня мы это повторили на другом участке обороны, и получилось то же самое. Такие агитки устраивали по всему рубежу обороны дивизии.

Сибиряки, в том числе и мой ординарец Васичков, ежедневно бегали рано утром умываться на речку. Если прорубь замерзала, ее прорубали снова и умывались ледяной водой. Когда начал таять лед, то около проруби обнаружили труп немецкого солдата. Васичков говорил мне: «Товарищ начальник, мы целую зиму умывались водой, которая текла мимо дохлого немца, он и мертвым пакостил нам».

В дивизии было несколько сот девушек: от санитарок в ротах до медперсонала частей и медсанбата. Многие из них жили с командирами, сержантами, с солдатами как будущие жены; были и те, кто жил временным увлечением. Рядом с медсанбатом стояла в резерве танковая бригада, и девушки из медсанбата, окруженного колючей проволокой, по-пластунски переползали в расположение танкистов на всю ночь. В марте бригада снялась и ушла, а в медсанбате не.оказалось одной пылкой санитарки. Искали вокруг и никаких следов не обнаружили, но через два дня пропавшая вернулась и сама рассказала, что ночью она

переползла к танкисту в танк, а тут тревога. Танки спешно уходили, и, чтобы не компрометировать себя, танкист не отпустил ее из танка, и ей пришлось пройти пешком 40 километров, шла она больше суток... Позже, уже при генерале Латышеве, ставшем командиром дивизии, было отдано распоряжение всех девушек одеть в брюки вместо юбок... Большинство девушек ревностно относились к службе и выполняли боевые задания достойно и мужественно. Даже в горькие дни первых неудачных боевых действий, проигранных дивизией боев несколько санитарок в полках были представлены к высоким наградам за вынос раненых с поля боя.

В землянках штаба дивизии имелась проводка для трансляции радиопередач из клуба. 6 ноября все слушали доклад И.В.Сталина о 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции — и вдруг в радиопередачу вклинивается немецкая речь. Сидевший рядом со мной начальник клуба побледнел от испуга. Говорю ему: «Бери автоматчиков и бегом к клубу, проверь, в чем дело». Он быстро ушел, а по радио опять пошла передача выступления Сталина — потом опять короткий перерыв, и снова передача доклада. Скоро вернулся начальник клуба' Костин и доложил о происшедшем перерыве в трансляции: «Прибежали к землянке клуба — тихо, нет никого. Вошел в землянку, а там сидит инструктор из политотдела армии и крутит ручку настройки приемника, от которого идет трансляция. Я к нему с автоматом в руках и еле стерпел, чтобы не стукнуть его прикладом. «Вы что, по фашистским передачам соскучились, ищете их по приемнику? Ведь идет передача выступления Сталина и его слушают по трансляции от этого приемника сотни людей, вы прерываете трансляцию». Инструктор быстро вышел из землянки и сбежал в штаб армии, так и не зайдя в наш политотдел.

Доклад Сталина вошел в наши души, влив в нас еще большую уверенность в победе над врагом. В нем Сталин поставил задачу «уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей, уничтожить гитлеровскую армию и ее руководителей, разрушить ненавистный «новый порядок» в Европе и покарать его строителей». Подведя итоги военным действиям за 1942 год, Сталин сказал: «Враг уже изведал на своей шкуре способность Красной Армии к сопротивлению. Он еще узнает силу сокрушительных ударов Красной Армии... Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник». Эти мудрые, вдохновляющие слова глубоко тронули нас: мы все жили надеждой на перелом в ходе войны. Прозвучавшие слова и определили направление всей

политико-воспитательной работы в дивизии. С наступлением темноты и до рассвета политработники находились на переднем крае обороны, проводя беседы с маленькими группами бойцами в окопах, землянках, блиндажах, в боевом охранении, на наблюдательных пунктах, у пулеметов и орудийных расчетов прямой наводки. Беседы проводились и в тылу дивизии. Недалеко от штаба дивизии, в балке, саперный батальон построил просторную большую землянку-клуб вместительностью до 100 человек. Помимо бесед в частях с бойцами мне приходилось в этом клубе выступать перед бойцами подразделений дивизии. К ноябрьским праздникам клуб подготовил красноармейскую самодеятельность. Особенно мне запомнились выступления танцоров, которых было много (особенно в артполку) — до 20 национальностей с Кавказа и Средней Азии: грузины, армяне, азербайджанцы, аварцы, кумыки, казахи, узбеки, туркмены, евреи и другие. Кавказцы очень строго следили за своим внешним видом, многие носили сшитые по своей фигуре брюки, имели самодельные кинжалы, подчеркивая свой «горский» вид. В самодеятельности каждая национальная группа исполняла свой национальный танец. Тогда же я впервые услышал «Землянку» Алексея Суркова. Трогательная, немножко печальная, эта песня брала за сердце, напоминая нам о далеких родных...

Начальнику клуба я дал задание идти с самодеятельностью на передовую и петь и играть бойцам в окопах и землянках — особенно среди бойцов нерусской национальности. Уже в первый день праздника (глубоким вечером, ближе к полночи) самодеятельность выступала на передовой. На участках позиции, где наши окопы находились близко к немецким, немцы слышали пение и даже не стреляли в часы, установленные их командованием для ведения огня. Немецкие солдаты, слушая песни из наших окопов, кричали: «Рус, «Катюшу»!» К этому времени мы хорошо усвоили шаблонность немецких солдат в ведении огня. Зная время обстрелов, бойцы хорошо укрывались, пережидая шквалы огня. Кончилось — и иди себе спокойно, никто не обстреляет. Но одно из выступлений самодеятельности закончилось трагически. Певцы выступили и пошли по глубокой траншее в другое подразделение, и вдруг минометный налет — причем вне «установленного времени». Помощник по комсомолу был ранен, а начальник клуба погиб. Не раз попадал под такие обстрелы и я...

В то время политработникам стали присваивать воинские звания. Командующие фронтами имели полномочия на присвоение званий до майора включительно, и в ноябре мне было присвоено звание майора. А 6 января 1943 года в Красной Армии

были введены погоны. По размерам и с виду они были как в старой армии, и начальник артиллерии дивизии, полковник, старый служака, рассказал нам, как они крепятся к шинели или гимнастерке.

Днем я часто ездил в части вручать партийные документы членам и кандидатам партии. В партию принимали много — более 300 человек в месяц. Не имея права подписи партдокумантов, я получил разрешение на их выдачу, а подписывал партдокументы заместитель командира дивизии по политчасти (замполит) Бикрицкий. Верхом на коне, с инструктором по партучету Миусом мы ездили в самые отдаленные от частей места: в боевое охранение, наблюдательные пункты, на передовую линию окопов. Помню, утром я вручил кандидатскую карточку командиру батареи на наблюдательном пункте, а на другой день пришлось отправлять ее в архив ЦК партии. Прямым попаданием тяжелого снаряда в НП командир батареи Вдовиченко был убит.

В середине ноября зима установилась. Сухая и снежная погода с небольшими морозами поставила ряд новых проблем: утепление землянок, заготовка топлива, замена обмундирования. Тылы дивизии получили теплые вещи: валенки, полушубки, меховые рукавицы, ватники, меховые жилеты, шапки, теплое белье. Личный состав оделся по-зимнему. Политотдельцы получили новые меховые полушубки, меховые жилеты, шапки, рукавицы, валенки. Я окончательно распростился со своим полупальто с авиационными петлицами и надел полушубок. Немного погодя в мастерской тыла мне из солдатской шинели сшили комсоставскую, на пуговицах, — но одел я ее только весной, когда полушубок уже не требовался.

Оборону дивизия держала двумя стрелковыми полками общей численностью до 6000 человек, третий полк был во втором эшелоне. Артполк и пулеметный батальон поддерживали полки в обороне. Артиллеристы стреляли плохо, подавлять цели с закрытых позиций не умели, плохо поддерживали пехоту в малых операциях — меткого огня по обнаруженным целям было мало. Линия обороны дивизии левым флангом проходила в лесу северо-восточнее г. Белый, дальше по его пригороду и упиралась правым флангом в реку Обшу. Дальше оборону занимала дивизия полковника Квашнина[33]. В лесу нёпосредственного соприкосновения с противником не было: за полосой колючей проволоки с нашей стороны была нейтральная полоса, а за ней немецкие минные поля и спиральная колючая проволока (ее называли «Спираль Бруно»). Иногда немцы-разведчики пробирались в наше расположение и однажды захватили двоих

бойцов в плен. После этого была усилена бдительность, и немцы попадали в наши руки. Немцев интересовали не только бойцы, но не в меньшей мере их зимнее обмундирование: ватники под шинелями, ватные брюки, шапки, варежки.

Полк, стоявший во втором эшелоне, занимался обучением на основе положений нового боевого устава пехоты. Однажды днем я приехал в этот полк. Бойцы рыли окопы и траншеи, а мы с замполитом полка ходили среди них и расспрашивали их о службе, обмундировании, питании. Я уже знал, что этот полк имел слабую боеспособность: в нем более 860 человек рядового состава составляли уголовники, приговоренные к длительным срокам заключения; советское правительство предоставило им возможность искупить свою вину в боях за Родину. Большинство из них поняли это и честно старались искупить свою вину, но были и лица, прибывшие на боевые позиции с корыстными целями. Во время беседы с одним уже довольно немолодым бойцом я услышал: «Нам, что, был бы хлеб, а кому служить безразлично, Гитлеру или Сталину». Сказав это, он обратился к бойцам: «Правильно я говорю?» Но в ответ — молчание. Я сказал этим бойцам: «Неужели вы не знаете, как немцы обращаются с пленными красноармейцами?» А уголовник изрек: «А правда ли это?» — «Да, правда, я сам видел следы расправы над военнопленными и мирным населением». В ответ — молчание. Потом я поделился выводами с замполитом и командиром дивизии, высказав им, что у бойцов полка есть сомнения в отношении зверств немецких солдат, что состав полка надо хорошо профильтровать, переформировать его отдельные роты, укрепить партийнокомсомольскую прослойку. В ответ я услышал, что именно этот полк дрогнул при первом ударе немцев по позициям дивизии. Скоро выяснилось, что трусость в полку была и среди политсостава: нашелся политрук, старший лейтенант, порвавший свой партийный билет и не привлеченный к партийной ответственности. Когда я вызвал его в политотдел и потребовал: «Покажите партбилет», — он достал носовой платок и, развязав его, высыпал на стол мелкие куски разорванного партбилета. Труса отправили в штаб армии... Длительное время командование дивизии занималось этим полком: тщательно проверили личный состав, выявили антисоветчиков, и они были или осуждены трибуналом, или отправлены в глубокий тыл как преступники. Роты укрепили комсомольцами и коммунистами из поступившего в ноябре пополнения.

20 ноября я находился в районе тыла дивизии и знакомился с прибывшим пополнением рядового и сержантского состава. В большинстве это были люди, побывавшие в боях, —

антисоветчиков среди них не было. Им первым я сообщил весть о том, что под Сталинградом началась операция по окружению немецкой группировки. Это сообщение в дивизию было передано через войсковую связь, и только позднее об этом сообщило Совинформбюро. Контрнаступление наших войск под Сталинградом вызвало большую радость, многие высказывали мысли о том, что и нам надо наступать.

Был заменен командир дивизии: на эту должность прибыл пожилой полковник с высоким мнением о себе. Я зашел к нему в землянку и спросил, почему он не заходит в политотдел, чтобы стать на партийный учет, а он ответил, что это к нему должны прийти по этому поводу. Пришлось ему объяснить, что политотдел не только политический орган, но и партийный, которому подчинены все коммунисты дивизии. Вот так мы познакомились. Полковник был членом партии с 1917 года, участвовал в боях на Красной Пресне в 1905 году, — это вызывало уважение, но вскоре выяснилось, что он очень любит крепко выпить. Как стало известно позднее, его ординарец забирал в штабной столовой всю дневную выдачу водки в заплечный термос. Я водку не пил и не интересовался, как ее распределяют, считая, что это делается по нормам довольствия, а оказалось, что водку не получал никто, кроме командира дивизии. Странным было то, что его заместитель по политчасти Бикрицкий знал, видел это и молчал. Недели через две подлинное лицо нашего нового командира дивизии стало ясно. Проводилась местная небольшая операция с целью выявить прочность немецкой обороны и взять пленных. Я зашел к командиру дивизии ознакомиться с боевой задачей и увидел, как он пил: в углу второй комнаты землянки стоял открытый термос, полковник брал стакан тремя пальцами, опускал его в термос, черпал жидкость и ловко опрокидывал в рот. Я думал, что у него сильная жажда и он пьет воду, и лишь когда заглянул в термос и почувствовал запах, понял, что он пил водку. А полковник уже оделся и уезжал — но не в полк, что ведет бой, а в медсанбат. Спрашиваю Бикрицкого, почему он с ним не уехал, а он ответил, что в медсанбат полковник ездит один. Он рассказал, что командир дивизии каждую ночь ездит в медсанбат и привозит с собой на ночь молодую санитарку: вместо руководства боем командир дивизии вел веселую, развратную жизнь. Я предложил Бикрицкому немедленно дать шифровку в Военный совет 41-й армии, которой мы теперь подчинялись, но он на себя это взять не решился, и мы подписали шифровку вдвоем. Очень скоро приехал член ВС генерал Семенов. Это был очень крутой, до безрассудства, человек. Бикрицкий его хорошо знал — служил

под его началом в Средней Азии. Прибыв на фронт, он думал избавиться от Семенова, а тут опять он!

Семенов приехал, когда командир дивизии был в медсанбате, немедленно отстранил его от должности и приказал прокуратуре передать дело в трибунал — а пока не было командира дивизии, он сам стал ею командовать. Я находился в полку, который вел наступление на немецкие позиции в лесу. Наступление захлебнулось; по глубокому снегу без поддержки артиллерии бойцы шли на хорошо укрытого противника, и немцы из замаскированных огневых точек расстреливали наступающих. Артиллерия никакой поддержки не оказала, огневые точки не были вскрыты. С командованием полка мы сидели в построенном из бревен невысоком срубе в сотне метров от опушки, с которой началось наступление. Стало ясно, что вслепую наступать на невидимые огневые точки нельзя, надо их сначала подавить и потом уже наступать. Но никто не может дать такого приказа — заместителя командира дивизии не было. Появился Семенов и, не разобравшись в обстановке, проявил свою волю: опросил каждого из нас, что мы за начальники, и приказал мне: «Идите в атаку!» Я ответил ему, что идти на огневые точки без поддержки артиллерии бессмысленно. Семенов грубо выругался: «Не разговаривать! Артиллеристам я прикажу сейчас помочь!» Я вышел из блиндажа-сруба, взял с собой Васичкова, двух агитаторов политотдела, и мы все пошли на опушку леса. Немецкие укрепления были за полянкой через дорогу, занесенную глубоким снегом. Здесь, на опушке леса, было несколько бойцов, и с ними мы пошли в атаку на невидимого врага. Нельзя было даже назвать это атакой — мы шли по колено в снегу, рассыпавшись на полянке. Никаких огневых точек мы не видели: они были под снегом и хорошо замаскированы. Застрочили немецкие пулеметы — мы были хорошо видны на снегу, только один Еременко, агитатор политотдела, был в белом маскировочном халате. Мы прошли не более 20 метров по полянке, когда прицельный плотный огонь, все более усиливающийся, заставил нас лечь в снег. .Вокруг лежали раненые. Еременко поднялся, стараясь быть впереди, и был тут же сражен пулеметной очередью. Мы тоже вели огонь по лесу, но немцев не видели. Немцы же длинными очередями прижали нас к земле: над головой, с боков свистят пули, бороздят снег. Я надел свою шапку на автомат Васичкова и приподнял вверх, и тут же длинная очередь полоснула по ней. Нас спасало то, что мы лежали в глубоком снегу. Я подполз к Еременко, и он сказал мне: «Товарищ начподив, я умираю, ранен в живот. Освободится Харьков, напишите семье...» Его вытащили к нашей опушке леса и

отправили в медсанбат, но к вечеру он скончался от ран.

Наступление кончилось. Мы отползли к опушке своего леса и отошли поглубже в лес. Я вернулся в блиндаж и, докладывая Семенову, добавил: «На такие огневые точки без артподготовки наступать нельзя». Он сказал, что артиллеристы стреляли. Я удивился: «А куда? По огневым точкам не было ни одного попадания, да и близко нигде разрывов не было. После такой артиллерийской стрельбы самих артиллеристов надо посылать в наступление». Семенов ничего не сказал, вышел из блиндажа и уехал. Дивизия пока осталась без командира.

Мы с Васичковым поехали в политотдел. Едем на санях лесом, видим: на полянке около раненых и убитых одна санитарка. Васичков на ходу соскочил с саней и с автоматом побежал в конец полянки; там раздалась короткая очередь. Коновод Кочкин остановил лошадь, и мы с ним побежали к Васичкову. Рядом с телом убитого лейтенанта лежал застреленный Васичковым небритый верзила с бумажными деньгами в руках. Васичков объяснил, что этот тип обкрадывал убитых, забирая все ценное, что мог на них обнаружить: обыскав убитого, Васичков извлек из его карманов часы и пачку денег. «Я, — говорил Васичков, — еще раньше видел этого типа около убитых и вот застал его на месте преступления и отправил на тот свет!» Все награбленное уголовником мы сдали в трофейный фонд.

Тяжелые были эти двое суток, я не спал две ночи, есть не хотелось. Когда я вернулся в свою землянку, Васичков принес обед в котелке, вылил в миску и подал мне. Не успел я и двух ложек хлебнуть, как близко разорвался тяжелый снаряд, землянка вздрогнула, и с потолка в щели наката ручьем посыпалась глина. На этом обед закончился.

Утром прибыл новый командир дивизии, полковник Латышев, окончивший в Москве Высшие командные курсы. Это был хорошо подготовленный командир. Вел он себя скромно, но был строг и требователен и смело поддерживал то новое, что стало появляться в дивизии. В газетах появился указ о присвоении полковнику Латышеву звания генерал-майора, все начали поздравлять его, но он сказал, что это не ему, а однофамильцу[34]. Мы говорим, что имя и отчество его, а он в ответ: «Нет, не мне это звание». Дня через два от Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина (он стал им с января 1943 г.) Латышев получил генеральский китель с золотыми погонами, папаху и личное поздравление. Тогда он, улыбаясь, сказал: «Вот теперь можно сказать, что мне присвоено звание генерал-майора».

Присвоение новому командиру дивизии генеральского звания придало нам уверенности в том, что теперь дела пойдут намного лучше. Снятый с дивизии полковник был осужден военным трибуналом к нескольким годам заключения условно с правом нахождения на передовой в действующей армии, имея возможность искупить свою вину. Тогда же, в январе 1943 года, партийная комиссия 41-й армии сняла с меня партийное взыскание, вынесенное в августе 1942 года. Я «заслужил это своей работой», как сказал начальник политотдела армии Ганиев. Политико-моральное состояние дивизии улучшалось: уже в ноябре сократилось количество ЧП. Оно снижалось и в декабре и январе, но в феврале опять чуть увеличилось. Генерал Семенов вызвал меня на заседание Военного совета армии, строго отчитал и предупредил, что если ЧП будут продолжаться, то я буду строго наказан.

Генерал Латышев очень часто бывал на передовой, навещая самые опасные места. По его инициативе формулой доклада бойцов, стоящих на посту в дневное и ночное время, стало: «Рядовой ... стою на посту, умру, но с поста не уйду». Эта формула доклада продержалась недолго. Однажды ночью мы с ним были на передовой. В окопе у пулемета стоял казах, плохо говоривший по-русски. Увидев рослого командира дивизии в своей зеленой бекеше, боец растерялся и доложил: «Стою на посту, с поста уйду и не умру». Латышев улыбнулся и сказал: «Правильно, уйдешь с поста и не умрешь. А как же взвод, подведешь товарищей?» Боец задумался. После этого такая формула доклада была Латышевым отменена.

Запомнился еще один эпизод: с Латышевым мы пошли в боевое охранение на самом левом фланге, на стыке с соседней дивизией. Оно находилось на опушке редкого леса, впереди окопов и траншей. Перед ними колючая проволока «спираль Бруно», затем нейтральная полоса и за ней немецкая колючая проволока, тоже спиральная. В боевом охранении располагался взвод во главе с лейтенантом. До немецких окопов было не более 110–120 метров. К блиндажу боевого охранения вела узкая утоптанная тропинка, проложенная в глубоком снегу. Немцы заметили нас и дали длинную очередь из пулемета, нам пришлось лечь на тропку. Я со своей комплекцией уместился на тропинке, и немцам было не видно меня, а спина Латышева в зеленой бекеше была выше снега; пули летят к нам и вот-вот прошьют спину генерала. Он крикнул: «Поддержите огнем, стреляйте по немецкому пулемету». Заработал наш «Максим», немец умолк, мы встали и перебежали в блиндаж. Блиндаж был добротным, около него имелись подготовленные площадки для

стрельбы из ручных пулеметов. Латышев все осмотрел, расспрашивал бойцов, как здесь служится, какие трудности и в чем. Никаких жалоб не было: два раза в сутки из роты приносят горячую пищу, бойцы получают письма, газеты, больных нет, в блиндаже тепло и уютно, немцы не беспокоят. До соседней дивизии метров 100, связь с ней поддерживает командование полка... Но вот генерал заглянул под плащ-палатку, что закрывала сверху ручной пулемет, и остолбенел от увиденного: пулемет и диск ржавые. Рядом оказался старый боец с длинными усами, степенный. Латышев к нему: «Скажи, братец, давно служишь и воюешь?» Тот ответил, что воевал в Гражданскую войну. «А такой бардак с оружием видел?» — «Нет, товарищ генерал». Позади генерала стоял покрасневший лейтенант. «Вот что, лейтенант, отстраняю вас от должности, вы будете сурово наказаны. А вот вы, старый солдат, можете командовать взводом». Солдат подкрутил усы и спокойно ответил: «Мыто можем командовать». — «Вот тебя я и назначаю командиром взвода. Немедленно примите взвод, приведите сейчас же пулемет в порядок, не допускайте такого больше». — «Будет сделано, товарищ генерал!» Мы возвратились на КП полка уже втроем, и Латышев все перемещения оформил приказом.

Вскоре после этого случая я с Васичковым пошел в самое опасное место нашей обороны — в окопы на склоне холма перед Пушкарями. Это место было мне хорошо знакомо: здесь мы выбрались из окружения в июле 1942 года. Деревня Пушкари находилась на возвышенности, и немцы отлично просматривали наши окопы и особенно соединяющую их траншею. Ходить здесь было очень опасно: траншея была пристреляна немцами. Рядовых немцы не преследовали, а вот за комсоставом пулеметчики буквально охотились. Когда я пришел в роту, ее командир дал мне такой совет: одеть каску, взять на спину карабин, подпоясаться солдатским ремнем и идти. Васичкова я оставил в блиндаже, а сам, приняв вид обыкновенного бойца, зашагал по траншее к передовым окопам. Траншея была глубокая, но не имела изгибов и хорошо просматривалась из Пушкарей. В стороны от главной траншеи были вырыты глубокие входы к окопам, землянкам, пулеметным площадкам. Я прошел всю траншею и свернул в окоп. Рядом с ним была землянка, бойцы отдыхали, на посту стоял пожилой боец, с которым я поговорил. Осмотрел оружие — все в порядке; рубежи пристреляны, есть стрелковые карточки, в землянке тепло, хотя днем их не топят, чтобы не обнаружить себя. Немцы днем землянки тоже не топили, а зимой в длинные ночи начинали топить точно в пять вечера. К весне день заметно прибыл, и в пять было еще светло, но немцы

не имели приказа об изменении времени и топили по-прежнему в пять. И дымок был очень заметен, что нашим разведчикам было на руку. Шаблонность немцев была удивительна: приказано в пять — и все!

С командиром дивизии я побывал и в полку Гриценко. На наблюдательный пункт командира полка (он находился в развалинах сарая) мы прошли ночью: днем сюда незамеченным не пройти. Латышев расспрашивал наблюдателей-разведчиков, что они заметили нового в поведении немцев. Потом он уехал, а я остался с заместителем Гриценко майором Якубовым. Мы пошли в самое отдаленное боевое охранение — в блиндаж, выдвинутый метров на 100 от передней линии окопов. Подход к нему со стороны немцев был открытым и хорошо простреливался пулеметным огнем, а с нашей стороны были большие кучки плотных кустов ивняка. Несколько дней назад здесь немцы увели в плен двух наших бойцов, несущих обед в блиндаж. Был сильный туман, наши бойцы ослабили бдительность, повесили винтовки за спину, а в руках несли котелки с пищей. Немцы появились из-за куста за блиндажом и увели наших бойцов в плен. Это послужило серьезным уроком: было усилено патрулирование на подходах к таким местам, личный состав боевого охранения укреплен более смелыми и подготовленными бойцами. Вот в такой блиндаж мы и пришли глубокой ночью с Якубовым. Станковый пулемет был готов к бою, в блиндаже четверо бойцов: все бодрствуют и попарно наблюдают снаружи за немецкими позициями. Освещением им служил немецкий телефонный провод, подвешенный к потолку в блиндаже. Периодически его зажигают, и он так невероятно чадит, что дышать трудно, — но бойцы терпят. С освещением землянок и блиндажей вообще было трудно. У командного состава были «катюши», а умельцы ухитрялись делать и самодельные лампы со стеклом из обрезанной бутылки.

Другой ночью мы с Якубовым побывали на самом правом фланге обороны дивизии, упиравшемся в 06-шу. Реку занесло глубоким снегом, и она стала проходимой. Наши разведчики здесь пробирались в тыл к немцам. По приказу Латышева саперы поставили здесь заграждения из колючей проволоки, сделали минные поля. В обороне здесь находилась стрелковая рота, и мы встретились с ее замполитом — усатым кубанским казаком с винтовкой со штыком за спиной и клинком на боку. Он не признавал новую должность (заместителя командира роты по политчасти) и всем докладывал оригинально: «Старший лейтенант по политчасти» — и называл свою фамилию. Спрашиваю: «Почему в пехоте и с клинком, вроде пехоте такое

боевое снаряжение не положено?» — «Я казак и без клинка воевать не могу». — «А почему не с автоматом, а с винтовкой со штыком?» — «Автомат может отказать, а с винтовкой я всегда готов к бою. Меня живым не возьмут». — Он моментально выхватил клинок, взмахнул им и ловко вложил в ножны. Так что в полку было двое, кто носил клинок: сам командир полка майор Гриценко во всем подражал Чапаеву. Он носил кубанку, клинок, шпоры и усики и очень любил, когда бойцы говорили: «Наш Чапай». Порядок и дисциплина, состояние оружия, боеготовность, состояние окопов, траншей, блиндажей, вид бойцов были в роте выше всяких похвал, бойцы любили своего «старшего лейтенанта по политчасти» и уважали больше, чем командира роты.

Много в дивизии было сделано по развитию и усилению снайперского дела. Все началось внепланово, снайперское дело родилось и развилось здесь из простой случайности. В первые дни моего пребывания в дивизии помощник по комсомолу рассказал о сержанте Зайцеве. Он был в недавнем прошлом башенным стрелком в танке. За самовольную отлучку из части в период формирования его судили, разжаловали до рядового и отправили на фронт, и вот он оказался в нашей части. Скромный, очень выносливый физически, он был примерным бойцом и заслужил звание сержанта. От него и пошло снайперское дело. Шли они с Минкиным в полк и разговаривали. Он сказал, что сам сибиряк, любил охотиться и отлично стреляет. Минкин сразу ухватился за этот повод и предложил Зайцеву стрельнуть по птичке, что сидела на верхушке столба. Тот вскинул свою винтовку и моментально выстрелил — убитая птичка упала со столба. Минкин говорил, что если бы знал, как метко стреляет Зайцев, то не стал бы предлагать ее как цель для стрельбы! Зайцева пригласили в политотдел и предложили открыть охоту на немцев. Он с большим желанием согласился. Там, где недавно немцы свободно разгуливали в траншеях, Зайцев уложил несколько человек и отучил немцев от хождения в открытую. Свое дело Зайцев делал как опытный охотник: выслеживал немцев и бил наверняка. Все его действия контролировались специально выделенным лейтенантом и нашими разведчиками-наблюдателями. Еще в темноте Зайцев выбирал себе позицию и лежал в снегу до рассвета, хорошо замаскировавшись. На нем все было белое, и винтовка обвита белым бинтом. Как только в его прицеле показывался немец, Зайцев делал один выстрел и быстро отползал с места в сторону. Зайцев истребил более двух десятков немецких солдат, когда наша разведка обнаружила, что у немцев появился очень опытный снайпер. Первой его жертвой стал наш лейтенант-снайпер, стрелявший из амбразуры блиндажа.

Немецкий снайпер убил его, послав пулю прямо в оптический прицел винтовки. Это было в солнечный день: когда лучи солнца блеснули в прицеле, немец выстрелил. Я сам осматривал этот блиндаж, и разведчики сказали мне, что в пасмурный день из амбразуры можно стрелять, не опасаясь быть обнаруженным, а в солнечный нельзя. Всех на передовой предупредили, что у немцев появился отличный, опытный снайпер, а Зайцеву предложили уничтожить этого немца. В ходе тщательной подготовки Зайцев открыл секрет неуязвимости немца — он стрелял через прорезь в щитке от пулемета, окрашенном в белый цвет. Теперь надо было выманить снайпера для стрельбы, поэтому сделали хорошее чучело — и на него клюнул немец. Позицию для стрельбы по немецкому снайперу Зайцев выбрал сбоку, а не в лоб. Выдвинули чучело, раздался выстрел и тут же второй. Немец ткнулся носом в снег и опрокинул свой защитный щит. Это видели наблюдавшие за стрельбой Зайцева, и снайпера представали к высокой награде. О снайперском успехе узнали во всех частях, и почти в каждой роте нашлись свои снайперы: этим делом увлеклись многие мастера меткого выстрела, и немцы в окопах присмирели. По предложению политотдела был проведен слет снайперов, на который собрали до 40 человек. В большой землянке при штабе дивизии им приготовили по 100 граммов, закуску из сухой колбасы и хлеба. Выступил командир дивизии генерал Латышев, который отметил зачинателя этого дела Зайцева и его наиболее удачливых последователей. Несколько человек выступили с рассказом о своем опыте, а после слета передовиков-снайперов на несколько дней отправили отдохнуть в тыл, в «дом отдыха».

По инициативе заместителя командира дивизии по тылу подполковника Пискунова в тылу дивизии был создан настоящий дом отдыха: с усиленным питанием, баней, хорошим отдыхом, кино. За 4–5 дней фронтовики получали хорошую зарядку здоровья, запасались силами. Наш дом отдыха работал до самого весеннего наступления.

Много пришлось политотделу заниматься организацией нашей разведки. Наши разведчики ходили в тыл к немцам и всегда возвращались с пустыми руками. Пришлось серьезно заняться подбором людей, инструктажем; мы встречали разведчиков после походов в тыл немцев, организовывали им хороший отдых, помогали в оформлении наград. Постепенно назрел перелом: начальнику разведки полка удалось захватить в плен немецкого солдата. Этого для дивизии было мало. Организовывали разведку боем, но захватить пленных не удавалось. Только при Латышеве дело стало поправляться: однажды после налета на немецкие окопы с передовой доложили,

что наши разведчики захватили и несут живого немца. Посмотреть на пленного в землянку при штабе собралось несколько человек, был там и я. В землянку вошли четверо разведчиков и втащили на плащ-палатке пленного, вытряхнули его, и все удивились — это был наш советский боец. Когда вынули кляп изо рта, спросили, как он попал к немцам и был взят нашими разведчиками. Он объяснил, что вчера здесь соседняя дивизия проводила разведку боем, но пленных не взяли — немцы перешли в контратаку. Наш боец оказался сзади наступающих немцев, со страха забрался в пустую землянку и просидел в ней весь день. Ночью он собрался уходить, и тут в траншею ворвались наши разведчики, начали осматривать землянки и в первой же обнаружили человека. Ему сунули в рот кляп и потащили. «Я, — рассказал боец, — кричать не стал, боясь, что стукнут по голове». А разведчики на радостях не развернули палатку до самого штаба! Латышев, увидев эту неудачу разведчиков, махнул рукой и ушел, а «нашего пленного» передали соседней дивизии.

Вскоре в дивизию прибыл рядовой боец, сибиряк, Герой Советского Союза (у нас в дивизии Героев не было). Его пригласили в политотдел для выяснения, где ему лучше служить, кто он и что может сделать в нашей дивизии. Я расспросил его, за что получил самую высокую в нашей стране награду. Он рассказал, что служил в 3-й Ударной армии генерала Галицкого. [35] Тот сам занимался делом разведки и узнал о бойце-сибиряке — охотнике на медведей. Вызвал и сказал: «Сможешь притащить живого немецкого офицера — получишь Героя». «Меня не особенно интересовало присвоение Героя, — рассказывал разведчик. — Но притащить немецкого офицера я мог и в этом не сомневался. Действовал один, как в тайге на охоте. Выбрали мне направление, рассказали про офицерский блиндаж, и в ветреную, темную ночь по глубокому снегу уполз я к немецким позициям. След мой хорошо замело. Пролежал остаток ночи и день, изучая режим поведения немцев, запомнил интервал смены постов, их размещение и маршруты движения. Немцы в отхожее место ходят тоже по расписанию. В следующую ночь подполз совсем близко к немецкому блиндажу и стал ждать. Вот вышел немецкий офицер, спустил штаны и стал садиться на бревнышко: я прыгнул, ударил немца кулаком по голове, сунул его в мешок и ушел к своим. Когда хватились немецкого офицера, я был уже в наших окопах. Отвез пленного генералу Галицкому, но когда вытряхнул немца из мешка, то он уже посинел — штаны-то не успел натянуть на себя! Пленным оказался немецкий капитан. Мне передавали, как капитан рассказывал, что пошел «по-большому», чем-то ударили его, и больше он ничего не помнит. Вот за этого пленного я и

получил Героя».

Я спросил разведчика, где он хочет у нас воевать. Он ответил, что «хочется и для нашей дивизии достать пленного». Генерал Латышев приказал Героя одного в разведку не пускать, а только с группой. Разведчиков берегли от лишних потерь, тем более такого заслуженного человека. Начали готовить группу во главе с Героем. Мы беседовали с каждым в отдельности, и одного я забраковал — он не был уверен в своих силах.

Разведка уходила в то место, где мне пришлось побывать летом 1942 года. Я хорошо знал эту местность и рассказал разведчикам об одной деревне, расположенной на поляне у самого леса, близко к большаку на г. Белый. Это была деревня Зуи — несколько домиков, примыкающих к лесу. Немцы могут туда наведываться: близко к лесу, хорошие дома, бани — и линия обороны недалеко. К деревне Зуи подход был через территорию, занимаемую соседней с нами дивизией. Идти следовало лесом через нейтральную зону. Немцы занимали оборону по восточной окраине леса, а наши позиции находились в середине леса, по наиболее сухим местам. Нейтральная зона — болотистый лес — не занималась войсками, была плохо проходимой летом, а зимой ее можно было проходить без препятствий. Вот в этот район и ушли наши разведчики во главе с сибиряком. Через сутки наш сосед известил штаб дивизии, что наши разведчики захватили семь пленных. Эта весть всех обрадовала; начались всякие предположения о делах группы. А немного погодя новая весть от соседа — наши разведчики с шестью пленными направились в нашу дивизию. Когда об этом узнал Латышев, то выразил сомнение в успехе разведчиков: «Когда они доберутся до дивизии, то пленных не будет вовсе». Снова позвонили соседям и уточнили, сколько же пленных ведут разведчики, те подтвердили — шесть! К вечеру разведчики доставили в штаб дивизии шесть пленных немцев. Начали выяснять, как это им удалось: ведь такого успеха не было ни в одной соседней дивизии!

Наши разведчики были одеты в белые халаты — рубашки и шаровары — и пошли в разведку с немецкими автоматами. Нейтральную зону они прошли быстро и без помех, к рассвету вышли на опушку леса, где проходил передний край обороны немцев, и увидели семерых немцев, тоже в белом, но с красными повязками на рукавах (мы знали об этом знаке отличия немецких разведчиков). В группе был молодой, худощавый боец-еврей по фамилии Зильберштейн — уже опытный разведчик. Сибиряк надел на рукав красную повязку, а разведчик Зильберштейн крикнул по-немецки. Немцы остановились и, видимо, приняли наших разведчиков за своих. Наши смело пошли навстречу

немцам, а те стоят и ждут. Сибиряк был действительно сильным и высоким парнем, он подошел к одному немцу и дернул его за ремень автомата с такой силой, что ремень лопнул и автомат оказался в руках нашего разведчика. Зильберштейн же сказал немцу, что «они плохо одеты» (на немцах под белыми халатами были видны летние шинели). Когда немцы опомнились, было поздно: наши разведчики скомандовали им лечь и очередями из автоматов, пущенными над головами, уложили всех в снег. Потом они отобрали у пленных автоматы, построили их в затылок один за другим и пустились бегом в глубь леса. На случай погони оставили заслон на несколько минут. Бежали до потери сил; когда немцы стали падать, перешли на шаг. Замыкающим шел сибиряк. Немцы понимали, что идут нейтральной зоной, и один из них решился бежать, его прошили автоматной очередью, и как раз это увидели разведчики соседней с нами дивизии. Остальные немцы стали покорнее, и вскоре наши разведчики вышли к соседям, где отдохнули, после чего благополучно вернулись в дивизию. Вся эта операция заняла менее трех суток.

Ночью я присутствовал при допросе пленных. Накормленные, отогревшиеся, они охотно отвечали на вопросы, проявляя даже вежливость: рассказали о себе, командовании, расположении обороны. На наше предложение вернуться обратно согласились трое. Это исходило из общей обстановки на фронте: кончалась Сталинградская битва, уверенность немцев в победе над Красной Армией была подорвана, а то и утрачена. Троих завербованных немецких солдат переправили через линию фронта, но результатов этого до моего ухода из дивизии еще не имелось.

Сибиряка-разведчика приняли в кандидаты в члены партии, и я по его просьбе дал ему рекомендацию. В разведку его больше не посылали, а направили в полк для обучения разведчиков методам ведения разведки.

В декабре 41-я армия генерала Тарасова начала операцию, чтобы отрезать г. Белый от тылов, выйти на соединение с частями, оборонявшимися в районе Гжатска. В обход города с юга на восток наступали корпус сибиряков-добровольцев[36] и танковый корпус генерала Соломатина.[37] Сибиряки прорвали оборону немцев, и в прорыв вошли танкисты, но немцы закрыли прорыв, и наступающие оказались отрезанными от тылов. Положение их было тяжелое; наступление выдохлось, резерва для развития успеха не было, и на выручку сибиряков приехал из Ставки генерал Г.К.Жуков. Насколько мне известно, приехав на участок боевых действий в районе южнее г. Белый, он ознакомился с обстановкой с наблюдательного пункта, устроенного на большой ели, просмотрел позиции немцев и

приказал гвардейцам-минометникам дать залп по указанному им рубежу. Гвардейцы дали несколько выстрелов из своих «Катюш» (М-13), но разрывы легли недалеко от наблюдательного пункта, где находился Жуков. Он упрекнул гвардейцев: «Что вы, меня на прицел хотели взять? Так стреляете плохо!» Интересный эпизод из встречи с Жуковым рассказал нам и командир батареи тяжелых орудий на тракторной тяге. Он менял огневую позицию своей батареи; по глубокому снегу тракторы тянули орудия, когда, обгоняя их, подъехала «эмка» — и забуксовала. Из машины вышел капитан и попросил командира батареи вытащить их машину из сугроба. Комбат сказал: «Что вы, я опоздаю на огневые позиции, и Жуков мне голову оторвет за это!» Капитан ничего не сказал, ушел в машину — и из машины вышел Жуков в бекеше. Он слышал разговор и сказал: «Я Жуков, помогите нам, товарищ командир батареи». Тот козырнул: «Сейчас сделаем!» «Эмку» вытащили, и она умчалась.

Немного погодя к нам приехал генерал-лейтенант Соломатин. Я как раз находился у Латышева и слышал, как Соломатин сказал ему: «Здорово у вас получается с регулировщиками движения! Еду, а на перекрестке дорог стоит голый регулировщик и показывает, куда ехать». Латышев говорит: «Вы что, шутите?» — «Да нет, в самом деле, недалеко от вашего штаба на поле стоит голый мертвый человек». Латышев сразу мне: «Начподив, разберитесь с этим!» Я ответил, что еду туда. Да, действительно, на перекрестке дорог стоял голый человек. Но кто он, откуда взялся тут? Ведь днем его не было, значит, «регулировщик» появился только с темнотой. Отвезли замороженного «регулировщика» в медсанбат — это был труп немецкого солдата, причем никаких следов от ран на нем не было. Только через несколько дней выяснилась вся суть этого дела. Уничтожение немцев снайперами вызвало желание многих стать охотниками за немецкими солдатами. В тылах одного полка в сапожной мастерской был боец-армянин. Ему очень хотелось стать снайпером, но его, как отличного мастера своего дела, не отпускали из мастерской: не так уж много было отличных сапожников. Кто-то подзадорил его: «Вот просидишь всю войну с сапожным молотком и немца не убьешь. Что ответишь, когда вернешься домой, когда спросят, как воевал?» Это распалило армянина так, что он сказал: «Вот пойду и живого немца добуду!» Ночью он ушел один и как-то сумел подойти к немецким окопам и захватить в плен немца. Он притащил немца в землянку и думал передать его командованию, но немец сильно простудился (была морозная погода, а он лишь в летнем обмундировании) и умер. Армянин с товарищем раздели его и поставили на

перекрестке дорог как регулировщика, не думая о последствиях. Но то, что ему удалось незаметно для наших бойцов перейти передний край и вернуться с пленным, вызывало не только удивление, но и тревогу за потерю бдительности. Бойца из Армении долго хвалили...

У особого отдела дивизии хватало и серьезных дел. Еще до моего приезда в дивизию взвод бойцов при особом отделе перешел к немцам. Это была измена Родине, и начальник особого отдела был осужден военным трибуналом. В другой раз мне пришлось быть свидетелем и другого происшествия такого рода. Уполномоченный одного из стрелковых полков допрашивал бойца-казаха. Боец вел свой рассказ, как будто ничего особенного с ним не произошло: «На посту стою — один рук совсем замерз, одна щека тоже замерз. Развел костер, достал концесрак, стал варить его. Концесрак кипит, немец кричит: «Рус, иди на плен, белым хлебом кормить буду». Я кричу ему: «Я не рус, я казах СССР, вот концесрака скипит, поем и на плен приду». Съел концесрак и пошел на плен. Немец дал мне хлеба и сказал: «Иди и приведи еще солдат». Вот я и пришел за ними, а меня арестовали». Вот такая была картина! С этим делом разбиралась прокуратура, и итога этого расследования я уже не застал, выбыв из дивизии. В другом полку перед началом боя застрелился боец-коммунист. В оставленной записке он писал, что никого в его смерти винить не надо. Он староват и в наступлении с молодыми ему в резвости не тягаться — нет сил. Как коммунист порочить свое звание он не мог и принял решение уйти из жизни. Проглядели партийные работники, плохо знали личный состав в роте!

Работу нашего политотдела не раз проверяли работники из политотдела 41-й армии и оставались довольными моей работой. Существенных замечаний не было ни у них, ни у Бикрицкого с командиром дивизии. Но передача дивизии из 22-й армии в 41-ю не способствовала моему утверждению в должности, а Политуправление фронта забыло обо мне и готовило на эту должность нового человека. Все это я узнал уже весной. В любом случае была война, и я работал, не задумываясь о своем будущем, отдавая делу все свои силы, умение и старание. Приезжал в дивизию и жил у Латышева генерал-майор Щербаков, начальник Политуправления Среднеазиатского военного округа. Он очень внимательно просматривал планы работы политотдела дивизии, беседовал со мной, с работниками политотдела, читал копии политдонесений, расспрашивал о боевых делах коммунистов, политсостава, комсостава. Многое ему понравилось, и он похвалил работу, которую проводили силами коммунистов и

комсомольцев дивизии. При мне он сказал Бикрицкому, что начальник политотдела заслуживает награды, но Бикрицкий промолчал: он был в курсе, что меня скоро заменит другой, и не мог в этой обстановке представлять меня к награде. Уезжая, генерал Щербаков сказал, что доложит обо всем начальнику ГлавПУ РККА А.С.Щербакову, который и послал его сюда.

Начальник ГлавПУРа Щербаков, заменивший Мехлиса на этом посту, утверждал совершенно иной стиль руководства. Это сказалось сразу с его назначением. Всех, кто работал с Мехлисом в ГлавПУРе, он отправил в действующую армию; писал и рассылал очень мало директив, резко сократил отчетность политорганов — вместо семи ежедневных политдонесений мы теперь посылали одно, и то через день. Это развязало нам руки и предоставило больше времени для живой работы в массах бойцов.

В феврале из политотдела 41-й армии мне прислали на подпись наградной лист на майора Гольдина. В листе был изложен его подвиг: «Во время боя смело перешел через проволочное заграждение, увлек бойцов в атаку, был легко ранен». От меня требовалось подписать эту липу. Об этой фальшивке я позвонил сразу начальнику политотдела армии Ганиеву и доложил, что медали «За отвагу» Гольдин не достоин: он в наступлении не участвовал, ранен в тылу случайной миной, разорвавшейся около тропинки, ранение пустячное — царапина через валенок. Ганиев выслушал меня и сказал: «Порвите наградной лист». Через несколько дней в политотделе я встретился с Гольдиным, и он с нахальством стал выговаривать мне, что мне жалко для него медали! Я ответил ему, что за обман в начислении себе заслуг медали не дают. «Как можно выдавать себя за организатора атаки, где вы и не были? Кто был за проволокой перед передним краем, все погибли, а вы и не знаете, где это было, — и приписываете себе геройские заслуги?» Гольдин не смутился, а упрекнул меня, что «так работать не годится». Вот такие были у нас экземпляры политработников! Впрочем, дела в дивизии шли своим чередом: росло боевое мастерство, активнее стали наши разведчики, снайперы успешно продолжали свое трудное дело. Как-то в политотдел зашел наш прославленный снайпер Зайцев. Он рассказал, что, возвращаясь из дома отдыха, во встречной машине увидел свою жену: она уже писала ему, что занимается на курсах снайперского дела и собирается выехать на фронт. Он попросил разрешения поехать искать жену и вернуться в дивизию вместе с ней. Мы обеспечили его необходимым документом, и он немедленно уехал на главную фронтовую дорогу «голосовать» попутную машину. Через несколько дней, когда дивизия уже перешла за г. Белый, Зайцев

вернулся с женой. Что с ними стало потом, я уже узнать не мог.

Дивизия все чаще стала вести разведку боем. В одном таком бою пропал без вести боец Иванов. Группа поиска вернулась без него, снова уползла за проволоку, но ничего не обнаружила. Через два дня появилась немецкая листовка с извещением, что боец Иванов перешел к немцам и служит им. Имя и отчество, указанные в листовке, не сходились с данными пропавшего Иванова. Проверили всех Ивановых в дивизии, но такого, что указан в листовке, не было. Мы размышляли над этим фактом и делали вывод, что немцы фальшивят. Дня через два после листовки на переднем крае другого участка обороны наши разведчики обнаружили труп нашего бойца и принесли его. Это был наш Иванов, что пропал без вести. На нем были обнаружены следы пыток и несколько штыковых ран. Стало ясно, что боец попал в руки немцев, они его пытали и убили. Иванова положили для прощания и обозрения в тылу, и мимо него прошли многие бойцы — в первую очередь те, кто еще сомневался, что немцы мучают пленных советских воинов. То, что бойцы видели своими глазами, воспринималось сильнее слов о немецких зверствах.

Немецкая агитация была наглой, грубой, и на нее наши бойцы не реагировали. С самолетов немцы разбросали листовки с призывом переходить к ним. Листовка по внешнему виду была похожа на партийный билет: красная обложка, соблюдены все внешние данные партбилета, даже материал, а внутри вместо листочков для уплаты членских взносов вложены печатные пропуска для перехода к немцам в плен с лозунгом, который немецкие идеологи выдвинули еще в первые дни войны: «Штыки в землю — конец войне!», со словами гарантий, что в плену будет хорошо. И это после Сталинградской катастрофы с армией Паулюса и многими десятками тысяч пленных немецких солдат! Наши бойцы на такую листовку не обращали внимания: их боевой дух после разгрома немцев под Сталинградом стал совершенно иным. В полках усиливалась боевая активность, чаще стали вестись ночные налеты на позиции немцев, чрезвычайные происшествия стали редкостью. Но вот появилась отпечатанная на большом листе именная листовка, адресованная командиру дивизии генералу Латышеву, его заместителю Бикрицкому и начальнику политотдела (мне) с точным указанием не только наших должностей и званий, но имен и отчеств. Эта листовка насторожила командование дивизии тем, что у немцев имеются точные данные о нас — значит, у немцев есть агент, хорошо знающий командование дивизии.

Однажды ночью в штаб неожиданно вызвали заместителя командира дивизии по строевой части, который жил со мной в

одной землянке. Латышев объявил ему, что получен приказ о его назначении командиром бригады сибиряков. Он быстро собрался и уехал на другой участок нашего Калининского фронта, в сторону Великих Лук. Там немцы нанесли поражение Эстонскому стрелковому корпусу: образовалась брешь в обороне. Чтобы закрыть ее, срочно перебрасывалась бригада сибиряков, и он был назначен командиром этой бригады. Скоро на эту должность прибыл полковник, который оказался более активен в организации боевых действий. Да и обстановка к этому времени резко изменилась: на участке нашей обороны немцы готовились к отступлению. Латышев проводил занятия с командирами частей, где мне пришлось участвовать на равных с присутствующими началах. Я внимательно присматривался к ходу занятий и немного робел (у меня не было специального военного образования). Но все то, что я приобрел в боях в 1941–1942 годах, помогало мне в решении учебно-боевых задач, выдвигаемых Латышевым, а Боевой устав я изучил хорошо. После нескольких таких занятий Латышев сказал мне, что с военной стороной дела я разбираюсь в достаточном для своей должности объеме. Эти учения очень пригодились мне, когда я стал командиром гвардейского минометного дивизиона.

В день 25-й годовщины основания Красной Армии Верховный Главнокомандующий издал приказ. Мы прослушали его по радио и ждали, когда наша редакция выпустит многотиражку с этим приказом, чтобы разослать его в части и начать работу по разъяснению его среди личного состава. Утром 24 февраля я звоню в редакцию многотиражки и спрашиваю, как идет дело с выпуском газеты. Редактор ответил, что печатание завершается и начато распределение экземпляров газеты по частям. Когда я приехал, редактор дал мне экземпляр газеты. Читаю — и вздрагиваю от неожиданности: под приказом вместо подписи Сталин напечатано «Салин». Говорю редактору: «Вы читали оттиск первого экземпляра?» — «Да». — «Почитайте еще раз внимательно», — и жду. Майор-редактор прочитал и ничего не заметил. Говорю ему: «Подпись под приказом прочитайте». Он почитал и побледнел. Я спросил, куда и сколько отправили экземпляров, и приказал немедленно послать своих сотрудников вернуть газету обратно. «Набор немедленно исправьте, напечатанное всё пересчитайте, до последнего экземпляра тиража, и в присутствии представителя политотдела немедленно сожгите. Тираж печатайте заново, а за беспечность и бесконтрольность за работой типографии будете строго наказаны». Весь забракованный тираж был задержан и полностью уничтожен, никто его не видел, кроме нас в редакции...

Напомню, что за сдачу осенью своих позиций, трусость и панику, проявленные командным и политическим составом дивизии, несколько человек из числа командного состава были осуждены военным трибуналом условно, с правом искупить свою вину в боях по защите Родины. По мере успешного выполнения боевых задач такими лицами с них снималась судимость. Мне пришлось быть свидетелем одного героического поступка осужденного командира. Под Белым наш батальон вел наступление, вместе с пехотой находился командир артдивизиона, который с группой командиров был отрезан от основных сил наступающих. Немцы обошли их с тыла и прижимали к своим позициям. Командир дивизиона принял смелое решение — вызвать огонь на себя. Он точно рассчитал дистанцию до цели от батарей и дал данные на артпозиции. Двенадцать орудий начали обстрел наступающих немцев: огонь был очень метким, всего несколько немецких солдат вырвались из огненного мешка, а основная их часть была истреблена. Наши наступающие успешно продвинулись вперед. За всю войну я видел только этот единственный случай «стрельбы на себя». За этот бой артиллерийский командир был реабилитирован — с него сняли судимость.

Нашей дивизии нужен был пленный из района деревни Веревкино, находившейся на шоссе к г. Белый. Попытки взять пленного своими силами не дали результатов, и для достижения этой цели прислали роту штрафников. Я приехал к ним перед наступлением, чтобы объяснить задачу и рассказать им об особенностях местности, так хорошо мне знакомой. С армейским руководством было оговорено, что в случае успеха со всех штрафников снимут судимость и восстановят им прежние воинские звания. Штрафники заверили, что задачу они выполнят, пленные будут. Они также попросили выдать им перед боем двойную порцию водки — но я сказал, что водку дадут после боя. Среди штрафников были бывшие командиры взводов и рот. И вот там, где наши бойцы не смогли прорвать оборону и захватить деревню, штрафники это сделали быстро и без потерь. Был хороший солнечный день, наст был крепок. Без всякой артподготовки штрафники подбежали к проволочным заграждениям, кто-то накинул на проволоку шинели, и они лавиной ворвались в немецкие окопы и схватились врукопашную с немцами. Только двое из атакующих были легко ранены, а немцев они перебили не один десяток. После боя я объявил им решение ВС армии о снятии с них судимости и восстановлении прежних воинских званий. На это сообщение штрафники ответили громким «Ура!». Им выдали водку, но я предупредил,

чтобы не теряли бдительность и усилили свое охранение: немцы коварны, могут сделать вылазку. Но немцы в контрнаступление здесь не пошли — уже начинался их отход с позиций, и налет наших штрафников только ускорил его.

Пленные, что попадали к нам, были уже далеко не теми, что в 1941 году: былое пренебрежение к Красной Армии, слепая вера в Гитлера сменились покорностью, а лозунгом при попадании в плен стало: ***«Русь гут, Гитлер — капут!»*** Впрочем, с ними осталась немецкая пунктуальная шаблонность. В нашем клубе в распоряжении Костина был пленный немец. Он выполнял хозяйственные работы: пилил дрова, топил землянки, убирал от снега тропинки. Однажды я увидел забавную картину: наш боец-узбек с пленным немцем пилили дрова; узбек говорит немцу на своем языке, а тот отвечает ему по-немецки. Спрашиваю узбека: «Вы знаете немецкий язык?» — «Нет, но я знаю, что говорит немец, и меня он слушается». Немец был в заношенном мундире, и вшей в нем хватало. Я сказал Костину: «Когда будет баня и все помоетесь, отведи и немца в баню, пусть помоется и он». Костин потом рассказал мне о мытье немца: «Помылись мы все, и я сказал сержанту, чтобы тот направил немца в баню. Сержант привел немца в баню, взял шайку для воды и указал, где горячая и где холодная вода, показал, как ее зачерпнуть. Зачерпнул горячей воды и отдал немцу, тот сказал «гут». Прошло порядочно времени, и Костин сам зашел в баню. Видит: сидит немец и копается в своей шайке: в ней воды чуть-чуть, и немец стирает грязную тряпку, экономя воду, а нижнее белье, грязное и сырое, висит у печки. Костин выплеснул грязную воду и объяснил немцу, что воды можно брать сколько потребуется. Обрадованный немец еще долго занимался стиркой своего белья. Вначале он подумал, что черпать горячую воду можно было только один раз и потому экономил ее в шайке.

Среди немцев вшивость была сильной еще в 1941 году. Когда наши части освобождали деревни и села от немцев, эта вшивость перекинулась на нашу армию. Это опасное дело! На борьбу со вшами были пущены не только медики, но весь начальствующий состав. Были строгие приказы по фронту, требующие энергичной борьбы со вшивостью: прокаливали белье в бочках на огне, делали осмотры личного состава, дезинфекцию, какую позволяла фронтовая обстановка. В 1943 году на нашем Калининском фронте вшивость еще не была побеждена, но никаких эпидемических заболеваний не было, а в 1944 году, снова вернувшись на фронт, я уже не встречал случаев вшивости.

Наступило 8 Марта, и командование дивизии издало приказ с поздравлением наших женщин. Наиболее отличившиеся в боях

отмечались в приказе, и для них у командира дивизии был устроен прием. Женщины собрались в обширной землянке, но генерал уехал на передовую — начался бой за освобождение г. Белый. Вслед за командиром дивизии уехал в наступающий полк и я и вернулся под вечер, когда началась перегруппировка частей дивизии. В политотделе я встретился с проверяющим от политотдела 41 -й армии майором Петровым. Он побывал в частях и остался доволен тем, что делалось партийно-политическими работниками по подготовке наступления и преследования отступающих немцев. Петров потребовал, чтобы я дал ему лошадь доехать до политотдела армии, но этого я в сложившейся боевой обстановке сделать не мог. Петров сильно обиделся и, не попрощавшись, ушел на главную дорогу искать попутную машину. Движение на этой дороге теперь было очень оживленно, и добраться до расположения армии трудностей не составляло.

Немцы так поспешно ретировались, что оставили не только флаг (который сорвал инструктор политотдела по работе среди немцев), но и портреты Гитлера. Пленных при освобождении г. Белый не было. Покидая свои насиженные места, особенно офицерские землянки и блиндажи, немцы оставляли «сюрпризы»: заминированные часы, аккордеоны, баяны. Даже при том, что проводились специальные инструктажи, были случаи подрыва бойцов и командиров. Погиб заместитель командира артиллерийского полка дивизии, майор. Он решил посмотреть один добротный блиндаж, а на столе в нем лежали часы, которые майор осторожно тронул своей нагайкой. В ответ грохнул сильный взрыв... Немцы минировали дома с минами на большое замедление либо на немедленный взрыв от различных причин: открытие двери, вхождение на пол, передвижка мебели — и все от устройств натяжного или силового действия. Погиб боец-баянист, рискнувший взять из блиндажа баян. В блиндаже, что занял командир дивизии, саперы под половой доской обнаружили 70 кг тола. После этого случая охота за ценностями в немецких блиндажах прекратилась. Саперам было очень много работы, и они не могли осмотреть все немецкие блиндажи и дома. Так, в Белом было старинное здание из красного кирпича с высокой трубой. Это было просторное, довольно удобное помещение, и в нем разместились наш саперный батальон и другие мелкие части, главным образом командный состав. Бывал в этом здании и я, инструктируя заместителей по политчасти саперного и других батальонов. Саперы хорошо проверили здание, но ничего не обнаружили, — а потом посреди дня раздался страшной силы взрыв, и почти все находившиеся в здании погибли. Чудом

остался жив и даже невредим капитан Мжавия из нашего артполка: его нашли в снегу в нескольких метрах от срезанной, как ножом, трубы, — от всех остальных находившихся в здании людей ничего не осталось. Расследование показало, что в полу была заложена и зацементирована мина с часовым или кислотным взрывателем длительного замедления.

Последнее происшествие в дивизии случилось в артполку. Командир батареи с бойцами пил трофейный спирт, и от этого погибло около 20 бойцов. Случай чрезвычайный! Расследованием занялась армейская прокуратура. Когда следователь предъявил обвинение командиру батареи, тот заявил: «Себя виновным не признаю, пить не принуждал». Часть пивших с ним не пострадали, он сам был цел и невредим — и предложил следователю выпить с ним этот спирт. Артиллерист налил и выпил, а следователь перепугался и потом заключил, что состава преступления нет. Следствие прекратили.

На второй день после освобождения Белого я внимательно осмотрел этот старинный русский город. Он был сильно разрушен, в целости осталось не более десятка домов. Мост через Обшу в центре города был взорван, на улицах было много сгоревших машин. Встретившийся мне генерал Семенов скомандовал: «Немедленно сюда фотографа, будем передавать город гражданским властям». Я докладываю ему: «Товарищ генерал, город вчера был передан гражданским властям, был митинг по этому поводу. Своего фотографа у меня сейчас нет, он в тылу готовит фотографии для партдокументов». Семенов вспылил и грозно сказал мне: «Чтобы фотограф был здесь через час!» Я ему докладываю, что выполнить это нельзя, фотограф находится за 15 километров отсюда, — а в ответ за всю войну впервые услышал страшные слова: «Я вас расстреляю». Я ответил: «Расстреливайте, товарищ генерал», — повернулся и пошел прочь, но не прошел и сотни шагов, как навстречу мне идет наш фотограф. Он выполнил свое дело в тылу и спешил сюда. Я повернулся и снова пошел к генералу, доложив: «Товарищ генерал, ваше приказание выполнено — есть фотограф». Семенов посмотрел на меня и сказал: «Молодец, представлю к награде!», — а я ему в ответ: «Не нужно мне от вас награды, надо внимательно относиться к людям», — и ушел. Больше я с Семеновым уже не встречался и был рад, что покинул дивизию и вышел из подчинения такого строптивого генерала с горячей головой и неуравновешенным характером.

В теплые мартовские дни дивизия передислоцировалась в новый район, ближе к Псковской области. Шли ночами, когда хорошо подмораживало подтаявшие дороги. Для политотдела

была выделена подвода, и на ней уместилось все наше имущество. У меня по штату был конь, но на нем я не ехал, предпочитая идти пешком вместе со всем личном составом. Местами земля была без снега, и политотдельцы помогали лошадке тянуть подводу. Дня через два после выхода марш продолжался уже и днем, без регулярного сна и отдыха: иногда суточный переход достигал 50 километров. Раз в темноте в хвосте колонны я обнаружил группу бойцов, которые были маленькими веревочками привязаны к длинной веревке. Оказалось, что у них «куриная слепота», они очень плохо видят в темноте, поэтому шли с веревкой, привязанной к подводе, — но ездовой недоглядел, веревка оторвалась, и они блуждают одни. С этой группой я и шел всю ночь.

Вся работа в период марша была нацелена на обеспечение нормального перехода: политработники, парторги — все находились постоянно среди личного состава частей, помогая в организации марша, питания, отдыха, чтобы не допустить отставаний и потерь среди личного состава. К концу марша дивизия вышла в район озера Щучье и расположилась в хороших теплых землянках, ранее занимаемых нашими войсками. Мы находились в резерве фронта, боевых задач не имели: отдыхали, приводили в порядок вооружение, технику, личный состав. Весна была в разгаре, личный состав менял зимнюю одежду на летнюю: сдавали валенки, шапки, рукавицы, ватники и получали сапоги, пилотки. После длительного пребывания без нормального сна и отдыха бойцы отдыхали, отогревались в теплых землянках.

Как-то днем я диктовал очередное политдонесе-ние, когда получил директиву, адресованную «начальнику политотдела дивизии майору Белову». Я понял, что мое пребывание в дивизии заканчивается. Было обидно за то, что приходится покидать сработавшийся политаппарат и убывать в резерв. Скоро мне на смену прибыл Белов — тот, у которого я принимал дивизию в самом начале ноября 1942 года. Я сказал ему: «Ну, что же, товарищ Белов, принимайте политотдел и дивизию. Теперь в ней иной личный состав: одержавший первые победы и познавший их радость — радость наступления на врага и первых, хотя и небольших побед. Когда вы мне сдавали дивизию, в ней было до 400 ЧП, а теперь за месяц их набирается менее десяти, да и характер их уже не тот: нет измены Родине, трусости. Работайте на здоровье. Может, и придется когда-нибудь встретиться». Встретились мы в Одессе в 1950 году: тогда Белов рассказал, что в боях на Украине получил очень тяжелое ранение. Дивизия же за успешные боевые действия получила наименование «Миргородской».

Я сдал Белову дела политотдела, рассчитался с хозяйственниками по сдаче зимнего снаряжения, и на лошадке меня подвезли в тылы дивизии, где находился наш клуб. Здесь я встретил нашего инструктора по работе среди немцев, он окончательно спился и по моему требованию его уже направили в распоряжение армии. Долог и тяжел был путь в резерв фронта, он занял несколько дней: на машинах, поездом, пешком. Снег был глубокий, рыхлый, пропитанный талой водой, и последний участок пути вымотал нас с сопровождающим крепко: шагнешь одной ногой и тонешь в снегу по колено, шагнешь другой — опять тонешь. Так в первой половине апреля я опять попал во фронтовой резерв. Что ожидало меня в будущем, я не гадал. Рассчитывал на небольшой отдых, но как стало ясно потом — он не получался.

Второй раз во фронтовом резерве

Несколько первых дней в резерве я вместе с другими.занимался изучением Боевого устава пехоты. Занятия на местности проводил строевой командир, и эти занятия пополнили мои знания о тактике боя. Я жил в одном доме с тремя другими майорами — заместителями командиров полков. Одного довольно пожилого майора из нашей компании отпустили в отпуск в Ивановскую область. Мы собрали ему лучшие консервы, печенье из дополнительного пайка, сахар, концентрат: он набил продуктами полный вещевой мешок и уехал. Из Ивановской области на Калининский фронт ходило много машин, и доехать до Иванова особого труда не составляло. Я завидовал майору и думал: вот если бы моя семья была в Фурманове, то я мог бы съездить в отпуск.

Через несколько дней меня включили в группу политработников, направленную в части передней линии наступающих для проведения митингов и бесед о ненависти к немецким оккупантам. Материалов о злодеяниях немцев было много, да мы и сами, пока добрались до частей, видели опустошенные немцами русские деревни, села и города. Шел я с майором, инструктором Политуправления фронта по связи с партизанским движением. За Белым мы свернули на восток и пошли по тем местам, где зимой вели бой сибиряки-добровольцы и танкисты Соломатина. Деревни были сожжены, остались лишь печи с трубами. В одной из них не осталось ничего, кроме разрушенных печей, колодца с журавлем и скворечника на дереве... Фашисты уничтожили здесь все живое, на пепелище в свою деревню не пришел ни один житель. Лишь к вечеру мы пришли в деревню с несколькими сохранившимися домиками и остановились на ночлег в доме, где жила женщина с мальчиком лет 8–10. Мальчик был очень развитым, любопытным и смелым. Он предложил мне сыграть с ним в шашки, но предупредил: «Я играю здорово, и если обыграю вас, вы не будете меня пороть ремнем?» Отвечаю ему: «Кто же за проигрыш порет победителя?» — «Как кто? Немец! Жил у нас зимой немец-портной — он обмундирование зашивал солдатам. Играли мы с ним в шашки, и я устроил ему двенадцать какальников, так он большим широким ремнем больно выпорол меня! С ним я больше не играл». Мальчик действительно играл хорошо и обыграл нас обоих, получив от нас за победу сахар и хлеб. Рано утром мы ушли из этого гостеприимного дома; шли мы по территории, с которой совсем недавно был изгнан враг. Районный центр Батурин

перестал существовать: сплошные развалины. Наш путь лежал в отдельную стрелковую бригаду, где мы распределились по ротам. Линия фронта проходила восточнее Духовщины, и между немецкими и нашими передовыми частями имелась большая нейтральная полоса. В дни весенней распутицы каждая сторона стремилась занять позиции по высоткам и более сухим местам. Можно было легко пройти на территорию немцев — сплошной линии обороны не существовало, но у меня была карта (она сохранилась у меня до сих пор), и с ней я хорошо ориентировался на местности. Немцы пока вылазок не делали, да и наши на этом участке разведкой пока не занимались. После Сталинградской битвы немецкая авиация попритихла на нашем Калининском фронте, а одиночного самолета-разведчика мы не боялись с первых дней войны.

Я проходил по линии обороны, беседовал с бойцами, готовил выступающих к митингу. Сам я старался рассказать о зверствах немецких оккупантов попроще и более доходчиво, приводил простые и убедительные примеры из окружающего: были деревни — и их нет. Я предлагал вспомнить, как люди жили до войны, о работе, отдыхе, праздниках, о любви и радости... В беседу втягивались почти все бойцы, и такой митинг продолжался довольно долго. Наиболее наглядными были выступления тех, кто остался без семьи, знал о судьбах родственников или виделся с ними на освобожденной территории. Бойцы были очень зло настроены: в каждом накопились ненависть и жажда возмездия немецким оккупантам за сожженные города и села, за погибших родственников, товарищей; у каждого бойца было свое горе, своя печаль. Дней пять мы проводили митинги в разных подразделениях (от рот до взводов), а затем отправились обратно. Теперь мы шли другой дорогой, и в одной стоявшей на берегу озера деревне встретили тылы 93-й СД. Здесь я нашел инструктора по партучету Миуса и остался у него ночевать. Миус рассказал мне печальную историю: в санчасти штаба дивизии была медицинская сестра, высокого роста, некрасивая, но душевный человек. Она не была еще замужем и в дивизии полюбила командира саперного батальона, погибшего потом при взрыве в Белом. Узнав о гибели любимого человека, она заявила своим подругам, что скоро и ее жизнь кончится. Она ждала этого дня, но работала старательно, с полной отдачей сил. И вот ее не стало: шла вечером через озеро и попала в большую прорубь, спасти ее не успели. Вот второй случай фатальной веры в свою неотвратимую смерть!

Приближались майские праздники. Мы верили — впереди будут такие битвы, которые приблизят час победы. Было радостно

на душе. Дни стояли весенние, теплые, солнечные; ходили в одних гимнастерках. С зимы 1942 года в армии была введена старинная гимнастерка для личного состава: со стоячим воротником и двумя внутренними прорезными карманами для начальствующего состава и без карманов на груди для рядового и сержантского состава. Нам в резерв прислали несколько пар сапог. Я получил красноватые яловые сапоги и стал ходить в красных сапогах, как «князь киевский»!

Резерв располагался близко отТоропца, и я отправился туда на полевую почту, чтобы послать деньги жене в Вольск. Я получал оклад начальника политотдела, у меня скопились лишние деньги, их я и послал. Но меня взяло сомнение: получит ли Клавдя эти деньги? Больно уж нахально вела себя девица, принимавшая мой перевод. Так оно и было: и этих денег жена тоже не получила. Почтарь видела, что деньги посылает проходящий, чужой человек — и наверняка воспользовалась этим случаем...

Не успели пройти праздники, как нас, небольшую группу, направили в политотдел 3-й Ударной армии для участия в работе по изучению политико-морального состояния частей, занимавших оборону перед Невелем. С капитаном-танкистом шагали мы по израненной сначала Смоленской, а теперь Калининской и Псковской земле. Старинные русские земли, сколько врагов побывало здесь: татары, поляки, французы, белогвардейцы всех национальностей и вот немецкие фашисты. Вся земля, все ее поля на каждом метре хранили в себе куски смертоносного металла. Сколько врагов топтали эти земли, жгли, грабили, убивали, угоняли в рабство — все вынес русский народ.

Мы шли очень осторожно, подальше от дорог — там могли быть еще минные поля. Очень опасны были немецкие противопехотные мины в виде глубокого стакана, заполненного металлическими шариками. Стакан зарывали в землю, а на поверхности мины находились тонкие гибкие стальные проволочки — усики, как их называли. Стоило лишь чуть коснуться этих усиков, как срабатывал взрыватель; м.ина вспрыгивала из земли и взрывалась над ней в сантиметрах 30–40, перебивая и раня голени ног идущего человека. Заметить усики мин было очень трудно, особенно среди травы. Вот мы и шли осторожно в стороне от пустынных дорог, ориентируясь по моей карте, напрямик. Видели убитых бойцов, подорвавшихся на минах, встречались огромные штабеля немецких противотанковых мин. Эти мины похожи на глубокую сковороду с выпуклым клапаном нажимного действия в середине. Мины были обезврежены нашим саперами и уложены в штабеля, как дрова.

Дойдя до нужной нам деревни, мы нашли политработников

3-й Ударной армии и заночевали. Рано утром, поступив в распоряжение майора, инспектора политотдела армии, мы с капитаном направились в дивизию, занимавшую оборону под Невелем. Сначала побывали в г. Великие Луки, сильно разрушенном и подвергающемся частым обстрелам. Немцы вели обстрел строго по времени, и нас предупредили, чтобы мы не ходили в город в указанное для обстрелов время. На продпункте мы получили продукты и даже пообедали. К весне 1943 года система продовольственного снабжения на фронте работала четко: кроме возможности получать продукты по аттестату, в частях и на продскладах выдавались продовольственные талоны для получения продуктов или горячей пищи. Это было очень удобно. При каждом получении продуктов по аттестату его надо было менять — выписывать новый с того числа, по какое получены продукты, а при получении продталонов аттестат действовал с того дня, по какой выданы талоны. У меня всегда получался недобор продуктов: я не съедал суточную норму хлеба и всего довольствия.

Из Великих Лук мы пошли под Невель — узел железных дорог. Немцы его еще держали. Местность здесь безлесая, холмистая, изрытая многими сотнями бомб, снарядов и мин. Было тепло, и мы шли балками, где были расположены землянки с бойцами: кто отдыхает, кто бодрствует и готовит себе еду. Два бойца варили из концентрата пшенную кашу и пригласили нас закусить, но мы отказались: котелок каши — это норма для двух бойцов, а мы были не голодны. Пробираясь на командный пункт стрелкового полка, мы увидели большую воронку, засыпанную землей, и дощечку на колышке с надписью «Братская могила», а в одном месте были видны ноги похороненного бойца в сапогах. При встрече с командиром полка я сказал: «Не желал бы таких похорон в случае нашей смерти. Надо привести могилу в порядок, сделать, как полагается, насыпь и указать фамилии с инициалами похороненных». Он согласился со мной: «Могилу приведем в порядок, но вот фамилии указать не сможем — не знаем, кто зарыт здесь. Это госпиталь оставил после себя такие могилы, а теперь перешел на новое место».

Наш старший по группе инспектор остался в политотделе дивизии, а нас с капитаном проводили в роту, занимавшую первые траншеи в линии обороны. Туда нас через систему ходов сообщения провел связной батальона. Оборона была достаточно глубокой, во всех траншеях имелись площадки для пулеметов, противотанковые орудия, подготовленные отсечные позиции для уничтожения танков, хорошо оборудованные наблюдательные пункты артиллеристов. В течение четырех дней и трех ночей нам

требовалось хорошо выяснить политико-моральное состояние бойцов, настроения, жалобы, претензии, пожелания. Я был в левофланговой роте, и соседнюю дивизию отделяло от нас проходимое болото, хорошо пристрелянное с обеих сторон. Бойцы располагались в добротных землянках и хорошо оборудованных окопах. Теперь наши командиры хорошо изучили систему построения обороны немецкими войсками: на высотах выставлялись только наблюдатели, а основные укрепленные позиции располагались на внутреннем скате высот. Просматривая в бинокль холм, занятый немцами, я не обнаружил на скате, обращенном в нашу сторону, никаких огневых точек, не было здесь и снайперов. Выстрелы наших артиллеристов по этому холму не обнажили никаких немецких сооружений: все было на обратной стороне холма и не просматривалось. Против правого фланга роты проходила линия железной дороги с Невеля в Новосокольники. Там стояло несколько разбитых товарных вагонов. Этот участок был нейтральным, и ночами наши разведчики пробирались туда с целью изучения подступов к обороне немцев.

За четыре дня и три ночи я хорошо изучил всю обстановку. Много беседовал с бойцами, рассказывал им о наших задачах, поставленных в первомайском приказе Сталина, о внешнеполитической обстановке и сам расспрашивал их о том, что интересовало нас. Ночами я почти не спал, как и все бойцы. Ротный командир постоянно проводил ночную разведку, да и бдительность надо было сохранять на должном уровне. Немцы изредка пускали осветительные ракеты, но обстрелов не вели. Но один раз я увидел, как немцы вели обстрел минами через позиции полка, причем каким-то странным манером: летит мина, а потом хлопок в воздухе — и она летит дальше. Бойцы определяли это как стрельбу минами с дополнительным зарядом. За всю войну я не встречал подобной стрельбы!

Опасаясь за состояние стыка с соседней дивизией, одну ночь я провел в окопах среди бойцов-пулеметчиков, прикрывающих стык. Четыре бойца имели два ручных пулемета, подготовленные диски с патронами и большой запас патронов. Бойцы были опытными, смелыми — «бывалые бойцы», как говорили и позднее про наших бойцов, когда их стали называть по-старинному, «солдатами». В роте все были обмундированы исправно, больных нет, есть награжденные, есть коммунисты и комсомольцы, политико-воспитательная работа ведется постоянно, претензий и жалоб не было. У всех было одно желание — поскорее наступать, бить и гнать немцев!

За эти дни я сдружился и с бойцами и с командирами, и

впечатление о роте у меня осталось самое хорошее. Когда наступил день нашего ухода из роты, разведка донесла, что немцы оставляют Невель. Наши бойцы пошли в наступление и заняли город, а мы возвратились в деревню, где находился наш старший группы, и подробно доложили ему результаты нашего пребывания в полку — чтобы он мог составить докладную записку начальнику политотдела армии, ни разу не побывав в частях. Когда мы освободились, наконец, от своего старшего, капитан на прощание сказал, что с ним больше в такие командировки не пойдет. Я поддержал его, и наш старший обиделся на нас.

Из района политотдела 3-й Ударной армии мы шли в свой резерв по местам сильных танковых боев. Повсюду стояли наши Т-34, их было несколько сот. Специальная комиссия из Москвы во главе с воентехником 1-го ранга (старший лейтенант), лауреатом Сталинской премии, осматривала подбитые танки и определяла степень требуемого ремонта. Танки, требующие ремонта в полевых условиях, метили мелом. Подбитые танки выглядели по-разному, но у всех повреждения были от снарядов-болванок. Это неразрывающийся снаряд, монолитный, стальной. Имея большую начальную скорость, такая болванка, попадая в башню танка, сбивала ее с танка, отрывая головы танкистам. Если попадала в броню — проламывала дыру, разбивала ходовую часть, но танки от попаданий болванок не горели. Вспомнилась картина наших танков, подбитых в 1941 — весной 1942 года. Те танки были легкие, бензиновый двигатель загорался легко, пробоины у всех были маленькие, от противотанковых ружей и даже крупнокалиберного пулемета.

Т-34 имел броню, которую не пробивала и малокалиберная пушка, как нам рассказал один из членов комиссии, проживавший в доме вместе с председателем комиссии, который был очень большим специалистом по танкам. Ходил воентехник с палочкой в руках, с ним два старших инженера. Он быстро осматривал танк, состояние мотора и определял степень годности к ремонту. Комиссия работала несколько дней, но накануне нашего прихода в эту деревню председатель комиссии трагически погиб. В деревне, где проживала комиссия, было несколько заминированных немцами домов, саперы не успели их разминировать, но предупредили жителей, чтобы никто близко к этим домам не подходил. Воентехник-лауреат, имея умную голову, почему-то пренебрег этим запрещением и вошел в дом на окраине деревни. Едва он шагнул на крыльцо, как сильный взрыв разнес дом на мелкие щепочки: не осталось ни одного целого бревнышка, ни кирпичика, такой сильный заряд оставили немцы.

На этом комиссия прекратила свою работу.

На второй день где попутными машинами, а где на поезде мы добрались до района Торопца в свой резерв. Май заканчивался, наступили теплые дни июньского лета. Через два дня после возвращения из-под Невеля меня вызвали в отдел кадров ПУ Калининского фронта. Мое пребывание в резерве закончилось: уже в третий раз мне предложили должность начальника политотдела соединения, не называя рода войск. Начальнику отдела кадров я сказал, что нет желания идти в пехоту, в стрелковую дивизию, может, есть что в других родах войск? Он предложил мне отдельную минометную бригаду двухполкового состава, с обслуживающими подразделениями, и я согласился.

В 30-й отдельной минометной бригаде

Мне назначили время для встречи и беседы с членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом Леоновым и командующим фронтом генералом Коневым, и в машине начальника отдела кадров мы приехали на командный пункт. Конев был в отъезде, и беседу со мной вел генерал Леонов. Беседа была короткой, Леонов поинтересовался, как давно я на фронте, имею ли ранения. Я рассказал о своем опыте, и генерал спросил, награжден ли я. Я ответил, что был представлен к ордену Красной Звезды, и Леонов сказал, чтобы я сходил в наградной отдел и уточнил, есть ли на меня наградной лист, если нет, то доложить ему, и он прикажет наградить меня этим орденом. Позже я зашел в наградной отдел, но там на меня ничего не было. Конечно, к Леонову я докладывать не пошел: не любил выпрашивать награды. О будущей моей работе генерал сказал, что мне надо изучить боевую технику — миномет. Я ответил, что сделаю это немедленно. «А как работать, с чего начинать, вы теперь знаете, — произнес Леонов, — опыт работы есть». Я заверил Военный совет, что с работой справлюсь. Леонов обратил внимание на мое обмундирование: я был в пилотке и хлопчатобумажных летних брюках, и он сказал, что теперь мне постоянно надо иметь настоящий офицерский вид.

Предписание о назначении меня на должность начальника политотдела 30-й отдельной минометной бригады мне вручили за подписью начальника Политуправления фронта генерал-майора Дребеднева (до войны он был начпуокром Приволжского военного округа).

Деревня, где располагался штаб бригады, была километрах в 15 от Политуправления фронта. Я нашел командира бригады в звании полковника, и доложил ему, что назначен в бригаду начальником политотдела. Сразу после этого я приступил к работе. Надо было ознакомиться с командирами частей и их замполитами, полностью укомплектовать партийно-политический состав бригады, политотдел, наладить постоянную политико-воспитательную работу, организовать изучение личного состава, прием в партию. В политотделе я пока был один, никаких документов в его адрес не было. Не было даже листа бумаги, чтобы написать политдонесение. Я начал работу с нуля.

С командованием полков я познакомился в первый же день: один полк был укомплектован 160-мм[38], а другой 120-мм минометами. В полках шла ежедневная учеба личного состава: отрабатывались приемы подготовки к бою, ведения огня, расчеты

овладевали искусством взаимозаменяемости номеров. Замполитами в полках были майоры Емельянов и Злоказов, а очень скоро был укомплектован и штат политотдела: моим помощником по комсомолу стал старший лейтенант Дронов, старшим инструктором по оргпартработе — капитан Наконечный, агитатором — капитан Ямпольский, секретарем парткомиссии — майор Клюй, белорус, бывший секретарь райкома партии. Мы с ним жили вместе в одном доме, а остальные — в другом. Нашли и фотографа для снимков на партдокументы. По штату секретарь политотдела был из вольнонаемных, и один старшина рекомендовал мне девушку. Я осторожно отнесся к этой рекомендации, а скоро девушка показала полную непригодность для ведения дел в политотделе, и старшина забрал свою подругу.

Уже с весны в нашей армии стало чаще употребляться слово «офицер» в приложении к командному составу всех степеней и профилей. Это название заменило прежнее деление на командный, политический, медицинский, интендантский и инженерно-технический состав. Среди старшего офицерского состава в бригаде было очень мало награжденных: только командир бригады, несколько бойцов, которые имели медали, и награжденный орденом Отечественной войны командир дивизиона майор Беда, боевой и смелый командир. Знакомство с ним произошло в оригинальной обстановке: я ехал поздно вечером из Политуправления фронта в расположение бригады на полуторке по извилистой лесной дороге, и сноп света вырвал из темноты майора и девицу в военной форме, сидящих под сосенкой. Шофер говорит мне: «Товарищ майор — Беда». Я понял, что случалась какая-то беда, но ничего не вижу и говорю: «Где беда, в чем беда?» — «Да вон, под сосенкой». — «Какая же это беда — сидят двое влюбленных». А шофер: «Так это майор Беда!» Мне рассказали, что, находясь в обороне в лесу, где не было сплошной линии обороны, майор Беда с разведчиком забрался на густую ель, чтобы рассмотреть, как расположены немцы и что там делается. Только они успели забраться, как в лесу появилась группа немецких солдат — пришли ягоды собирать. Пришлось Беде просидеть на елке до полной темноты.

Войдя в курс работы, я решил изучить технику, как советовал Леонов. В полку замполит Емельянов рекомендовал мне лучший минометный расчет, и с ним я стал изучать миномет. Миномет прост по устройству: опорная плита литая, монолитная, двуногалафет и ствол, прицел самый простой, не оптический — цель-то не видна; по нему придается нужный угол возвышения ствола для стрельбы. Стрельбу из минометов я видел уже несколько раз в 24-й кавалерийской и 93-й стрелковой дивизиях, и новую технику

изучил быстро.

Надо было обзаводиться самыми необходимыми учетными документами, папками, маленьким сейфом или железным ящиком, писчей бумагой. Все это приходилось доставать различными путями, из Политуправления фронта выделить ничего не могли. Дронов предложил отпустить его в Москву на несколько дней: он до войны был секретарем одного из райкомов комсомола в Москве и обещал, что привезет для политотдела бумагу и канцелярские принадлежности. Подписав командировку и взяв литер на проезд, он уехал и вернулся в срок, привезя все, что обещал. Теперь можно было завести настоящую маленькую канцелярию: учитывать входящие документы и регистрировать отправляемую почту, вести протоколы по приему в партию, писать политдонесения. Разрешилась проблема и с секретарем политотдела. Агитатор политотдела Ямпольский попросился съездить в Калинин и привезти секретаршу, а заодно перешить мне пехотную фуражку и погоны на артиллерийские. Он съездил очень удачно: привез молодую, грамотную и опытную секретаря-машинистку, имевшую опыт ведения секретного делопроизводства. Ее жених погиб в бою, и она очень переживала, печаль не покидала ее. В работу она включилась быстро. За две банки консервов Ямпольский обеспечил мне перешив фуражки и погон на артиллерийскую форму.

Немного раньше этих событий я решил съездить в район, где оставил закопанными политотдельские дела. На полуторке с запасом горючего с капитаном-сапером мы выехали в 150-километровый путь по разбитым второстепенным фронтовым дорогам. На вторые сутки мы прибыли в деревню Акулино, ближайшую к месту закопанных документов. В лесу мы ехали тихо, и догнали группу женщин, которые встали на обочине, пропуская машину. Среди них я узнал хозяйку дома из Сосновки, где жил летом 1942 г. до окружения. Она ахнула и присела: «Товарищ начальник, а сказали, что вы попали тогда в плен и вас убили немцы! А вы живы!» Она сказала, что ее сестру угнали немцы в Германию, дом их сожгли, теперь она живет в другой деревне, и они идут на работу на дорогу. Попрощавшись, мы разошлись, — но сколько радости было в таких вот неожиданных встречах!

В Акулине никого из военных уже не было — тихая тыловая деревня, все дома целы, люди жили заботами колхозных работ. Утром мы с капитаном отправились в лес, и я сразу нашел место, где были закопаны документы. Вытащили из мокрой земли сейф — в нем все было цело, а вот то, что было закрыто в кустах ветками: патефон, пишущая машинка — не сохранилось (хозяйка

дома, где мы остановились, сказала нам, что пишущую машинку подобрали колхозники, а у них этой весной ее забрали наши военные). Перед деревней на лугу, ближе к речке, была одинокая могилка. На наш вопрос о ней хозяйка рассказала, что немцы расстреляли нашего бойца: он был у них на кухне и украл буханку хлеба. С этой буханкой два немца отвели пленного красноармейца на луг, заставили выкопать для себя могилу и расстреляли. Я подумал, что могила навсегда осталась безымянной, а боец теперь числится как без вести пропавший... Наш шофер, слушая рассказ хозяйки, сказал: «Я перед смертью хоть одного да ударил бы лопатой по голове, прежде чем так глупо кончить свою жизнь!»

Просушив свои бумаги, мы на другой день уехали в бригаду и на обратном пути остановилась у немецких блиндажей, устроенных на бугре. Тут стояли два наших легких танка, подбитых немцами; танки миновали подъем на холм, а на обратном скате их подбили. В одном блиндаже мы обнаружили хороший металлический ящик с застежками, он пригодился бы для хранения документов политотдела. Мы вытащили его из блиндажа, залитого водой, и в нем оказалось полно немецких гранат. Несколько гранат мы взяли с собой, и когда подъехали к речке, то решили проверить их действие: я взял одну, привел в боевое положение и бросил в реку — никакого взрыва, бросил капитан — то же самое. Бросили еще по одной — и ничего. Я рассердился и бросил одну на землю — и тут взрыв. Тогда мы поняли, что в воде взрывное устройство не действует: ниточка, что загоралась в гранате, от воды затухала, а на земле догорала и давала импульс взрывателю. Эти гранаты не имели металлического кожуха, а были заключены в тонкую жесть и при разрыве наносили ранения, только попадая в человека. Такую гранату бойцы называли «хлопушкой». Другой вид немецких гранат — это длинная палка с металлическим корпусом со взрывчаткой. Такую гранату на палке можно было бросать далеко, она имела фугасное действие. В первые дни войны у каждого немца была у ремня пара таких гранат.

Бывая в Политуправлении очень часто, я узнал, что начальником отдела учета и выдачи партдокументов является майор Дмитренко. Это был секретарь политотдела 24-й КД, с которым мы работали до февраля 1942 года, когда его забрали от меня в политотдел корпуса. От сержанта до майора, от секретаря политотдела дивизии до начальника отдела Политуправления фронта, он вырос быстро — за два года. Я приехал к Дмитренко, он очень смутился, увидев своего бывшего начальника, — и по-прежнему называл меня начальником. Дмитренко наделил меня

бумагой и копиркой, а немного погодя мы оформляли через него выдачу партдокументов принятым в бригаде в партию.

Материально политотдел был теперь укомплектован, и мы развернули систему политической учебы со всеми категориями личного состава: от политзанятий с бойцами до занятий с офицерским составом, наладили прием в партию. Партдокументы выписывались через Политуправление фронта, их подписывал замначальника полковник Гуревич — тот самый Гуревич, что при Мехлисе возглавлял отдел агитации и пропаганды РККА. Перед отъездом на Дальний Восток в составе группы политработников я был у него на инструктаже. Став начальником ГлавПУРа, А.С.Щербаков здорово почистил его аппарат — почти всех начальников высших инстанций он направил на фронт. Так Гуревич оказался на Калининском фронте в должности значительно меньшей, чем занимал при Мехлисе. В Политуправление фронта я обращался часто по различным вопросам: обеспечение газетами, кинофильмами, артистами, ансамблем, и Гуревич всегда шел мне навстречу.

Бригада формировалась уже по измененной структуре партийных и комсомольских организаций, определенной Постановлением ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года. Институт заместителей командиров рот и им равных упразднялся. В полках из политсостава остались заместитель командира полка и замы в дивизионах. Эта мера привела к высвобождению большого количества политсостава младшего звена, и их всех направляли на курсы командного состава. Фронт получал хорошее пополнение офицеров для всех родов войск.

В повседневной напряженной работе быстро прошел июнь. В середине июля я поздно вечером возвратился из Политуправления фронта, майор Клюй встретил меня около дома и сказал, что меня ожидает хороший гость, очень близкий мне человек. Я не мог представить себе, кто мог быть этим гостем, захожу в дом и вижу: на моей кровати крепким сном спит мой брат Коля, которого я не видел несколько лет. Он не проснулся, даже когда я лег рядом с ним. Только утром он увидел меня, обнял и крепко поцеловал. Он имел звание капитана и был инструктором политотдела в 3-й Ударной армии; начальник политотдела армии предоставил ему отпуск для встречи со мной. Через Политуправление фронта он узнал, где я нахожусь. Ему даже дали самолет, и он летал над сосновым лесом, разыскивая нашу бригаду, но не нашел — опыт маскировки у нас был уже подходящий. Потом он два дня ходил по лесам в районе Торопца и вот, наконец, нашел меня. Мои сослуживцы спрашивали меня, на сколько лет брат моложе меня, я отвечал, что он старше меня

на семь лет, а они не верили... Побыл Коля у меня целый день, отдохнул, мы поговорили о том, как прожили прошедшие два года войны, а на следующий день я отвез его на тарантасе в Торопец на вокзал. На память о нашей встрече мы с Колей сфотографировались, и карточку я послал домой.

Собрав политработников частей, я поговорил с ними о развитии самодеятельности. Дело наладилось, и через несколько дней устроили смотр красноармейской самодеятельности, — получилось довольно хорошо. Для культурного отдыха бойцов днем показывали кино с закрытым от света экраном, прокручивая под-рядне менее трех картин. Через Политуправление фронта я добился направления в бригаду труппы артистов Малого академического театра — они показали нам «Без вины виноватые» Островского. В главных ролях выступали народные артисты СССР. Выступал для личного состава и фронтовой ансамбль песни и пляски. Коллектив был небольшим, и среди музыкантов большинство были молодыми упитанными евреями. Играли они хорошо, и свою группу ансамбль называл ***«Лонодефа»*** — «Лопни, но держи фасон». Но после их выступлений мне удалось пригласить ансамбль пограничников, и программа фронтового ансамбля на этом фоне оказалась бледной. Пограничников слушали и смотрели с большим интересом!

Прошла уже половина июля, а в бригаде все еще не было заместителя командира бригады по политчасти — должность была вакантной. Я поехал в Политуправление и случайно захватил с собой майора Злоказова, замполита полка. Закончив с делами, я зашел в отдел кадров и спросил начальника, когда в бригаде будет замполит. Он ответил мне, что вызвали одного майора, но он что-то не появляется. «Как фамилия?» — «Злоказов». — «Я вам его сейчас представлю, он со мной в машине». Злоказову вручили предписание о назначении замполитом в бригаду, но на этой должности он проработал мало. Должность замполита в соединениях была упразднена, теперь она совмещалась с должностью начальника политоргана. Так в каждом соединении высвобождался еще один старший офицер-политработник. У кадровиков началась горячая пора — освобождения, подбор и назначения на должности в каждом соединении. Кадровики решали, кого лучше и выгоднее отправить на учебу, а кого оставить на должности, и вот нас с замполитом вызвали в отдел кадров для беседы. Ознакомившись с нашими личными делами, начальник отдела кадров сказал, что Злоказов, как молодой для этой должности политработник, освобождается от нее и переводится в резерв командного состава для направления на учебу, — а мне объявил, что я остаюсь в

бригаде на должности замполита и начальника политотдела. Злоказов и я были довольны таким решением, и мы вернулись в бригаду. Злоказов ничего не делал, ожидая вызова на учебу, а я продолжал усиленно работать.

Прошло несколько дней, и нас вызвали в отдел кадров. То, что нам объявили, сильно опечалило и меня, и Злоказова. Телеграммой сверху предписывалось меня направить в резерв на учебу, а Злоказову принять должность начальника политотдела. Злоказов схватился за голову, а я вышел из дома, сев на камень у крыльца. Это был очень крутой поворот в моей жизни. Начальник отдела кадров и сам не ожидал такого решения. Злоказов попросил его дать мне задержаться на несколько дней, чтобы обучить его организации новой работы, и эту просьбу его удовлетворили. В течение нескольких дней я передавал Злоказову дела и подробно рассказывал все, что касалось работы политотдела. Жалко было покидать бригаду: столько сил и энергии вложил в ее формирование!

Я поступал в распоряжение командующего артиллерией Красной Армии и за предписанием явился к начальнику Политуправления фронта генералу Дребедневу. Он принял меня без всякой задержки, спросил, доволен ли я таким оборотом дела. Я ответил, что на политработе уже 9 лет, приобрел опыт, а на командной линии мне надо начинать все заново, с нуля, — я ведь не был даже младшим командиром в артиллерии. Он выслушал меня и сказал, что и вернуться на политработу мне уже невозможно. Генерал спросил, как настроение бойцов, и в ходе своего рассказа я привел примеры поощрения — лучших бойцов я отпускал в отпуск. «Вот, — говорит генерал, — ввели секретный шифр для подписей, выбывающих за пределы фронта. Посмотрю, кто я сегодня по фамилии». Он достал из сейфа свой шифр подписей, заглянул в нужное число и подписал мне предписание не своей фамилией. С этим предписанием я вернулся в бригаду, распрощался с товарищами, собрал вещи в свой ранец и солдатский мешок. Утром следующего дня я уехал в Торопец на том же тарантасе, что отвозил моего брата. Было теплое солнечное утро, лето в разгаре, тишина. Если бы не разоренные деревни и большое число военных всюду, можно было представить, что никакой войны нет.

Поезд на Москву отправлялся днем, отъезжающих было мало. Место у меня было плацкартное. В таких условиях я не ездил с 1941 года, но ехал в раздумьях о том, что ожидает меня в будущем.

Овладевая профессией артиллериста

На третьем году войны Москва стала многолюдней, чем в позднюю осень 1941 года. Прибыв в город, я нашел отдел кадров командующего артиллерией Красной Армии — он размещался около Кремля в здании ВЦСПС'. На двери одного кабинета отдела кадров артиллерии была надпись «Полковник Малинин». Это был наш, петрозаводский Малинин Сергей из 18-го артполка. Я зашел к нему в кабинет, и он сразу узнал меня. Расспросив, какими судьбами я оказался здесь, он сказал, что тех, кто не имеет артиллерийского опыта, направят на курсы по подготовке командиров дивизионов. Он предложил мне должность начальника политотдела артбригады и брался все уладить. Это была возможность вернуться на политработу, но я отказался, сказав, что поеду учиться на командира дивизиона. На этом мы с Малининым расстались — я получил предписание явиться в Кострому, в 3-е Ленинградское артиллерийское училище. Срок явки был дан с запасом, и я мог на несколько дней заехать в Фурманов к родителям жены. Это все было в первых числах июля, а занятия в Костроме должны начаться 15 июля.

Не задерживаясь в Москве, я выехал в Кострому через Иваново и днем приехал в Фурманов. В этот поезд садилось много девушек, уезжающих на фронт. До отхода поезда они пели, плясали, а когда поезд тронулся, они из окон со слезами на глазах кричали: «Мама!» Девушки понимали, что идет война, и догадывались, что не все могут вернуться живыми и здоровыми после тяжелых боев и походов.

Выйдя в Фурманове, я огляделся вокруг, надел свой рюкзачок на спину, взял «сидор» в руки и пошел дорогами, хорошо знакомыми с детства. Моя теща Анфисия Ивановна умерла, а тестя, Павла Егоровича, дома не было, он работал в дневную смену и пришел к вечеру. В его доме я провел несколько дней. На фронте в эти дни уже гремела знаменитая битва на Курской дуге. Вечерами я ходил на городской бульвар, садился на скамеечку напротив аптеки и слушал последние известия — там в одной квартире у окна был громкий репродуктор. В один из дней я пошел в Яковлевское, где жили сестра и жена моего брата Коли с двумя детьми (они переехали туда, спасаясь от возможной бомбежки Иванова). Поезда ходили нерегулярно, и я пошел пешком, напрямик, как ходил до войны. В лесу на полпути сел отдохнуть. Сижу, подходят три женщины и удивляются — у меня были золотые погоны. «Ох какая армия у нас стала», — сказала одна из них. Другая, такая бойкая, спросила: «А моего не видел?»

— «Видел, жив и здоров». Мы все рассмеялись на эту взаимную шутку: как, не спросив фамилию, можно спрашивать и отвечать о человеке? Женщины расспрашивали меня о делах на фронте, очень интересовались: выстоят ли наши войска в этом году? Я твердо сказал им, что после Сталинграда мы выстоим и победим. У сестры я пробыл недолго: оставил на хранение отрез английского габардина, что хранил для Клавди (я получил его еще в 24-й КД), свой ранец (она перешила его на ноговицы) и новые яловые сапоги, а сам остался в поношенных. Побывав дома, среди родных и близких, я получил хороший моральный заряд для учебы. Теперь я был бодр и уверен в своих силах.

Приехав в Кострому, недалеко от вокзала я нашел 3-е Ленинградское артиллерийское училище. При нем были курсы подготовки командиров батарей и дивизионов — АКУКС;[39] начальником курсов был подполковник Патрикевич. С каждым из нас беседовал начальник курсов, который комплектовал группы соответственно образованию. Из почти 200 слушателей скомплектовали два потока обучения: один на 6 месяцев подготовки, а другой на год. Имея незаконченное высшее образование, я попал сначала в группу с 6-месячным сроком обучения, но скоро был переведен в группу годичной подготовки.

Училище возглавлял генерал-майор Василий Прохорович Стеснягин, начальником учебного отдела был майор Николай Иванович Сучков, а в политотделе училища оказался мой старый знакомый майор Володя Лебедев, с которым мы дружили с 1937 года. Он был здесь старшим инструктором по пропаганде и агитации. По его рекомендации я стал парторгом курсов командиров дивизионов. Учеба у нас началась с середины июля. Занимались помногу: с утра до обеда, потом после отдыха самостоятельная работа — выполнение заданий до ужина, а после было немного свободного времени. Я очень крепко, на всю жизнь подружился с Федором Салминым: до войны он был секретарем городского комитета партии в Краснодаре, а на фронте — начальником политотдела артбригады. О прошлом мы говорили мало; жили настоящим, помогая и выручая друг друга. Учеба меня увлекла, я старательно занимался. Нас обучали специалисты высокой подготовки во главе с автором учебника по артиллерии генералом Блиновым[40]. Всего у нас было 13 предметов, а артиллерийская подготовка включала три предмета: баллистика, теория стрельбы и стрельба, изучались также топография, тактика двух направлений (общая и артиллерийская), уставы, материальная часть, боеприпасы, оптические приборы, автотракторное дело и математика, велась политподготовка. По каждому предмету должен быть экзамен или

строгий зачет с оценками; учеба завершалась боевой артиллерийской стрельбой. По теории стрельбы нас обучал скрупулезно придирчивый старший лейтенант Воробьев, одаренный и отлично подготовленный артиллерист, уже опытный преподаватель. Такими же мастерами своего дела были преподаватели по многим другим предметам. Весь коллектив, не жалея сил, занимался с нами — и своего они добились. Занятия шли напряженным темпом: мы много занимались в поле, изучали артсистемы в артпарке. Мне учеба давалась легко: ей я отдавал все время, в том числе и выходные дни.

Курсы размещались в обыкновенной стандартной казарме, построенной в предвоенные годы. Спали на койках в два яруса, кто помоложе — наверху. Проход между коек был через три койки, и спящий в середине забирался на койку со спинки койки, а поперечный интервал был через два ряда. Внутреннюю службу, дневальство, мы несли своими силами, полы в классах в воскресенья мыли сами. Приходилось нам быть и патрулями в городе. Нашим слушателям также приходилось нести караульную службу, и караульных вооружали польскими карабинами. Кто-то сочинил реплику по этому поводу. На вопрос «Что такое часовой?» отвечали: «Это майор, вооруженный польским карабином». Раз ночью в воскресенье мы проводили облаву: оцепили несколько улиц и проверяли каждую квартиру и комнату. Искали дезертиров, и в одной квартире подняли с постели у девиц двух курсантов и отправили их в казарму: срок их увольнения уже давно истек.

В первые дни пребывания на курсах нам предложили сдать свои удостоверения личности. Я сдал удостоверение со своей последней должности, а предыдущее о службе в 24-й КД и 93-й СД не сдал, и они мне потом очень пригодились при начислении пенсии. Нам выдали временные удостоверения без указания должности, и этим сохранялась тайна о частях, откуда мы прибыли. Состав наших групп носил интернациональный характер: русские, украинцы, евреи, представители кавказских народов. Все они были бывшими политработниками: от чинов крупного масштаба до бывших политруков, выдвинутых на замполитов полков. Среди наших слушателей были офицеры с удивительными фамилиями: Харута, Майборода, Затулывитер, — я знал офицеров не только своей группы, но почти всех. Среди слушателей я встретил прежних знакомых: майора Выборного, с которым мы встретились в первые дни войны на Днепре, и майора Лукьяненко, бывшего инструктора политотдела 24-й КД. От него я узнал, что дивизия была расформирована, а ее командир Гагуа погиб. Третьим старым знакомым был майор

Галустов, приходивший проверять мою работу в 93-й СД.

Здесь, в тылу, мы питались по тыловым нормам, а занятия требовали много энергии. Курсанты училища питались по курсантской норме (их обучали год). Наши слушатели стали поговаривать: «Как бы уехать обратно на фронт от плохого питания?» Но нам повезло. Среди слушателей был майор Шпарбер, хорошо знакомый с Микояном, который в годы войны занимался вопросами продовольственного снабжения и фронта, и тыла. Он вызвался съездить в Москву, чтобы обратиться к Микояну с просьбой перевести наш курс на курсантскую норму довольствия. Поездка его закончилась благополучно: он рассказал Микояну о положении бывалых фронтовиков-политработников, о тех трудностях, которые они претерпевают в учебе. Микоян понял нашу нужду, доложил Сталину, и тот разрешил перевести состав курсов на курсантскую норму питания.

Скоро парторг АКУКСа Галушко отпросился в отпуск в Донбасс, и политотдел поручил мне всю его работу. Он имел маленький кабинетик и охотно предоставлял его мне для вечерней самостоятельной работы. Я брал туда стереотрубу, буссоль, панораму с прицелом, поочередно внимательно изучал их устройство и овладел ими в совершенстве. Однажды на наши занятия по практике прицеливания пришел генерал Блинов. Он проверил, как мы наводим орудие в цель, дал несколько коротких вводных задач по прямой наводке и остался доволен, заявив нам: «По правде говоря, я вначале не верил, что из вас, политиков, получатся командиры-артиллеристы. А теперь — верю, получатся». Потом он часто заходил в наши группы, брал в руки секундомер, давал отправные данные для глазомерной подготовки данных для стрельбы и засекал время. Через 37–40 секунд всегда быстро схватывающий материал майор Гречин и я поднимали руку — данные готовы. Блинов проверял и оставался доволен. Еще в начале учебы бывший начальник политотдела Сумского артучилища, наш слушатель капитан Савельев подарил многим из нас правила стрельбы артиллерии — очень нужное и дефицитное пособие. За наличный расчет он купил нам циркули, угломерные круги с угольником — все это требовалось каждому артиллеристу в подготовке данных для стрельбы.

Блинов был уже в преклонном возрасте — ему было за 70. Ходил он в шинели с полевой кирзовой сумкой, что выдавали в войну офицерам, и так ее нес, что она волочилась по земле, а он не замечал этого. Ему присвоили звание генерал-майора, а он в шутку сказал: «Да я был в этом звании еще до Первой мировой войны!»

Начальник училища генерал Стеснягин, старый служака, хорошо знал традиции офицерских собраний и в училище насаждал эти порядки, — но и перегибал в этом. Им был установлен порядок, что до его прихода в летний театр все должны стоять перед своими местами. Вот и стояли фронтовики в ожидании генерала минут 15 и более, кто пришел пораньше. Раз мы пошли в кино и простояли более 10 минут, а генерал не пришел. Нашим слушателям это не понравилось, было много нареканий, часть из нас перестала ходить в кино в клуб, а другие, купив билеты, стояли у входа и заходили после генерала, как опоздавшие. Было запрещено пускать опоздавших на летнюю площадку клуба, тогда слушатели перестали посещать клубную киноплощадку.

Наше отделение курсов располагалось на втором этаже казармы, а под нами на первом этаже располагалась батарея курсантов Войска польского. По утрам они хором пели молитву, был у них и ксёндз. На занятия они строились у казармы и по-русски слушали объяснение темы, а команда «Шагом марш!» отдавалась по-польски. О таких поляках ходил анекдот: «При формировании польского воинства ксендз говорит солдату: «Целуй крест», — а тот отвечает: «Что вы, я коммунист». А ксендз ему: «Я тоже коммунист, целуй быстрее». Трудно было формировать это войско! Туда брали всех, кто имел в родословной польскую кровь. Однажды я спросил старшего лейтенанта, где он вырос и знает ли польский язык. Он ответил, что вырос под Москвой, польского языка не знает, но его бабушка по отцу была полька. Как-то к «нашим полякам» приехал майор, командующий артиллерией польского корпуса. Он прекрасно говорил по-русски, но носил форму польского офицера. Вечером мы спросили его: «Как вы мыслите устроить послевоенную Польшу?» Он ответил: «Создадим свободную, независимую и нейтральную Польшу». — «От кого независимую и нейтральную?» Он не ответил, попрощался и ушел.

В первой половине сентября я получил от жены открытку, полную печали и отчаяния: она серьезно заболела. Потом я узнал, что она попала в инфекционную больницу, заболев тифом. Настроение было крайне тяжелое; хотелось помочь ей и сыну. Я попросился в отпуск, и мне его дали на 10 суток. Получив паек и литер на поезд, я в тот же день выехал из Костромы в Фурманов. Клавдя была в больнице, и мне надо было подготовить семье запасы на зиму (сыну было уже шесть лет), и этим я занялся, не зная отдыха. На выделенном жене участке земли на общественном огороде кто-то уже растащил всё, но в 15 километрах за городом у нее было несколько соток картошки, и я

копал ее целый день. Два следующих дня, с раннего утра до полной темноты, я пилил на дрова кряжи. Приближался срок отъезда, а Клавдя все еще находилась в больнице, — тогда я пошел к коменданту города и попросил его, если можно, продлить мне отпуск. Он пошел мне навстречу и продлил отпуск дней на пять. Клавдю я забрал из больницы домой досрочно, и с нашей помощью она начала поправляться.

Вечером 25 сентября я был в Москве: в городе ни одного огонька, осенняя темень. Я жду трамвая на Ярославский вокзал, и вдруг небо озарилось разноцветными огнями ракет, тишину прервали залпы орудийного салюта в честь освобождения Смоленска. С Рижского вокзала, куда прибыл поезд, я перебрался на Ярославский и зашел в столовую поесть по талонам. Сижу за столиком, а напротив подполковник-танкист с орденами на груди. Он внимательно посмотрел на меня и спросил: «Вы не узнаете меня?» — «Нет, не узнаю». — «А я вас узнал, вы в Петрозаводске были начальником ДПШ. А я учился у вас, экзамен сдавал по истории партии», — и назвал свою фамилию. Как изменился человек за четыре года! Был молодой лейтенант, а теперь передо мной сидел поседевший подполковник, боевой командир. Он рассказал, что формирует танковую бригаду и скоро уедет в бой, а я рассказал о своей жизни и промолвил, что мне не повезло со службой: и наград нет, и звание небольшое, хотя дело не в награде и звании — главное воевать. Подполковник ответил на это: «У нас, у танкистов, раненых бывает очень мало — больше убитых. Ведь весь огонь на нас — вынес его, значит, жив, не вынесешь — гибнешь».

Приехав в Кострому, я за несколько дней догнал остальных в учебе: мое отставание было незначительное, главным образом в артиллерии. Начальник училища отпускал в отпуск многих слушателей, понимая наше положение, и большинство возвращались с опозданиями. Был издан приказ по этому поводу — и моя фамилия там была. Кстати, как только я уехал, в училище произошла грязная история: у нескольких слушателей пропали часы, и в краже был уличен капитан Константинов. Дорого обошлась капитану его любовь к спиртному и женщинам: Константинова исключили из партии, потом офицерский суд чести вынес решение о его понижении в звании с капитана до лейтенанта. Приговор был быстро утвержден. Пришел приказ — и у виновника сняли по две звездочки с погон и в тот же день отправили на фронт.

В канун октябрьских празднеств объявили об освобождении столицы Украины Киева, а 7 ноября мы слушали приказ Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина. В тот день Сталин

впервые ввел в обращение слово «офицеры», которое скоро крепко прижилось в нашей армии и флоте. Весь командно-начальствующий состав от младшего лейтенанта до полковника включительно теперь охватывало наименование «офицеры».

С отоплением нашей казармы с наступлением больших холодов (а зима в тот год установилась сразу и была холодной) появились трудности — не хватало топлива. Нашему курсу командование училища предложило сходить к лесу километра за два и принести для отопления ставшие ненужными перекрытия и опоры летних сооружений, в которых когда-то размещался личный состав новых формирований для армии. Агитировать нас не требовалось; мы построились и пошли, а на обратном пути вытянулись в длинную цепочку, неся на плечах 3–4-метровые жерди. Наша помощь сказалась на деле: топить стали лучше. Еженедельно и в любую погоду у нас производились полевые занятия (большинство по тактике). В морозные зимние дни, навернув на ноги по газете, мы шагали с утра по заснеженным полям, выбирая места для наблюдательных пунктов или огневых позиций. Были полевые занятия и по топографии; алидадой[41] делали съемку местности по замкнутому направлению. Учились определять расстояние на глаз, выбирали ориентиры. В начале выхода в поле ноги коченели от мороза, но на ходьбе мы согревались; никто не болел.

Охота в период войны была запрещена, ружья сдавались в милицию, и зверье это чувствовало: зайцы появлялись в черте города, а во время выхода в поле мы как-то встретили на дороге огненно-красную лису. Она хорошо выделялась на снегу и подпускала нас близко, а потом отбежит вперед и сядет, как бы дразня нас. Среди нас был заядлый охотник Алексеев, и как же он вздыхал, глядя на лису! Раз мы шли утром в баню, и нам навстречу бежал заяц, так он не утерпел и бросил в него свертком своего белья, выбежав из строя. Все припасенное для бани: нижнее белье, мочалка — полетели по снегу, а заяц-русак метнулся в сторону. Мы все хохочем, а Алексеев собирает свои банные припасы...

В январе наши слушатели из наиболее подготовленных окончили учебу и уехали на фронт, остальные продолжили обучение. А в начале февраля я получил от Клавди тревожное письмо: ее как текстильщицу направляли на работу в Среднюю Азию. Я писал в политотдел, просил, чтобы не посылали мою жену, потом от имени начальника училища послал служебную телеграмму с просьбой оставить жену в Вольске, но ничего не помогло, — Клавдя написала, что ей уже установили срок отъезда. Тогда я снова попросил у командования училища отпуск,

и мне дали его дней на десять. Вечером того же дня я выехал из Костромы. План у меня был довольно напряженный: в Фурманове получить согласие отца Клавди на переезд к нему, потом выправить разрешение на въезд в город, с ним в Иванове получить разрешение на въезд в область, и потом в Вольске поручить разрешение на выезд и приобретение билета. В Фурманов я приехал вечером, и тесть быстро согласился на переезд дочери с сыном к нему. Рано утром я был в горсовете, и у ответственного секретаря по оформлению въездов быстро получил требуемый документ. Вечером я выехал уже в Иваново, где остановился в семье брата на окраине города, и утром к 9 часам пришел в приемную председателя облисполкома. Ровно в девять председатель начал прием посетителей. Я попал первым, доложил свою просьбу, он ответил: «Все ясно» — и сказал секретарше: «Дайте товарищу майору лист бумаги и ручку — пусть напишет заявление. И выпишите пропуск на имя его жены с сыном». Я написал заявление и отдал вместе с другими документами секретарше, она вошла в кабинет председателя и скоро позвала меня. Председатель облисполкома вел разговор с летчиком, но прервал беседу, вручил мне пропуск, а потом наложил резолюцию на моем заявлении. Все это заняло не более 10 минут. Я поблагодарил этого внимательного человека, пожелавшего мне успеха в деле, и вышел из кабинета. Я никак не ожидал, что так быстро получу пропуск, — такой четкой, без волокиты, работы в годы войны я уже не встречал. Никакого сравнения с тем, что мне устроили после войны в Одессе ответственные за въезд в город люди!

У меня до отъезда в Москву был целый день — раньше поезда не было, и я решил посмотреть кинофильм «Фронт» по Корнейчуку. Картина взволновала меня своей правдивостью, смелой критикой недостатков в ведении войны. Только страна и правительство, уверенные в своих силах, могли пойти на такую критику в столь тяжелый период. Вечером я получил билет и выехал в Москву, — а вскоре был уже в Вольске. Здесь мне предстояло много хлопот: получить право на выезд, оформить билет, сдать багаж, рассчитаться с квартирой. Шли уже четвертые сутки моего отпуска! Днем в управлении отдела НКВД я получил визу на билет для семьи, а в училище — литер на багаж и на билет. Мы с Кдавдей спешно упаковали багаж (за войну она кое-что продала, включая мой патефон и пластинки) и вечером выехали из Вольска навсегда. Я довез семью до Фурманова и утром следующего дня уехал в Кострому. Опять пришлось догонять в учебе, но я с этим успешно справился. Учеба теперь пошла еще лучше: на сердце было спокойнее, хотя на новом месте

моей семье пришлось нелегко. Вскоре я опять стал одним из самых успевающих.

Наша учеба шла напряженным темпом. Много времени уделялось отработке умения вести наблюдения при артстрельбе и вносить правильные поправки. Это делалось на миниатюрном полигоне, что имелись в классах каждой группы. Здесь мы набивали глаз для расчетов в ведении стрельб всех видов и всякими снарядами. Дело у нас шло хорошо. После майских праздников мы вовсю почувствовали приближение завершения нашей учебы: начинались зачеты и строгие экзамены. Все, что требовалось для проверки, я сдавал только на «отлично». К июню оставались письменные работы по тактике, артиллерии и практические стрельбы. Письменной работе по тактике предшествовал устный зачет с оценкой знаний. Вся группа находилась в классе, и преподаватель по своему усмотрению вызывал слушателей для ответа и после ответа объявлял оценку, но из класса не отпускал. Так мы просидели шесть часов. Меня он спрашивал последним и нашел для меня вопросы, которые никому не задавал. Ответил я быстро, и он поставил мне «отлично». Письменную работу писали тоже шесть часов, а кое-кто и дольше; здесь я сумел получить единственная отличную отметку в группе. Успешно я сдал и теоретическую часть артиллерии. Теперь оставалось показать способности артиллериста на практике — на стрельбах.

За время учебы мы, слушатели, дважды участвовали в тактических учениях: первый раз в конце августа, а второй в зимнее время. Весь личный состав участвовал в форсировании Волги. В моей памяти остались теплая августовская ночь, переправа в глубокой железной лодке через Волгу, осветительные ракеты над рекой. Потом нам объявили, что мы изображали пехоту и свою задачу выполнили. Второе тактическое занятие было зимой, в мороз, перед выпуском нашего первого потока, с артиллерийскими стрельбами выпускников. И вот теперь, летом, мы выезжали в тот же район на стрельбище. Салмин попал в расчет для обслуживания 122-мм гаубицы, а меня назначили командиром 76-мм орудия, но пришлось выполнить и функции наводчика, так как в расчете не было более подготовленного к этому слушателя. Цели менялись для каждого стреляющего, а часть наиболее подготовленных слушателей находилась на НП.

Мы выехали из Костромы на грузовике со скамьями по бортам и прицепленной пушкой ЗИС-3. Ехали по шоссе в направлении на Сусанино — кругом была тишина и безлюдье. Остановились на огневых позициях, — и тут же начались боевые стрельбы. Каждому стреляющему планировалось дать по четыре

выстрела снарядами. Целый день я провел у орудия, двое обслуживали телефон: один принимал команду стреляющего, а другой передавал ее на огневые позиции. Все стреляющие в этот день выполнили стрельбы успешно. Короткую июньскую ночь с сумеречной пеленой в 2–3 часа мы провели на огневых позициях, а с рассветом стрельбы продолжились. Салмин стрелял из гаубицы и отстрелялся хорошо, после этого меня вызвали на НП, где, кроме нашего преподавателя, находились начальник учебного отдела майор Сучков и начальник цикла артиллерии полковник Карбасников. Они и указали мне цель. По ее расположению к орудию это была цель для стрельбы с большим смещением. Обычно артиллерийские стрельбы ведутся в условиях, когда цель отклоняется в сторону от плоскости стрельбы вправо или влево (если взять направление от цели к батарее), а разрыв выводится к цели по дальности — изменением прицела, а по боковым отклонениям — поворотом орудия. Но при большом смещении — все наоборот: батарея оказывается справа или слева от стреляющего, и разрыв при недолетах или перелетах выводится на цель не изменением дальности стрельбы, а поворотом орудия вправо или влево, а боковые отклонения от цели — изменением прицела.

Я быстро подготовил данные и доложил, что к стрельбе готов. Получив разрешение на открытие огня, я подал команду на батарею, там ее приняли и передали: «Выстрел!» В бинокль ловлю разрыв: где он? Местность в районе цели болотистая, и разрыв было плохо видно — лишь немного брызнула вверх грязная вода. Я счел, что это перелет, и дал новую команду на изменение направления стрельбы. Орудие было справа от меня, и при перелете следовало довернуть орудие влево, после выстрела хорошо обозначился недолет. Я захватываю цель в вилку, как принято у артиллеристов, теперь надо вилку сужать, я даю новую команду, поворачивая орудие вправо, но... Руководители поняли, что стрельба ведется правильно, сказали «Стой!» и объявили мне оценку «отлично». Стрелял я последним в группе — и вот стрельбы закончились. От двухдневной стрельбы из пушки я немного оглох — уж очень сильные были выстрелы.

Орудие перевели в походное положение, прицепили к машине, дождались команды «Марш!» и радостные поехали в казарму. К полдню приехали в Кострому, в артпарке стали разоружаться, и тут обнаружилось, что потеряли панораму. За ее сохранность отвечал я. Когда сели в машину, я ее нес в руке, поставил, очевидно, на сиденье, от радости никому не поручил следить за ней, — и вот она утерялась в пути. Поняв это, я немедленно повернул обратно и пешком пошел искать панораму:

шел по улицам города, где мы проехали на машине, зашел в отделение милиции и спросил, не приносил ли кто панораму. Шел я быстро, прошел весь путь до того места, где стояло орудие, и повернул назад. В голове рождались всякие мысли: как мне придется расплачиваться, отвечать за это? Я ничего не обнаружил и на обратной дороге, зашел в артпарк (там все еще чистили орудия), и Салмин чрезвычайно обрадовал меня: панорама нашлась, ее принес рабочий, как только я ушел. Он шел с работы и видел, как мы проехали с орудиями, и дальше обнаружил толпу мальчишек, которые в кругу рассматривали панораму. Поняв, в чем дело, он взял у них панораму и принес в училище, где передал ее, увидев наших офицеров. Так благополучно закончилось это произошедшее по моей беспечности происшествие. Это был мне хороший урок на будущее!

После окончания учебы нашим потолком в должности была должность командира артдивизиона, а не сдавшие экзаменов назначались на должности заместителей командиров полков по артснабжению. Эта должность была выше командира дивизиона по категории, и получалось странно: человек, не окончивший курсы, назначался на должность выше, чем окончивший. Спрашивается: зачем же надо было учить год, тратить время, деньги, зная, что из некоторых командиров не получится? Наша учеба кончилась, теперь нам предстояла отправка на фронты. Мне, как отличнику, предоставлялось право выбора фронта. Салмин сказал мне: «Выбирай, но с условием, чтобы и я поехал с тобой». Я рекомендовал ехать вдвоем на Карельский фронт, а Салмин говорит мне: «Чудак, там голодно! Поедем на юг, на 3-й Украинский. Ты знаешь, какая природа на юге? Вот идет по полю казачка, ест виноград: выплюнет косточку, и весной виноград взойдет, а через год на нем уже ягоды». Я уступил Федору и подал заявку начальнику курсов направить меня и Салмина на 3-й Украинский фронт. Туда мы и получили направление. Учитывая дальность и трудность сообщения, нам дали 12 дней на дорогу, и мы с Салминым решили заехать к своим семьям, а потом встретиться в Москве на Казанском вокзале. Вместе с нами на стажировку на фронт выехал и Володя Лебедев — больше я его уже не встречал.

Мне надлежало заехать в Фурманов, а Салмину в Арзамас. Никаких билетов до этих станций мы не брали, а ехали на товарных поездах: Салмину я объяснил все места пересадок. Товарные поезда ходили часто: они везли военную продукцию и охранялись солдатами. Поезд без остановок докатил до Фурманова, и я надеялся, что здесь он остановится, но он катил дальше, не сбавляя скорости, и за станцией, где мы мальчишками

садились на товарные поезда ради катания, мне пришлось прыгать с поезда. Салмину я сказал: «Прыгну, а ты сбросишь мне мой чемодан». Я прыгнул хорошо — опыт был немалый, а следом за мной упал и мой чемодан. Часовой на площадке взволновался, но Салман сказал ему, что это майор по пути на фронт заехал в свой город. Самому Федору предстояли еще пересадки в Иванове на Ковров, потом на Муром, а с него на Арзамас. Потом он рассказал мне, что доехал быстро и утром был уже у семьи.

Я поднял чемодан, проводил взглядом поезд и пошел к дому. Было еще светло, я вошел в калитку огорода и заглянул в окно, — а в окне Клавдя, закрывающая занавесочки на ночь. Она очень обрадовалась встрече — это было радостью для всех нас. К этому времени тесть прогнал свою третью жену и скоро женился в четвертый раз — вот крепкий был мужик! Вместе с ним мы съездили на велосипедах в Иваново получить на продпункте продукты по продталонам, а на следующий день пошли всей семьей в лес — погулять перед отъездом на фронт. Стоял теплый солнечный день, кругом была тишина. На душе у меня было грустно: завтра я уеду, а как сложится жизнь? Вернусь ли я, никто не знает. Клавдя сказала, что «если ты вернешься с войны, то мне ничего больше не надо»...

На третий день я уехал в Москву, где на Казанском вокзале нашел Салмина, узнав его из-под раскрытой газеты по рваным брезентовым сапогам. Мы вместе поехали на Киевский вокзал, и когда вышли из метро, то Салмина задержал патруль — плохо обут, из сапог видны носки. Салмин спокойно объяснил, что других сапог у него нет, едет он на фронт, а там видно будет. Комендант подумал и отпустил Салмина.

На вокзале очередь у кассы огромная, шум, спор, толкотня. Я говорю Салмину: «Ты орденоносец, иди и бери билет», а он в ответ: «Там нашего брата полно!» Время идет, касса еще не работает, — а в полдень должен отправиться поезд на Киев. Я решил сам попробовать получить билет, подошел к кассе, а там майоры все с наградами, спорят, толкают друг друга, кому в первую очередь брать билет положено. Посмотрел я на них, дождался, когда шума стало меньше, и сказал: «Товарищи награжденные, разрешите мне, ненагражденному, получить билет как участнику войны, раненому и едущему снова на фронт? А потом вы будете выяснять, кому в каком порядке получать билет!» Летчик-майор с несколькими орденами на груди воскликнул: «Правильно, дадим ненагражденному получить билет первому», — и пропустил меня вперед к кассе. Под шутки и смех остальных награжденных я получил по литеру два плацкартных билета до Киева. Мы с Федором сели в

пассажирский поезд и поехали. На второй день под вечер подъехали к Днепру — а дальше поезд не пускают: неспокойно в небе. Мы, как и многие, сошли, решив въехать в Киев на попутных грузовых машинах. Сели в грузовик, что вез бревна, и по железнодорожному мосту приехали в Киев.

Через коменданта города мы нашли место для ночлега недалеко от центра города и провели ночь на голой кровати, укрывшись своими плащ-палатками. Центр города был полностью разрушен — знаменитого Кре-щатика нет. Здание вокзала тоже еще несло большие следы разрушений. Найдя воинскую кассу, мы получили места в смешанный поезд до Одессы: в составе было три или четыре пассажирских вагона, а остальные товарные, с нарами, как положено в военное время. Нашли свой товарный вагон, забрались на нижние нары и заняли два места у стенки рядом. В вагоне было много гражданских, особенно женщин, и среди них большинство евреек, едущих в Одессу из Средней Азии. Мне запомнилось, что они везли с собой мешки соли. Выехали мы под вечер и ехали с остановками на каждой станции или разъезде. На более крупных станциях имелись буфеты, которые с разрешения властей содержали предприимчивые люди. В таких буфетах по высоким ценам можно было купить вареное мясо, яйца, порции курятины и даже поесть горячего. Это способствовало сбережению времени у офицеров, едущих на фронт и имевших деньги: им не надо было бегать по домам в деревнях в поисках пищи.

До Одессы мы не доехали, узнав, что резерв офицеров-артиллеристов находится теперь в районе Цебрикова. Сошли мы на станции Рауховка. В Одесской области было меньше разрушений, чем в Кировоградской, где от города остались только разрушенные дома и битый кирпич.

Только под вечер на попутной машине мы добрались в местечко Сталино (бывшее Каторжино) и здесь нашли отдел кадров командующего артиллерией 3-го Украинского фронта. Документы принял лейтенант (не поинтересовавшийся, прибыли ли мы в срок), который и направил нас в резерв офицерского состава. На ночь мы улеглись на окраине деревни на голой земле и утром, расспросив о дороге, ушли. Это был последний отрезок пути перед новым фронтовым нашим периодом жизни.

Скоро у нас сложилась компания из четырех человек: мы с Салминым, капитан Бырка, окончивший наши курсы, и еще один капитан. Мы долго были неразлучны — до самой осени. Теперь мы находились в резерве офицеров-артиллеристов командующего артиллерией 3-го Украинского фронта генерал-полковника артиллерии Митрофана Ивановича Неделина[42].

В резерве артиллеристов фронта

В составе резерва были офицеры от лейтенанта — командира взвода до майора — командира дивизиона. Попали мы в артбатарею, которой командовал наш сокурсник капитан Желтов. Он показал себя начальником над нами: как только мы доложили о своем прибытии, он назначил нас в наряд дневальными по батарее, а потом поручил нам вести занятия с младшими офицерами. Сапмин вел занятия по топографии, а я — по артиллерии; занимались мы ежедневно, кроме воскресений, по четыре часа в день. После дней пяти в первой деревне дали команду на смену места расположения резерва — в деревню Михновку. Вот в Михновке мы жили долго. Там случилась беда, утонул офицер, наш, из резерва. За деревней, на низменном лугу, были два глубоких бочага, в них никто никогда не купался. И вот утром на берегу бочага обнаружили верхнее белье и женскую гимнастерку и юбку — значит, утонули двое. Один из наших офицеров нырнул, но тут же выскочил — очень холодна была вода, и глубина велика.

На полях вокруг деревни были большие участки с пшеницей; ее не сеяли, она.сама осыпалась осенью и давала всходы. Теперь колхозники убирали ее, а мы помогали им косить и укладывать на телеги. Поля давно не видели охотников, и на них спокойно разгуливали дрофы, осторожные большие птицы, близко подпуская человека. На новом месте Салмин опять начал преподавать топографию и допустил промашку: потерял топографическую карту этой местности, а карта считалась секретной. Уполномоченный СМЕРШа[43] грозил отдать Салмина под суд, и мой друг стал печален, хотя я его и успокаивал, что суда не будет, в худшем случае отделается строгим взысканием. К счастью, командир нашего резерва сумел это дело уладить.

Скоро дали команду на переезд в Цебриково. Вещи отвезли на машине, а сами добирались пешком. Здесь стоял женский полк штурмовой авиации, и летчицы-девушки танцевали с нашими лейтенантами и капитанами. Среди резервистов был веселый, очень остроумный лейтенант-грузин. Он во время обеда рассказывал каждый день все новые и новые анекдоты, грузинские загадки. Загадывая загадку, он объявлял: «Кто отгадает, тот съест мою порцию обеда, а проигравший отдаст свою». Желающих отгадывать его замысловатые загадки не было, и он сам открывал ее секрет. «Сверху пух, а внизу смерть врагам народа?», ответ: «Воробей на здании НКВД». От этих загадок во время обеда многие так хохотали, что не могли кушать, а наш

весельчак говорил: «Ты смейся, а я выручу тебя от порции, чтобы не подавился». Так за каждым обедом стоял сплошной хохот: многие роптали — поесть спокойно нельзя. Мы с Федором стали ходить на обед, когда наш весельчак уже уходил из столовой.

А наши занятия шли своим чередом. Стояли жаркие дни, и мы выбирали место для занятий поддеревьями, оборудовали его, делая сиденья из земли, как театры в Древнем Риме: выроешь ровик для ног, и получалась скамейка, а за ней — другая. У нас имелась буссоль, мы делали маленькие артполигоны и стреляли, чтобы не забывать свое артиллерийское дело. Занятия велись с утра, а после обеда было свободное время. Электрического освещения не было, и с темнотой мы ложились спать. В начале августа через Цебриково днем двигался поток транспорта, особенно гужевого, а ночью он возвращался обратно. Это по приказу командующего фронтом генерала Толбухина делалось специально, чтобы ввести в заблуждение немецкое командование.

Пока мы стояли в Цебрикове, многим нашим офицерам из резерва предлагали идти на должности в формировавшуюся армию Войска польского (она формировалась на фронте, которым командовал Рокоссовский). Такое предложение сделали и нашей четверке, но никто не согласился. В районе Цебрикова мы жили долго, и только после успешной Ясско-Кишиневской операции в середине августа нас переместили дальше на запад, в местечко Болград на самой границе с Молдавской ССР. Это было километров двести от Цебрикова, а по дорогам и того больше. Транспорта для нас выделить не могли, и лишь подвезли наши вещи до ближайшей железнодорожной станции на перегоне Раздельная—Одесса. Здесь мы сели на платформу поезда, идущего в Тирасполь. Поезд приблизился к подъему под Кучурганом и не мог никак въехать: доберется до середины подъема и снова пятится назад. Только отцепив половину вагонов, наш паровозик взобрался на подъем, а потом вернулся за второй частью состава. Не доехав до Тирасполя, состав ночью остановился, и мы сошли с платформы. В полной темноте мы двинулись в направлении переправы через Днестр. Шли долго, и на южной окраине города среди маленьких разбросанных домиков в густой траве запущенного огорода легли спать. Ночь была тихая, теплая, и в тишине мы проспали до рассвета. Утром мы обнаружили около себя метрах в десяти бензовоз и около него часового. Когда мы вчетвером встали с земли, то часовой перепугался и закричал на нас: «А ну отсюда, здесь нельзя находиться посторонним!» Мы ответили, что тут мы с вечера, спали всю ночь и нас никто не заметил, — вот доложим его командиру о такой плохой службе. Наш ретивый охранник

притих, и мы ушли.

К югу за Тирасполем была переправа через Днестр, но до нее далеко. Идти жарко, душно, тащить свои вещи и шинели тяжело. У переезда через железную дорогу мы решили ждать попутную машину и долго ждали, сидя у будки путевого обходчика. Нам попалась полуторка, мы сели и поехали, но до переправы машина нас не довезла (ее путь уходил в сторону от нашего направления), — и после очередного ожидания мы сели на появившуюся подводу с повозочным. На фронте все виды транспорта обязывались подвозить попутных военных. Когда подъезжали к переправе, то за Днестром на горе увидели Бендеры, здесь наши войска вели наступление на город: вся гора была изрыта воронками от снарядов.

На переправе регулировщик посадил нас на машину, идущую к фронту. В машине нас набралось не менее десятка, и мы ехали на юго-запад по местам недавних боев. Проехали Кицканы, потом Каушаны со следами танковых боев: разрушенные стены домов, следы гусениц около них, — а вот поврежденную технику уже убрали. Молдаване у дороги продавали проезжающим сливу, виноград, яблоки, а солдатам давали так. В середине дня мы повернули к югу в направлении к Тарутину и попали в небольшой лесок. Всюду здесь были следы разгромленной нашей авиацией тыловой части немцев: валялись бумаги, бинты, банки, бутылки, тряпье, рваное обмундирование, искореженные повозки, машины. И вдруг с боковой дороги навстречу нам вышли немцы с автоматами на шее и поднятыми руками — небритые, грязные, усталые и, видно, голодные. Мы потянулись к своим пистолетам, ожидая коварства, а немцы еще выше поднимают руки и кричат: ***«Рус! На плен! Гитлер капут!»*** Мы поняли, что они хотят сдаться в плен и не знают, куда идти. Кто-то из нас махнул рукой в тыл, и немцы повернулись, сказали «***гут***» и зашагали в ногу всей группой, — а было их не менее двадцати. Вот когда наши воины научали немца понимать исход войны: после Сталинграда, Курска и других котлов, устроенных Красной Армией!

Долго еще ехали мы на попутной машине и попали в целую вереницу транспорта: машин, вездеходов, повозок. Шофер не раз останавливался: сорвет веточку винограда и опять за руль. Он сказал, что более двух суток не ел горячей пищи и не спал, питался сухим хлебом, сидя за рулем. В сумерках мы проехали Тарутино, наша попутная машина дальше не шла. В Тарутине нас пригласили на трофейный вездеход на гусеничном ходу вместимостью человек на десять. Вел его офицер, который добыл его, привел в рабочее состояние и теперь перегонял в свою часть. На дорогах стояли заставы-посты, которые проверяли

документацию транспорта, особенно трофейного, и транспорт без документов отбирали. Вот нас водитель и пригласил, чтобы мы помогли ему в случае задержки сохранить вездеход. Вел он свой вездеход ловко, обгоняя другие виды транспорта, объезжая возникающие пробки на дороге. Уже в полной темноте, когда движение поубавилось, наш водитель совершенно неожиданно оказался лицом к лицу с постом ВАД (военно-автомобильной дороги). Регулировщица стала требовать документы, один из сопровождающих офицеров сошел с вездехода, делая вид, что достает документы, а водитель, осветив дорогу фарами, рванул в сторону и укатил. Мы отъехали еще немного, и водитель оказался в тылах своей части. Здесь мы сошли с вездехода и стали искать место для ночлега.

Было очень тепло и сухо, земля хорошо прогрета солнцем, и можно было спать в любом месте, не боясь простудиться. Мы отошли подальше от дорожного шума, вошли в кукурузу, прошли эту полоску и оказались на бахче среди арбузов. Но нам было не до арбузов после такого длинного переезда на жаре и в пыли: мы улеглись в кукурузнике между рядами стеблей. Но только стали засыпать, в небе появился наш У-2 — «кукурузник», как его называли в войну. Самолет покрутился над бахчой и решил сесть, летчик выключил мотор, а мы кричим: «Тут бахча! Не садись, разобьешься!» Летчик в ответ: «Вот бахчу мне и надо, поищите место, где нет арбузов, и я сяду». Всей четверкой мы нашли место; ночь была лунная, и летчик посадил свой самолет на бахчу. «А теперь, — сказал он, — помогите мне нагрузить арбузов». Мы наложили их ему за спину, на сиденье вровень с краями борта — и он взвился в небо. Мы же снова улеглись и проспали до рассвета, потом поднялись и идем к дороге, чтобы сесть опять на попутную машину. На окраине поля мы сели перекусить своим сухим пайком — хлебом и тушенкой, когда к нам подошел молдаванин с холщовой сумкой на боку и взволнованно сказал, что минут десять назад у него в кукурузнике два немца отобрали хлеб и брынзу и ушли к лесу, что виднелся на горизонте. Очевидно, одиночные немцы-бродяги искали, где находится место сбора пленных.

Вечером мы добрались до места назначения, и сделали это значительно раньше срока. Это был Бол-град — большое село, преимущественно заселенное болгарами и украинцами; были здесь и молдаване, и гагаузы, и русские. Здесь все хорошо понимали по-русски, особенно пожилые люди. Мы с Салминым поселились в доме болгарина около церкви на краю села, разбросанного по холмистой местности. Нам отвели маленькую светлую комнатку с низкой печкой-лежанкой, дали по

маленькому коврику, сплетенному из камыша, — и все. Питались мы в столовой и хозяев ничем не утруждали. Хозяин ходил на свой виноградник, приносил корзину винограда и нас угощал понемножку. Занятий с офицерами здесь не проводили, были лишь общие собрания с объявлением распределения офицеров по резервам армий фронта. Чувствовалось приближение и нашего нового назначения. Командир нашего резерва сказал, что скоро нас назначат на должности. Стало известно, что кто-то из наших выпускников написал Сталину о том, что нам, бывшим политработникам, не желают доверять командную работу и держат в резерве по нескольку месяцев. Тогда последовало строгое распоряжение из Москвы о немедленном нашем назначении. Это нам сказал командир резерва перед отправкой.

Скоро нас отправили в Измаил. До него от Болграда было 80 километров, но попутного транспорта здесь не было, а перевезти нас требовалось теперь быстро, и командование резерва приняло решение мобилизовать транспорт жителей для нашего переезда. Это не вызвало никаких затруднений, и скоро мы своей четверкой на паре лошадей выехали в Измаил. Было очень жарко и душно. По пути попадались бахчи, и наш повозочный отправлялся за арбузами, выбирая наиболее спелые. На ходу мы ели арбузы, а корками мыли себе руки. К полудню второго дня пути наш переезд закончился. Мы поблагодарили нашего повозочного, а он повернул своих коней обратно.

Здесь наша четверка распалась, и мы с Федором остались вдвоем. Мы надумали посмотреть остатки грозной турецкой крепости, что была взята штурмом суворовскими войсками, и посвятили этому целый выходной день. Но смотреть оказалось нечего: от находившейся на Дунае выше Измаила крепости уже ничего не осталось. На месте бывших могучих стен росла трава, а в центре стояла маленькая часовенка в память о погибших русских воинах. Мы выкупались в мутной воде Дуная и ушли. Было начало сентября, а дни стояли жаркие. Побывали мы и в порту на Дунае. Здесь выгружалось много трофейного имущества и продуктов, включая какао-бобы. Тут же стояла яхта румынского короля Кароля.[44] В порту работало много пленных немцев. Работой по выгрузке из барж руководил старшина-моряк. Немцы слушались его и четко выполняли все распоряжения. Моряк был с палкой в руке: отсчитает 50 солдат, стукнет последнего по счету палкой по спине, скажет «аллее» (все), и немцы послушно шагают в указанную сторону на работу. Наши войска подходили уже к Бухаресту, а в конце сентября была освобождена Болгария. В первых числах сентября профашистское правительство в Болгарии было свергнуто болгарским народом, и 8 сентября

советские войска маршала Толбухина вступили на землю Болгарии. 12 сентября из войны вышла Румыния, и 15 сентября войска 3-го Украинского фронта с согласия болгарского правительства вступили в Софию. Штаб фронта Толбухин перевел в древнюю столицу Болгарии Великое Тырново. Теперь наш резерв из Измаила перемещался в Болгарию. Всех нас распределили по резервам армий: Салмин направлялся в одну из армий фронта, Быркa — в другую, а меня оставили в распоряжении отдела кадров артиллерии фронта. Нам надлежало переехать сначала в Румынию, а оттуда разъезжаться по местам назначений. Из Измаила мы выехали втроем: Салмин, Быркa и я. Выехали рано утром попутными машинами и по понтонному мосту переехали на правый берег Дуная, где низиной, по пыльной дороге, среди бесконечного потока машин, повозок, колонн людей поехали к Тулче. Мы с Салминым ехали на «Виллисе» и сильно пропылились. Сошли в Тулче, расположенной на берегу другого рукава Дуная, и ушли на вокзал к поезду в Бухарест. Теперь наши пути разошлись; Быркa и Салмин уезжали из Бухареста в штабы армий, а мне надо было ехать в Болгарию. Настроение было невеселое — это был последний совместный наш переезд. Мы не могли даже дать друг другу адресов — не знали, куда попадем, и расставались с малой надеждой встретиться. Хорошо, что судьба свела нас потом.

Стоя у широкого окна экспресса, мы смотрели на поля румынских крестьян: .мелкие, как лоскуточки, с различными севооборотами, эти полоски подчеркивали индивидуальность пользования землей. Нигде мы не видели массивов хлебов, как было у нас. Мы ехали по чужой земле как участники великого освободительного похода Красной Армии по Европе. Вот поезд подошел к мосту через Дунай, это была станция Черна Вода (по-румынски Негро-Апа). Длинный железнодорожный мост вел через два рукава Дуная, а между ними болотистая земля. Мост от налетов авиации охраняли зенитчики, расположенные в бетонных бункерах... Что нас ждало впереди, мы не представляли, не гадали и не разговаривали об этом.

Было уже темно, когда я приехал в Бухарест. Моим попутчиком был старший лейтенант из нашего резерва, веселый, жизнерадостный парень. Вместе мы отправились в комендатуру искать ночлег, и там на нас обрушились с вопросом: по какому праву мы оказались в Бухаресте, это зона 2-го Украинского фронта, а нам надо в 3-й? Мы объяснили коменданту, что едем из резерва в штаб артиллерии фронта, который находится в Болгарии, а здесь оказались проездом; нам требовался только ночлег. Комендант назвал нам гостиницу, и мы ушли. В городе

было совсем темно, соблюдалась светомаскировка; мы шли и расспрашивали всех встречных о гостинице. На углу улицы повстречали продавца продуктов с тележкой: у него были вареные яйца, хлеб, свежие огурцы. Решили купить себе на ужин кое-что, объясняем продавцу, а он ничего не понимает. В Румынии тогда наши деньги ходили наряду с румынскими по курсу копейка — лея. Деньги у нас были, более тысячи рублей. Мы объясняли продавцу-румыну, как могли, — а он так и не понял ничего. Нас выручил вынырнувший из темноты кругленький, маленький, очень яркий человек в темной шляпе. «Господа офицеры, — обратился он к нам. — Я вам помогу, что вы желаете?» Я спросил его, кто он, что так бойко говорит по-русски. Ответ его удивил нас: «Я жид и знаю несколько языков». Спрашиваю: как же так, в столице фашистской Румынии он остался жив, у нас немцы беспощадно уничтожали евреев? «О! Господа офицеры, у вас евреи, а мы жиды — это разница, мы умеем жить среди других, и потому нас не трогают». Он объяснил нам, где гостиница (оказалось, что мы находились у ее боковой стены), помог купить нам яиц и пригласил назавтра к себе, сказав, как его найти. Мы поблагодарили еврея за помощь и пошли в гостиницу, где нам дали номер на троих человек — с нами оказался летчик, старший лейтенант. На первом этаже соседнего дома находился ресторан, и мы решили поужинать в нем. Румыния в ту пору обладала большой сетью домов терпимости, в которых желающих утолить жажду наслаждения за солидную плату обслуживали молодые проститутки. Оказалось, что верхние этажи ресторана занимало такое учреждение. Мы заказали себе борщ и только начали есть, как на свободный стул напротив летчика села молодая женщина в легком платьице с папиросой в зубах. Ломаным русским языком, обращаясь к летчику, она сказала: «Русь, Ванюш, е... хочешь?» Наш летчик от Неожиданности так фыркнул, что в тарелку полетели не только непроглоченная пища, но и содержимое носа. Он гневно глянул на проститутку и сказал: «А ну, сволочь, катай отсюда, а то дам по морде!» Дама сделала круглые глаза, высоко закинула ногу на ногу и ушла. А летчик заказал себе новую порцию борща. С подобной картиной, с предложениями проституток и их агентов нам пришлось встречаться еще не раз.

Утром мы с офицером-артиллеристом пошли посмотреть столицу Румынии..Бухарест был город красивый, но очень загрязненный, как будто кто-то специально рассыпал различный мусор по улицам. Много красивых особняков, увитых зеленью деревьев. В витринах магазинов, в том числе и винных, были выставлены портреты Черчилля, Сталина, Михая (молодого короля Румынии) и его матери Елены. Этим Румыния

подчеркивала свою принадлежность к антигитлеровской коалиции. Мы ходили по городу и удивлялись — все магазины закрыты. Прошли мимо примарии — городского управления; часовой, увидев нас, топнул ногой и принял положение «смирно». Решили идти к еврею в дом. Нашли дом, где он проживал, — а по фасаду входа нет. Осматриваемся и слышим: кто-то кричит — это наш вчерашний знакомый окликает нас в окно. Он объяснил, как попасть в его квартиру. Нашли вход, крутая лестница вела вверх, окон нет, темно, свет не горит. Лейтенанту я посоветовал постоять на улице на всякий случай, а сам пошел к квартире еврея. Прошел один, второй, третий пролеты — темно; пистолет из кобуры я сунул за полку гимнастерки, и в это время в коридоре появился свет — шел человек с маленькой плошечкой в руках, в ней горел фитилек. Это был наш знакомый, он окликнул меня: «Прошу сюда, господин майор» — и прошел в свою квартиру. В полумраке комнаты он был один, фитиль освещал комнату, придавая ей какой-то таинственный вид. Я спросил, почему так темно в квартире, а он ответил, что сегодня большой еврейский праздник (потом в Одессе я узнал, что это еврейские «кучки»[45]). Я спросил, как найти главный магазин, и он рассказал, что это магазин фирмы «Лафайет», но он пока закрыт, потому что «наш праздник». Говорю: «А при чем здесь магазин?» — «А как же, в нем более половины капиталов наши, жидовские. Вот кончится праздник, и в три часа он откроется, как и все другие магазины». Опять обращаюсь с вопросом: «Почему немцы не тронули вас, евреев?» — «Наши евреи не советские, это настоящие жиды и они умеют устраивать свои дела, а с румынским правительством нам было легко договориться, вот и живем». Теперь, получив свободу, евреи еще больше воспрянули духом и бойко вели свои торговые дела. Наш знакомый сказал: «В Румынии свободно действует Коммунистическая партия, и я хочу вступить в нее. Но чтобы было эффективнее, я сначала вступил в социал-демократическую партию, а потом изменю им и перейду к коммунистам. Как вам это нравится?» — спрашивал он меня. Я пожал плечами и ответил, что необязательно делать так, как он надумал, распрощался с нашим знакомым, сказав, что у меня неотложные дела, и ушел. Мой товарищ стал уже волноваться за меня, я рассказал ему о нашем разговоре с евреем, и мы пошли к магазину.

В три часа как по команде распахнули двери все магазины — евреи были здесь деловыми людьми; праздник праздником, но надо и торговать. Мы шли в толпе мелких торгашей и агентов по продаже товаров. Еще в Измаиле один капитан, занимавшийся репарациями в Румынии, сказал, что в Бухаресте можно купить

купон (набор кроя с прикладом) для костюма. Вот мы и начали искать такой купон. Среди агентов, предлагавших товары советским людям, было много бывших эмигрантов — офицеров царской армии. В частности, пожилой человек с военной выправкой предложил купить у него новенькие немецкие часы марки «Юнганс». Мне они понравились, и начался торг: он запросил 1200 рублей, а я давал 600. От длительного торга продавец вспотел и сказал: «Господин майор, я бывший штабс-капитан старой армии, живу в нужде, случайными заработками и должен заработать для себя. Уступать больше не могу», — а я ответил, что больше, чем 650 рублей, дать за часы не могу. На этом мы и сошлись. Эти часы и сейчас целы. Остаток денег я потратил, купив материал на костюм для Кпавди. На улицах нас постоянно задерживали продарцы, предлагая мелкие вещи. Мне надо было купить зубную щетку, мы нашли парфюмерный магазинчик, объясняю продавцу-румыну, а он не понимает. Вдруг на антресолях магазина появился хозяин, толстый, чисто одетый, и сказал: «О, я знаю, что надо господину майору, я сейчас дам вам хорошую зубную щетку». Он спустился вниз и принес действительно хорошую щетку. Я заплатил ему советскими деньгами, и хозяин пустился с нами в разговор: «Скажите мне, пустят меня в Россию? Я бывший дворянин, капитан русской армии, бежал после революции в Румынию, сделал ошибку, как и многие, а теперь хочется умереть на своей земле». Я сказал ему, что надо обратиться к советским дипломатическим сотрудникам, — может, и разрешат вернуться. «А имение моего отца в Даниловском уезде Ярославской губернии вернут мне?» — «Нет, имение вам не вернут никогда». На этом мы и расстались с бывшим дворянином, тосковавшим по родной России. Время приближалось к вечеру, и мы вернулись в гостиницу, чтобы рано утром выехать в Болгарию: маршрут следования нам объяснили в комендатуре.

Рано утром поездом из Бухареста мы доехали до станции Джурджу, здесь сели на паром и переправились в Болгарию, в город Русе. Теперь наш путь лежал в Тырново. Поездом мы доехали до станции Горно-Ораховица, где пересели на поезд в Тырново. Перед въездом в туннель у Тырново поезд остановился, и мы сошли с поезда, оставили свои вещи в будке железнодорожника и пошли к горной речке умыться после дороги (стояла очень теплая погода). За рекой, на крутой скале, лепились дома, а пройти в город можно было по туннелю в скале, где проходила железная дорога. Мы попросили железнодорожника пожить в его будке несколько дней, и он любезно разрешил, сказав: «Живите, братушки, только постелей нет». Разговорную

речь мы понимали, как и они нашу. Жил он с двумя сыновьями: с одним обслуживал участок туннеля, а другой сын работал в Тырново. У сына, охранника туннеля, была винтовка, по-болгарски — «пушка». Я посмотрел в ствол винтовки, а там столько ржавчины, что опасно из нее стрелять. Спрашиваю: почему так запустили винтовку? А в ответ: «Мы специально не чистили пушки, чтобы не стрелять в русских, если прикажут». Разместились мы в служебной комнатке, где находился аппарат с сильным звонком, каждые полчаса предупреждающий о подходе поезда к туннелю длинным, громким звонком.

По туннелю мы прошли в Тырново. Написанные славянскими буквами вывески магазинов и названия улиц легко читались, непривычным для нас был лишь твердый знак в конце слов. К вечеру мы нашли отдел кадров командующего артиллерией 3-го Украинского фронта. Мне сказали явиться через день, а старший лейтенант получил назначение. Ночь мы провели вдвоем, утром мой товарищ уехал, а я пошел посмотреть город и ходил по нему целый день. Это древняя столица Болгарии, расположенная в чаше, окруженной скалами, прямых улиц мало, и они короткие: у туннеля дома стоят на отвесной скале: с улицы первый этаж, а со скалы — второй. Домики лепятся, как сакли на Кавказе. Работали все магазины, но все ценное немцы вывезли: мануфактуру, кожаные изделия, обувь; многие жители ходили в обуви на деревянной подошве. Наши советские деньги здесь были в ходу и котировались как 1 рубль к 19,5 лева. Я купил себе несколько школьных тетрадей из отличной бумаги и потом очень берег их.

На другой день с утра я был в отделе кадров. Майор Савельев, заместитель начальника отдела кадров по гвардейским минометным частям, вел со мной разговор о назначении на должность старшего помощника начальника отдела учета и укомплектования по гвардейским минометным частям. Я дал согласие: другого мне ничего не предлагали. Пошли на беседу к генералу Вознюку, заместителю командующего артиллерией фронта по гвардейским минометным частям. Вместе с нами был и капитан Дробинский, которого я должен был заменить, приняв от него дела (он уезжал в Москву). Вознюк был пробивным, любил показать себя внимательным и компанейским человеком. Наш сокурсник Бырка рассказал мне, что два года назад Вознюк был в звании капитана в должности помощника начальника учебного отдела Пензенского артучилища, и за два года проскочил расстояние в звании от капитана до генерал-лейтенанта артиллерии в должности командующего гвардейскими минометными частями фронта. Это была головокружительная карьера! Командующий артиллерией фронта генерал-полковник

артиллерии Неделин начал войну в звании полковника в должности командующего артиллерией Пролетарской Московской дивизии. Теперь гвардейские минометные части подчинялись командующему артиллерией фронта, а Вознюк был заместителем Неделина.

Вознюк, еще молодой, но грузный, со многими орденами на груди, жил на войне, как в тылу: с женой и двумя детьми он занимал целый дом, у него был повар, личный парикмахер, капитан-адъютант, два шофера с машинами. Он в обнимку простился с Дробинским, сказал ему, что за службу он наградами не обижен и пожелал ему успеха в Москве. Со мной он беседовал недолго, не интересовался моей прежней службой, семейным положением и дал согласие на назначение на освободившуюся должность.

В отделе учета и укомплектования

Так я стал работать в отделе учета и укомплектования Управления командующего артиллерией 3-го Украинского фронта. Жить я при этом остался в будке железнодорожника, так как все квартиры были уже заняты. В мои служебные обязанности входили ведение учета личного состава гвардейских частей фронта, внесение изменений в карточки учета, что имел при себе генерал Вознюк. Я должен был вести учет потерь личного состава, собирать и контролировать данные о местах захоронения погибших воинов-гвардейцев фронта, представлять к званию сержантский состав, добывать пополнение для гвардейских минометных частей («любыми путями», как сказал Вознюк). Работы было немного, и я легко управлялся с ведением учета личного состава и боевой техники. Трудности в работе я почувствовал в первые дни нахождения в новой должности: Вознюк приказывал искать пополнение для гвардейских минометных частей и добывать его, не сообщая об этом моему начальнику. Это было невозможно сделать, так как пополнение для артиллеристов распределялось только через командующего артиллерией, начальника нашего отдела, но Вознюк этого не желал признавать.

Наш отдел учета и укомплектования состоял из начальника — подполковника и двух старших помощников — майора Смирнова и меня. Был еще помощник начальника капитан Бартенев, а делопроизводство вел старшина Прокопенко. Из обслуживающего состава было двое: солдат и шофер, машинистка работала как вольнонаемная. К отделу был прикомандирован из резерва капитан: он раз в месяц отвозил в Москву отчетность по укомплектованию, наличию боевой техники и резерва артиллерии фронта, потерях людьми и техникой. Начальник отдела встретил меня дружелюбно, но дал понять, что пополнение гвардейских минометных частей следует производить только через него. Такое положение в работе я очень переживал, морально мне было тяжело.

В самом начале работы в отделе замполит Неделина полковник Паршин, узнав, что я бывший преподаватель истории партии, поручил мне проведение занятий по этому предмету с женами начальствующего состава. В моей памяти еще крепко держался материал прочитанных мною лекций в Вольском авиатехучилище, и я начал занятия. В группе было человек десять, я провел несколько занятий, но потом начались командировки, частые переезды — и занятия прекратились.

В первые дни своей работы я начал посещать отделы укомплектования родов войск, где, пользуясь преимуществом славы гвардейских минометов, просил пополнение рядового и сержантского состава. Мне удалось получить наряд на отправку в наши части 40 бывших раненых бойцов, и, когда доложил об этом Вознюку, он, потирая руку об руку, выразил довольство, что я так быстро выполнил его приказ. Но об этом узнал Пузырев и крепко дал понять мне, что так делать больше не следует. Он, очевидно, доложил об этом генералу Неделину, тот не одобрял действия Вознюка и не уважал его, считая выскочкой, подчеркивающим незаслуженными наградами свою персону.

В Тырново времени у меня было достаточно; фронт сильных боев не вел, но его части вступили уже в Югославию и Венгрию. Мне запомнилось, как я пошел в баню. Бани здесь были «турецкие», как их называли; разденешься, оставишь белье, обуешь деревянные сандалии и с мочалкой идешь в мыльню мыться. Там много парных кранов с горячей и холодной водой, ни тазов, ни шаек нет, под кранами были выдолбленные в камне глубокие емкости для воды, в дне которых находилась деревянная затычка для спуска воды; душа тоже не было. Помещение для мытья имело высокий потолок в виде купола с маленькими окнами для вентиляции. В бане было просторно, светло, чисто, тепло. Больше такой бани я нигде не встречал. Пришлось мне посетить парикмахерскую, и здесь были свои особенности, как в каждой стране. Помню, в Польше, когда освобождали Западную Украину, в парикмахерской мастер мочил кисточку для бритья, насыпал в нее порошок и на лице клиента делал мыльную пену, а потом брил. Здесь, в Болгарии, мыльную пену готовили, как у нас, но после бритья лицо обязательно мыли; под подбородок подносили широкую чашу с водой, и мастер рукой мыл лицо клиента. От долгого пользования чаша имела сношенные края из-за многократного опускания в нее подбородков. Мне не нравилась такая процедура, но надо было терпеть. В Венгрии мастер очень долго и старательно намыливал лицо клиента, укладывая толстый, плотный слой мыльной пены. В Берлине, в ГДР, парикмахер, постригая клиента, садился на высокий стул, перемещая его по ходу стрижки волос. Только в Югославии мастера брили, как у нас.

В Болгарии ежедневно чтили память погибших воинов: на минуту останавливалось все движение, тишина, все молчали. Радио на улицах городов не было, но по улицам ходил мужчина с барабаном: на перекрестке улиц он бил палочками по барабану, потом вытаскивал из-за пояса бумажку и громко читал, объявляя последние события. Убрав запись, снова бил в барабан и шагал

дальше, убрав палочки под ремень. Мы охотно слушали такие «последние известия», привыкая к болгарскому языку. Таким древним, но оперативным приемом до жителей доводились самые последние новости. Таким же способом объявлялась и минута молчания.

В Тырново мне пришлось прожить не более двух недель. Штаб фронта был переведен в столицу Болгарии Софию. Перевод штаба фронта на новое место расположения проводился четко и организованно — на новом месте все было готово к приему полевого управления фронта: помещения, связь и места постоя для персонала. Утром в день переезда к нашему отделу подошла грузовая машина; погрузили имущество, сели сами, и машина встала в колонну, на свое отведенное в ней место. Сначала что-то не ладилось с движением, часто колонна останавливалась. Потом выяснилось, что офицер, возглавляющий колонну, был слаб в топографии и повел машину по ложному направлению. Было потеряно время, но потом мы поехали хорошо. Подъехали к подножию Балкан, проехали всемирно известный своими остроумными и веселыми жителями город Габрово, по извилистой лесной дороге начали подниматься в гору, к перевалу Шипкинский[46]. Наша машина «Шевроле», монотонно пела от натуги, хотя ехали мы совсем тихо — 8–10 км в час. Проехали перевал и Шипку, памятник героям Шипки остался в стороне. Теперь дорога шла в долину знаменитых роз — Казанлык. Ее жители, как и жители Габрова, стоя приветствовали советских воинов. Среди жителей стоял старик в форме ратника народного ополчения времен борьбы за освобождение Болгарии от многовекового турецкого ига. На ратника нам показал болгарин, говоривший по-русски, а кто-то сказал нам, что этому болгарскому воину под сто лет! Трудолюбивая, мужественная, красивая Болгария с радостью встречала советских воинов. Нигде так нас не любили, как в Болгарии. «Добре дошли» — было написано на плакатах приветствие нашим воинам...

После Казанлыка дорога к Софии пролегала по долине между Центральными Балканами с севера и другими горами с юга. Ближе к Софии снова запестрели полоски крестьянских земель. Управление командующего артиллерией разместили в пригороде столицы Маслово-Софийском, а все другие штабные учреждения фронта разместились в Софии. На постой меня определили в семью болгарина средних лет с семьей из четырех человек. Они отвели мне небольшую комнатку в еще не достроенном доме, располагавшемся рядом с нашим отделом. Из квартиры я уходил рано утром и возвращался поздно вечером. Стояли теплые осенние октябрьские дни, и я исходил пешком всю Софию.

Заметными были разрушения от бомбежки американской авиации, причиненные, когда в этом не было никакой необходимости. Владельцы крупных магазинов ехидно говорили нам: «Смотрите, это новая София!» Этим они выражали свое отношение к вступлению Болгарии в войну против гитлеровской Германии: была Болгария — союзница Германии, и не было разрушений, а теперь — новая София как результат участия Болгарии в войне с Германией.

Невольно я стал свидетелем того, как Болгария встречала своего выдающегося сына, Георгия Димитрова. Многие тысячи жителей вышли на улицы своей столицы с лозунгами, знаменами, теплыми словами приветствия своему славному вождю; особо выделялся плакат-лозунг «Георгий Димитров среди нас!». В магазинах Софии было много прекрасно изданных книг на русском языке: Пушкина, Гоголя, Достоевского; великолепное издание книги Бажова быстро разобрали, как и другие. У меня уже имелись полученные в счет оклада более трех тысяч болгарских левов, а мне давно хотелось купить хорошую авторучку. В магазинах было много ручек солидных фирм: «Пеликан», «Паркер», «Монт-Блан». Я выбрал себе ручку «Монт-Блан» стоимостью 1700 левов, и она долго служила мне.

В Софии я обошел все управления родами войск, но нигде пополнения для наших гвардейцев не получил. В Маслове же мне пришлось сутки дежурить в доме, который занимал командующий артиллерией генерал Неделин. Это был особняк болгарского генерала, верно служившего гитлеровцам. Он был арестован, и говорили, что, боясь ответственности за свои преступления, он покончил с собой. В доме никто не жил: внизу разместился один из наших отделов, а второй этаж был отведен Неделину, но он почти не бывал здесь, да и управление артиллерии находилось в Маслове не более двух недель. Мое первое дежурство в кабинете командующего артиллерией фронта прошло без волнений, спокойно. Я сидел у стола с телефонными аппаратами, но никто сюда не звонил. Напротив был большой книжный шкаф, и на видном месте стояла книга Гитлера «Моя борьба» на болгарском языке. Крепкие корешки фашизм пустил в Болгарии!

В первых числах ноября Полевое управление фронта опять меняло свое расположение, переезжая далеко — в Югославию. Теплыми осенними днями ехали мы сначала на север, а потом на запад. За Софией на вершинах гор уже белели шапки снега. Скоро дорога ушла в горы и запетляла среди зелени могучих деревьев. Верховским проходом, между гор, мы подъехали к

Фердинандову[47], здесь наша колонна сделала первую остановку. Надо было израсходовать болгарскую валюту, и все пошли в магазины купить что-нибудь; я купил школьный кожаный портфель и школьную ручку («писалку», по-болгарски). Всем фронтовикам раз в месяц разрешалось посылать домой семье посылки, и вот я собирал, что можно было купить для семьи.

К берегу Дуная на переправу в Румынию мы ехали через горные перевалы, по крутым каменистым дорогам, в густом тумане. Туман так плотен, что если зачерпнешь воздух фуражкой, то в ней остается белый туман! Проехали последний болгарский город Видин на берегу Дуная и по понтонному мосту переправились в Румынию, в город Калафат. Напротив переправы стоял массивный каменный дом: из его подвала несколько дней назад румынские фашисты открыли огонь по мосту. Теперь мы в Румынии, дорога поднимается на откосы Южных Карпат; справа огромные деревья, а слева за поворотом дороги открылся Дунай. Спускаемся с горы в город Турну-Северин. На площади города, когда наши машины остановились, к нам подошел румынский полицейский в широченной фуражке, похожей на большое опрокинутое блюдо, и предложил купить у него таблетки от венерических болезней. Он подходил к каждой машине, брал под козырек и по-русски предлагал свой товар, но никто не желал такого товара, и он шел дальше. Кто-то крикнул ему: «Михаю предложи, он у вас холостой!» Полицейский надулся, отвернулся и ушел.

Напротив, за Дунаем, — Югославия. Ширина реки была не более 150 метров, и Дунай, вырываясь из Железных Ворот, имел здесь очень сильное течение: пароходы не могли своими машинами преодолеть это течение, и им в помощь подключалась тяга паровоза. У самой кромки воды по румынской территории была проложена железная дорога с зубчатыми рельсами; от паровоза канатом закрепляли пароход, и паровоз тянул его до самых гор: дорога была проложена на уступе скал по берегу реки. Проехав Железные Ворота, наша колонна остановилась на ночлег в Оршове. Рано утром мы выехали дальше и, проехав Белу Церкву, оказались в Югославии. Это была Сербия, и нас хорошо здесь встретили жители: они обнимали нас, целовали, говорили радостные слова, желали победы. На многих домах были написаны лозунги «Живио Маршал Тито!», «Живио Маршал Сталин!» — здесь не признавали Черчилля. К полудню мы прибыли к месту назначения, в город Вршац. Из 40 тысяч жителей 14 тысяч в нем составляли немцы. Нам это показалось очень странным, мы видели в этом какой-то план немецких националистов, задолго до Гитлера насаждавших свои поселения

в других странах для будущего «завоевания мирового господства». Впрочем, и у нас в России было немало немцев: на Волге и особенно на юге Украины.

Наш отдел разместился в большом доме немца: самого хозяина не было, в доме жила лишь его жена, которая вела с дочерью большое хозяйство. Двор был вымощен кирпичом, во дворе много подсобных помещений. Везде чистота; весь инвентарь аккуратно разложен по своим местам хранения. Хозяйка-немка, прибедняясь, надевала старенькое платье и целыми днями занималась своим хозяйством. Мы ничем не тревожили ее — да и в отличие от румын здесь жители никакой коммерцией не занимались.

Утром 7 Ноября был праздничный день. В центре города жители угощали советских воинов своим виноградом: в ведрах они приносили лучший виноград и раздавали его проходящим советским бойцам и офицерам. Раздадут — и снова идут на виноградник. На базарной площади играл оркестр из сербов, и кто желал — танцевали. Здесь я впервые увидел «коло» — народный танец славянских народов Европы. Танцевали и вальс — особенно наши девушки из фронтового полка связи. Но вот появился капитан-летчик и заговорил с нашими девушками, а их было много: связистки, медички, сотрудницы управлений и отделов. Летчик вышел на середину площади с девушкой-сержантом и громко сказал: «Музыканты! Мазурку!» Оркестр заиграл, а летчик с девушкой-сержантом под звуки этого тогда уже забытого, великолепного танца понеслись темпераментно и красиво, — все были очарованы и наградили танцующих громом аплодисментов. Летчик так же быстро ушел, как и появился, а танцы продолжались. Так вместе с советским народом и его воинами жители Югославии отмечали 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

В дни праздника всем награжденным за выслугу лет в армии были вручены правительственные награды. Все Полевое управление фронта было собрано в зале кинотеатра. Вошел маршал Толбухин, полный, невысокого роста, и с ним член Военного совета фронта генерал-полковник Желтов, высокий, молодцеватый, постриженный под бокс. Начальник штаба фронта генерал-полковник Бирюзов доложил командующему фронтом, что Полевое управление фронта собрано для вручения наград. Четко и организованно несколько сот человек получили награды: за выслугу 10 лет — медаль «За боевые заслуги», за 15 лет — орден Красной Звезды, а за 20 — орден Красного Знамени. Каждому награжденному маршал Толбухин вручал награду и

коротко поздравлял, пожимая руку, а потом награжденного поздравлял член Военного совета, и награжденный отвечал: «Служу Советскому Союзу!» Орден Красной Звезды получил командующий авиацией фронта генерал Судец, высокий, худощавый. Последним Толбухин вручил орден Красного Знамени генералу Желтову — своему боевому соратнику, а потом Желтов вручил такой же орден Толбухину. Они крепко обнялись и расцеловались. Этот день навсегда сохранится в моей памяти. Из рук прославленного полководца маршала Ф.И.Толбухина я получил свою первую награду — медаль «За боевые заслуги». После награждения нам показали цветной фильм «Робин Гуд», лично я видел цветной фильм впервые.

Так прошли праздники, а сразу после них Вознюк на 6–7 дней направил меня в командировку в Болгарию в резерв офицерского состава для подбора офицеров в ГМЧ (гвардейские минометные части). В этот дальний путь я ехал на попутных машинах по уже знакомой дороге. Именно тогда мне в первый и последний раз удалось увидеть Дунай голубым. До этого Дунай я видел только мутным и думал: за что же его назвали голубым? И вот увидел: мы проезжали через Железные Ворота на закате солнца, и воды Дуная окрасились в нежный голубой цвет — все ущелье было заполнено этим световым потоком. Зрелище было поразительное!

А когда я вернулся из командировки в Болгарию, хозяйки и дочери уже не было в доме, где я занимал комнату. По распоряжению югославских властей города все население немецкой национальности подлежало отправке в концлагерь. Мне рассказали, что днем югославские солдаты армии Тито всех немцев гнали в концлагерь в пешем строю с небольшими узелками, — как в свое время немецкие власти гнали сербов. Имущество немцев там, где размещались советские офицеры, югославские власти не тронули, а наши солдаты не тронули ничего, кроме продуктов. Ко мне на постой встали танкисты. Один из них рассказал, что он теперь очень богат — у него полный чемодан советских денег в купюрах по 30 рублей, и он беспокоился, сумеет ли сохранить в танке свое богатство. Я посоветовал ему сдать эти деньги в Госбанк, так как такой трофей является государственной собственностью, — они не дадут ему спокойствия, да и могут оказаться фальшивыми. На второй день танкист снова пришел ночевать и был очень весел. «Вот, майор, — обратился он ко мне. — Я теперь спокоен, сдал деньги в отделение Госбанка вместе с чемоданом, даже не стал ждать, когда их пересчитают. Мне сказали, что тут несколько десятков тысяч, а мне все равно!» Так танкист избавился от «богатства».

Так как мы находились сравнительно близко к руководящему

составу фронта, то нам становились известны отдельные эпизоды из жизни маршала Толбухина и его ближайших соратников. Федор Иванович Толбухин ввел строгий режим в своей работе. Отлично подготовленный как штабной работник с огромным опытом, он насаждал высокую требовательность к исполнителям, не терпел ошибок в документах, был щепетилен и обязывал своих подчиненных тщательно просматривать документы, приносимые ему на подпись. Мне пришлось быть свидетелем такого случая в работе Толбухина: зашел к нам начальник общевойскового отдела кадров и спросил: «Кто у нас самый грамотный? Пусть посмотрит проект приказа о присвоении воинских званий». Затем он рассказал: «Недавно я был у маршала Толбухина с проектом приказа на присвоение званий.[48] Читал, читал он, а потом скомкал напечатанное и пульнул в меня, сказав: «Научитесь грамотно писать!»

Ф.И.Толбухин был нетерпим к нарушителям дисциплины. Как-то к нам зашел знакомый Пузыреву подполковник и с радостью сообщил, что Толбухин назначил его командиром полка. А потом, через несколько часов, он снова появился у нас очень опечаленный. На принадлежащей какому-то майору попутной машине он ехал в армию. За городом их догнал «Виллис» и посигналил, чтобы дали дорогу, а майор сказал шоферу: «Гони!» Тот погнал, но «Виллис» все же обогнал их, остановился впереди и остановил их. В машине, как оказалось, был Толбухин. Он позвал старшего по званию в машине и, увидев подполковника, только что назначенного на полк, сказал: «Я вас послал на полк, так вот: идите в отдел кадров и передайте мое распоряжение назначить вас на батальон. Будете знать, как не уступать дорогу командующему фронтом, я еду не на б...!» — и уехал. «Вот сейчас пойду в отдел кадров», — добавил подполковник с грустью.

Толбухин работал до 4–5 часов утра, а потом отдыхал до 11 — и снова за работу. Около 11 часов на завтрак собирались к нему член Военного совета генерал Желтов, начальник штаба фронта, командующие авиацией и артиллерией. Мне дважды приходилось слышать по телефону женский голос: «Командующий фронтом маршал Толбухин приглашает на завтрак генерала Неделина». Как-то в мое дежурство в 10.30 в свою рабочую комнату вошел Неделин. Я сидел у стола, рассматривал венгерские журналы и при появлении Неделина встал, доложив ему, что было нового за время его отсутствия, и после этого перевернул журнал обложкой вниз. Неделин заметил это и сказал: «Чего это вы спрятали от меня?» Я отдал ему журнал с красивой девушкой на обложке. «Вон какую красивую

мадьярочку прячете от меня, — заметил генерал и спросил: — А на завтрак еще не приглашали?» Я ответил, что нет, он сел за рабочий стол, а я вышел в приемную. Минут через 30 он вышел и спрашивает, нет ли чего поесть. Ответил, что нет, но можно принести. «Не надо, позовите шофера». У него было две машины, обе «Виллисы». Когда вошел шофер, он спросил его: «Есть у тебя сухари?» — «Нет». — «Так вот, поди к интенданту, выпроси для командующего артиллерией мешок сухарей и держи его в машине, а то уморишь меня голодом!» Адъютанта Неделин прогнал, когда старший лейтенант начал путаться с женщинами, и теперь около него было только два шофера. Скоро по прямому проводу ВЧ, что стоял в приемной, я услышал девичий голос: «Командующий фронтом маршал Толбухин приглашает генерала Неделина на завтрак». Я доложил Неделину, а он коротко сказал: «Машину». Шофер сидел в приемной и сразу выскочил во двор, а я подал Неделину его коричневое кожаное пальто, подаренное Верховным Главнокомандующим Сталиным всем руководящим лицам фронтов. Другим его подарком были мощные многоканальные радиоприемники. Мне пришлось быть свидетелем того, как Неделин дорожил этим подарком. Я дежурил в день переезда на новое место и слышал, как Неделин сказал шоферу: «Смотри береги приемник, не стряси ему мозги — это подарок товарища Сталина!»

У каждого человека есть свои специфические особенности. Вот и у Неделина они были. Он не терпел, когда в приказы на присвоение званий сержантскому составу включались девушки. Я подготовил проект приказа по ГМЧ, и наш начальник Пузырев пошел с ним на подпись. Скоро он вернулся и с упреком обратился ко мне: «Что же вы девиц включили на присвоение звания старшины? Неделин этого не терпит». Мне пришлось исправить приказ. Не терпел Неделин и подхалимства, и барахольства. В Венгрии, в городе Печ, наши трофейщики хорошо поживились на немецком складе кож. Утром в мое дежурство в приемную пришел подполковник Дорошенко, начальник оперативного отдела артиллерии, и спросил, как настроение генерала Неделина. Я ответил, что хорошее, и довольный Дорошенко (он принес генералу рулон кожи в подарок) вошел в кабинет, — но скоро выскочил обратно, а вслед ему полетел рулон кожи. Он подхватил его и быстро ушел, а Неделин вышел в приемную, громко ругаясь: «Подлецы, барахольщики, разворовали государственное добро и меня хотели купить», — хлопнул дверью и ушел. Скоро появился подполковник, командир истребительного противотанкового артполка. С ним было Знамя полка и два офицера. Он тоже спросил, как настроение генерала,

а я ответил, что было хорошее, но испортили. «Ну что же, была не была, надо доложить», — и, постучав, вошел в кабинет. Скоро они вышли вместе. Неделин обнял подполковника и расцеловал: «Молодец, знамя спас, полк будет жить, а людей и пушек дадим».

Это было в те тяжелые дни, когда Гудериан танковым тараном разрубил наш фронт на две части и вышел к Дунаю. Меня Неделин попросил, чтобы его соединили с Москвой, с Главным маршалом артиллерии Николаем Николаевичем Вороновым. Когда Москва ответила, Неделин начал докладывать Воронову о боях артиллеристов с танками Гудериана, называл цифры потерь, номера наших разбитых частей. Когда он закончил, я осмелился сказать: «Товарищ генерал, вас подслушать могут». — «Нет, — ответил он. — Это связь ВЧ, она не подслушивается». Потом он разговаривал с Яковлевым (начальником артвооружения) и записывал номера эшелонов с вооружением и боеприпасами, направленных на наш фронт.

После Вршаца Полевое управление фронта (а вместе с ним и артуправление) меняло место дислокации несколько раз. Мы побывали в г. Печ (Венгрия), потом Србовран (Югославия), Данафельдвар, Секешфехервар, Дунапентеле (Венгрия) и Кечкемет. Мне хорошо запомнился старинный венгерский город Печ с массивными каменными домами, каскадом-лестницей перед собором. Здесь мы стояли до конца осени. Мне показали дом, в котором я должен находиться на постое — двухэтажный каменный дом. Вечером в сопровождении солдата из нашего отдела я подошел к дому; мы постучали в дверь, но никто долго не отзывался, а потом на ломаном русском языке нас окликнули: «Господин майор?» Я ответил, и тогда хозяин загремел засовом и открыл дверь. Он был хорватом и немного понимал по-русски. Хорват рассказал, что несколько дней назад двое солдат пришли и сказали, что будут тут жить, увидели дочь хозяина, заставили ее лечь с ними в постель и забавлялись всю ночь, а утром ушли и больше не приходили. Теперь он никому не открывает, а если мне нужна баба, то он найдет для меня. Я ответил ему, что такими делами не занимаюсь. За изнасилование наших солдат карали строго: по фронту был издан приказ, где одного бойца за это дело приговорили к расстрелу.

Комнату мне отвели на втором этаже — это была спальня с широкой кроватью, стоял столик, на нем кувшин с водой для умывания и эмалированный тазик. Никто ко мне не заходил, и вообще никакого движения людей в доме я не слышал. Рано утром я умылся и вышел из комнаты, а когда стал спускаться с лестницы, появился хозяин и спросил, не надо ли мне чем помочь. Я сказал, что мне нужен чемодан (он понял и ответил

«бюринг»), и мы пошли с ним по магазинам, которые оказались еще закрытыми. Тогда он привел меня в мастерскую, где изготовлялись чемоданы, и перевел слова хозяина: мол, у него, хозяина, фанерный чемодан, сделанный для офицера по заказу, но срок давно прошел, и заказчик не появляется. Мой сопровождающий уговорил хозяина уступить мне этот чемодан, и я купил его, заплатив венгерскими деньгами, что нам выдали в Венгрии. Так я обзавелся крепким чемоданом, который цел и теперь.

Дня через два мне поручили ответственное задание от генерала Неделина: найти запасной артиллерийский противотанковый дивизион и поставить его на огневые позиции против югославского города Осиек. Вокруг этого города были войска Народно-освободительной югославской армии, но в городе преобладало немецкое население, и немецкие войска продолжали укреплять город. Мне дали грузовую машину, капитана в помощь, и глубокой ночью в полной темноте мы выехали. Едем осторожно по городу, редко включая фары, и вот наш путь под носом машины перебежала черная кошка, ее глаза как угольки светились в ночи. Шофер взмолился: «Товарищ майор! Давайте вернемся назад, беда будет от этой приметы», — но я сказал, что надо выполнить приказ и не надо верить всем небылицам.

Наш путь лежал к Дунаю, за ним и надо было искать артдивизион, а точного его расположения никто не знал, он мог его уже сменить. Мы проехали Дунай и в указанном районе дивизион не обнаружили. Что делать? Где его искать? Можно было ехать назад и попробовать узнать его местонахождение более точно, но я решил искать дивизион здесь, в районе переправы через Дунай, у города Мохач. Стало совсем светло, когда мы въехали в город. На главной улице города мы с капитаном вышли из машины, и я сказал ему: «Идите по стороне улицы, внимательно всматривайтесь в закрытые дворы домов и, если обнаружите повозку, пушку или кухню — немедленно докладывайте, а я пойду по другой стороне улицы». В районе большого двора одного дома я обнаружил дымок из-за забора, вошел и увидел походную кухню: солдат варил завтрак. В военное время было принято называть части не по их номерам, а по фамилии командира, и на дорогах часто встречались указатели с надписью «Хозяйство Иванова». Вот и здесь я спросил солдата, «не из хозяйства ли он...» — и назвал фамилию командира, он подтвердил, что из этого. Так мы оказались на верном пути. Вернувшись к машине, я дождался здесь капитана, и вскоре мы с ним нашли дом, где находился командир артдивизиона. Я передал ему приказ генерала Неделина, и сразу все пришло в

движение: собрали командный состав и объяснили боевую задачу. Пока бойцы ели, капитана направили на фронтовой ближайший артсклад за снарядами для 76-мм пушек.

Через полчаса дивизион тронулся в путь на Осиек, и около полудня мы прибыли к назначенному месту на берегу реки Дравы. Оставив личный состав, мы с командиром, начальником штаба и командирами батарей выехали на рекогносцировку. Против Осиека на позициях находилась дивизия Народно-освободительной армии Югославии под командованием подполковника. Нашли их штаб, доложили о своем прибытии. Командир дивизии очень обрадовался — у него не было артиллерии. С командиром артдивизиона мы забрались на чердак самого высокого здания и через окно внимательно просмотрели город Осиек: движения солдат не видно, но над крышами домов вился дымок. Наметили артиллерийские позиции, я определил им основное направление для стрельбы и подготовил исходные данные для батарей. Скоро прибыл капитан с ящиками снарядов для орудий. Дело было сделано даже раньше, чем нам было определено Неделиным.

Находясь среди югославских солдат, мне пришлось близко увидеть их и самому убедиться в искренности их дружбы с нашим народом. Помню, как они ходили строем и пели песни-частушки о нашей армии, о ее победах над немцами. Запомнились лишь две песенки: *«Червона Армия Сталинград бронила, триста тридцать хиляда фашистов побила»* и *«У Геббельса и Гитлера закружилась глава — шестая армия заувек пропала».*

Бойцы югославской армии были одеты по-разному: в трофейные шинели разных цветов, куртки и пальто, но ходили строем и соблюдали хорошую дисциплину. Среди солдат в строю были и девушки. Комиссар дивизии пригласил нас пообедать у командира дивизии. За большим столом собралось все ее руководство. Подали ракию — фруктовую водку, но мы отказались от этого угощения. Разговор вели через переводчика, юношу лет 16–17. Он был русский — его родители эмигрировали в Югославию, а он родился здесь и вырос. Со мной заговорил «помощник начальника политотдела по комсомолу», как он отрекомендовался мне; он сносно говорил по-русски и хорошо понимал мои ответы. Я же расспрашивал про Югославию, задавал вопросы об их будущем после победы над Германией. Югослав сказал мне, что Югославия будет устроена по опыту Советского Союза как многонациональное государство, рассказал о системе политзанятий в армии, об изучении истории нашей партии. Он был хорошо образован политически: когда он спросил, откуда я родом, и я ответил, что родился недалеко от Иваново-

Вознесенска, он обрадованно сказал: «О, это где был первый совет рабочих депутатов». Югослав передал нам, что все они очень благодарны за помощь артиллерией и скоро освободят Осиек. Поблагодарив за прием и угощение, мы уехали, и почти через сутки я доложил об успешном выполнении задания.

В городе Печ Полевое мы стояли не так долго, из него управление перебазировалось в г. Србовран, небольшой югославский город с преимущественно мадьярским населением. На постой я попал в маленький домик мадьяра. Хозяина и хозяйки не было дома, в дом днем приходила их дочь Этушка, как она назвалась, кормила птицу и к вечеру уходила. Дня через два появилась хозяйка с уборки кукурузы, а за ней мой друг Салмин. Как мы были рады этой встрече! Он командовал дивизионом гвардейских минометов («Катюш»), но теперь эту должность занял старый командир дивизиона, вернувшийся из госпиталя. Несколько дней мы жили вместе: Салмина оставили в отделе кадров артиллерии. Скоро появился и хозяин дома — усатый, молодцеватый мадьяр. Он был мобилизован на работу немцами и теперь, находясь на территории советских войск, был отпущен домой.

Потом опять новое перемещение — в Дунафельдвар, на берег Дуная. Была уже зима — небольшой морозец и снежок. Днем дети в трусах катались на санках с горок; днем подтаивало, а к ночи подмораживало. Жил я у мадьярки. Она с дочкой и нашим капитаном жили в кухне, а меня на ночлег направила в нетопленую, с инеем на стенах комнату. Здесь была кровать с двумя перинами, а для тепла хозяйка приносила мне камень, нагретый в духовке, и клала в ноги. Так проспал я две ночи, и Вознюк направил меня в командировку в гвардейские минометные части для уточнения данных по личному составу и вооружению. Сначала я попал в 28-ю тяжелую гвардейскую минометную бригаду.[49] Она состояла из четырех дивизионов, которые, как правило, придавались для усиления армий или реже стрелковых корпусов. На ее вооружении были тяжелые реактивные снаряды, в головной части которых находилось до нескольких десятков килограммов тола[50]. Сам снаряд весил до 100 килограммов[51], а с упаковкой еще больше. Запуск таких снарядов тогда производился с земли: на металлическую раму, поставленную под определенным углом, крепились проволокой два ряда по восемь снарядов. Электрическим током воспламеняли заряд пороха в хвостовой части, реактивный снаряд со скрипом скользил в упаковке и, набирая высоту, летел к цели. В бригаде я пробыл две ночи и по тревоге, когда штаб в одиночестве, без дивизионов, менял место расположения, убыл в минометные

полки «Катюш». Собрав все необходимые данные, я вернулся в Дунафельдвар для доклада генералу Вознюку.

Вечером в наш отдел заглянул майор с трехлитровой кубышкой для вина: «У вас, ребятки, винцо есть, плесните мне в мою кубышку». Вино в отделе было теперь постоянно — канистра или две. В домах, оставленных немцами, были огромные бочки с вином, да и в государственных подвалах Венгрии его было немало. Один мадьяр, хорошо говоривший по-русски, сказал нам, что русские выпили в Венгрии десятилетние запасы вина. Наш солдат Редько налил майору полную кубышку, тот приложился и без передышки выпил более половины содержимого. Я присмотрелся внимательнее и вижу на майоре генеральскую шинель. Спрашиваю: «Товарищ майор, а это ваша шинель?» — «Да, — ответил он, — я недавно был генерал-майором артиллерии, и товарищ Сталин разжаловал меня за пьянство до майора. Очень люблю выпить, и Сталин правильно сделал, пьяный я никуда не годен!» Но красный кант на шинели в бортах не был спорот, и бывший генерал так и ходил в этой своеобразной форме. Это был наглядный пример решительной борьбы с пьянством, которое еще никогда никому не шло на пользу. Начальником оперативного отдела у Вознюка был полковник Московцев, которого я трезвым никогда не видел: он сидел в своем доме и пил. Казалось странным, что такой требовательный к людям человек, как Вознюк, терпел своего ближайшего помощника вечно пьяным. Надо было принимать норму, не влияющую на работоспособность. Так, наш старшина Прокопенко в обед выпивал по три пол-литровые кружки красного вина и садился снова за свою работу.

После Дунафельдвара мы перебрались в еще один маленький городок, его название не сохранилось в моей памяти. Это было уже в декабре, под Новый год. Вознюк опять направил меня в командировку для обеспечения выгрузки снарядов и перевозки их по льду Дуная. В морозную погоду 31 декабря мы выехали на машине начальника артснабжения ГМЧ подполковника Чайковского. Начальник имел сильную, проходимую машину (как ее называли, «Додж s»), да и сам был пробивным человеком. Он был еврей из Одессы, носил бурку, на голове барашковую серую шапку, чуть ли не папаху полковника, подчеркивая, что скоро будет полковником. Мы мотались по станциям железной дороги вблизи Дуная и только в Байе нашли на станции команду пленных во главе с советским сержантом — они ожидали прибытия снарядов для ГМЧ. Здесь я остался старшим для обеспечения выгрузки и перевозки снарядов за Дунай. Поезда дальше не шли — мост был взорван, и по льду грузовики

перевозили снаряды, бомбы и мины. В городе находились офицеры ВОСО (управления военных сообщений), у них я узнал о подходе состава с минами для ГМЧ. Для выгрузки определили площадку, скоро эшелон прибыл, и его подали для разгрузки. На окраине города, в казарме, было много пленных мадьяр и жителей из Югославии, вот для выгрузки снарядов сержант и получил партию этих пленных. Снаряды были для тяжелых минометов — по 80 в каждом вагоне. Сержант просмотрел все вагоны, нашел ящик со взрывателями для них и распределил пленных для выгрузки. Выгрузка прошла довольно быстро, и сержант отвел пленных в казарму, но человек пять из них просто убежали, — очевидно, они были из местных жителей. Охранять сотни людей у нас не было возможности, а при сдаче их на недостачу не обратили внимания, все обошлось благополучно.

Теперь выгруженные тяжелые снаряды надо было перевезти к переправе через Дунай. Для перевозки на правый берег Дуная были специальные машины, и на берегу их приходилось снова грузить. Здесь была постоянная пробка, и всем делом руководил член Военного совета фронта по тылу. В первую очередь удовлетворялись потребности летчиков, потом гвардейцев-минометчиков. Каждый представитель рода войск брал для погрузки пленных, и они здесь все перемешались. Было темно, холодно, для обогрева людей горели костры. Это было в ночь под Новый год. Громким «Ура!» встретили мы наступивший новый, 1945 год, год близкой победы над лютым врагом человечества.

Мы с сержантом сумели все прибывшие эшелоном снаряды переправить на правый берег Дуная, и работа была закончена. Но когда собрали полученных для работы пленных, недоставало 50 человек — целая машина. Сержант снова вернулся к переправе и подал команду: «Пленные, в машину!» — набрал ровно 50 человек, и отвез их в казарму. Утром я уже был в своем отделе.

Мы переехали в Дунапентеле на берегу Дуная — и снова командировка: в минометные части под Будапешт. Ехали мы с майором из нашего отдела Смирновым. В маленьком городке Адонь, остановившись на отдых, мы с ним пошли осматривать помещение, в котором немцы делали шестиствольные минометы, — но все оборудование было вывезено. Приехали мы в части под Будапешт, и здесь наши дороги разошлись: Смирнов направился в артчасти, а я в наши ГМЧ. Будапешт — огромный город, столица Венгрии была разделена Дунаем на две части: Буду на правом берегу и Пешт — на левом. Я побывал в нескольких пригородах Будапешта — маленьких городках с красивыми особняками. В одном гвардейском минометном полку мне сказали, что одним из дивизионов командует капитан Сталин. Я не поверил, так как

хорошо знал, что сын Сталина Яков, артиллерист, находится в немецком плену, а старший сын Василий служит в авиации. Я решил сам побывать у артиллериста Сталина и пришел в его дивизион. Капитан имел много орденов, был смелым и храбрым командиром. Он признался, что его фамилия другая (хотя так и не назвал ее), и рассказал, как он стал Сталиным: «Попал я раненым в полевой госпиталь, лежу в приемном отделении, и никто не обращает внимания — много было раненых. Вот я и решил припугнуть персонал: проходит санитарка и спрашивает фамилии, я и назвался Сталиным. Она тут же убежала и вернулась с врачом, меня сразу взяли на санитарную обработку, осмотрели рану, поместили в отдельную палату, и врачи часто навещали меня. Так под фамилией Сталина я и выписался из госпиталя и вот воюю: как дам залп — так представляют к награде!» Я спросил: а после войны он думает под какой фамилией жить? Он сказал, что над этим не думал, но просил меня о том, что рассказал, не говорить никому. Так и затерялось это событие, дальнейшая судьба капитана для меня осталась неизвестной...

Эта командировка была короткой. Будапешт был взят в кольцо войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, шли упорные бои. Немцы пытались деблокировать окруженный город и нанесли по нашему фронту сильный, неожиданный удар, расчленили фронт и вышли к Дунаю, рассекая наш фронт. Я добирался в свой отдел на попутных машинах, и в Адоне еле успел сесть на последнюю машину, выезжающую из города. На ней ехали пограничники, и один сказал мне, что немцы уже близко. Но этот частичный успех немцев не решил дела: их оттеснили от Дуная, фронт перешел в новое наступление и совместно с войсками 2-го Украинского фронта завершил разгром немцев. 13 февраля Будапешт был освобожден.

Наш отдел вместе с управлением артиллерии перебазировался на левый берег Дуная. В мое отсутствие в этой спешке наш делопроизводитель оставил в доме, где располагался отдел, мою книгу учета гвардейских минометных частей. Книга не имела грифа секретности (так было и до моей работы в отделе), но содержала секретные данные. Начальник отдела Пузырев знал об этом и не придавал этому никакого значения, не требовал ее регистрации как секретного материала. Книга попала к танкистам, они обнаружили ее у хозяйки дома — она растапливала листами книги печь. Теперь книга вернулась в отдел с несколькими вырванными листами. Узнав об этом факте, генерал Неделин назначил расследование. Полковник, что занялся расследованием, коротко побеседовал со мной и понял,

что моей вины нет в этом деле, но доложил все в пользу моего начальника Пузырева. В результате Неделин наказал меня арестом на 10 суток с удержанием 50% оклада. Виновником же был Прокопенко, которому я сдал всю документацию перед отъездом в командировку. После такого случая я понял, что работать в отделе нет возможности, и просил начальника отдела кадров по ГМЧ майора Савельева о назначении меня на командную должность. Когда об этом узнал Вознюк, он поругал меня для формальности, но дал слово, что назначит командиром дивизиона, — а пока направил меня в город Колочу на Дунае в запасной артполк для подбора рядового и сержантского состава в ГМЧ.

В Колоче я целыми днями работал в запасном полку, и среди нескольких сот человек прибывшего на пополнение артчастей рядового и сержантского состава подбирал более подходящих по всем данным для службы в ГМЧ. Были бойцы, уже побывавшие в боях и после ранения из госпиталей направленные снова на фронт, были лица из партизанских отрядов и даже один сержант, бывший командир партизанского отряда, награжденный за свои боевые дела орденом Красного Знамени. Были здесь и недавно призванные в армию, совсем мальчики. Запасным полком командовал полковник, совсем недавно назначенный на эту должность. Он жил у всех на виду с капризной девицей-сержантом и выполнял ее просьбы. Раз он построил полк для того, чтобы показать его своей любовнице: полковник принимал рапорт, а она стояла немного сзади него. Тогда же он разжаловал одного старшину в сержанты. Замполитом у него был подполковник Лебедев, бывший директор школы, — культурный, вежливый и безвольный человек. Он видел проделки полковника, но не решался «выносить сор из избы». На мои советы довести до командования проделки и поведение командира полка он отвечал отказом, объясняя это тем, что может лишиться должности в запасном полку. В боевых частях он никогда не служил, и ему хотелось на этой должности и войну закончить. Тогда я сам сказал командиру полка, что он не имеет права понижать в звании старшин. Он ответил, что Неделин дал ему широкие полномочия в наведении дисциплины в полку, а я в ответ: «Порядок присвоения званий установлен не Неделиным». Этот разговор не понравился командиру полка, и он начал ставить мне препятствия в работе: узнав, что я подбираю пополнение в ГМЧ, отобранных мною бойцов он решил передать в другие части (мне сообщили об этом в штабе). Надо было не допустить этого, я выбрал из пополнения проворного старшину и направил его с запиской в оперативный отдел ГМЧ к подполковнику Аксенову с

просьбой немедленно прислать представителей из частей для получения пополнения. Старшина отлично справился с этим делом, и через день в запасной полк прибыл капитан из 28-й гвардейской минометной бригады — это был капитан Печевский. Ему я и передал около сотни солдат. Потом приехали еще представители, и всех отобранных в ГМЧ увезли. Упредил я командира полка!

Всего я пробыл в запасном полку две недели в первой половине февраля. Здесь мы узнали о взятии Будапешта. Закончив подбор пополнения, я выехал в Кечкемет, где находился наш отдел. Всем офицерам тогда выдали по отрезу на китель и брюки хорошего английского материала. Говорили, что это дар английской королевы советским офицерам. Получив отрез, я пошел в мастерскую военторга сдать заказ. Мастер прикинул сантиметром и сказал, что материала мало, недостает 20 сантиметров. Заменив отрез на складе, я вернулся в мастерскую и сдал заказ. Скоро мне сшили китель и брюки, и теперь мой вид отвечал офицеру армии-победительницы.

Вместо сапог здесь нам выдали материал кроя из трофейного фонда. Своей сапожной мастерской фронт, очевидно, не имел, — иначе нас предупредили бы об этом. Находясь в Колоче, я узнал о мастере-сапожнике, пришел к нему, он охотно принял заказ. Поставив мою разутую ногу на лист бумаги, он обвел ее и написал «43» — размер сапога. Я взял карандаш и написал «41», а мастер качает головой. Со мной был мадьяр-переводчик, и он говорит мне, что надо шить мне сапоги 43-го, а я говорю нет — 41-го размера. Тогда мастер через переводчика сказал, что вон стоят сапоги 41-го размера, и если я их обую, мастер отдаст мне их бесплатно, — так он верил в непогрешимость своего опыта. Он подал мне сапоги; я разулся и свободно обул один, а потом и другой сапог, и вижу у мастера на щеках слезы. Разувшись, я сказал переводчику, что его сапоги я не возьму, пусть он сошьет мне мои, из моего материала. Лицо мастера повеселело, он заявил, что через три дня сапоги будут готовы, и свое слово сдержал: сшил хорошие сапоги, повернув красную кожу глянцевой стороной внутрь и покрасив вывернутую кожу в черный цвет. Долго носил я эти сапоги.

В Колоче я увидел здания с вывесками вышедших из подполья коммунистической и социалистической партий. А по городу здесь прогуливались молодые женщины и девушки, одетые в костюмы, какие были у наших сестер милосердия в Первую мировую войну, — это были монашки из ближайшего монастыря.

Простые люди Венгрии сочувственно относились к Красной Армии, и все мы жили в то время ожиданием близкого окончания войны. Все, с кем приходилось говорить о войне, проклинали Гитлера и войну, сочувственно относились к тому, что Временное правительство Венгрии объявило войну Германии в декабре 1944 года. В Колоче через нашего офицера я познакомился с молодым венгром, служащим Народной полиции. Он немного говорил по-русски и рассказал, что делается органами новой народной власти для полного освобождения Венгрии от гитлеровского владычества. А хозяйка дома в Дунафельдваре, где я жил, потеряла на фронте трех мужей и рассказывала нам с капитаном об этом так: «Киев — муж капут, Коротояк — другой капут, Будапешт — и третий капут». Она зло плевалась и говорила: «Гитлер — капут». Адвокат, у которого я жил в Колоче, не притворяясь, говорил нам с капитаном-пограничником, что война сильно подорвала Венгрию, народ страдает из-за Гитлера и его прислужников в Венгрии: Хорти и Салаши. Я расспрашивал его о флаге Венгрии и эмблеме на нем: «Почему крест у короны избоченился?» — «Поддали ему в 1919 году, вот он и накренился. Надо убрать его вместе с короной с флага страны». Простые люди поддерживали возникновение народной власти.

В Будапеште на Дунае есть остров Чепель, заполненный мощными заводами. Это крупный центр тяжелой промышленности. Шли бои, а трубы дымили, заводы работали. Рабочие сделали все, чтобы спасти заводы от разрушения немцами. Случались и казусы. В Кечкемете хозяйка дома, где мы разместились, просила разъяснить, что это за русское слово «давай». «Заходит солдат и говорит: «давай, давай», а чего давать, не знаем, даю кушать, а он свое «давай, давай», даю вина, он опять «давай, давай», показываю на кровать, а он свое «давай, давай». Оказывается, ему был нужен дом. Когда погнал из дома — поняла, нужен дом для офицеров. Потом другие солдаты заходили и опять: «давай, давай», ухожу из дома, а они не пускают, показывают на печь, поняла, что им нужна копченая колбаса. Так и не понимаю русского «давай, давай», — объясняла она нам через переводчика. Очень многие наши солдаты и сержанты как-то быстро научились по-венгерски объясняться, понимали мадьярскую речь. У меня же в памяти остались лишь два слова: *«нем тудом», «нем сабот»,* одно означает «не знаю», а другое — «не понимаю».

Было теплое по-весеннему 8 марта, когда я получил назначение на должность командира дивизиона тяжелых гвардейских минометов в 28-й бригаде РГК[52]. Сдав свои дела майору, я попутной машиной выехал в бригаду. Высоко в небе

строем шли американские «летающие крепости»...

командуя дивизионом тяжелых гвардейских минометов

На попутных машинах я добрался в штаб 28-й тяжелой гвардейской минометной бригады и предъявил командиру бригады полковнику Лупанову приказ о назначении меня командиром 4-го дивизиона. Дивизион находился под Секешфехерваром на огневых позициях, командира в нем не было, и пока им командовал начальник штаба. С командованием бригады я был уже знаком, побывав здесь в конце прошлого года в командировке. Заместителем по политчасти был подполковник Александров, опытный политработник. Он долго беседовал со мной, рассказал о состоянии бригады и предупредил меня, что Лупанов не любит политработников и мне будет трудно работать, но «пока я нахожусь в бригаде — помогу тебе». Начальником штаба был майор Менжега, энергичный, смелый офицер, хороший штабист. Заместителем по строевой части был подполковник Коваленко, а заместителем по тылу майор Хейфиц. Александров был очень болен, не мог ходить и даже вставать на одну ногу. Больше мне его видеть не пришлось. Предупреждение же Александрова об отношении ко мне со стороны Лупанова скоро подтвердилось. Участвуя в беспрерывных боях до майских дней, я не услышал ни одного дельного совета от командира бригады. Фактически штаб бригады не управлял ни единым дивизионом, все они были приданы армиям или стрелковым корпусам, и бригада никакого влияния на их боевую деятельность оказывать не могла. Дивизион только в финансовом отношении был связан со штабом бригады, а в остальном был полностью самостоятельным: сам получал продовольствие и обеспечивал питание личного состава, сам получал горючее и снаряды.

Из штаба бригады я выехал машиной в дивизион в район Секешфехервара. Здесь готовилось мощное наступление. Этот город еще в конце 1944 года был взят нашими войсками, и Москва салютовала им, — но в январе немцы сильным контрнаступлением овладели этим городом. И вот теперь, в марте, вновь готовилось мощное наступление в этом районе. Дивизион находился на огневых позициях: 50 рам, на каждой по 8 снарядов — 400 стокилограммовых мин с тридцатью килограммами тола в каждой были готовы дать мощный залп. Я обошел огневые позиции. Этот залп с рам был последним, так как в тылу дивизион имел теперь 12 боевых машин с пакетами для запуска мин с машин[53]: по 12 направляющих на каждой — всего

можно было не более чем за минуту обрушить на врага 144 тяжелые мины. После залпа с рам дивизион забирал рамы и переезжал на новое место для подготовки очередного залпа, но установка на машинах пускового устройства позволяла более оперативно перемещаться для залпов и намного сократить время для зарядки машин и их перемещения.

До начала артнаступления я не смог как следует познакомиться с командирами подразделений. Оставив начальника штаба на огневых позициях, я отправился на наблюдательный пункт. Он находился в расположении стрелковых частей, в башне местного музея. Через окно башни в стереотрубу я рассматривал позиции немцев, но в постройках трудно было что-либо обнаружить, да и немцы умели хорошо маскировать свое расположение. Вдруг со стороны немцев заговорило радио, громким четким голосом молодой женщины призывая нас переходить на сторону гитлеровцев и пугая ближайшим разгромом наших войск. Но это был не 1941 год! Услышав женский голос с немецкой агитацией, наши бойцы ответили на это по-своему. Всем нам было слышно, кто-то с нашей стороны отвечал: «Погоди, такая б..., мы придем и отыщем тебя! За твое предательство и за службу немцам ноги тебе выдергаем». Чувствовалось, что говоривший выразил свою на копившуюся злобу против немцев и их прислужников и прислужниц.

Скоро последовала команда об открытии огня, и загрохотали пушки, гаубицы, минометы. В заключение артподготовки — залпы гвардейских минометов. Запустили и мы свои тяжелые мины. Мы наблюдали, как с одной рамы снаряд полетел в упаковке, и с немецких позиций раздался громкий протест: «Рус, брось ящиками кидаться». Были и среди немцев шутники! Так в этот день начался мой настоящий боевой путь в качестве артиллериста.

После окончания пуска снарядов остались пустые рамы, их надо было разобрать и увезти. На огневых позициях осталась часть бойцов во главе с арттехником, а я со своим ординарцем Ахметом пошел в штаб дивизиона, расположенный метрах в двухстах от огневых позиций в крепком большом погребе. От огневых позиций была проложена телефонная связь со штабом, но только мы вышли из погреба, как ударил немецкий шестиствольный миномет и разрывом перебило линию связи. Из погреба выбежал боец Байков, бывший моряк, москвич, и побежал исправлять повреждение. Скоро он вернулся, но тут последовал второй залп шестиствольного миномета. Мины с воем летели гуськом, с грохотом рвались на земле, разбрасывая массу

осколков. Это было грозное оружие. Опять порвалась связь, и Байков еще раз собрался было исправлять повреждение, но его отстранил второй связист, сказав, что теперь его черед исправлять линию связи. В ответ Байков сказал: «Какая разница, и я могу исправить». Он исправил линию, и после разговора со штабом мы с Ахметом вышли из блиндажа. Не отошли мы и сотни метров по открытому полю, изрытому немецкими снарядами, как услышали свист приближающихся мин из шестиствольного миномета. Мы легли в воронку, вырытую снарядом, и разрывы мин легли совсем близко — от одного из них нас обдало комьями земли. Мои нервы были напряжены: нелепо погибнуть здесь, вне боя. Мы побежали вперед, к штабу и, не добежав, попали под следующий залп. Мы опять легли в воронку, разрыв пришелся левее нас. Когда мины кончили рваться, мы побежали к погребу, в штаб. Больше немцы в эту сторону не стреляли.

Начальник штаба подготовил боевое донесение о проведенном залпе 400 мин и дал его мне на подпись. Это был первый боевой отчет за командование дивизионом в бою. Донесение в одном экземпляре направлялось в оперативный отдел ГМЧ, а копия в штаб бригады. Я прочитал и удивился: в донесении сообщалось, что в результате залпа уничтожено не менее 200 немецких солдат. Спрашиваю начальника штаба, откуда такие данные, а он ответил: «Всегда так пишем, иначе генерал Вознюк и командир бригады будут недовольны итогами залпа». Я вспомнил приписки вражеских потерь, свидетелем которых был в 1942 году, и сказал начальнику штаба: «Липу подписывать не буду, если хотите это делать, то отправьте за своей подписью». Он так и сделал. Только теперь я познакомился с офицерским составом дивизиона. Начальником штаба был капитан, одесский еврей, фамилия которого была, кажется, Крейдун; начальник связи — старший лейтенант Гладилин, командир взвода управления — лейтенант Васильев, электротехник дивизиона старший лейтенант Карагод, помпотех капитан Павлов, лекарский помощник старший лейтенант Голубев, был еще арттехник. Замполитом был майор не моложе меня.

Наступление на Секешфехервар развивалось успешно, и 23 марта город был освобожден. Я выехал в район расположения полученных боевых машин: в небольшой венгерской деревне недалеко от леса около домов стояли «Студебекеры» с пакетами направляющих, закрытых брезентом. Это были новые установки реактивных снарядов БМ-31, что означало «боевая машина с наибольшим диаметром снаряда в 30 см». Здесь я и познакомился с командирами батарей 4-го дивизиона: 10-й, 11-й и 12-й.

10-й батареей командовал капитан Печевский, с ним я был немного знаком — это ему я передавал сотни отобранных в запасном полку бойцов. Он немного удивился, узнав, что теперь я буду командовать дивизионом. Печевский до войны был председателем колхоза в Черниговской области. Аккуратно одетый, особой выправкой он не отличался. Уже пожилой человек, Печевский был спокойным, неторопливым, вдумчивым и очень старательным и исполнительным командиром, но явно сомневался в том, что я, бывший канцелярский работник, могу командовать мощным гвардейским дивизионом. 11-й батареей командовал старший лейтенант Михайлов, который вел себя браво, подчеркивая, что свое дело знает. Командиром 12-й батареи был уроженец Сталинграда Афанасьев: с русыми волосами, в пилотке набекрень, с погонами без звездочек, в солдатской шинели; в нем было что-то анархическое. Ему я сразу сказал, что надо привести себя в офицерский вид.

Убедившись в том, что все боевые машины полностью укомплектованы и готовы к бою, я подал команду «По машинам!», сел в головную машину и повел дивизион в лес. Здесь на полянке каждой батарее я поставил задачу на подготовку к ведению огня. Батареи заняли боевой порядок, боевые машины подготовили к стрельбе. Проверив установки батарей к стрельбе и проверив каждую батарею в отношении правильности выполнения расчетов в направлении и дальности стрельбы, я убедился, что батареи и дивизион в целом готов к выполнению боевых задач. Тогда я дал отбой и отдал команду ехать в свое расположение. Ближе всех к штабу бригады был наш дивизион. Все командиры дивизионов имели по «Виллису», но нашему дивизиону командир бригады машину не дал. Когда я обратился к нему с этим вопросом, то он ответил мне: «Ищите себе трофейную». В дивизионе было 12 боевых машин, около 20 транспортных, бензовоз, машина с продуктами и кухней и штабная полуторка. В этой машине возили документацию и радистов с начальником штаба. Была в дивизионе и старенькая малолитражка «Форд-4»: шофером на которой был прекрасный специалист по машинам старшина Ларичев. Он мог привести в нормальное рабочее состояние любую машину. У него был один недостаток — куриная слепота, он плохо видел в темноте. Вот с Ларичевым мне на машине без номерных знаков и пришлось пока ездить.

Меня вызвали в штаб бригады и поставили новую боевую задачу: дивизион вместе с танковым корпусом генерала Руссиянова[54] должен перекрыть дорогу у озера Балатон и в случае необходимости поддержать наши части, наступающие по западному берегу Балатона. Дивизион к утру должен был

сосредоточиться в городе Шиофоке на восточном берегу Балатона. Мне было приказано лично заехать в Будапешт, найти там склад ГМЧ и предупредить, что снаряды надо подвозить в Шиофок. Дивизион повел на новое направление начальник штаба.

Вечером мы с Ларичевым вдвоем выехали в Будапешт. Была теплая мартовская ночь, фары включать было запрещено. На наше счастье, машин на нашем пути было очень мало, и мы довольно быстро доехали. Только начинался рассвет. Склад ГМЧ мы нашли быстро, здесь Ларичев бывал не раз — бригада участвовала в боях за взятие Будапешта и получила наименование Будапештской. Не задерживаясь долго, мы выехали к югу. Несколько раз забрызгивались свечи, и Ларичев менял их на запасные. Попав в танковую колонну генерала Руссиянова, мы ехали в ней среди танков Т-34. Механик-водитель одного танка ехал с открытым люком и кричал нам: «Майор! Как бы не сплюснуть тебя!» Но я не придавал этому никакого значения, веря в мастерство вождения наших танкистов. Как только впереди идущий танк останавливался, останавливались и мы, а сзади нас резко останавливался «наш» Т-34: его водитель вел танк очень осторожно, но ловко. Так мы ехали не менее часа, пока не прекратилось встречное движение и мы могли, увеличив скорость, оторваться от танкистов.

Среди танков были и английские «Кромвель», «Черчилль» — высокие, с узкими гусеницами, с плохой проходимостью вне дорог и крайне неустойчивые при боковых кренах; мы видели танк, лежащий на боку, — он пытался переехать канаву под углом. Мы спрашивали наших танкистов: «Как техника союзников?» Те отвечали: «Хорошо горят, ходячие гробы, но плохо ходят и воюют». Вырвавшись из колонны, Ларичев погнал наш «фордик», и тут беда: мы врезались в стоящую на обочине грузовую машину, да так, что весь капот оказался под кузовом высокого грузовика. Выскочил шофер грузовика и с ним лейтенант, он начал нас ругать, что мы ударили их машину, но, обнаружив, что удар сделала маленькая легковая машина, сразу замолк. Шофер, увидевший нашу машину под кузовом своего «Опеля-Блица», воскликнул: «Это мышонок, а я думал, грузовая нас стукнула!» Удар был довольно сильный: правая фара повернулась на 90 градусов и стала светить вправо, капот помят, мотор заглох, а я расшиб себе до крови лоб. Налетели мы на эту машину потому, что у нее не освещались габариты, и в тумане Ларичев не заметил машины издали.

«Опель» поддомкратили, и нашу машину вытащили назад из-под кузова. Ларичев осмотрел мотор, завел машину, и мы поехали дальше. Включили фары, а правая светит в сторону от

дороги. Говорю Ларичеву: «Теперь наш «фордик» как камбала — с глазами в сторону». Приехали в Шиофок, чистый маленький курортный городок на берегу удивительного озера с зеленой, как морской, водой. Я нашел представителя штаба бригады, он должен был координировать наши действия с группой войск фронта, наступающей здесь. Дивизиона еще не было, но скоро появился начальник штаба дивизиона, оставивший машины под городом.

Было тихо, никакой стрельбы. Мы развернули наблюдательный пункт, и в стереотрубу я внимательно осмотрел противоположный берег Балатона; никого не было видно, тихо. Жителей в городе не было. Все гостиницы и дачные домики были пусты и закрыты на замки. Никого не было и на железнодорожной станции. День был теплый, солнечный; бойцы отдыхали, чистили машины, приводили себя в порядок: брились, постригались. Появляться на берегу я никому не разрешил, мы создавали видимость безлюдья. Кроме нас, в городе других частей не было.

На второй день нашего нахождения в Шиофоке я получил приказ прибыть в расположение штаба бригады. Взятием Секешфехервара войска нашего фронта открыли дорогу на Вену, теперь началось преследование отступающих немцев. В районе местечка Папа дивизион получил задачу поддерживать наступление стрелкового корпуса. Теперь я был постоянно связан с командующим артиллерией этого корпуса, но стрелять пока не требовалось. Перед городом Шопрон с чердака самого высокого дома я наблюдал за действиями пехоты. Немцы стреляли бризантными снарядами; осколки разрывавшихся в воздухе снарядов пробивали черепицу домов. Наша помощь опять не потребовалась, и Шопрон был взят без нас: теперь впереди была территория Австрии.

Преследуя отступающих немцев, я все время находился в передовых частях пехоты на головной боевой машине. И вот в одной деревне я так далеко вырвался вперед, что меня остановил сержант и сообщил, что впереди пока никого нет. Я быстро убрал дивизион с дороги, и тут выяснилось, что в километре справа от дороги в лесу много немецких солдат. Разведчик доложил, что воевать они больше не желают и в наших разведчиков не стреляли: очевидно, желают сдаться в плен. Посоветовавшись с пехотным сержантом и нашим командиром взвода разведки, я решил послать к немцам парламентера с предложением сдаться в плен. Эту миссию я возложил на нашего арттехника, который с двумя бойцами пошел к немцам в лес. Ему я наказал сказать немцам, что если они не сдадутся в плен, то будут все уничтожены огнем «Катюш».

Дивизион развернулся в готовности немедленно открыть огонь по заданной цели, а я наблюдаю в бинокль за нашими парламентерами. Они подошли к лесу, и никаких выстрелов нет, вошли в лес — тишина. Скоро из леса потянулась колонна немцев в направлении правее расположения дивизиона, и тут, на наше счастье, подоспели пехотинцы: они и занялись приемом пленных. Наш арттехник свою задачу выполнил хорошо.

От командующего артиллерией корпуса я получил задачу поддержать огнем наступление стрелковой дивизии и немедленно выехал в штаб дивизии для уточнения задачи на стрельбу. Командир дивизии попросил поддержать огнем наступление стрелкового батальона на левом фланге дивизии: здесь противник удерживал большую деревню и не давал возможности батальону продвинуться вперед. В дивизион приехал заместитель командира бригады подполковник Коваленко. Ездил он на трофейной машине — вездеходе-амфибии, а водил эту машину паренек лет шестнадцати, причем водил хорошо. С Коваленко мы приехали в расположение стрелкового батальона, он осмотрел место для огневых позиций дивизиона, а о целях для стрельбы договорился с командиром батальона. Когда командир батальона узнал, что его будет поддерживать дивизион тяжелых гвардейских минометов, то очень обрадовался этому. Наверное, это было впервые, когда дивизион придали стрелковому батальону: как правило, такие дивизионы поддерживали как минимум корпус. На нашем фронте было всего две бригады таких минометов.

Свой НП я решил устроить на колокольне костела, но оттуда просмотреть позиции противника не удалось: среди домов и окружающих их деревьев не было видно ни окопов, ни огневых позиций орудий и минометов. Пришлось воспользоваться данными командира батальона. Пока еще время открытия огня не наступило; я сижу на колокольне, и вдруг из костела донеслась мелодия нашей «Катюши». Я спустился вниз, зашел в костел и вижу: за органом сидит священник в красной юбке и белой рубашке. Я и не знал, что так священники облачались перед богослужением! Подошел ближе и вижу из-под одежды наши армейские кирзовые сапоги — это был наш старшина. Я отругал его за такое богохульство, а он сказал: «Священник сам открыл двери костела, сказал, чтобы я играл для советских солдат, и показал мне, как это делать, — вот я и играю. А чтобы поддерживать авторитет церкви, пришлось одеться в форму их попа». Все же я заставил его снять одеяние попа и прекратить игру.

Появившись на наблюдательном пункте командира

батальона, я рассказал, что не рассмотрел ничего с колокольни, и попросил указать, куда дать залп, объяснив ему, что за две минуты мы выпустим на немецкие позиции 144 снаряда. Командир батальона указал на карте, куда дать залп, я подготовил данные — и дивизион дал залп, свой первый залп с машин. Со скрежетом и воем, свистя и шипя, понеслись на головы врага стокилограммовые «андрюши», а дивизион снялся с огневых позиций и направился к новому месту назначения. Позже, под Веной, я встретился с командиром стрелкового батальона, что поддержал залпом дивизиона, и он сказал мне, что после нашего залпа наступал 30 километров, не встречая сопротивления немцев.

Дивизион переместился на главное направление наступления фронта — на Вену. Под Веной в лесу сосредоточились три дивизиона бригады, и теперь сам командир бригады ставил нам задачи на поддержку огнем наступающей пехоты. Только я надумал немного соснуть — звонок от комбрига. Он спросил, где находится дивизион, который был впереди, я доложил, но он приказал мне лично разведать обстановку и прокатиться по шоссе, идущему параллельно расположению дивизиона и перпендикулярно основному направлению наступления на Вену. Полагаю, что комбригу очень хотелось избавиться от меня, и он надеялся, что со мной, может, что и случится в этой поездке вблизи противника. Он знал, что я выеду на ненадежной машине и никакую охрану с собой не возьму. Такой разведки мне, как командиру тяжелого гвардейского минометного дивизиона, не требовалось: если там немцы, то в бой дивизион без пехоты не пойдет, а если их нет, то задачу на занятие новых позиций укажет мне тот начальник артиллерии, которому я оперативно подчинен. Тем не менее я доложил комбригу, что сейчас выеду. Ларичева не было, он был отпущен добывать мне легковую машину, и шофером был рядовой Рубцов с русым чубом на лбу, как казак. Спрашиваю Рубцова: «Ну как твоя машина, исправна?» А он отвечает: «А куда ехать?» Бойцы, услышав такой ответ, громко засмеялись: «Товарищ майор, его машина заводится только тогда, когда ехать неопасно». Говорю Рубцову: «Поедем на разведку, вон впереди шоссе, вот и пронесемся по нему с ветерком, могут и обстрелять». Преодолевая страх быть обстрелянным, Рубцов сел в машину, и мы поехали. До шоссе было 3–4 километра. Мы с дороги свернули на шоссе и понеслись с большой скоростью. Тихо, никаких выстрелов: здесь нет ни немцев, ни наших солдат. Мы промчались до следующего поворота и скоро вернулись в дивизион. Позвонив, я доложил комбригу, что приказ выполнил, в ответ услышал «хорошо» — и все.

Ночь мы провели, не меняя свои позиции, а утром получили приказ на перемещение к Вене; до ее окраин оставалось несколько километров. Впереди на шоссе образовалась пробка, и мы остановились, оказалось, что впереди над шоссе был железнодорожный мост и его наши штурмовики обрушили; теперь саперы и пехотинцы разбирали завал. На пути к этому мосту стояли эшелоны товарных вагонов с награбленным немцами имуществом. Трофейщики, да и не только они, осматривали содержимое вагонов и искали то, что требовалось для боя, но в вагонах было полно дорогой мягкой мебели, которая не была нужна на войне. Пока расчищали завал на дороге, мы заглянули в город. Его подвергли бомбежке наши штурмовики, и всюду были видны следы их работы: разрушенные здания, убитые на улицах. Смотреть на такую картину было тяжело, и мы вернулись обратно к шоссе. Как только расчистили проезд, все машины двинулись к Вене. По Вене дали первые залпы, и нам навстречу потянулись вереницы женщин и девушек с узелками, чемоданами и мешочками за спиной. Это были угнанные в немецкое рабство наши советские люди. Радостные, они шли и шли в тылы наших наступающих войск.

В наступление на Вену включился и наш дивизион. В ожидании получения боевой задачи для наблюдения за полем боя я облюбовал в деревне двухэтажный дом, куда подвели связь от штаба и батарей. Связисты дивизиона работали всегда очень четко, обеспечивая надежную связь: кроме телефонной, имелась еще и радиосвязь. Командир взвода управления доложил, что левый фланг дивизиона открыт. Я послал его к пехотному командиру с просьбой прикрыть наш дивизион слева, комвзвода скоро возвратился и доложил, что командир батальона выслал для прикрытия нашего фланга отделение автоматчиков под командованием ефрейтора. Как изменилось положение воюющих сторон! В 1941 году такой заслон на фланг был бы недостаточен; немцы были не те, да и наши бойцы не имели еще боевого опыта и были вооружены слабее немцев. А теперь отделение наших бойцов могло стать надежным прикрытием фланга дивизиона гвардейских минометов, и я нисколько не беспокоился о том, что немцы могут напасть на наш дивизион. Да и немцам было теперь не до этого — им надо было спасаться от наступавшей лавины советских войск. К тому же мы были хорошо вооружены: имели автоматы, гранаты и ручные пулеметы, а насчитывающий 200 человек личный состав дивизиона был надежным, опытным, испытанным в боях. Большинство бойцов были с Дальнего Востока и служили в армии уже по седьмому году — это были крепкие, сильные, не знавшие усталости люди. Было и несколько

человек из тех, что я в феврале отобрал в запасном полку — все бывалые воины.

На каждой боевой машине по расчету было девять бойцов с командиром машины и шофером. Фактически же на отдельных машинах находилось лишь по шесть человек, но боеспособность не снижалась, боевые задачи выполнялись четко. Главная тяжесть для расчетов возникала при заряжении установки: надо было вставить в гнезда пакета 12 мин по 100 килограммов.[55] Мой ординарец Ахмет был очень сильным и всегда помогал расчетам машин заряжать установку: ему на спину клали снаряд в упаковке, который потом заталкивали в гнездо пакета. Через несколько минут машина снова была готова к бою.

Чтобы гарантировать тайну конструкции гвардейских минометов, на каждой машине имелся запас взрывчатки для уничтожения машины в случае неизбежного захвата ее противником. Но от этого запаса взрывчатки имелась серьезная опасность: в случае попадания снаряда взрывчатка могла взорваться. Приняв 12 боевых машин, я приказал выбросить взрывчатку и предупредил командиров батарей и боевых машин, что в случае неизбежности уничтожения машины ее надо поджечь, а для этого иметь на машинах канистру с бензином. На каждой машине мы имели по нескольку канистр: одну с маслом, а другие с бензином. Наш бензовоз был на автомобиле ЗИС и не поспевал за более быстроходными боевыми машинами. И вот теперь, при открытом слева фланге, я предупредил командиров батарей о необходимости повышения бдительности и тщательного личного наблюдения за противником.

Сильно захотелось есть, мы не ели со вчерашнего дня. Кухня отстала, да и раньше мы питались чаще всухомятку. У бойцов всегда были в запасе хорошие продукты: колбаса, окороки, которыми их снабжали мадьяры, да и хорошее вино было в канистрах, поэтому по кухне они не скучали. А у нас с Ахметом ничего под рукой не было, и он ушел на поиски съестного. Об этом узнали бойцы из взвода управления, и вот заходит ко мне связист: в одной руке гусь, а в другой эсэсовский серый с белыми кантами костюм. «Вот, товарищ майор, костюм вам, а гуся пусть Ахмет зажарит». Ну что за люди? Как будто у Ахмета готовая плита с собой! Я спросил, где он взял гуся, и связист ответил, что гуся машиной придавили, а он подобрал. Связисту я сказал, чтобы он отнес гуся своим, связистам: они смогут его ощипать и поджарить или сварить. Развернул костюм: френч с аксельбантами, а в его кармане повязка со свастикой: я открыл окно и выбросил этот костюм. Вернулся Ахмет с горячей кашей, которую он раздобыл у пехотинцев. Хороша была пшенная кашка!

Только мы закончили завтракать, как получили новую задачу — переместиться к окраине Вены: началось наступление. Мы находились на шоссе, ведущем в город. Дивизион расположился вправо от шоссе, в низинке, а влево местность была возвышенной и вдалеке виднелись горы. НП я выбрал на четвертом этаже дома и забрался туда с разведчиками и с рацией. Передо мной был план города с указанием главных сооружений, и я сличал этот план с обзором города. Недолго мне пришлось заниматься этим: разведчик доложил: «Товарищ майор, пожар в доме!» Мы свернули свой НП и с приборами начали спускаться вниз. Здесь, на первом этаже, бушевал пожар, и языки пламени прорвались на лестничную клетку; было и жарко и душно от дыма. Прорвавшись сквозь дым на улицу, мы ушли в низинку к боевым машинам. Вот комбриг вызвал меня к телефону и справляется, где я нахожусь. Я объясняю свое расположение, и комбриг говорит, что тут проходит автострада, пересекающая дорогу. Отвечаю: «На карте она есть, а в действительности ее нет», — а он твердит, что я не могу в карте разобраться. Тогда я отвечаю: «Приезжайте и сами убедитесь» — ив ответ слышу: «Приеду и покажу, как надо разбираться в карте!»

Слева от шоссе на Вену, в предгорьях Альп, находились немецкие зенитные орудия: обнаружив нас, они изредка вели обстрел наших позиций. Снаряды ударялись в шоссе и рикошетили, пролетая над нами. В возвышенной части, идущей от низинки к Вене, нашли цементное сооружение вроде кладовки, здесь и обосновался штаб дивизиона. По шоссе в город двинулись мотоциклисты и стрелковые части, а когда на шоссе появились наши Т-34, немецкие зенитчики начали обстрел. Машины и люди дивизиона укрывались за насыпью шоссе, снаряды в наше расположение не попадали, падали лишь отдельные осколки, но наши бойцы вели себя спокойно. И вот в расположение дивизиона приехал командир бригады полковник Лупанов. На шоссе он вышел из машины и начал искать автостраду, которая значилась на наших планах Вены, нанесенная на них красной расцветкой. Лупанов признал, что действительно автострады нет, — ошибка на картах. Эта ошибка в боевой деятельности могла обернуться тяжело для наших войск!

Затем Лупанов обратился ко мне: «Ну, майор, какие у тебя трофеи? Ты первым вступил в Вену». Докладываю ему: «Товарищ полковник, в Вену я еще не вступил и никаких трофеев не имею, а здесь могут убить — немцы стреляют слева и хорошо видят нас». Этого было достаточно, чтобы Лупанов, проворно сев в машину, уехал от нас. Так прошел первый день боев за Вену. Ночью я получил задачу — вести методический огонь одной машиной по

арсеналу. Мы подготовили данные, и боевая машина ушла из лощины на боевую позицию влево от шоссе на Вену. На изрытом снарядами поле машина остановилась. Командир машины был предупрежден — выстрелы давать с интервалом в пять минут. С НП мы наблюдали за этой стрельбой. Но впервые стреляющий с машины лейтенант не выдержал интервала в темпе стрельбы, и снаряды летели один за другим. Темной ночью впечатление от полета снарядов было очень сильное: набирая высоту и скорость, со свистом и сильным шипением, с огненным хвостом снаряд летел к цели, снижался круто и взрывался, оставляя большую огненную вспышку. Когда машина вернулась, я пожурил лейтенанта за нарушение темпа в стрельбе. Он ничего в оправдание сказать не мог, но никто из старших начальников претензий нам не предъявил.

Рано утром меня к телефону вызвал генерал Вознюк и приказал дать залп всем дивизионом через пять минут и назвал цель: «Чтобы через пять минут все было готово, понял? Ты знаешь, кто у меня на НП?» Я догадывался, что там маршал Толбухин, и Вознюк решил блеснуть своей оперативностью, но забыл или не знал, что для открытия огня по инструкции положено на подготовку не менее 10 минут с учетом перемещения на огневые позиции. Я ответил генералу, что залп будет дан позже чем через пять минут, а он сердито буркнул мне в ответ: «Дать залп через пять минут». Я ответил: «Слушаюсь, сейчас дам залп». Начальник штаба слышал наш разговор и успел быстро подготовить данные, а я скомандовал «По машинам!», стал на крыло первой машины и повел дивизион на боевые позиции, откуда ночью уже вела огонь та единственная машина. Дивизион выстроился в шеренгу, машины, заняв боевой порядок, изготовились к стрельбе. На последней машине на подножке кабины приехал Ахмет. Командиры машин быстро и четко выполнили наводку на цель и доложили о готовности к открытию огня, после чего я немедленно подал команду «Огонь!». Все лишние бойцы с машин ушли, остались только командиры машин и шофера — все в кабинах. Выпуск снарядов осуществлялся через пульт управления: оборот — и один снаряд улетает на цель из гнезда пакета. Мы с Ахметом стояли сзади машин, но сильная отдача газов из сопел снарядов поднимала в воздух мелкие камни и сильную пыль. Стоять тут было опасно, и мы спрятались в воронку от снаряда. Ахмет прихватил валявшуюся граммофонную трубу, укрыл наши головы от летящих камней и комьев земли, — и мы сидим, терпим. Подняв повыше голову, я выглянул и обомлел от увиденного: через кабину машины свалилась головная часть снаряда, а в ней почти 30 килограммов тола. Жду:

вот сейчас рванет, и полетят наши боевые машины разорванными на части! Но ничего, тихо, снаряд улетел без головной части. Стрельба закончилась, машины уходят снова в укрытие, а мы с Ахметом подошли к валявшейся головной части снаряда: она упала на мягкую почву не взрывателем, а боковой частью, и не взорвалась. Я приказал арттехнику внимательно осмотреть эту головную часть, он осмотрел, вывернул взрыватель и закопал неразорвавшуюся головную часть в землю. Потом доложил, что отрыв головной части от цилиндрической произошел потому, что первая была плохо навернута на вторую часть снаряда на заводе. После этого, как правило, солдаты проверяли соединение частей снаряда до зарядки в пакет направляющих и до отказа навертывали головную часть на цилиндр.

Дав залп, я ожидал от Вознюка новой задачи, но через некоторое время он позвонил и поблагодарил за четкое выполнение задачи. К вечеру дивизион вступил в город и переключился на помощь пехоте в уличных боях. Уже в темноте мы проехали в район вокзала, где еще шли бои. Прилежащие к вокзалу дома горели, а пехота вела бой на подступах к Дунайскому каналу. Машины упрятали в подъездные арки многоэтажных домов, все батареи соединили кольцевой линией связи, штаб разместили в большом доме. Для освещения комнаты наши разведчики раздобыли где-то толстую свечу толщиной в руку; сидим в ожидании получения боевой задачи. Так, в ожидании, мы провели ночь. Утром разведчики доложили, что обнаружили три легковые машины. Оставив начальника штаба за себя, я на «фордике» уехал посмотреть эти машины. В гараже стояли «Опель-Капитан», «Штеер» и «ДКВ», командир нашей летучки уже был занят тем, что приводил машины в рабочее состояние. Завести удалось две машины, а «ДКВ» не заводилась, она работала на топливе низкого качества — смеси бензина с маслом. Шоферы уехали в расположение дивизиона на двух машинах, а я на «фордике» ехал следом. Но тут нас остановила группа бойцов во главе с офицером и потребовала выйти из машины. Я доложил старшему команды, что являюсь командиром гвардейского минометного дивизиона и еду к боевым машинам. А мне в ответ: «А как вы оказались среди войск 2-го Украинского фронта?» Это удивило меня: откуда здесь взялись части этого фронта? Позже от оперативников ГМЧ я узнал, что шло негласное соревнование между командующими 2-м и 3-м Украинскими фронтами маршалами Малиновским и Толбухиным: кто возьмет Вену, кому Сталин в приказе определит решающую роль в этой операции. Говорили, что Толбухин переживал, раздумывая над тем, как будет сформулирован приказ. Приказ был

сформулирован правильно, в пользу Толбухина, — ведь именно его войска при содействии войск Малиновского взяли Вену. И вот это соревнование происходило в центре Вены, куда пробрались специальные отряды Малиновского, претендовавшие на первенство в овладении Веной. Меня задержали и отвели в сторону, а машину мастер летучки сержант Труш заглушил, и представители 2-го Украинского фронта не смогли ее завести. Число наших задержанных офицеров увеличилось. Я не мог ждать, когда разберутся со мной и отпустят, надо было быть в дивизионе. На мне была шинель, я снял ее, положил на руку и не торопясь пошел к выходу от задержанных к стоявшим в охранении солдатам; прошел мимо них и иду мимо своей машины. Труш кивнул мне головой, и его машина, рванув с места, ушла. Никто догонять ее не стал — слишком увлеклись трофейщики Малиновского. Я прошел еще немного и за углом увидел свою машину, сел и уехал в расположение дивизиона. Все это произошло в километре от наших войск, еще ведущих бой. На мою отлучку из дивизиона ушло часа два, но за это время дивизиону задач не ставили.

Дивизион стоял в центре Вены, совсем близко от дворца Бельведер. Теперь я получил задачу дать залп батареей по противнику за Дунайским каналом, вывел в парк перед Нижним Бельведером батарею, и мы открыли по немцам огонь. От непривычного шипучего и скрипящего шума жители прятались в подъезды домов. Мы с замполитом стояли вблизи батареи и видели, как струями газов в земле вырывало углубления, как расшвыривало землю и кустарник. После этого залпа стрелять залпами дивизиона и батарей уже не потребовалось.

В полдень от командира дивизии, которую мы поддерживали, пришел офицер и попросил подавить немецкие огневые точки в доме за каналом. Надо было стрелять с открытых позиций прямой наводкой. Просьбу эту мы согласились выполнить, но трудность состояла в том, что направить снаряды по горизонтальной линии не представлялось возможным: конструкция пакета не позволяла наклонить его в такое положение, и стрельба была всегда с навесной траекторией полета снаряда. А здесь требовалось прямое попадание в дом, занятый немцами, и запустить снаряды надо было по горизонтальному направлению. Выполнить задачу я поручил капитану Печевскому и объяснил ему, что передние колеса надо опустить так, чтобы пакет был горизонтален поверхности, и если не найдется канавки, то надо выкопать ямки для колес. Печевский уехал с машиной и довольно скоро вернулся с орденом Красной Звезды. Он отлично выполнил задачу: нашли для машины канаву, опустили передние колеса и

запустили по цели один снаряд. Затем скорректировали данные и выпустили остальные 11 снарядов. Цель была накрыта отлично, огневые точки подавлены, и пехотинцы форсировали канал. После этой стрельбы дивизион больше огня не вел. Для нас бои за Вену закончились, но машины были в полной боевой готовности.

Штаб дивизиона располагался на улице Принца Евгения. Здесь была и наша походная кухня. Дотошные бойцы осматривали помещения, расположенные во дворе дома, и обнаружили большой склад радиоприемников. Скоро эти приемники появились у машин и, получив питание током от аккумуляторов, услаждали бойцов музыкой. Из этой партии приемников я взял два: один большой для будущей Ленинской комнаты и маленький с универсальным питанием от постоянного и переменного тока — для себя. После войны я привез его домой, и он еще долго служил мне.

В батарее Печевского один боец получил ранение в руку, и я послал нашего фельдшера Голубева в батарею, оказать помощь раненому. Прошел час, я спрашиваю по телефону: «Как раненый, что сделал Голубев?» А в ответ: «Его не было здесь». Прошел день, а Голубева нет, шли дни, а его нет и нет. Кончилась война, мы выехали из Вены в Винер-Нойштадт, и тут явился Голубев. Спрашиваю: «Где пропадал?» Отвечает: «Шел в батарею, встретил красивую австрийку и прожил у нее. Ведь я холостой, вот и увлекся». Голубев подлежал отдаче под суд, но его счастье — война кончилась, и я не хотел омрачать ему и всему дивизиону радость победы. Учитывал я и то, что Голубев прошел всю войну с первого дня, — так что простил его.

Во дворе, где располагалась кухня, была поленница колотых дров. Повар, используя их для приготовления пищи, разбирал поленницу и обнаружил ворота гаража, открыл их и увидел чистую машину, вывешенную на колодках. Он сразу прибежал ко мне и доложил: «Товарищ гвардии майор, я для вас нашел красивую машину». Я пошел и действительно увидел красивую двухцветную машину «Мерседес-Бенц». Верх вишневый, а низ черный, внутри флажки со свастикой, две новые запаски сзади, на спидометре 16 тысяч. Руль имел самостоятельный замок, было два сигнала: один на руле кнопочный, а другой механический, с тросом к заслонке на выхлопной трубе. Машина была в хорошем состоянии. Автомеханики попробовали завести ее, но не завели и доложили, что нет компрессии. Начальником химслужбы в дивизионе был лейтенант Смытия, автолюбитель. Он попросил у меня разрешения покопаться в машине — и через полчаса пригласил меня прокатиться по Вене. Машина работала нормально. В салоне было чисто, свастики уже выкинули. Эту

машину я решил сделать штатной, оформив на нее документацию; комбриг обещал любую трофейную машину ввести в штат техники дивизиона.

Бои шли далеко за каналом, на западных окраинах города слышна была редкая стрельба. К этому времени наши части перешли Дунай по всему городу, и Смытия лихо прокатил меня по улицам Вены. Теперь в дивизионе было три хорошие машины: «Мерседес», «Опель-Капитан» и «Штеер». Все они стояли открыто, кроме спрятанного в гараже «Мерседеса». «Опеля» облюбовал какой-то общевойсковой начальник и прислал капитана забрать машину, но я «Опеля» не отдал, потребовав письменный приказ. Капитан уехал, а бойцы спрятали машину так, что ее не обнаружишь. «Опель» закатили в пустое складское помещение с железными жалюзи, опустили затвор жалюзи и поставили напротив боевую машину. Капитан приехал и предъявляет какую-то бумагу, а я не стал смотреть ее, сказав, что машину уже забрали другие охотники за трофеями. Капитан посмотрел вокруг и уехал. Больше никто не приезжал, да мы бы и не отдали ни одной машины.

Немного погодя на нашем участке появился корреспондент «Известий» и спросил, нет ли лишней трофейной машины. Корреспондент был в летной форме, и по старой приверженности к авиации я сказал ему, что машину могу дать — хорошего зеленого исправного «Опеля». Он решил машину взять и попросил шофера, — но вот шофера я дать не мог. В знак благодарности корреспондент сказал, что напишет обо мне хороший очерк, как о первом командире гвардейских минометов, вступившем в Вену. Вспомнив эпизод с майором Кипиани и журналистом Евгением Кригером, я сказал, что писать не надо: ничего геройского дивизион не сделал. Больше с этим представителем газеты «Известия» я не встречался.

Жители Вены, австрийцы, скоро нашли контакт с советскими воинами. У здания парламента страны мы встретились с австрийцем, хорошо говорившим по-русски, он угощал нас яблоками. Я спросил, откуда он знает русский язык, и он ответил, что в Первую мировую войну был в плену в России. От яблок мы не отказались, только спросили: они безвредны или нет? Австриец ответил, что это его яблоки, у него небольшая фруктовая лавочка. Мы ели яблоки, а австриец рассказывал, как немцы запугивали население: «придут русские и перебьют всех мужчин-австрийцев» и «русские — это дикие, заросшие волосами люди, больше похожи на медведей». Здесь же, у здания Австрийского парламента, мы встретили группу мальчишек с повязками «фольксштурм» на рукаве. Они боязливо шли с

винтовками, некоторые из них плакали, боясь, что их перестреляют советские солдаты. Бойцы отобрали у них винтовки, поддали им ниже спины, скомандовали «на *хауз!»* (домой!), — и радостные мальчишки разбежались во все стороны. Здесь, в центре города, было тихо. Центр Вены остался без повреждений, — исключением был знаменитый оперный театр. В Вене разрушения были главным образом в рабочих кварталах, а заводы и центр были целы. Эти разрушения произвела американская авиация, когда в этом уже не было никакой необходимости. Рабочие Вены сами вели расчистку разрушенных зданий и улиц. Мы поинтересовались, когда будут восстановлены дома, и один рабочий ответил, что «на это уйдет 90 лет». Штаб дивизиона расположился в доме напротив парламента. Сюда к нам и пришел командир отдельного мотоциклетного батальона. Он просил помочь похоронить своего замполита — дать салют, своих бойцов у него почти нет: многие убиты и ранены. Мы похоронили майора недалеко от здания французского посольства, и наши бойцы дали салют в честь героя штурма Вены.

Вечером на новой своей машине с шофером, бывшим московским таксистом рядовым Тереховым, мы катались по улицам Вены. Машина ему понравилась, и он был оставлен на ней как водитель. Теперь наш дивизион выглядел не хуже других дивизионов бригады. Ночь прошла спокойно, но к утру в одну из боевых машин попала мина. Кто ее выпустил, трудно было определить: бои заканчивались и шли в районе, слишком далеко отстоящем от нас для минометного обстрела. Этой миной убило часового. Мне доложили, что этот парень все боялся за свою жизнь, и вот, как по заказу, мина прилетела к нему. Об убитом бойцы его расчета были плохого мнения: он был барахольщик, — в доказательство они принесли обнаруженные в его карманах несколько золотых часов. Мы похоронили убитого, а его «трофеи» сдали в штаб бригады.

13 апреля Вена была полностью очищена от немецких войск. Дивизион получил задачу поддерживать стрелковый корпус, наступающий от Вены на запад. Я выехал на рекогносцировку к Сант-Пельтену и тут же от командующего артиллерией армии получил приказ в бой не вступать, — до встречи с союзниками перед войсками 3-го Украинского фронта немецких войск уже не было. Чувствовалось, что война идет к своему завершению. Мы очень внимательно следили за операциями других фронтов, в первую очередь на Берлинском направлении. Здесь наступлением командовал уже тогда прославленный полководец маршал Г.К.Жуков.

Недалеко от нашего расположения, напротив собора Святого

Стефана, находился холм, на котором расположилась батарея зениток. Здесь девушки у орудий слушали патефон. К этому времени нас, каждого из командиров дивизионов, командир бригады оделил рулоном искусственного шелка разной расцветки, и мы менялись между собой этими материалами. Я попросил зенитчиц уступить нам патефон, предлагая взамен материал на платья, но девушки и слушать меня не захотели: «Мы и в военной форме походим!» Такова была великая потребность в музыке. Жаль, что ничего с этим не получилось, но на сердце было радостно: победа близка. В Вену перебазировались все дивизионы бригады, которые сосредоточились на юго-восточной окраине города. Наш дивизион менял место расположения самостоятельно. Картина перемещения была оригинальной: командир батареи Михайлов едет на мотоцикле, а Афанасьев тянет на буксире старую машину — такси с фонарями на капоте, как у старинной кареты; резина у машины была негодная, и ее оставили посреди улицы. Затем командир взвода управления Васильев жмет на веломотоцикле — их наши бойцы обнаружили целый склад. Такая «кавалькада» и приехала к новому месту расположения. Мы остановились у двухэтажного особняка, огороженного высокой металлической сетчатой оградой, — это был особняк владельца парфюмерной фабрики. На ограде виднелась надпись *«Цивиль»* — значит, гражданские люди. Ахмет подергал дверь — заперто, и в тот же момент из окна высунулся мужчина и окликнул нас. «Момент», — сказал он, и ворота открылись. Нас с Ахметом проводили на второй этаж в спальню и сказали, что все в вашем распоряжении: постель, стол, туалет. Приходили мы сюда только на ночь, а день я проводил в дивизионе. Начальник штаба устроился на жительство у богатого еврея, командиры батарей — у австрийцев.

Вернулся шофер Ларичев; он искал мне машину и пригнал новенькую чистенькую машину «Адлер»[56] с передними ведущими колесами. Очень скоро «Адлер» показала свою слабость: после дождя я не мог выехать на этой машине — она вырыла передними колесами ямки, а с места не тронулась. Больше в нее я не садился. Паспорт начали оформлять на «Мерседес», — комбриг тогда не интересовался, какая у меня появилась машина, а разрешение на получение документов дал. Как-то под вечер он пригласил к себе всех командиров дивизионов и объявил, что мы поедем кататься по улицам Вены на своих легковых машинах. Мой дивизион был четвертым, и в колонне машин «Мерседес» с Тереховым находился в самом хвосте. Сели, промчались вереницей по полупустынным улицам красавицы Вены и остановились у дома, где жил комбриг

Лупанов. Вот теперь он увидел мою машину и сказал мне: «У тебя машина лучше, чем у командира бригады, зря я согласился дать тебе на нее паспорт. Ну, ладно, имей в виду, еще посмотрим». У него была машина марки «БМВ». Это выражение («имей в виду») он часто высказывал мне, к делу и в большинстве не к делу, — поэтому я не придал этому тогда особого значения. Сел в машину, Терехов дал сигнал «правительственный» (как мы ее называли) сиреной, и мы уехали в дивизион.

А в дивизионе произошло ЧП: начальник связи старший лейтенант Гладилин упал с балкона второго этажа, но ничего, лежит и спит. Разбираюсь, как это произошло: оказалось, хватил винца лишнюю дозу и во хмелю вышел на балкон (который не имел перил), чтобы поздравить жителей Вены с освобождением от немецкого гнета. Но речи он сказать не успел, — его мотнуло, и он шлепнулся на асфальт. Бойцы подобрали его и унесли в дом. Когда он хорошо проспался, то пришел ко мне и доложил обо всем. Я спросил, где больно, он ответил — нигде. Так и не было у него никаких последствий от полета с балкона.

В Вене меня разыскал военный следователь и сказал, что ведет расследование по поводу стрельбы дивизиона тяжелых гвардейских минометов по нашему наступающему батальону. Я сказал следователю, что стрелял по целям, которые указывали старшие начальники, и в тот район, которые он назвал, огня дивизион не вел. Все можно было уточнить на месте разрывов по маркировке снарядов, — и предложил ему съездить на место, по которому мы вели огонь. Мы приехали, нашли остатки снарядов с хорошо заметной маркировкой и сличили ее с записями нашего журнала о полученных для стрельбы снарядах. Данные не сходились.

Следователь сказал, что ко мне претензий больше не имеет, и уехал. Кроме нашего дивизиона, огонь по Вене вели дивизионы 29-й бригады, и еще один наш.

Другая беда: сверили списки личного состава дивизиона, и оказалось, что нет двух бойцов. Командиры батарей все еще надеялись, что бойцы найдутся, и не докладывали мне об этом. Бойцы исчезли после окончания боев за город, — командиры послали их по делу, а они не вернулись. Не все бойцы имели личные документы: у меня тоже не было удостоверения, что я командир дивизиона 28-й бригады РГК. Тогда было не до документов, требовалось немедленное выполнение боевой задачи. Размышляя, я прикинул, что бойцы задержаны комендатурой и там их надо искать. Вена подлежала разделу на административные зоны между союзниками, и к этому времени уже такие зоны были выделены, а на их границах стояли посты

контролеров движения. Вот в такой обстановке мы с Тереховым и поехали искать пропавших бойцов. Незаметно мы пересекли нашу зону и оказались на территории, отходящей Франции, и здесь на пункте нашей комендатуры обнаружили своих бойцов. Их тут держали несколько дней и никаких запросов в части не сделали. Я добился их освобождения, и мы выехали обратно, но пока это дело разрешилось, уже был поставлен контрольнопропускной пункт, и все машины останавливались для проверки при въезде в нашу зону. Нам ехать было опасно — у машины еще не было технического паспорта, и ее могли отобрать. Мы остановились в сторонке; КПП находился за железнодорожным полотном, под которым проходила шоссейная дорога, и нашу машину с КПП не было видно. Я присматриваюсь к движению и вижу: каждую одиночную машину останавливают и проверяют документацию. Я решил ждать того благоприятного момента, когда пойдет колонна машин, чтобы включиться в нее. Можно было объехать по окраинам города, но такой путь был слишком долгим. На наше счастье, появилась колонна какой-то части. Впереди на легковой машине ехало командование части, и их машину пропустили без остановки, а за ними шла вереница легковых машин. Я скомандовал Терехову: «Давай в колонну!» — он ловко вклинился в поток машин, и мы проскочили КПП, а потом резко свернули направо и благополучно приехали в дивизион.

Недалеко от расположения дивизиона находился трехэтажный особняк без жителей, набитый награбленным немцами добром. Мы вошли в него и увидели роскошный кабинет фашистского генерала: на фотографиях он, помеченный крестиком, сидел в машине рядом с Гитлером. На стене, на большом ковре, висели десятки ружей различных стран: от старинных кремневых до бескурковых современных, были ружья из витой дамасской стали. Шкафы были набиты бельем, рассортированным по принадлежности к полу и возрасту, было много столового и постельного белья. Солдаты принесли мне большую зеленую папку, в каких подписывались дипломатические документы, на ее обложке была серебряная пластинка с немецкими фамилиями. Я взял эту папку (в ней было удобно хранить военные карты), а пластинку снял и выбросил. Когда дивизион расформировали, папку я оставил себе и привез домой; потом я хранил в ней копирку. Из опросов жителей мы уточнили, что владелец особняка был особо важной персоной при Гитлере, имел большой чин в войсках СС. В подвале особняка размещалась кухня, прачечная и комнаты для прислуги. Солдаты использовали эту кухню и готовили себе пищу, хотя за это я их журил. Перловую кашу, что варили повара, солдаты не ели, а

готовили себе из трофейных продуктов более вкусную пищу. Им запрещали пользоваться трофейными консервами, но ничего не помогало: бойцы были опытны, хитры на выдумки и умели приспособляться к действительности. В дивизионе заботами старшин имелись запасы риса, гречки, сахарного песка, консервов, и старшины снабжали своих солдат этими продуктами, — а запасы вина были в каждом расчете, вот поэтому и бойкотировалась солдатская кухня.

В Вене и ее пригородах находились огромные подвалы с многочисленными большими бочками с вином. Любителей выпить красного вина хватало в каждом подразделении. Еще в начале боев за город любители выпить обнаружили эти подвалы с вином и пользовались им. В одном обширном подвале все вино из бочек емкостью с хорошую железнодорожную цистерну было выпущено и стояло, как вода, до самого порога; кто торопился набрать вина — опускали канистру и наполняли ее этой смесью вин. Все офицеры боролись с выпивохами и не разрешали пить и запасать вино из погребов. Но бойцы были хитрыми и догадливыми и водили проверяющих за нос. Так, на каждой боевой машине расчеты возили по шесть канистр: одну с маслом, а остальные с бензином. Наш генерал Вознюк сам ходил и проверял, что находится в канистрах на машинах: нюхал, открывая канистры, ничего из спиртного не находил, — а солдаты попивали. Позднее, в Болгарии, я узнал секрет сохранения вина: в канистру на три четверти или наполовину наливали вина, а наверх наливали бензин. Такова была система заправок вином про запас! В Вене наши гвардейцы пили хорошее вино, не черпая его из винного скопления, а брали из нетронутых бочек, а то и находили в маленьких «боченятках», как они называли бочонки. Раз со старшиной батареи, разыскивая пропавших солдат, мы ездили по городу. На окраине города он попросил остановиться, чтобы сходить по делу. Он ушел и долго не появлялся и вышел с противоположного конца улицы, неся на плече бочонок с вином, — а сам мокрый по пояс. Спрашиваю: «Что так долго и почему мокрый?» Старшина ответил, что искал для солдат к 1 Мая хорошего винца, заготовители вина сказали ему, что в глубине склада есть вино в бочонках, вот за ним он и ходил. В погребе было вылито вино по пояс, и пока он добрался до бочонков, пришлось бродить по пояс в вине. Я решил посмотреть на это сам и увидел то, что рассказал старшина: у входа в подвал стоял солдат и подавал канистры другому, что наполнял их у порога лесенки из винного «залива». Никакой охраны комендатура не поставила, и солдаты воспользовались этим.

Всем участникам войны с фронта разрешалось посылать

посылки домой. А где солдат мог набрать необходимого для посылки? Только трофеи, что могли найти в немецких складах брошенных при отступлении немцев вещей. В доме эсэсовца было много того, что солдаты могли взять для посылок; хозяин сюда уже вернуться не мог, и его имуществом все равно воспользуются другие. Солдаты это понимали и без всякой команды подбирали себе содержимое для посылок. В этом доме для офицерского состава на первом этаже у нас была столовая, а на другие этажи мы и не заходили. Раз под вечер мы с Ахметом подошли к дому после закончившегося ужина и заглянули в подвал, а там на плите наши связисты и разведчики готовили ужин. Мы еще не вошли в помещение, как раздался пронзительный свист и крик «Полундра!», и все, кто был в кухне, мигом выскочили в окно и врассыпную бросились мимо нас, а из окон здания выпрыгнули и разбежались еще несколько солдат. Один из них выпрыгнул прямо к нам. У него в руке был небольшой мешочек, и он не растерялся, а обратился ко мне: «Как, товарищ майор, на посылку хватит?» А я ответил: «Мало». Солдат приподнял мешочек и крикнул: «Хлопцы, доберем посылки до нормы!» Мы с Ахметом спустились в подвал на кухню, чтобы поесть, а солдаты вернулись в дом «добирать посылки». В подвале на плите готовилось жаркое из ветчины с рисом, мы оставили его солдатам. В углу маленькой комнатки, где ели солдаты, в чулке стояло что-то похожее на ружье. Говорю Ахмету: «Посмотри, что там связисты оставили»? Ахмет взял и протянул мне ружье в чулке: легкое («дамское», как его называли), бескурковое, двуствольное, сделанное в Кракове, с подписью мастера. Я сказал Ахмету: «Вот это ружье я возьму себе. Оно из Польши, захвачено немцами». Это ружье я привез домой: оно было замечательное, с большой убойной силой и меткостью поражения цели. В 1983 году по требованию УВД я сдал его в продажу.

До этого дня мы заходили в дом боковым проходом по узенькой лестнице, а теперь вошли с той стороны, где никогда не заходили — с парадного хода. Сколько всего тут было! В шкафах было полно посуды, белья; на стенах картины, ковры, на полу валялся сверток в пергаменте с пломбой. Мы раскрыли его и обнаружили вывезенный из Советского Союза узбекский ковер: он так и сохранился в упаковке, нетронутым. Ковер был маленький, мы взяли его для подстилки на сиденье в машине, и когда дивизион расформировали, ковер я оставил себе и переслал домой; потом он долго висел у кроватки моей дочки, а позже и внучки. Сколько же тут было награбленного немцами, если мы нашли нераспакованную вещь? Нам некогда было заниматься осмотром содержимого дома, но когда немного погодя я заехал

сюда с Ахметом, чтобы привезти для командира бригады радиолу, которая здесь имелась (ее пластинками топили печку), особняк оказался крепко заперт и ограда заперта. Мы перелезли через ограду, опять боковой лестницей пробрались на третий этаж, но радиолу кто-то уже прибрал.

В самом конце апреля, когда я шел в столовую, меня окликнули бойцы, разведчики дивизиона: «Товарищ гвардии майор! Мы Гитлера нашли!» — «Да что вы чепуху городите?» — «Нет, в самом деле, голову бронзовую нашли!» — «Где?» — «На чердаке дома фашистского генерала. Разрешите нам казнить Гитлера». — «Как?» — «А мы его в колодце утопим: привяжем камень и бросим». Что я мог им сказать? «Ладно, казните». И солдаты совершили казнь. Потом они рассказали, что искали колодец поглубже и, найдя, бросили туда голову Гитлера с кирпичом на шее. Так бюст Гитлера, оберегаемый его ближайшим подручным, обрел свой конец, о котором ни Гитлер, ни владелец бюста не мог и мечтать.

Еще в ходе боев за Вену солдаты обнаружили мешки с гитлеровскими Железными крестами. Это пластмассовый черный крест без номера, обтянутый витой медной тонкой проволочкой. Когда машины буксовали, то эти кресты сыпали под колеса. В другом дивизионе у майора Бабенко к солдатам пристала собачка, они накормили ее и надели на шею Железный крест. Но командир дивизиона сказал солдатам: «Вы обидели собаку, надев ей Железный крест гитлеровцев!» — и те сняли с собачки эту погань.

Среди солдат были чудачества. Война шла к своему завершению, все радовались приближению победы и на радостях устраивали хитрые обмены вещами под девизом «Махнем!». Обмен скрытыми вещами, от которых только незначительная часть показывалась желающему обменяться, называлась «махнуть». Солдат зажмет что-то в руке и показывает другому: «Махнем?» И махали — менялись. Ахмет так домахался, что пришел без ремня: махнул свой на другой ремень, а он оказался без пряжки. Командиры боевых машин и их шоферы любовно раскрашивали свои машины разными красками, но после войны все машины были покрашены в зеленый цвет по одному типу.

Перед майскими праздниками дивизион перебрался в город Винер-Нойштадт — Венский новый город километрах в тридцати к юго-востоку от Вены. Сильных разрушений город не имел; здесь, в парке на окраине города, сохранились огромные немецкие казармы. В Винер-Нойштадт пока переместился только наш дивизион. Нашли сначала место, где разместить боевую технику и весь транспорт; на лужайке около аллеи в парке

поставили все машины. Когда мы искали место для размещения личного состава, то осмотрели с замполитом добротные огромные немецкие казармы, но располагать здесь личный состав я не стал: уж очень много было здесь свободного помещения, неуютно. От казарм тянулась аллея больших деревьев, в начале ее стоял памятник или Бисмарку, или Вильгельму, — это узнать было невозможно, головы у него не было. Под кронами больших деревьев в промежутках между стволами стояли деревянные ящики в рост человека с двумя дверками. Мы открыли один, а в нем полно фаустпатронов, как и в остальных. В парке стояли пять деревянных одноэтажных бараков и мастерская по ремонту автомашин. Каждый барак имел свой индекс: «Берлин», «Мюнхен», «Лейпциг» и др. Осматриваем эти бараки: в одном был медицинский пункт — все медицинские инструменты разбросаны по полу. Половину этого же здания занимали немецкие офицеры: заглянув сюда, мы увидели следы поспешного бегства офицеров и их подруг — дамы оставили свое нижнее белье. В кухне для рядового состава в котлах осталась нетронутая пища, уже начавшая разлагаться, а остальные бараки были жилыми, с коридорами в середине и комнатами по сторонам. Облюбовав один барак, мы забрали в немецкой казарме 200 двухъярусных коек и хорошо разместили в нем личный состав. Я с Ахметом занял одну из комнат, шофер Терехов маленькую комнату напротив нас, а замполит жил в комнате с начальником штаба. Из немецких букв составили надпись «4-й Гвардейский дивизион» и прикрепили ее над входом. Нашли длинный немецкий красный флаг со свастикой, из него вырвали нужный для нашего флага лоскут и на мачте, что осталась после немецкого флага, подняли наш красный флаг. Оборудовали Ленинскую комнату, взяв в разрушенном поблизости доме пианино, — нашли и ковер, а литература у нас имелась. Теперь бойцы имели возможность здесь отдохнуть, послушать музыку, почитать газеты, писать письма домой. От движка вечером дали освещение в барак, и началась новая, благоустроенная жизнь дивизиона. Нашли бывшую немецкую офицерскую кухню и сделали для офицеров дивизиона кухню и столовую. Старшина дивизиона, отвечающий за продснабжение, сумел из заброшенных немецких дворов собрать коров стадом более 20 голов. Личный состав питался свежим мясом. Наш повар, большой любитель своего дела, один обеспечивал отличное питание, а в помощь ему выделяли двух рабочих. Ежедневно было разное меню из мясных блюд. Кто-то из офицеров сказал, что есть большой склад с сухим вином и там можно получить его для офицерской столовой. Я послал туда машину, и она привезла сотни бутылок хорошего «Рислинга».

Перед обедом повар ставил на стол по бутылке каждому офицеру, а наш любитель выпить фельдшер Голубев выпивал и больше нормы. В первый день обеда с вином он перепил и уснул в столовой, положив голову на стол. Когда мы собрались к ужину, он проснулся и спросил: «Что, обед еще продолжается?» На этот вопрос ему ответили смехом, и с этой поры уже никто не пил больше бутылки. Я, к удивлению повара, для себя отдельных кушаний не заказывал, а питался, как и все. Предыдущий командир дивизиона отличался капризами в еде и в трудных условиях боев донимал этим повара. Вина я не пил совсем, кончал обедать быстрее других и уходил из столовой.

Солдаты раздобыли массу пакетиков с сухим составом фруктовых напитков: сыплешь в стакан порошок, нальешь водички, он растворяется, шипя, — и пьешь приятный напиток, как наши лимонады. Каждый пакетик имел рисунок фрукта, соку которого соответствовало содержимое напитка. В окрестностях города нашли большие склады пустых канистр емкостью по 20 литров. Наши шоферы запаслись такими канистрами, держали в них бензин, масло и вино. Для нашей легковой машины Терехов подыскал бочонок литров на сорок, наполнил его бензином и упрятал в пустой багажник.

В прилегающих к баракам и казармам домах жителей никого не было — хорошие особняки стояли открытыми и пустыми, некоторые были повреждены бомбежками. В стороне от парка находился канал, и на нем была маленькая гидроэлектростанция, но воды канал не имел. К большому каналу был подведен маленький; в нем вода была, бойцы стирали здесь белье и мылись.

Местность вокруг города была очень красива: близко было предгорье Альп, покрытое лесом, а перед ним луга, как красный ковер, все в цветущих красных маках. Все расположение дивизиона охранялось караулами, а ночами еще усиленными парными патрулями.

Здесь всему личному составу дивизиона я вручил гвардейские значки, которые предусмотрительно взял в отделе укомплектования. Вручая гвардейский значок, я поздравил каждого с гвардейским отличием и пожелал благополучного возвращения на Родину. В одной из батарей у всех солдат были наручные золотые часы, и кого ни спрошу, ответ был один: «Старшина дал». Я вызвал старшину для объяснения, и он рассказал: «В первый день, как вступили в Вену, недалеко от огневой позиции дивизиона горел магазин, а в нем масса часов. Зашел и вижу: полковник вынимает маленькие ящички и опрокидывает их в вещевой мешок. Ну и я последовая этому

примеру, взял столько, сколько требовалось для наших батарейцев. Вам я боялся предложить, вы за это наказывали строго. А что, у вас нет золотых часов? Нате мои, у меня больше часов нет». Я сказал старшине, что мне его часов не надо, а вот награждать солдат надо было по правилам — оформить все приказом. Но раз так получилось, то менять ничего не будем.

Этот старшина был мастером часовых дел, набрал для себя запасных деталей к часам и хранил их в маленьком чемоданчике. «Тут все мое богатство», — говорил он, очень берег чемоданчик, но не уберег: в пути чемоданчик упал с машины, попал под колеса боевой машины, и все богатство старшины пропало.

Бойцы дивизиона узнали, что я плохо вижу вдаль и стали приносить мне очки: «Товарищ командир дивизиона, вот эти очки вам не подойдут?» Я примерял, но все были не по глазам, и я возвращал очки владельцу. Но вот солдат принес очки в легкой оправе, только с заушинами из золоченой проволоки. Я померил — они оказались по глазам. Эти очки я использую и теперь, хотя стекла вставлял в оправу уже несколько раз — все давил их в кармане. В другой раз старший писарь дивизиона сказал мне: «Товарищ командир, вы получили шахматы, что мы нашли в помещении, где жили немецкие летчики?» — «Нет, не получил». — «А я передал их начальнику штаба, он сам вызвался передать их вам». Немного погодя я спросил начальника штаба: «У вас шахматы, что передал писарь для меня?» Он сразу весь покраснел и не мог ответить, а потом сказал: «Вы знаете, у меня в Одессе тетя очень любит игру в шахматы, вот я ей и посылаю их в подарок». — «Покажите, — говорю, — посмотрю на них». А он опять: «Вы знаете, я уже зашил посылку и не могу ее распарывать, что тогда я ей пошлю?» Я сказал: «Вы сами оцените свой поступок и поведение», — и ушел. Этот одессит не гнушался в методах получения того, что считал нужным для себя.

Погода стояла очаровательная, дивизион жил по мирному пока режиму: велись занятия, уход за техникой, отдых после обеда — все по расписанию. Раз в послеобеденное время вблизи раздались выстрелы, напоминающие пушечные. Все выскочили из казармы-барака. Слышу крик: «Давай, теперь твоя очередь!» — и тут же грохнул выстрел. То два наших командира батарей Михайлов с Афанасьевым стреляли по мишеням, что выставляли из окопов, а в качестве орудия стрельбы использовали фаустпатроны. Всем составом командования дивизиона мы подошли к стреляющим, отругали их, а они бесхитростно оправдывались: «Надо же нам знать, как пользоваться этим трофейным оружием». Ну и что я мог сказать им? Я запретил стрелять, но сам подумал: война еще не кончилась, а вдруг

придется здесь защищаться от немцев? Тогда фаустпатроны могли нам пригодиться. Доложив командиру бригады, я получил приказ: вывезти все фауст-патроны в отдаленное глухое место. Это было сделано. Нашли подходящий овраг и на нескольких машинах обезвреженные «фаусты» отвезли под наблюдением нашего арттехника и свалили туда.

1 Мая рано утром мы услышали приказ Верховного Главнокомандующего маршала И.В.Сталина. В приказе были радостные всему советскому народу слова, о том, что «народы нашей Родины встречают день Первого мая в обстановке победоносного завершения Великой Отечественной войны… Над Берлином Красная Армия водрузила Знамя Победы. Войскам союзников и Красной Армии удалось рассечь немецкие войска на две оторванные друг от друга части и осуществить соединение наших и союзных войск в единый фронт — это обстоятельство означает конец гитлеровской Германии… Смертельно раненный фашистский зверь находится при последнем дыхании. Задача теперь сводится к одному — доконать фашистского зверя. Идет последний штурм гитлеровского логова». Приказ объявили перед строем всему личному составу дивизиона. Всем разрешалось отдыхать по-праздничному. Но не обошлось без происшествий: ночью шофер штабной машины Васюков забрался на кухню, где повар подготовил завтрак для офицеров, и съел все котлеты, оставив офицеров без завтрака'. Повар проснулся от шума, производимого захмелевшим шофером, и немедленно доложил мне. Я приказал арестовать Васюкова и посадить на гауптвахту — в комнату в бараке; ее дверь заперли и поставили часового. Захмелевший еще крепче Васюков начал бить стекла в раме и вылез на улицу: его снова схватили, доложили мне, и караульный начальник предложил связать пьяного или запереть его в более надежное помещение. Часовой также сказал, что он по уставу мог стрелять в беглеца, но не стал, и просил запереть беглеца туда, откуда он не мог бы бежать. Под автомастерской был подвал с железной дверью и маленьким оконцем с решеткой, вот сюда и поместили арестованного. Сначала он колотил по двери, но на это никто не обращал внимания, и он начал петь песни. Только успели изолировать разбушевавшегося пьяного шофера, как в расположение дивизиона приехал наш генерал Вознюк. Он поздравил нас с праздником, обошел все расположение дивизиона и остался доволен. Услыхав песни из подвала, спросил, кто там. Я доложил ему все как было, и он одобрил мои действия: «Правильно сделали, нельзя допускать, чтобы один негодник портил всем праздник. Пусть посидит!» Когда Вознюк уехал, ко мне подошел начальник штаба дивизиона с просьбой

выпустить шофера Васюкова: «Ведь такой праздник, а он сидит, вы понимаете это?» В ответ я сказал: «А вы понимаете, что он напился в офицерской столовой и оставил в такой день всех офицеров без завтрака, да еще продолжает безобразничать под арестом?» Начальник штаба больше просить не осмелился, но обиделся, что я не выпустил на свободу его земляка.

Недалеко от нашего расположения, на другой окраине города, оказался лагерь с угнанными немцами жителями из разных стран Европы. И вот 1 Мая этот лагерь ликвидировали — открыли ворота и разрешили всем идти куда желают. Группами по 5–6 человек, происходивших из одной страны, освобожденные уходили в свои края. Как правило, на тележечке они везли свое небогатое имущество и флажок своей страны.

Встречаясь с нашими воинами, мужчины снимали шляпы и низко кланялись, а женщины махали руками, а кто помоложе, посылали воздушные поцелуи. Радостно и приятно было смотреть на это шествие освобожденных людей — ведь наша армия освободила их, она совершила подвиг, освободив многие народы от гитлеровского рабства. Позднее нам удалось осмотреть бараки, в которых содержались угнанные в рабство люди: полумрак, духота, двухъярусные голые тесовые нары, маленькие окна вверху с крепкими решетками — теперь все пустовало, двери настежь и кругом пустота.

Днем 1 Мая мы с Тереховым выехали на прогулку. При въезде в центр города на перекрестке стояла девушка-регулировщица из 22-го батальона Военно-автомобильной дороги (ВАД-22). Перед самым нашим въездом она резко подняла красный флажок. В моем сознании мелькнула мысль, что к перекрестку на большой скорости идет танк, я крикнул Терехову: «Тормози!» — но он уже и сам нажал на тормоза. Наша машина подпрыгнула и резко повернула влево, к большим деревьям на обочине. Терехов рванул руль вправо, и машина, теряя скорость, упала на правый бок. Мы вылезли через левую дверку, а подбежавшие жители быстро подняли машину и поставили на колеса. Машина плавно легла на три точки — навески от дверей, находящиеся снаружи, и краска на них немного повредилась. А влево машину понесло от того, что правыми колесами она наехала на камень, вот они и не затормозили. Терехов нажал на стартер — машина заработала. Когда мы отъехали в сторонку, я подошел к регулировщице выяснять, почему она так неожиданно дала красный свет. Взволнованная девушка сказала: «Простите меня, товарищ майор, я попутала флажки, не докладывайте нашему начальнику». Я ответил регулировщице, что мы прощаем ее по случаю первомайского праздника и близкой победы.

Осматриваю машину — повреждений нет, только на асфальте осталось небольшое масляное пятно. Мы развернулись и поехали за город. Здесь на шоссе мы догнали большую черную восьмиместную машину, она неторопливо ехала по середине дороги, и обогнать ее было трудно. Мы едем за машиной, я решил ее обогнать и сказал Терехову: «Дай «правительственный» сигнал». Он дал длинный и сильный сигнал сирены, черная машина метнулась вправо, а мы на большой скорости умчались вперед. Однако я сумел заметить в машине генерала и, предчувствуя неприятный разговор с ним, сказал Терехову: «Гони». Набрав скорость под 120 километров, мы умчались, скоро въехали в деревню, где, облюбовав подходящий двор, въехали в него и плотно закрыли ворота. Хозяин дома еще не вышел к нам, как в деревню на малой скорости въехала знакомая генеральская машина. Генерал рассматривал, нет ли где нашей машины, но мы хорошо укрылись, и он нас не обнаружил и поехал дальше. Мы обождали немного и выехали обратно в Винер-Нойштадт, покатались там по улицам и вернулись в дивизион.

После праздников для всего дивизиона устроили баню на открытом воздухе, но с горячей водой. В углу обширного парка, около пустого домика садовника, нашли сарай с большим котлом: в этом котле и грели воду. Колодец «с качком», как говорят у нас в России, был во дворе дома, а ванны солдаты перетащили из немецких казарм, — и началась баня. Солдаты так старательно мылись и стирали, что выкачали из колодца всю воду, и последней очереди моющихся пришлось носить воду из маленького канала, что протекал в парке.

В дивизионе были люди самых различных профессий, привычек и поведения, мастера своего дела и неумелые, еще только начинающие осваивать житейские правила. Был шофер высокого класса рядовой Колесников: его машина всегда была исправна, но он любил выпить, и часто его приходилось заменять другим. Узнав об этом, я вызвал его к себе. Колесников объяснил свое поведение так: «Отец и дед мои хорошие специалисты по металлу, зарабатывали хорошо, но и выпить любили, а я иду по их пути. Товарищ майор, я не буду подводить вас, и если я пьян, то пусть меня поставят на голову и выльют на меня ведро воды, я сразу стану нормальным». Так однажды и получилось в теплый апрельский день. Надо ехать вперед, а командир батареи бежит ко мне — Колесников пьян. Я порекомендовал «освежить» Колесникова, и он так и сделал. После окончания войны Колесников, увидев меня в парке, опять обратился ко мне: «Товарищ майор, вот я всю войну прошел, а награды нет». Отвечаю ему, что с такими нарушениями дисциплины не награду

ему надо давать, а отправлять в штрафной батальон. Он ответил с задором: «А вот давайте спорить, что пить я не буду больше, а получу орден. Не верите? Вот увидите!» Спорить я с ним не стал, но мало верил, что он за свою службу уже в мирных условиях добьется награды. Но я оказался неправ: чуть позже я расскажу, как он заработал высокую награду.

После первомайских праздников в расположение дивизиона перевели всю бригаду — Вознюку понравился этот военный городок. Наш дивизион уплотнили, и мы отдали половину барака 1-му дивизиону. Теперь все бараки были заняты бойцами бригады. Штабные офицеры расположились в прилегающих домах, в которых уже появились хозяева. Нас, командиров дивизионов с ординарцами, поселили в один барак, и меня назначили старшим по бараку. Вое боевые машины поставили в одном месте, рядом транспортные и легковые штатные машины. Шоферы и расчеты мыли, чистили, подкрашивали свои машины. При въезде в парк поставили шлагбаум, а перед въездом в стороне оборудовали мойку для машин. Неисправные машины передали в мастерскую бригады для ремонта, а текущий ремонт выполняли составом своих дивизионных автолетучек. К этому времени наша походная автолетучка была хорошо оснащена всем необходимым даже для капитального ремонта. В нашей автолетучке был сержант Труш, высокий специалист по машинам. Он взялся за ремонт бензовоза. Задний мост «ЗИСа»-бензовоза был изношен, и Труш решил заменить его новым, подобрав его от иномарок. Найдя задний мост от «Фиата», его приделали к «ЗИСу», сделав это быстро и качественно.

Организацию питания теперь взяли на себя хозяйственники бригады. Офицерская столовая развернулась на базе нашей столовой, а для личного состава подготовили бывшую немецкую солдатскую кухню, убрав из котлов загнившую пищу. Узнав о стаде коров в нашем дивизионе, комбриг приказал сдать его в распоряжение помпохоза бригады майора Хейфица. Офицеров кормили хорошо. Рядовому и сержантскому составу готовили первое мясное, а на второе перловую кашу. Ее никто не ел: сидят бойцы перед мисками с кашей, но кашу и не пробуют. Наш комбриг Лупанов сердился, требовал от нас, чтобы бойцы ели, но это на бойцов не влияло; дневная порция каши оставалась нетронутой. Скоро стали делать так; каша варится, а двое солдат роют в углу парка яму, куда и относят горячую кашу. Вместо второго солдаты доставали свои запасы копченостей; было у них и винцо, они подкреплялись им, прячась от своих командиров.

Командир 1-го дивизиона, следуя нашему примеру, тоже разжился двухъярусными легкими койками для своих солдат. Но

еще не закончилась война, как в бригаду, а потом в наш дивизион опять прибыл следователь из военной прокуратуры фронта — тот самый, что приходил ко мне в Вене. Он предъявил мне обвинение в похищении из частного австрийского госпиталя двухсот солдатских дюралевых коек. Маршал Толбухин приказал немедленно расследовать этот случай и строго наказать виновных. Я объяснил следователю, что койки мы взяли из немецкой казармы здесь, в военном городке, — но он показал мне записанный номер машины, что увезла койки из госпиталя. Номер был нашей грузовой машины. Начинаем распутывать эту историю; с помпотехом уточняем, что эта машина находится на ремонте в мастерской бригады. Идем туда, нашли шофера, и он доложил: машина, как прибыла в мастерские, сразу была разобрана для ремонта, а номер снят. Следователь установил, что номер нашей машины был временно прикреплен к машине 1 -го дивизиона, на которой ездили добытчики коек. Как все кончилось, я уже не интересовался. А дело было так: командир бригады очень хотел, чтобы 1-й дивизион был первым по всем статьям. Для этого он перевел моего замполита в 1-й дивизион, а в наш — замполита-капитана из того дивизиона. Мы по многим статьям были лучшими; больше стреляли, меньше несли потерь, лучше у нас было со сдачей тары от снарядов, лучший парк и машины, лучшая Ленкомната, лучшая дисциплина среди личного состава, лучшее его размещение, питание, хорошо организованная учеба. И вот командир 1-го дивизиона, пробивной еврей, начал давать комбригу советы, как обойти наш дивизион. Погоня за лучшим размещением рядового состава и привела его к нечестной операции в приобретении коек. Выяснилось, что предложение использовать номер нашей автомашины в похищении коек дал мой бывший замполит.

Сразу после майских праздничных дней начались занятия по технике с командным составом. Все старшие офицеры были собраны в одну группу. С нами занимался инженер, представитель завода, где монтировались на машины наши тяжелые гвардейские минометы. Он читал нам лекции об устройстве снаряда и теории стрельбы. Жил инженер в бараке, и Вознюк приказал мне лично обеспечить его радиоприемником. Распоряжение генерала было выполнено, но, закончив свои лекции, инженер уехал, прихватив с собой и радиоприемник... Во время занятий мы больше следили за сообщениями о ходе боев в Германии. Сводки сообщали о захваченных пленных в таком количестве, что скоро воевать Гитлеру будет нечем. Числа пятого мая, прочитав сообщение о ходе боев, я сказал своему соседу майору Бабенко, что еще дня три-четыре, и война кончится —

Германия останется без армии. Бабенко записал это в своей тетради и сказал мне: «Проверим». Проверять не пришлось — война кончилась 8 мая. До нас утром 8 мая дошли слухи, что немцы подписали капитуляцию с союзниками, но наше Верховное Главнокомандование эту капитуляцию не признало. Теперь мы ждали новых сообщений.

Было еще темно, только начиналось 9 мая, когда дежурный разбудил меня и доложил, что вокруг города и особенно в предгорье Альп началась усиленная стрельба, уж не немцы ли начали наступление? Я сказал дежурному: «Не волнуйтесь, это война кончилась, вот в честь победы и стреляют». Запустили движок, подключили приемник и скоро услышали четкую размеренную речь Левитана, объявившего об окончании войны и установлении Праздника Победы над Германией. Свое сообщение Левитан повторял несколько раз. Наш движок мощностью в два киловатта дважды автоматически отключался — бойцы самостоятельно подключали свои приемники. Чтобы полностью прослушать передачу из Москвы, пришлось выставить охрану. Прослушав полностью передачу, я приказал построить дивизион. Все вышли с автоматами, и я, поздравив личный состав с победой над Германией, приказал в честь этой Великой Победы дать троекратный салют из оружия. Когда все зарядили свои автоматы, я отошел в сторону и, по-артиллерийски подняв руку вверх, резко опустил ее и крикнул: «Огонь!» После троекратного залпа я приказал личному составу разойтись, но где там — великая радость победы и окончания войны после стольких длительных дней жестокой борьбы так охватила людей, что каждый старался выразить ее по-своему и как можно эффектнее. Бойцы стреляли и стреляли, — и не только из автоматов, но и из трофейных пистолетов и даже ракетниц, заблаговременно сделав запасы боеприпасов к оружию. Стреляли периодически весь день бойцы всей бригады: они разбрелись по парку и стреляли до тех пор, пока не кончились патроны.

После завтрака на радостях все выпили. Трезвыми остались только мы с Ахметом: ему я запретил в этот день пить. С ним мы ходили по расположению дивизиона и везде видели бойцов, захмелевших от вина, выпитого в честь Великой Победы. Зашли к нашему повару на кухню, а повар, наш трезвенник, лежит на полу и не может подняться. Он лежа прикладывает руку к виску: «Вы, товарищ командир дивизиона, извините меня, сегодня такой день, и обед опоздает, я встать не могу!» Мы с Ахметом тоже поздравили его с Днем Победы, и я сказал, чтобы он об обеде не беспокоился. Но повар наш был безотказным человеком и сумел подготовить обед офицерам к назначенному времени.

После обеда мы решили прокатиться в Альпы. Взяли сильную, с открытым тентом машину «Штеер», Ахмет пригласил еще двух автоматчиков, и мы с баянистом поехали в Альпы, к востоку от Винер-Нойштадта. Среди зеленого лиственного леса въехали на полянку; в стороне виднелся домик, а впереди нас по дороге неторопливо шли две девушки. В те годы мы все были молоды и засмотрелись на этих опрятно одетых девиц: что-то в них было не австрийское. Один солдат пустил сальное слово в их адрес, но я пресек его и добавил, что они могут понимать по-русски. И тут одна из них повернулась к нам и говорит: «Конечно, мы понимаем по-русски, мы русские». Нас всех удивило, что молодые русские девушки встречают День Победы не на пути к Родине, а в далекой Австрии. Мы остановили машину и начали с ними разговор. Спрашиваем, почему они не на Родине, а они отвечают: «Нам и здесь хорошо». — «Откуда вы?» — «Мы из Харькова и уже давно тут живем». — «А чем занимаетесь?» — «Живем у фермера, ухаживаем за скотиной, и нам тут хорошо, в Харьков не собираемся ехать». Нас всех это очень удивило: как это советские люди так легко расстаются с Родиной? Спросили сколько их у фермера, и они ответили: «Шесть». — «А семья есть у него?» — «Нет, только мы у него». Все расхохотались, нам все стало понятно, и кто-то молвил им: «Он у вас за бугая служит, вот вы, дуры, и живете с ним, как рабыни у хана». Оставив этих вольнодумных девиц, мы сели в машину и по узкой дорожке поехали вверх по горе. Вплотную к дороге подступали заросли кустарников. Мы ехали, не опасаясь возможности нападения, — немцы были не способны на партизанскую войну, да и население здесь — австрийцы. Едем все выше и выше и добрались до плоской вершины горы с домом фермера. Ферма обнесена крепким забором. Перед домом машина не могла развернуться. Хозяин вышел к нам, и мы объяснили ему, чтобы открыл ворота — нам надо развернуться на машине. Въехали во двор; но и тут развернуться нельзя, и только когда открыли двери скотного двора, шофер въехал туда, а потом развернул машину. Постояв на вершине на поляне, мы поехали обратно. Местность здесь была очень красива — могучие широколиственные деревья создавали тень и прохладу; тишина, вокруг никого. Наш гармонист заиграл вальс «Дунайские волны», и под эту музыку мы, веселые и радостные, вернулись в дивизион. Здесь меня ждала новая радость — письмо из дома, прошедшее такой длинный путь за два дня!

Тогда же мы узнали о выступлении И.В.Сталина перед народом, о приказе Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту. Мы все гордились

победой и похвалой и поздравлением Верховного Главнокомандующего!

Первые дни после войны

Кончилась война, в ходе которой каждый воин, от солдата до маршала, не имея опыта, преодолевал невероятные трудности, познавая на деле мудрость умения воевать, поднялся и вырос в боевом мастерстве. Это хорошо чувствовал я сам: начав войну не вооруженным даже личным оружием, не имея опыта и умения, слабо подготовленный в военном деле, — я научился воевать и владеть самым совершенным и грозным оружием, закончив войну отлично подготовленным артиллеристом в должности командира дивизиона тяжелых гвардейских минометов.

Теперь, с окончанием войны, сразу же начались дни мирной учебы. Личный состав дивизиона начал учебу организованно. Мы узнали, что недалеко есть писчебумажный магазин, и поехали к владельцу. Он торговли не вел, но уступил нам по своей цене много тетрадей; заплатил я ему австрийскими шиллингами. А в городе обнаружили разбитый магазин, в котором на полу было на полметра самой разнообразной бумаги и канцелярских товаров. Солдаты набрали здесь для себя и штаба дивизиона бумаги, копирки, карандашей. Учеба велась по расписанию мирного времени, с перерывами для отдыха, с применением наглядности и высокой требовательности со стороны офицеров. Проверяющие организацию учебы в дивизионе работники штаба бригады никаких замечаний нам не делали, а ставили в пример другим дивизионам. Дивизион хорошо помог и бригаде в сдаче тары из-под снарядов. За сданную своевременно тару начислялись премии, — и вот дивизион все сумел сдать и рассчитаться со складами, а бригаде предъявили претензии на крупную недостачу. Командир бригады приуныл, но кто-то из наших сержантов обнаружил большой склад с тарой от наших снарядов. Доложили комбригу, и он приказал перевезти эту тару и сдать на склад. Теперь он не только покрыл недостачу, но и сдал излишки, получив 40 тысяч премии. Каждому командиру дивизиона он дал по 1000 рублей, а более 30 тысяч оставил себе. В те дни специальная трофейная машина, 1,9-тонный «Опель», возила собираемые им трофеи. Он даже нанял троих портных, которые шили ему гражданские костюмы! Но когда через год после войны я встретил комбрига в Москве, он рассказал мне, что его шофер распродал все его имущество, — и вдогонку продал легковую машину, которая была оформлена как личная собственность! В итоге он остался без всех своих вещей.

Вечером, после салюта в честь победы, у наших солдат не оказалось патронов для заступающих в караул. Пришлось идти к

пехотинцам — выменять патроны к автоматам на продукты. Как показал победный салют, у солдат и сержантов имелось личное оружие в виде различных револьверов и пистолетов, и его приказали изъять. Бойцы прятали оружие, и изъятия проводили дважды.

Уезжал в Россию на учебу заместитель командира бригады подполковник Комаленко. У него была личная машина «Адлер», такая же, какую пригнал для меня из Чехословакии старшина Ларичев, но старая. Он приехал в дивизион и просил меня заменить ему машину на нашу новую, и я без колебаний сделал это. В один из первых дней нашей учебы в парк машин бригады прибыл наш командующий ГМЧ с членом ВС ГМЧ Красной Армии генералом Дегтяревым и с ними представитель завода, что вел с нами занятия. Они осматривали наше расположение и начали с барака, где жили офицеры. Я был старшим над бараком, и мне пришлось их сопровождать. Все было нормально, но когда генералы вошли в комнату майора Бабенко, картина открылась неожиданная: Бабенко лежал на кровати с резиновой трубкой во рту, посасывая вино из бочонка, что стоял у кровати над головой. «Ну и порядок у ваших подчиненных! — сказал Вознюк. — За это вам и Бабенко по пять суток ареста». Моя вина была в том, что я не заходил в комнаты старших офицеров, — все они по должности были равны мне, и я не считал нужным контролировать их. Вот за это и попало мне от Вознюка! Затем генералы пошли в парк боевых и транспортных машин, — и опять неприятность: у самого въезда в парк шофер дежурной машины мыл ее кузов, а одет был только в дамские шелковые трусы с кружевом. Вознюк спросил: «Чей?» — «Мой», — ответил я. За эту «барышню» Вознюк добавил мне еще трое суток ареста...

Генералы прошли мимо транспортных машин, чистых, подкрашенных, законсервированных, и начали осмотр боевых машин. Осмотрев машины других дивизионов, они подошли к нашему, 4-му дивизиону. Все наши машины были чистенькими, без всяких изъянов, как будто и не участвовали в боях. Но одна машина выделялась из всех — машина шофера Колесникова, того самого, кто любил выпить. Подкрашенная заново, она блестела на солнце. Генерал Дегтярев спросил представителя завода: «Вы выпускаете такие машины?» Тот ответил, что «по чистоте окраски — нет». — «Кто шофер?» — спросил Вознюк. Колесников был тут, удивительно опрятный и совершенно трезвый, — и доложил, назвав свою фамилию. Его спросили, кто чистил и красил машину: «Я сам, один». — «Награждаю вас орденом Красной Звезды». Обрадованный наградой Колесников громко ответил: «Служу Советскому Союзу!» Генералы пошли в конец парка, а

Колесников, улучив момент, подошел ко мне и тихо сказал: «Я прав, товарищ командир дивизиона!» Я ответил ему: «Молодец, не теряй теперь свою боевую честь, держись!»

Вознюк решил проверить, как скоро может боевой расчет машины собраться по боевой тревоге, и объявил боевую тревогу одному из расчетов батареи — расчету капитана Печевского. Я крикнул: «Капитана Печевского ко мне!» Он появился мгновенно, и я приказал собрать расчет машины по тревоге. Буквально минуты через две весь расчет был у машины. Вознюк поблагодарил расчет за отличную службу и, обращаясь ко мне, спросил: «Вы, что, заранее все подготовили, так четко получилось?» — «Я все время находился с вами, а о прибытии вас в бригаду узнали все. Шла нормальная учеба в дивизионе, все были на месте». Генерал остался доволен, а Дегтярев сказал Вознюку: «Сними с командира дивизиона арест». Тот ответил: «Снимаю», — но, обратившись ко мне, добавил: «Но вам, майор, я это припомню». И припомнил! Командование бригады представило меня к ордену Отечественной войны I степени, а награжден я был таким же орденом II степени. В штабе бригады мне сказали, что это Вознюк понизил меня в награждении.

Вокруг Винер-Нойштадта было разбросано много боеприпасов немецкой армии: гранаты, снаряды, патроны — последствия разгрома немцев. Следы войны давали о себе знать: был тяжело ранен наш почтальон, молодой паренек из Белоруссии (он пытался разобрать немецкую гранату, и ему оторвало кисти обеих рук), позже погибли несколько бойцов. В окрестностях города находился пересыльный пункт для женщин и девушек, угнанных в Германию; среди них были больные венерическими болезнями. Перед отправкой на родину их тщательно проверяли врачи, но молодые женщины своим поведением способствовали распространению этих болезней среди солдат и офицеров. Удивительно было то, что замполит и политработники бригады не вели никакой разъяснительной и воспитательной работы с личным составом!

Наладили показ кинофильмов, и каждый вечер бойцы смотрели картины. Однажды всю бригаду построили по дивизионно, и в пешем строю бойцы прошли перед командованием бригады. Это было единственный раз в моей жизни, когда я командовал дивизионом в пешем строю. Но я не мечтал быть командиром в мирных условиях и начал размышлять, как бы избавиться от командной должности: для армейской жизни в мирных условиях я считал себя непригодным. Все больше и больше я задумывался над тем, как пойдет моя жизнь дальше. Было большое желание уйти из армии и заняться

своим любимым делом — ботаникой, стать учителем. Ведь прошло только 10 лет, как я оставил институт, и четыре года, как и у большинства, были отданы войне. Но пока я никому об этом не говорил — терпел, ждал и надеялся, что положение после войны должно обязательно измениться.

Неожиданно в бригаде появился капитан Дрибинский, которого я заменил в отделе укомплектования: из Москвы он сумел выбраться в Австрию. Истинный смысл своего приезда он объяснил мне при встрече, нагло спросив, какими трофеями я могу его наградить: часами, мотоциклом, хорошим радиоприемником, машиной? Я ответил, что у меня этого нет, и он, обиженный, укатил в другую часть за получением трофейной дани. В теплый майский день я съездил в штаб фронта и разыскал здесь своего друга Салмина. Он обрадовался встрече и сказал, что при первой возможности уйдет из армии. И мне, сказал он, лучше перейти на гражданскую работу, так как с моим характером трудно служить в армии и прислуживаться. «Поедем со мной в Краснодар и найдем тебе там работу преподавателя или по истории партии, или по ботанике — везде нужны такие люди». Я ответил ему, что из армии меня не отпустят как кадрового работника.

Кончился май, незаметно наступил июнь. День за днем шли занятия, учеба, отдыхали мы по воскресным дням. По железной дороге мимо нас беспрерывно шли товарные поезда с оборудованием заводов. Здесь, под Веной, в предгорьях Альп, гитлеровцы спрятали много заводов в подземельях. Работавшие на них угнанные немцами рабочие сообщили об этом нашей военной администрации, и немецкое оборудование вывозилось теперь в Советский Союз. В те дни в дивизион неожиданно вернулся из Советского Союза шофер Павлов, раненный в Будапеште. Он рассказал, что лечился в госпитале под Москвой, из приказа о взятии Вены узнал, что наша бригада под Веной, и добился разрешения ехать в бригаду. А из Москвы отправлялась в Вену колонна из 500 новых «Студебекеров» с двумя шоферами в каждом. Колонне по приказу Сталина дали «зеленую улицу», и она за двое суток, с остановками только для заправки бензином, прибыла в Вену. На эти машины погрузили оборудование автомобильного завода и увезли в СССР. Павлов был веселым, находчивым человеком и одним из лучших шоферов в бригаде. Его определили на боевую машину.

Каждый командир батареи, кроме Печевского, имел свой транспорт: у Михайлова был мотоцикл «Стундап», а у Афанасьева маленький грузовичок, как его называли, «Польский Фиат». Вот и катались они по обширному парку на своем транспорте. Для меня

припасли хороший сильный мотоцикл с карданной передачей, но меня это не интересовало: управлять я не умел, и на этом мотоцикле гоняли мастера из нашей автолетучки. А перед демобилизацией Ахмет сказал мне: «Тебя, майор, наши техники из летучки хотели искалечить на мотоцикле за то, что прижал крепко их начальника помпотеха дивизиона Павлова, не разрешаешь ему ездить к девочкам. Они думали обучить тебя езде на мотоцикле, а потом подстроить аварию с неисправным управлением». Я спросил, откуда ему это известно, а Ахмет ответил: «Я все знаю, я был осведомителем для СМЕРШа и строго следил, чтобы ничего не случилось с тобой». Вот, оказывается каким был Ахмет!

В дивизионе были старые солдаты, участники Гражданской войны. Это были пытливые, старательные и дисциплинированные бойцы. После Потсдамской конференции глав правительств в июле—августе ко мне подошел такой бывалый опытный воин и сказал: «Зря победу делим с нашими союзниками, ненадежны они. Надо было им всыпать заодно с немцами, чтобы наши внуки не имели горя от них...» Я разъяснил, что этого делать нельзя: наши народы боролись с гитлеровцами, и забывать такое нельзя. Как дальше будет, поживем— увидим, но уроки войны не должны забываться скоро!

Бригада наша собралась теперь полностью. В конце мая из-под Линца вернулся дивизион, который вел бои с власовцами уже после капитуляции немецкой армии. Все жили в предчувствии смены места расположения, но делали свое дело старательно, как будто скоро в бой. Бригада вошла в подчинение артдивизии,[57] та — в арткорпус. Им командовал генерал Нестерук, что был в Петрозаводске командиром 18-го артполка.

Прощай, Австрия!

Получив приказы, мы начали подготовку к передислокации. Нам надлежало забрать все имущество дивизиона, все личные вещи солдат, койки, трофеи, транспорт, снаряды, вооружение, запасы продовольствия и горючего. В колонне движения наш дивизион был замыкающим, а бригада замыкала артдивизию. Рано утром колонна вытянулась на шоссе. Готовые к движению, мы долго стояли, пока не прошли те части, что должны следовать впереди нас: артдивизия растянулась на многие десятки километров. Двигались рывками, с частыми остановками. Голова колонны становилась на отдых, а в хвосте ее еще продолжалось движение, и он останавливался на ночлег близко к полуночи. Тяжелый марш изнурил бойцов: не было горячей пищи, отдыха в пути; нервное напряжение, частые ремонты машин. Из Австрии мы проследовали через Венгрию и Румынию и прибыли в Болгарию. За переход бойцы так устали, что засыпали на машинах, и на понтонном мосту через Дунай у Калафата и Видину в моем дивизионе погиб сержант, командир боевой машины. Бойцы расчета располагались на машине под направляющими пакета, пристегиваясь к ним поясными ремнями; сержант по неизвестной причине отстегнулся от стоек и при въезде на мост от сильного толчка упал и попал под машину. В потере солдата, прошедшего войну, была и моя вина... В тот день мы стали на ночлег, и оказалось, что одной машины нет. Шоферы рассказали мне, что ее шофер на речке решил выкупаться, а пока купался, исчезло его обмундирование и машина. На боевой машине я поехал искать шофера. Нашел румынскую деревню с речкой и решил, что наш водитель здесь. Оставив машину у деревни, я пошел с солдатами к главе общины — примарю. На окраине деревни мы услыхали оклик, подошли к сараю и в щель увидели нашего шофера. Он рассказал, как все было: пока он купался, машину увели и забрали обмундирование, а его заперли в сарай! Мы нашли примаря, и я сказал ему, чтобы немедленно освободили шофера и вернули машину, а то разнесу их деревню, — и указал на стоявшую БМ. Примарь, как многие румыны, хорошо понимал по-русски и сказал, что все сейчас будет сделано. Скоро принесли обмундирование и указали, где находится машина. У меня не было времени, чтобы разобраться в этом деле, но я потребовал, чтобы примарь своей властью наказал виновных в этом происшествии. Ночью мы вернулись в дивизион. Я рассказал все своему замполиту и напомнил ему о необходимости проведения разъяснительной работы с бойцами,

но он этому не придал значения и в период движения не оказывал влияния на бойцов. Слабая политико-воспитательная работа обернулась еще двумя происшествиями: сначала командование батальона военно-автомобильной дороги задержало машину дивизиона, отобрав права у водителя, — батальон готовился к перемещению в Болгарию, и им нужна была машина, выручать которую пришлось начштаба дивизиона, — нашу машину они уже успели перекрасить в «пегий» цвет, сделав краску из толченого кирпича с бензином. Затем кувырнулась БМ самого начштаба: они ехали по узкой, с высокой насыпью шоссе, а навстречу шла колонна машин, и они так прижали его машину, что она упала набок, перевернулась и сама стала на колеса, лишь порвался вверху брезент на пакете. Все бойцы были привязаны, и ни один не свалился, только один сержант сломал руку. Вслед за этим происшествиям последовала гибель еще одного сержанта — на этот раз из взвода управления дивизиона, связиста, хорошего парня. Бригада закончила очередной суточный переход, сержант лег спать в высокой траве перед фронтом стоящих машин, и на него наехала запоздавшая в пути машина...

Наконец бригада прибыла в пункт своего нового расположения: в маленький городок Пештеру, расположенный среди гор на высоте двух километров над уровнем моря, километрах в 50 от Пловдива. Для личного состава болгарская армия уступила нам казармы, а офицерский состав разместили по домам. Среди жителей Пештеры было много турок, они выделялись своими костюмами. Были и русские эмигранты, офицеры бывшей Белой армии. Даже городскую власть возглавлял русский эмигрант, бывший офицер царской армии. Он рассказал нам, что горько им живется на чужбине: чтобы прокормиться, ему приходилось быть и учителем, и попом, и чиновником. Он не скрывал свою радость увидеть здесь, в глуши, русскую армию — победительницу немцев. По его указанию при въезде в город была построена арка, увитая цветами, по обеим сторонам дороги стояли жители с букетами цветов, а женщины еще и с ведрами слив, груш, яблок. Фруктами нас угощали у каждого дома.

Здесь была объявлена первая послевоенная демобилизация из армии лиц старших возрастов. Из дивизиона уезжали на Родину несколько человек, и в том числе мой ординарец Ахмет. Всех мы одарили подарками из трофеев, что смогли сохранить наши старшины: кому приемник, некоторым ружья, часы. Ахмету я подарил старинное двуствольное ружье дамасской стали. Многих властью командира бригады наградили медалями и орденами Красной Звезды. Меня же по распоряжению замполита бригады

вызвали на партийную комиссию с отчетом о работе в период перемещения из Австрии в Болгарию, стремясь направить дело так, чтобы объявить мне выговор. Хорошо зная функции парткомиссий, я заявил ее членам, что они не имеют права слушать отчет о работе, и если хотят наказать меня, то должны завести персональное дело, а предварительно провести расследование, как положено в таких случаях. Часть членов парткомиссии приняли мое предложение, но часть во главе с секретарем начала меня ругать и одного обвинять во всех происшествиях в дивизионе. В своем выступлении я рассказал о состоянии политической работы в период марша и бездеятельности политаппарата бригады. Бурное заседание кончилось безрезультатно: большинство членов партийной комиссии не поддержали линию секретаря.

Продолжались дни учебы личного состава. И вдруг совершенно неожиданно получен приказ — перевести бригаду на штат из трех дивизионов, а один расформировать. Я очень обрадовался этому: есть возможность избавиться от командования дивизионом! Я сомневался, что именно наш дивизион будет расформирован, но так и случилось. Мы сдавали оружие. Артснабженцы сказали мне, что за дивизионом числится 200 винтовок, но в дивизионе были только наши автоматы. Боец с винтовкой не мог уместиться на боевой машине, и постепенно солдаты обменяли свои винтовки на автоматы у пехотинцев и бойцов других служб. И вот мне надо было расплачиваться за эти грехи. Начальник артснабжения никак не желал принять от меня автоматы. Я решил обменять автоматы на винтовки у солдат болгарской армии, но не в нашем гарнизоне. Для этого снарядили нашего фельдшера Голубева. Он вернулся через два дня, отлично выполнив задание: привез 200 старых винтовок, которые мы и сдали. Техника, машины пока оставались в бригаде для укомплектования штата, а личный состав частично передавался в другие части нашего профиля. Постепенно я раздал все свое имущество, вывезенное из Австрии: мотоцикл, велосипед, печь для отопления комнат, два шкафа из карельской березы, что взяли в немецкой казарме. На прощание я представил к награде фельдшера Голубева, и командир бригады наградил ветерана войны орденом Красной Звезды. В дивизионе было две или три беспаспортные трофейные машины, как и в других дивизионах: одну я передал командиру болгарского гарнизона, а две в распоряжение помпотеха бригады. А со своей машиной я распрощался, когда уже получил все документы для следования в отдел кадров артиллерии. Новый владелец прислал снова своего шофера и потребовал, чтобы я отдал ковер, что был в машине, но

я сказал: «Передай своему подполковнику, что ковер не является частью машины».

Каждому солдату, выбывающему из бригады, вручали справки с объявленными благодарностями Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина, причем каждому в нее включили все благодарности, что бригада получила за свои успешные боевые действия. Мне, как и всем, в справке было указано пять благодарностей: за прорыв обороны в районе г. Бендеры, за освобождение столицы Югославии Белграда (в этих боях я не участвовал), за прорыв обороны в районе г. Секешфехервар (Венгрия), за взятие столицы Венгрии Будапешта и за взятие столицы Австрии Вены. Справка была датирована 20 июля 1945 года, подписана командиром части Лупановым и скреплена гербовой печатью войсковой части № 24 880. Эта справка хранится и теперь.

Всех выбывающих из бригады свели в одну группу, выдали проездные документы и предписания в отдел кадров ГМЧ. Меня, как старшего по званию, сделали начальником группы. Нам следовало прибыть в Констанцу, где находился штаб 3-го Украинского фронта, и мы отправились туда с попутным транспортом. Все военнослужащие имели право бесплатного проезда по железным дорогам стран, где проходили войска фронта.

Передо мной возникло три варианта: получить назначение и служить за границей; быть в резерве здесь, в Румынии, и маловероятная возможность выехать на Родину в резерв. От этих волнений заболело сердце, я пошел к кадровикам и попросился направить меня на медкомиссию. Пройдя в Констанце обследование у терапевта, я был направлен на медкомиссию в специальном госпитале в г. Брайле. Врачи, осмотрев меня, выдали справку, о том, что я болен миокардиодистрофией, но по этой болезни я демобилизации не подлежал — а мне так хотелось уехать в СССР! В отделе кадров ГМЧ обещали направить меня на должность командира дивизиона или заместителя командира полка. Ни то ни другое не радовало меня: я понимал, что командиром на строевой работе в мирное время быть не могу. По моей просьбе меня принял и выслушал генерал Вознюк, которому я сказал, что для мирной работы на командной должности не гожусь. Я попросил генерала дать разрешение мне на выезд в СССР в резерв офицеров, там я мог бы использовать десятилетний опыт политработника, прошедшего почти все ступени от политрука до начальника политотдела соединения. Он согласился с моей просьбой, и я, радостный, пошел в отдел кадров. Но мне опять не повезло: командующий фронтом

запретил отправку офицеров в Советский Союз... Помог мне мой друг Салмин, который уже имел документы на выезд в СССР. Он в отделе кадров имел определенный авторитет и пошел с разрешением Вознюка в отдел кадров. Начальник отдела уже сдал дела и выезжал на должность командира полка, но сказал: пусть заготовят на мое имя предписание для выезда в Одессу (куда направлялись офицеры в резерв), а он подпишет его тем числом, когда выезд был еще разрешен. Салмин принес мне такое предписание и вскоре через Бухарест, пограничную станцию на Дунае Рении и Молдавию я прибыл в Одессу, на Родину!

В Одессе я получил должность, с которой уехал на войну — старшего инструктора политотдела по оргпартработе в Одесском артиллерийском училище. Это было в конце августа 1945 года, за несколько дней до конца Второй мировой войны. С зимы 1946 года я начал хлопотать о зачислении в Заочную Высшую военно-политическую школу. Меня зачислили слушателем-заочником второго курса с условием, что я ликвидирую отставание в учебе, сдав всю академическую задолженность на первом сборе заочников. Я согласился и летом был вызван на сборы в Киев (потом они повторялись каждый год). Занятия мы проводили в училище самоходной артиллерии, близко от Днепра. Занимались по 8–10 часов в основном лекциями, а зачеты и экзамены сдавали в вечернее время. Мне предстояло сдать 16 зачетов и экзаменов: кроме политических предметов — связь, топография, стрелковое дело, артиллерия, минометы. Все зачеты я легко сдавал, а на экзамене по истории партии шокировал экзаменовавшую меня доцента упоминанием того, что до войны был преподавателем этого предмета. «Так какого же черта вы учитесь?» — вспылила тогда она.

Обстановка в училище становилась все труднее, и в 1948 году мне предложили временную (до окончания академии) должность заместителя по политчасти командира артдивизиона в 105-м гаубичном полку 28-й Гвардейской Харьковской стрелковой дивизии. Здесь очень пригодились мои знания артиллериста, но в октябре во время нахождения на полигоне меня сбил грузовик «Додж s», за рулем которого сидел лейтенант, не имеющий прав вождения машины, шофер-солдат занимал место рядом с ним. Наши офицеры вгорячах надавали тумаков сидящим в машине, сбросили груз, уложили меня на дно кузова и повезли в Окружной военный госпиталь, но не поставили в лубки мою сломанную ногу. Перелом был тяжелый, под гипсом на ране начались нагноения, обнаружились признаки остеомиелита. Появился следователь из военной прокуратуры и начал расспрашивать меня о том, как я оказался под машиной. Я

спросил его: «Что может получить от суда виновник моей травмы?» — «Лет до семи тюрьмы». Спрашиваю, что надо сделать, чтобы не судили виновника этого происшествия, и получаю ответ: нужно мое письменное заявление о закрытии дела, что к виновнику я претензий не имею. Я попросил лист бумаги и написал такое заявление, следователь был доволен, а неприятностей в дивизии и без моего дела хватало. В тот день, когда меня искалечили, в дивизии было еще одно ЧП: солдаты-минометчики готовили мины для стрельбы и, чтобы побыстрее освободить их от смазки, положили мины в костер. Мины нагрелись и взорвались, было убито шесть или семь человек...

В госпитале я пролежал полгода: кости на переломах голени срослись, но плохо заживала рана, особенно в передней части. Даже вернувшись в полк, я несколько раз возвращался в госпиталь для обследования и долечивания. В 1950 году я завершил учебу в ВПА им. В.И.Ленина по специальности общевойскового факультета: защитил дипломную работу, сдал государственные экзамены по немецкому языку, истории ВКП(б) и тактике. Начав учиться в 1936 году, теперь я наконец-то получил высшее образование. В конце ноября этого же года в полках были скомплектованы школы по подготовке младших командиров. На должность замполита такой школы в 61-й артполк нашей дивизии и был назначен я. Но еще до этого меня вызвали в Управление кадров Советской Армии[58] в Москву и объявили, что хотят направить меня в ГДР[59] в аппарат Советской контрольной комиссии (СКК). Он был сформирован из сотрудников Советской военной администрации Германии (СВАГ), и председателем СКК был тогда генерал армии Василий Иванович Чуйков. В последних числах января я выехал на новое место службы и на месте был назначен старшим преподавателем Вечернего университета марксизма-ленинизма и фактическим руководителем его филиала в Лейпциге. По Потсдамским соглашениям Германия выплачивала репарации за нанесенный ущерб нашему государству. Очень многие предприятия были собственностью советского государства и поставляли в нашу страну свою продукцию. В Лейпциге было два таких мощных объединения: «Брикет» и «Трансмаш», их директорами были советские специалисты, как и многие на инженерных должностях. Для них и нужен был вечерний университет, в котором изучались история партии, история СССР, философия, политэкономия и международные отношения. Через три месяца после начала работы я получил звание подполковника: при том что майором я был с ноября 1942 года, занимая полковничьи и подполковничьи должности. На фронте меня это не занимало, а потом стало так,

что «звание не дают — должность не позволяет, а должность не дают — звание мало».

Работа была ответственной и занимала меня целиком. Но мне пришлось снова засесть и за изучение немецкого языка. Все советские сотрудники в Германии обязаны были изучать немецкий язык по шесть часов в неделю: один час за счет нерабочего времени, другой за счет служебного. На второй год работы я был назначен уже начальником Университета марксизма-ленинизма и переехал в Берлин. Меня изредка привлекали к дежурству в кабинете начальника политотдела СКК (особенно в праздничные и выходные дни), и мне приходилось видеть наших знаменитых полководцев, включая Конева и Соколовского. В 1953 году Советское правительство начало передавать в собственность ГДР заводы, работавшие в счет выполнения репараций. Наши директора постепенно сдавали свои полномочия немецким директорам, которые до этих пор были номинальными администраторами, а теперь стали полновластными хозяевами. Из 160 или 170 находящихся в советской собственности предприятий ГДР было передано более 130. Аппарат управления репараций сокращали, начались отъезды сотрудников СКК в СССР. Однако вечерний университет продолжал работать.

Рано утром 5 марта 1953 года меня разбудила секретарь университета и сказала, что умер Сталин, — а у самой слезы на лице. Я немедленно оделся и ушел в политотдел, начальник которого подтвердил всем собравшимся эту тяжелую весть и сказал, чтобы мы шли по своим местам. Секретаря я послал в магазин за черным и красным материалом: обвили раму портрета Сталина двухцветной красно-черной лентой, и выставили ее в окне нашего здания, фасад которого выходил на главную улицу Карлсхорста — пригорода Берлина, где 8 мая 1945 года была подписана капитуляция Германии и где теперь располагался аппарат СКК. Занятий в университете не было, и я решил побродить по ближайшим к городку улицам: гремела гроза, улицы Берлина как-то притихли и опустели. У всех возникала мысль: как теперь будет с марксистско-ленинской наукой, кто ее будет развивать, защищать, кто заменит Сталина? В Центральном клубе и зрительном зале собрался актив СКК. В президиуме генерал Чуйков со слезами на лице, не скрывая своей тревоги и озабоченности, вел траурное собрание. В Москву на похороны Сталина от СКК направилась делегация во главе с Чуйковым: она повезла большой венок к гробу Сталина. По радио беспрерывно передавалась траурная музыка — страна прощалась с человеком, который руководил ею более 30 лет, пережила трудное время

коллективизации страны, вышла победительницей из смертельной схватки с отборными силами мировой реакции — гитлеровской Германией, залечила раны небывалой разрухи и опустошений, принесенных войной.

1 августа 1953 года СКК прекратила свою деятельность; Чуйков был отозван в СССР. Пост командующего советскими войсками в ГДР принял генерал Гречко, а пост Верховного комиссара (представителя СССР) должен был занять Семенов, бывший политсоветник при Чуйкове. Семенов еще не приступил к своим обязанностям, как в ГДР начался путч, поводом послужило установление сдельной оплаты строителям, что работали на центральных улицах города, возводя новые дома. У немцев работа всегда оплачивалась поденно, и новую систему рабочие приняли протестами. В один из первых июньских дней слушатели, прибывающие на занятия из центра города, сообщили, что там начались нападения на советских людей: переворачивают машины, избивают пассажиров. Это было начало путча, а утром отключились телефону многих советских учреждений. В городе стало тревожно; было известно, что сигнал к путчу был дан не только для Берлина, это было сделано и в других крупных городах ГДР. Комендант Восточного Берлина генерал Дибров ехал в танке и из открытого люка призывал путчистов прекратить свои действия, но в него полетели кирпичи, которых было много у строек. Генерал закрыл люк, а танк сделался красноватым от ударов кирпичей. В тот же первый день путча, рано утром, путчисты захватили руководителей правящих партий, входящих в Национальный фронт ГДР. Был захвачен лидер ХДС (Христианско-демократического союза), старичок доктор Нушке, член правительства. Его привезли в Западный Берлин, поставили перед микрофоном и сказали, чтобы он ответил на три вопроса. Первым был: «Где сейчас правительство ГДР?» Он ответил: «На работе, на своем обычном месте. И я ехал на работу, а меня перехватили силой». — «А может, правительство в СКК?» — «Возможно. Мы часто там бываем». И третьим вопросом было: «Как вы оказались в Западном Берлине?» — «Вы сами меня сюда привезли». Микрофон убрали, а Нушке задержали.

Рано утром я проснулся от грохота танков — в Берлин вступила танковая армия генерала Бабаджаняна,[60] танки которой остановились на магистралях и перекрестках, граничащих с Западным Берлином; доступ антисоветским силам был перекрыт. Наши танкисты еще не заняли своих позиций, как генерал Бабаджанян на «ЗИМе» выскочил вперед и попал в толпу путчистов, которые пытались опрокинуть его машину. Сам Бабаджанян был маленького роста, худенький; он сидел в машине

и на что-то надеялся — стрелять нашим военным не разрешалось. Бабаджаняна выручил из беды его начальник штаба — офицер могучего роста, с маузером на боку. Он подъехал на «Виллисе» и, не говоря ни слова, стукнул нескольких путчистов своим крепким кулаком, остальные разбежались. У Бранденбургских ворот был такой эпизод: путчисты сняли наш советский флаг над воротами, солдаты подняли новый, и тот сняли. Солдаты снова подняли наш флаг, и, когда путчист полез снимать его, наш танк дал один холостой выстрел. Больше к флагу никто не прикасался. Свой командный пункт генерал Бабаджанян перенес от Бранденбургских ворот в Карлхорст, и полевая армейская радиостанция развернулась у здания, которое занимал наш учебный комбинат. Штабные работники танковой армии Бабаджаняна расположились около здания университета, но сам генерал Бабаджанян не имел никакого помещения. Увидев меня, он спросил: «Подполковник, душа любезная, уступи нам свое здание». — «Не могу!» — «А если я прикажу?» — «Ваш приказ не могу выполнить, так как я подчиняюсь гражданским властям. Вот если мне прикажет мой начальник, то это другое дело». Начальник политотдела СКК Федотов отдал такое приказание, и мы передали здание военным. Когда я взял из сейфа необходимые материалы и вышел, у здания связисты уже тянули многоканальный кабель связи, и штабные работники стояли у дверей вместе с Бабаджаняном. Мой кабинет занял член Военного совета армии, и ему долго приходилось отвечать на телефонные звонки слушателей и сообщать, где теперь находится университет, — а на дверях университета я повесил объявление с указанием, где теперь находится канцелярия.

В эти дни был запланирован мой выезд в Лейпциг для организации приема экзаменов в филиале университета — и я отправился туда, несмотря на предупреждения о том, что это может быть рискованно. На автостраде машин было мало, на перекрестках над полотнами дорог у перекидных переездов стояли наши мотоциклисты. При въезде в Лейпциг на окраине города шоссе было перегорожено баррикадой, и около нее стояли толпы рабочих с ближайшего завода. Кончалась первая смена и должна была заступить вторая — вот путчисты и воспользовались этим временем, чтобы вывести рабочих на улицу и повести за собой. У баррикады шофер-немец остановил машину и сильно перепугался: к дверце машины рванулся высокий, почти двухметровый, довольно еще моложавый немец. Заглянув внутрь машины и увидев меня, он крикнул *«Оберст!»* и что-то сказал своим ближайшим подручным: баррикаду мигом разобрали, сделав проезд для нашей машины, и мы поехали в город. В городе

было тихо, никаких признаков путча не видно. Мы подъехали к представительству СКК и здесь увидели несколько танков и наших солдат. Представитель СКК удивился, как это мы из Берлина решились ехать сюда и приехали невредимыми. «Мы, — сказал он, — не решаемся выйти из здания». Я сказал ему, что улажу дела в университете и поеду осматривать город. Не успел я выйти из представительства, как привели двух путчистов: это были молодые, упитанные немцы в кожаных шортах, в рубашках фасона штурмовиков, с галстуками, разукрашенными голыми женщинами. Их начал допрашивать комендант города. Отменять экзамены по философии мы не стали, и после обеда я, как и собирался, поехал осматривать город: было тихо, все страшное уже миновало, остались лишь следы действий путчистов. Было разгромлено здание советско-германской дружбы, внутри оно обгорело, на полу валялись разорванные портреты Пика[61] и Сталина, окна разбиты. Почти напротив находился большой государственный универсальный магазин, первый его этаж с торговыми залами был разгромлен, стекла выбиты, товары разбросаны по полу. Внутри уже шла уборка, а утром следующего дня я снова приехал сюда, и никаких следов погрома уже не было: магазин работал, в нем были покупатели.

В те дни недовольство строительных рабочих, среди которых были самые разные люди, ловко использовали путчисты, призывая бить советских людей, громить советские учреждения, захватить власть в свои руки, — но с появлением советских танков руководители путчистов резко изменили свою тактику: в Берлине, вблизи западной его части, появились машины с микрофонами, из которых на трех языках (английском, немецком и русском) объявлялось: «Не трогайте русских людей и солдат!» Это была уже капитуляция... С приездом Семенова, бывшего политсоветника СКК, а теперь Верховного комиссара в ГДР, Нушке и другие члены правительства были освобождены. Путч не удался.

Через некоторое время на мое место назначили гражданского сотрудника, и в первых числах июля я выехал из Берлина с предписанием явиться в распоряжение ГлавПУРа Советской Армии. По пути на Родину в вагоне я услышал по радио сообщение, что арестован Берия. В Москве меня направили в резерв политуправления Одесского военного округа, и я работал на должности преподавателя истории партии на окружных курсах усовершенствования офицерского состава, а затем руководителя Вечернего университета марксизма-ленинизма при Доме офицеров округа. Кроме того, я принимал экзамены по истории партии в Одесском артучилище им. Фрунзе. Пришло время, когда

началось усиленное сокращение наших вооруженных сил. Всем, кому вышла выслуга 25 лет (да и многим другим), предлагали увольнение в запас, а то и просто увольняли из армии и флота. У меня уже было 27 лет выслуги (с зачислением тройного времени за участие в войне) и меня решили комиссовать по болезни: к этому времени я действительно был болен. Обследование в госпитале подтвердило, что я не годен к военной службе в мирное время и ограниченно годен по 2-й степени в военное время. Приказ об увольнении меня в запас по состоянию здоровья и выслуге лет в Советской Армии пришел в конце декабря 1955 года. С 11 января 1956 года я завершил свою военную карьеру, став офицером в запасе.

notes

Примечания

1

В 1941 году переименован в Фурманов. *(Прим. автора.)*

2

РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция *(Прим. автора.)*

3

После Великой Отечественной войны Кожетев стал начальником узла связи Генштаба Советской Армии в звании генерал-лейтенанта. *(Прим. автора.)*

4

Тогда еще существовал МХАТ Второй, он занимал здание слева от Большого театра за входом в метро «Охотный Ряд» *(Прим. автора.)*

5

Воинское звание Степанов получил лишь в конце 1936 г. *(Прим. автора.)*

6

Неоднократно менявшие свое название курсы/институт/академия были названы в честь особоуполномоченного реввоенсовета 7-й армии Н.Г.Толмачева, погибшего в бою с белогвардейцами в 1919 г. и похороненного на Марсовом поле в Ленинграде. С 1938 г. академия носила имя В.И.Ленина; ныне это Военный университет МО РФ. *(Прим. редактора.)*

То есть «лично в руки». *(Прим. автора.)*

8

После окончания Великой Отечественной войны я встретил Нестерука уже в звании генерал-лейтенанта артиллерии, командира артиллерийского корпуса на 3-м Украинском фронте. *(Прим. автора.)*

9

Возможно, имеется в виду Иван Петрович Журавлев (1905–1989) — однако он получил звание Героя Советского Союза лишь в 1940 г. *(Прим. ред.)*.

МТС — машинно-тракторная станция. Прим. редактора.)

11

ГлавУПП — главное управление производственных предприятий. *(Прим. редактора.)*

12

Григорий Пантелеевич Кравченко (1912–1943) был первым дважды Героем Советского Союза. *(Прим. редактора.)*

СЭЦ — социально-экономический цикл. (Прим. автора.)

14

ПУОкр — политическое управление военного округа. *(Прим. редактора.)*

15

Полковой комиссар Шефер был начальником отдела руководящих партийных органов. (Прим. автора.)

16

Полковой комиссар Шефер был начальником отдела руководящих партийных органов. *(Прим. автора.)*

«Хеншель-126». (Прим. редактора.)

18

СНК — Совет народных комиссаров — название Правительства СССР в 1923–1946 гг. *(Прим. редактора.)*

19

Эта важнейшая директива излагала программу мероприятий по борьбе с агрессором. *(Прим. редактора.)*

С 1945 г. — Славгород. (Прим. автора.)

21

СВТ — самозарядная винтовка Токарева. Прим. автора.

22

Аппарель — углубления, скошенное внутрь для спуска ма шин. *(Прим. автора.)*

23

ГлавПУ РККА — Главное Политическое управление РККА. *(Прим. автора.)*

ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. *[Прим. автора.)*

24

ГКО — Государственный комитет обороны. (Прим. автора.)

25

ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. [Прим. автора.)

26

В описанный период времени будущий Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский имел звание генерал-лейтенанта. *(Прим. редактора.)*

27

На самом деле 2-я Гвардейская мотострелковая (до 12 января 1942 г. — 107-я мотострелковая) дивизия; командовавшему ею полковнику П.Г. Чанчибадзе звание генерал-майора было присвоено позже, в мае 1942 г. *(Прим. редактора.)*

Летом 1942 года, когда дивизия оказалась в окружении, опасаясь, что журнал может попасть в руки немцев, он (как доложил мне комиссар 56-го полка Мартышин) был вместе с другими материалами спущен в колодец в деревнях Ерохино или Брагино. *(Прим. автора.)*

На самом деле начальнику штаба 41-й армии полковнику А.А. Кацнельсону звание генерал-майора было присвоено позже, в октябре 1942 г. (*Прим. редактора.)*

Герой Социалистического Труда А.А. Сурков (1899–1983) известен прежде всего как автор слов песни «Бьется а тесной печурке огонь...» *(Прим. редактора.)*

28

1-й Гвардейский кавалерийский корпус. (Прим. редактора.)

29

Летом 1942 года, когда дивизия оказалась в окружении, опасаясь, что журнал может попасть в руки немцев, он (как доложил мне комиссар 56-го полка Мартышин) был вместе с другими материалами спущен в колодец в деревнях Ерохино или Брагино. (Прим. автора.)

30

На самом деле начальнику штаба 41-й армии полковнику А.А. Кацнельсону звание генерал-майора было присвоено позже, в октябре 1942 г. (Прим. редактора.)

31

Герой Социалистического Труда А.А. Сурков (1899–1983) известен прежде всего как автор слов песни «Бьется а тесной печурке огонь...» (Прим. редактора.)

32

Генерал-майор (с апреля 1943 г. генерал-лейтенант) авиации М.М. Громов командовал 3-й ВА с мая 1942 г. — до мая 1943 гг. *(Прим. редактора.)*

Действительно, Указ о присвоении званий генерал-майора Г.А.Латышеву и генерал-майора танковых войск П.М.Латышеву датируется одним и тем же днем, 20 декабря 1942 г. *(Прим. редактора.)*

17-я Гвардейская стрелковая дивизия. Прим. автора.

34

Действительно, Указ о присвоении званий генерал-майора Г.А.Латышеву и генерал-майора танковых войск П.М.Латышеву датируется одним и тем же днем, 20 декабря 1942 г. Прим. редактора.

35

Генерал-лейтенант К.Н.Галицкий командовал 3-й УА в сентябре 1942 — ноябре 1943 гг. *[Прим. редактора.)*

Имеется в виду 6-й Сибирский добровольческий стрелковый корпус генерал-майора С.И.Поветкина. *(Прим. редактора.)*

37

На самом деле не танковый, а 1-й Механизированный корпус (впоследствии 1-й Механизированный Красноградский Краснознаменный корпус); генерал-майор (с января 1943 г. генерал-лейтенант) танковых войск М.Д. Соломатин командовал корпусом в сентябре 1942 — феврале 1944 гг. *(Прим. редактора.)*

Миномет «МТ-13» образца 1943 г. (Прим. редактора.)

39

АКУКС — Артиллерийские курсы усовершенствования командного состава. (Прим. автора.)

Имеется в виду учебник по теории стрельбы, написанный Г.И. Блиновым в соавторстве с В.Г.Дьяконовым в 1940 г. *(Прим. редактора.)*

Алидада — прибор для отсчета углов. (Прим. редактора.)

42

В будущем Главный маршал артиллерии, главнокомандующий Ракетных войск стратегического назначения; погиб 24 октября 1960 года при испытании баллистической ракеты «Р-16» на космодроме Байконур. (Прим. редактора.)

43

Постановлением Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 18 апреля 1943 г. Управление особых отделов (УОО) было передано в Наркомат обороны и Наркомат Военно-Морского Флота СССР, где были созданы Главное управление контрразведки (ГУКР) «Смерть шпионам» (СМЕРШ) НКО СССР и Управление контрразведки (УКР) СМЕРШ НК ВМФ. *(Прим. редактора.)*

Кароль II (1893–1953) являлся королем Румынии в 1930–1940 гг. *(Прим. редактора.)*

45

Обычно приходящийся на октябрь праздник Кущей (праздник Суккот). *(Прим. редактора.)*

1329 метров над уровнем моря. (Прим. автора.)

Фердинандов — теперь Михайловград. (Прим. автора.)

48

Командующим фронтами было дано право присваивать офицерские звания до майора включительно. *(Прим. автора.)*

49

Более точное название — гвардейская минометная бригада М-31. *(Прим. редактора.)*

Точнее, 28,9 кг. (Прим. редактора.)

51

Точнее, 95,5 кг для снарядов М-31 (ТС-31) и 94,8 кг для снарядов М-31-УК (ТС-52). (Прим. редактора.)

РГК — Резерв Главного командования. (Прим. редактора.)

53

Установки М-31–12 на шасси автомашин «Студебекер». (Прим. редактора.)

54

На самом деле не танковый, а 1-й Гвардейский механизированный (впоследствии 1-й Гвардейский механизированный Венский орденов Ленина и Кутузова) корпус; генерал-майор (с июня 1943 г. генерал-лейтенант) Герой Советского Союза И.Н. Руссиянов командовал корпусом с ноября 1942 г. до конца войны. *(Прим. редактора.)*

Еще раз: 95,5 кг для снарядов М-31 (ТС-31) и 94,8 кг для снарядов М-31-УК (ТС-52). *(Прим. редактора.)*

56

Германская компания «Адлер» существовала в 1900–1938 гг. и выпустила несколько удачных моделей автомобилей, включая широко известную серию «Адлер Трумпф». *(Прим. редактора.)*

9-я артиллерийская дивизия прорыва РГК *(прим. редактора*), под командованием Героя Советского Союза генерал-майора артиллерии А.И.Ратова. *(Прим. автора.)*

Название использовалось с февраля 1946 г. (Прим. редактора.)

59

ГДР — Германская Демократическая Республика была образована в октябре 1949 г. *(Прим. автора.)*

Герой Советского Союза А.Х. Бабаджанян(в будущем Главный маршал бронетанковых войск) занимал в 1953 г. должность первого заместителя командующего войсками Прикарпатского военного округа. *(Прим. редактора.)*

61

Вильгельм Пик (1876–1960) был первым президентом ГДР. *(Прим. редактора.)*